

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

Королевский генерал

Лауреат
Национальной
книжной
премии США

PREMIUM

Annotation

Англия, Корнуолл, XVII век. Онор Харрис молода, обаятельна и помолвлена с возлюбленным – богатым и знатным Ричардом Гренвилем. Но, искалеченная в результате несчастного случая на охоте, Онор разрывает помолвку и решает никогда больше не видеться с горячо любимым женихом... Казалось бы, вот и развязка, но для Дафны Дюморье – признанного мастера тонкого психологического портрета и виртуоза интриги – трагическое стечение обстоятельств, в одночасье разрушившее планы героини на безоблачное счастье, лишь повод для дальнейших удивительных и захватывающих событий. Судьба Англии, охваченной пламенем гражданской войны, оказывается в руках решительных, бесстрашных и твердых воинов – таких, как королевский генерал Ричард Гренвил, которому спустя годы суждена судьбоносная встреча с бывшей невестой.

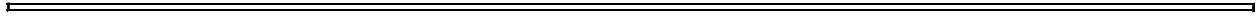

- [Дафна Дюморье](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Что произошло с героями этой истории](#)
- [Постскриптум](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

Дафна Дюморье Королевский генерал

Daphne du Maurier
THE KING'S GENERAL

Серия «Азбука Premium»

Copyright © Daphne du Maurier, 1946

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and
The Van Lear Agency LLC

© Л. Бондаренко, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава 1

1653 год, сентябрь. Последние дни лета. Первые холодные ветры осени. Солнце больше не пробивается сквозь мое восточное окно, когда я просыпаюсь; лениво проплывая по небу, оно едва успевает достичь вершины холма к восьми часам. Белая дымка иногда висит над заливом до самого полудня, обволакивая также и топи, а когда рассеивается, оставляет после себя дуновение прохладного ветерка. Из-за этого высокая трава на лугу никогда не высыхает и после полудня еще долго сверкает на солнце, а огромные капли росы неподвижно висят на кончиках стеблей. Заметнее, чем прежде, стали приливы и отливы. Они как бы задают тон всему предстоящему дню. Когда вода уходит с топей, мало-помалу обнажая желтый песок, покрытый рябью, плотный и твердый, то мне кажется, будто я, лежа здесь, тоже уношусь в своих безрассудных фантазиях вслед за отливом, и все мои потаенные мечты, которые я считала похороненными навеки, обнажаются и являются дню, совсем как раковины и камни на отмелях.

Странное и радостное испытываешь чувство, уносясь мечтами в прошлое. Никаких сожалений, я счастлива и горда. Дымка рассеялась, и солнце, теперь высокое и теплое, заигрывает с моим отливом. Каким синим и бурным бывает море, когда устремляется из залива к западу; мыс Блэкхед, темно-пурпурный в лучах солнца, склоняется над глубокой водой, словно покатое плечо. Вновь – и это тоже игра воображения – мне чудится, что море всегда отступает к середине дня, когда надежда наиболее сильна, а в сердце – умиротворение и покой. Затем, еще в полудреме, я вижу, как надвигается что-то вроде тени, и внезапно впадаю в уныние. Первые вечерние облака собираются за Додмэном, заноса над морем свои длинные пальцы. Зыбь на море снова усиливается, и поток волн устремляется к отмелям. И нет уже ни белых камней, ни мелких ракушек. Укрыты отмели, погребены мои мечты. Но вот сгущаются сумерки – и прилив заполняет топи, земля скрывается под водой. Вскоре приходит Мэтти, зажигает свечи, помешивает угли в камине, нарушив своим присутствием мой покой, и, если я бываю с ней резка или неразговорчива, она качает головой и напоминает, что осень никогда не была моей лучшей порой. Моя осенняя меланхолия. Еще в далеком прошлом, когда я была молода, ее угроза казалась вполне ощутимой, и Мэтти, как свирепая клуша, выпроваживала случайного посетителя: «Мисс Онор сегодня никого не принимает». Мои

близкие вскоре поняли, что к чему, и оставили меня в покое. Хотя покой, быть может, не совсем удачное слово для обозначения приступов безысходного отчаяния, которое мною овладевало. Что ж... Теперь с этим покончено. По крайней мере, с приступами. С бунтом духа против разгоряченной плоти и с минутами настоящего физического страдания, когда я просто не находила себе места. То боролась молодость. Больше я не бунтую. Зрелые годы обрекают меня на смирение, и многое говорит в его пользу. Покорность вознаграждается. Беда лишь в том, что сейчас я не могу читать так, как прежде. В двадцать пять – тридцать лет книги были моим величайшим утешением. Я с прилежанием примерной ученицы оттачивала греческий и латынь, так что важной частью моей жизни была учеба. Сейчас это кажется бесполезным. Циничная в юности, я имею все основания стать еще хуже теперь, когда я стара. Так считает Робин. Бедный Робин. Только Бог знает, какой я, должно быть, бываю иногда занудой. Годы не пощадили и его. Он сильно сдал в последнее время. Не иначе как сказывается страх за меня. Я знаю, что они обсуждают будущее, он и Мэтти, когда думают, что я сплю. Я слышу их шепот в гостиной. Но когда он со мной, то напускает на себя притворно-веселый вид, а у меня сердце кровью обливается. Мой брат. Окидывая его, сидящего рядом, тем холодным критическим взглядом, который у меня обычно припасен для тех, кого я люблю, я замечаю и мешки у него под глазами, и то, как дрожат его руки, когда он разжигает трубку. Неужели этот человек был когда-то таким легкомысленным и таким увлекающимся? Неужели это он шел в бой с соколом в руке, и неужели это он каких-то десять лет назад вел своих солдат на Брэддок-Даун бок о бок с Бевилом Гренвилем, развернув на глазах у неприятеля пунцовое знамя с тремя золотыми поперечными полосами? Неужели этого мужчину я видела однажды в квадрате лунного света дерущимся из-за одной вероломной женщины?

Посмотреть на него сейчас – и сама мысль об этом кажется насмешкой. Бедный мой Робин с его седеющими взлохмаченными прядями волос, падающими ему на плечи. Да, ужасы войны наложили отпечаток на нас обоих. Война и Гренвилы. Возможно, Робин до сих пор привязан к Гартред, как я – к Ричарду. Мы никогда не говорим об этих вещах. Унылое однообразие будней – вот все, что нам остается. Впрочем, из наших друзей мало кто не пострадал. Одни отошли в мир иной, другие разорились. Я не забываю, что мы с Робинем живем на милостыню. Если бы Джонатан Рашли не дал нам этот дом, у нас бы не было крыши над головой, ведь Ланрест разорен, а Радфорд занят. Джонатан сильно постарел и выглядит усталым. Последний тяжелейший год заключения в Сент-Мосе сломил его

– да еще смерть Джона. Мэри почти не изменилась. Чтобы вывести ее из равновесия и поколебать ее веру в Бога, одной гражданской войны мало. Элис по-прежнему с нами, так же как и ее дети, но беспутный Питер никогда ее не навещает. Я думаю о далеком времени, о том, как мы однажды собрались в длинной галерее: Элис и Питер пели, Джон и Джоан грели руки у камина. Все они были так молоды! Дети. Даже Гартред не могла накалить атмосферу того вечера своей намеренной недоброжелательностью. Но затем Ричард, мой Ричард, с улыбкой на лице, как обычно, разрушил чары одним из своих язвительных замечаний, веселье улетучилось, и вечер не казался уже таким беззаботно-радостным. Я разозлилась на него, хотя и понимала, какие чувства побуждают его делать это.

О! Да поразит Господь этих Гренвиллов, думала я впоследствии, за то, что они причиняют вред всему, к чему бы ни прикоснулись, за то, что превращают счастье в беду простой модуляцией голоса. Почему они так поступают, он и Гартред? Откуда эта порочная склонность находить в жестокости чувственное удовольствие? Какой злой дух раскачивал их колыбельку? Бевил был совсем другим. С его степенной учтивостью, предупредительностью, моральной устойчивостью, его нежностью к своим и чужим детям, он был истинным украшением семьи. И его сыновья похожи на него. Насколько я могу судить, ни у Джека, ни у Банни – никаких пороков. Но вот Гартред! Эти змеиные глазки под золотисто-рыжей копной волос, этот жесткий сладострастный рот. Каким невероятным казалось мне, даже в начале ее брака с моим братом Китом, что она способна на обман. Перед силой ее обаяния было не устоять. Мои отец и мать превратились в мягкий воск в ее пальцах, что же касается бедняги Кита, он с самого начала стал ее рабом, так же как и Робин впоследствии. Я же никогда и ни в чем ей не уступила, даже на мгновение. Лицо ее обезображено, и теперь уже, думается мне, навсегда. Этот шрам она унесет с собой в могилу. Узкая красная полоска от глаза к уголку рта – след от удара клинком. Говорят, она до сих пор еще находит любовников, и последний, кого она покорила, – один из представителей семейства Кэри, поселившийся недалеко от нее в Бидефорде. Я охотно этому верю. Ни один из соседей не мог чувствовать себя в безопасности, если обладал хоть каким-то шармом, а Кэри всегда славились приятной внешностью. Я могу даже найти в себе силы простить ее – теперь, когда все кончено. Сама мысль, что она кокетничает с Джорджем Кэри, а он моложе ее лет на двадцать, вносит веселую нотку в довольно серую жизнь! И какую жизнь! Вытянутые лица и одежды из грубой ткани, плохие урожаи и упадок торговли; люди беднеют, народ

нищает. Благоприятные последствия войны. Шпионы лорда-протектора (боже, сколько иронии в этом титуле!) в каждом городе и каждой деревне, и за малейшее высказывание против государства человека бросают в тюрьму. Бразды правления крепко держат пресвитерианцы, и в выигрыше остаются лишь те, кто наверху, – такие как Фрэнк Буллер и Роберт Беннет или наш старый враг Джон Робартс, – они хватают все что можно, ругая на чем свет стоит простых людей. Грубые манеры, вежливости нет и в помине. Каждый из нас опасается своего соседа. О, как прекрасен новый мир! Безропотный англичанин, возможно, и будет терпеть какое-то время, но только не мы, корнуолльцы. Они не отнимут у нас нашу независимость, и через год-два, когда зализем раны, мы поднимем новое восстание, и снова прольется кровь, и снова появятся разбитые сердца. Но нам по-прежнему будет не хватать нашего вождя. Ах, Ричард – мой Ричард, – какой злой дух заставил тебя рассориться со всеми – так, что даже король теперь твой враг? У меня ноет сердце оттого, что ты впал в немилость. Я представляю себе, как ты, обозленный на всех, одиноко сидишь у окна, блуждая взглядом по уныло-однообразным равнинам Голландии, и дописываешь заключительную речь, черновой набросок которой показывал Банни, когда приезжал ко мне в последний раз.

«О, не надейся ни на принцев, ни на сыновей человеческих, ибо они тебе ничем не помогут». Эти горькие, полные отчаяния слова не принесут ничего хорошего, кроме новых бед. *«За свою самонадеянность и ложно понятые верноподданнические чувства сэра Ричард Гренвил должен быть публично назван бандитом, а эти его „верноподданнические чувства“ признаны преступными. Да будет так, и да ниспошлет Господь королю верных советников, и да не причинит никто из них вреда ни ему, ни его близким. Что же касается сэра Ричарда Гренвила, его отпустят с вознаграждением, полагающимся старому солдату на службе у короля. Сейчас для него нет дела. Пускай же Совет вспомнит о нем, когда придет время, если еще не будет слишком поздно. Vale^[1]».*

Обижен, исполнен гордыни и горького разочарования до конца. Потому что это конец. Я знаю это, и ты тоже знаешь. Теперь ты уже не можешь исцелиться, ты сам себя уничтожил, и уничтожил навсегда. Тебя все боятся, тебя все ненавидят – и друзья, и недруги. Генерал короля на западе. Мужчина, которого я люблю. После того как острова Силли отошли к парламенту, а Джек и Банни, посетив Голландию и Францию, приехали ненадолго домой, они прискакали на лошадях из Стоу в Менебилли повидать Рашли, а заодно заглянули и в Тайуордрет, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение. Мы заговорили о Ричарде, и Джек

почти сразу сказал:

– Мой дядя очень изменился, вы бы с трудом его узнали. Он целыми часами сидит у окна своей жалкой спальни, молча наблюдая за тем, как идет нескончаемый дождь, – боже, какие в Голландии дожди! – и никого не желает видеть. Помните, как он подшучивал над нами и надо всеми молодыми парнями? Сейчас же если он и подает голос, то лишь для того, чтобы уязвить, подобно брюзгливому старику, уколоть посетителя.

– Король никогда больше не прибегнет к его услугам, и он это знает, – сказал Банни. – Ссора с двором его ожесточила. С его стороны было безумием раздувать огонь своей давней вражды с Хайдом^[2].

Более пронизательный Джек, встретившись со мной взглядом, выпалил:

– Дядя всегда был сам себе злейшим врагом. Онор это знает. Он чертовски одинок, это правда. И впереди его ждут бесплодные годы.

Мы немного помолчали. У меня болело сердце за Ричарда, и мальчики это почувствовали.

– Мой дядя никогда не вспоминает о Дике, – вновь заговорил Банни, понизив голос. – Наверное, мы теперь так никогда и не узнаем, какая ужасная судьба его постигла.

Я почувствовала, как спина у меня похолодела, и меня охватил знакомый жуткий приступ страха. Я отвернулась, чтобы мальчики не увидели моих глаз.

– Да, – медленно проговорила я, – мы никогда не узнаем.

Банни барабанил пальцами по столу, а Джек машинально перелистывал страницы книги. Я смотрела на спокойные воды залива и на небольшие рыбацкие шхуны, медленно огибавшие Блэкхед со стороны Горран-Хейвена. Их паруса в лучах заходящего солнца казались янтарными.

– Если он попал в руки неприятеля, – продолжал Банни, как бы рассуждая сам с собой, – почему этот факт утаили? Я до сих пор не нахожу этому объяснения. Сын Ричарда Гренвила был ценной добычей.

Я не ответила. Рядом со мной ерзал Джек. То ли после женитьбы – уже несколько месяцев Джек был женат – он стал более чувствителен, то ли всегда обладал большей интуицией, чем Банни, но я поняла: он чувствовал, как я расстроена.

– Нет смысла ворошить прошлое, – сказал он. – Мы утомляем Онор.

Спустя некоторое время они поцеловали мне руку и ушли, пообещав заглянуть еще раз перед отъездом во Францию. Я смотрела, как они уносились вдаль, пустив лошадей галопом, – молодые, свободные и не

тронутые временем, которое ушло. Будущее принадлежало им. Когда-нибудь король вернется в свою страну, и Джек и Банни, так храбро сражавшиеся за него, будут вознаграждены. Я представляла их в Стоу или в Лондоне – в Уайтхолле: изысканные и состоятельные молодые люди, у которых впереди – целая эпоха преуспевания.

О гражданской войне забудут, так же как и о поколении, сражавшемся за правое дело и потерпевшем неудачу. О моем поколении, которому ничего не оставлено в наследство.

Я лежала в кресле, наблюдая, как сгущаются сумерки, когда вошел Робин и, сев рядом, справился в своей грубоватой, но мягкой манере, не устала ли я, выразил сожаление, что не застал братьев Гренвил, и принялся рассказывать мне о каком-то пустячном скандале, случившемся в суде Тайуордрета. Я делала вид, что слушаю, со странным чувством жалости думая о том, какое значение он придает сейчас этим тривиальным газетным сообщениям. Я вспомнила, как он и его друзья обессмертили себя доблестной и такой бессмысленной обороной замка Пендиннис в те трагические месяцы сорок шестого года – какой гордостью за них переполнялись тогда наши сердца, – а он продолжал молотить какой-то вздор о пяти курицах, украденных у одной вдовы в Сент-Блейзи. Быть может, я не столько цинична, сколько сентиментальна. Как раз в эту минуту мне впервые пришла в голову мысль освободиться от этого бремени, изложив события последних лет на бумаге. Война, и как она изменила наши жизни; как все мы были застигнуты врасплох и сломлены ею, как безысходно она перемешала наши судьбы. Гартред и Робин, Ричард и я, семья Рашли – все оказались заперты в этом доме, полном тайн, – стоит ли удивляться, что мы потерпели поражение? И сейчас еще Робин каждое воскресенье ездит обедать в Менебилли. Но я – нет, благо оправданием мне служит состояние моего здоровья. Зная то, что я знаю, я не смогла бы снова туда поехать. О Менебилли – усадьбе, где разыгралась драма наших жизней, – мне известно достаточно много, ибо находится она всего лишь в трех милях отсюда, от Тайуордрета. В доме так же голо и уныло, как в сорок восьмом году, когда я видела его в последний раз. У Джонатана нет ни желания, ни денег, чтобы восстановить дом, вернуть ему первоначальный вид. Мэри, он и их внуки занимают только одно крыло. Я молю Бога, чтобы они так никогда и не узнали о финальной трагедии. Два человека унесут эту тайну с собой в могилу: Ричард и я. Он – в Голландии, в сотнях миль отсюда, я покоюсь на своем ложе в Тайуордрете, и зловещая тень контрфорса неотступно преследует нас обоих. Когда Робин отправляется по воскресеньям в Менебилли, я мысленно его сопровождаю. Вместе с ним я

пересекаю парк и подхожу к высоким стенам, окружающим дом. Ворота во внутренний двор открыты, западный фасад смотрит прямо на меня. Последние лучи солнца проникают в мою бывшую спальню над воротами, поскольку решетка перед окнами открыта, но сами окна закрыты. Они увиты побегами плюща. Гладкий камень наружной части контрфорса над окном порос мхом. Солнце исчезает, и снова на западный фасад опускается тень. Рашли там обедают и спят, при свечах укладываются в постели и грезят. Я же, находясь в трех милях оттуда, в Тайуордрете, просыпаюсь посреди ночи от врывающегося ко мне крика мальчика, от стука его пальцев в стену, и вот в темноте ночи, живой, страшный, обвиняющий, является мне призрак сына Ричарда. Я сажусь в постели, покрывшись потом от ужаса. Услышав, что я проснулась, входит и зажигает свечу верная Мэтти.

Она заваривает чай, массирует мою больную спину, набрасывает мне на плечи шаль. Робин спит в соседней комнате спокойным сном. Я беру в руки книгу, но слишком силен напор моих мыслей, чтобы я могла забыться. Мэтти приносит бумагу и перо, и я начинаю писать. Мне нужно сказать так много, а времени на это отпущено так мало. Ибо я не заблуждаюсь насчет своего будущего, помимо выражения лица Робина, мой собственный инстинкт подсказывает мне, что эта осень будет последней. И пока защитительная речь моего Ричарда обсуждается высшим светом и прочно занимает место в архивах этого XVII века, моя объяснительная записка последует за мной в могилу и, непрочитанная, обратится в прах вместе со мной.

Я выскажу за Ричарда то, чего он никогда не говорил сам, и я покажу, как, несмотря на его досадные недостатки и слабости, стало возможным, что женщина полюбила его всем сердцем, всем своим разумом и телом и что эта женщина – я. Я пишу глубокой ночью, при зажженной свече. Церковный колокол в Тайуордрете отсчитывает первые утренние часы, и ни один звук не достигает моего слуха, кроме вздохов ветра за окном да бормотания прилива, поднимающегося через отмели к топям вниз от моста Сент-Блейзи.

Глава 2

Впервые я увидела Гартред, когда мой старший брат Кит привез ее в Ланрест, представив нам как свою невесту. Ей было двадцать два года, а мне, самой младшей в семье, если не считать Перси, десять лет. Мы были большой счастливой семьей, очень дружной и независимой. Мой отец Джон Харрис ничем не интересовался, кроме лошадей, собак да мирных дел своей крохотной усадьбы. Ланрест не был большим имением, но, окруженный кольцом ветвистых деревьев, возвышался над долиной Лу – одно из тех спокойных, ухоженных поместий, которые как бы дремлют из года в год. Мы очень его любили. Еще и сегодня, по прошествии тридцати лет, стоит мне только закрыть глаза и подумать о доме, как в ноздри тут же ударяет такой знакомый аромат нагретого солнцем сена, приносимый легким ветерком. Я вижу огромное колесо, взбивающее воду на мельницах Ламеттона, ощущаю запах пыльного золотистого зерна. Небо всегда было белым от голубей. Они летали, проносились над нашими головами, такие ручные, что клевали зерно прямо у нас на ладонях. Расхаживающие с важным видом и воркующие, надутые и гордые, они создавали атмосферу уюта. В последующие годы их тихое воркование долгими осенними вечерами успокаивало меня, когда другие отправлялись на соколиную охоту, смеясь и громко переговариваясь, а я больше не могла составить им компанию. Но это уже другая глава. Я рассказывала о моей первой встрече с Гартред. Свадьбу сыграли в ее доме, в Стоу, и мы с Перси, по причине какого-то детского заболевания, на ней не присутствовали. Это нелепейшим образом с самого начала породило во мне чувство обиды. Я, несомненно, была испорчена своими старшими братьями и сестрами, которые меня баловали, так же как и родители, но я вбила себе в голову, что невеста брата не желала видеть на своей свадьбе детей и боялась, что мы можем ее заразить.

Мне вспоминается, как я сижу в постели – глаза лихорадочно блестят – и спорю со своей матерью. «Когда выходила замуж Сесилия (Сесилия – это моя старшая сестра), мы с Перси несли шлейф, – говорю я. – И вместе со всеми ездили в Матеркомб, и Поллексефены нас очень хорошо приняли, правда, мы с Перси так наелись, что у нас разболелись животы». Мать сказала только, что на сей раз все иначе: Стоу – не Матеркомб, Гренвилы – не Поллексефены – что мне казалось весьма слабым аргументом, – и она никогда бы себе не простила, если бы мы передали нашу простуду Гартред.

Все упиралось в Гартред. Остальное не имело значения. Невообразимый переполох поднялся, когда начали готовить спальню для молодоженов. Принесли новые портьеры, ковры, гобелены – все это, чтобы у Гартред не сложилось впечатления, будто Ланрест убог или запущен. Слуг заставили подмести полы, вытереть пыль, дом ходил ходуном: все суетились, работали не жалея сил.

Если бы это делалось для Кита, моего добродушного веселого братца, я бы не ворчала и ни на что не жаловалась. Но Кит словно перестал существовать. Все было для Гартред. Я, как и все дети, прислушивалась к тому, о чем говорили слуги. «Молодой хозяин – наследник сэра Кристофера из Радфорда, потому-то она и выходит за него замуж», – шептались на кухне под звон посуды. Эти слова проникли мне в самую душу, и я часто задумывалась над ними, так же как и над ответом управляющего моего отца: «Не пристало члену семейства Гренвил опускаться до простого Харриса из Ланреста».

Эти слова рассердили меня и озадачили. Слово «простой» плохо соотносилось у меня в уме с обликом брата, которого я считала красивым. Почему это Харрис из Ланреста – неподходящая партия для одной из Гренвилов? Кит действительно был наследником нашего дяди Кристофера из Радфорда – имения с огромным домом-баракком по ту сторону Плимута, – но я как-то мало задумывалась над этим до сих пор. Я впервые поняла, испытав при этом нечто вроде шока, что брак – это не романтическая сказка, как я считала раньше, а серьезное мероприятие, сделка между влиятельными семействами с обговариванием имущественных прав. Когда Сесилия выходила замуж за Джона Поллексефена, которого знала с детства, я не испытала такого потрясения, однако сейчас, когда отец стал без конца ездить в Стоу и вести долгие беседы с адвокатами, а вид у него делался все более мрачным и хмурым, женитьба Кита становилась как бы самым настоящим государственным делом, которое в случае провала способно повергнуть страну в хаос.

Продолжая шпионить, я услышала, как адвокат сказал: «На брачном контракте настаивает не сэр Бернард Гренвил, а его дочь. Она помыкает отцом, вьет из него веревки».

Немного поразмыслив, я повторила услышанное своей сестре Мэри.

– Часто ли бывает, чтобы невеста оспаривала свою долю в наследстве? – задала я вопрос не по летам развитой девочки.

Мэри ответила не сразу. Хотя ей было уже двадцать, она мало разбиралась в жизни, и не думаю, чтобы она знала о ней больше моего. Я увидела, что она шокирована.

– Гартред – единственная дочь в семье, – вымолвила она наконец. – Быть может, ей просто необходимо обсудить условия брачного договора...

– Интересно, знает ли об этом Кит, – сказала я. – Не думаю, чтобы это ему понравилось.

Мэри тотчас велела мне попридержать язык, предупредив, что так недолго превратиться в мегеру и тогда никто не будет меня любить. Ничуть не обескураженная, я, хоть и воздержалась от разговоров о брачном контракте с братьями, все же попросила Робина – уже тогда моего любимчика – рассказать мне о Гренвилах. Он только что вернулся с соколиной охоты и стоял на конном дворе: его красивое румяное лицо сияло, на рукавице сидел сокол, и я помню, как подалась назад, напуганная глубокими злобными глазами хищной птицы и кровью на ее клюве. Она никому, кроме Робина, не позволяла прикасаться к себе, и он поглаживал ее перья. На конном дворе стоял невообразимый шум: чистили лошадей, в углу у стены кормили собак.

– Хорошо еще, что Кит сам, без твоей помощи, нашел себе невесту, – сказала я, в то время как птица наблюдала за мной из-под своих огромных полуопущенных век.

Робин улыбнулся и, протянув свободную руку, погладил мои локоны. Сокол гневно взъерошил перья.

– Будь я старшим сыном, – мягко сказал Робин, – я бы и был женихом на этой свадьбе.

Взглянув на него, я заметила, что улыбка на его лице сменилась выражением печали.

– А что, ты ей нравился больше? – спросила я.

Тут он отвернулся и, надев на сокола кlobучок, передал его сокольничему. Затем он взял меня на руки и, опять улыбнувшись, произнес:

– Пойдем нарвем вишен, и ни слова больше о невесте моего брата.

– Но кто такие эти Гренвилы? – не унималась я, пока он нес меня на плечах в сад. – Почему мы должны так гордиться, что породнились с ними?

– Бевил Гренвил – лучший в мире парень, – сказал Робин. – Кит, Джо и я учились вместе с ним в Оксфорде. А его сестра просто красавица.

Больше мне ничего не удалось из него вытянуть. Но мой брат Джо, обладавший более саркастичным и проницательным умом, удивился моей неосведомленности, когда я чуть позже задала ему тот же вопрос.

– Неужели, достигнув зрелого возраста в десять лет, Онор, – осведомился он, – ты так и не поняла, что в Корнуолле есть лишь две семьи, которые хоть чего-то стоят: Гренвилы и Арунделлы? Вполне естественно, что мы, скромные Харрисы, должны просто млеть от счастья,

что наш дорогой братец Кит удостоился августейшей руки такой очаровательной девушки, как Гартред.

Сказав это, он уткнулся в книгу, на чем все и кончилось. На следующей неделе они все уехали в Стоу на свадьбу. Пришлось запастись терпением, но, когда они вернулись, мама и остальные сослались на усталость. И действительно, все они выглядели несколько измученными и были не в себе от такого количества угощений и развлечений, и только моя третья сестра Бриджет снизошла до разговора со мной. Она была в восторге от великолепия Стоу и гостеприимства Гренвиллов.

– Наш дом просто будка садовника по сравнению с домом в Стоу, – сказала она. – Помести Ланрест в один из уголков их парка, и никто его не заметит. Когда мы ужинали, двое лакеев стояли у меня за спиной, а в галерее все это время играли музыканты.

– А Гартред? – спросила я с нетерпением. – Что же Гартред?

– Да погоди ты, – сказала сестра. – Гостей было сотни две, если не больше. Мы с Мэри спали в такой просторной комнате, каких нет в нашем доме. Одна женщина прислуживала нам, причесывала нам волосы. Простыни меняли каждый день и опрыскивали их духами.

– А что еще? – спросила я, снедаемая завистью.

– Отец был несколько растерян, – прошептала она. – Я видела, как он несколько раз пытался вступить в разговор, но у него тут же пропадал голос, словно ему не хватало воздуха. И все мужчины были так великолепно одеты, что рядом с ними он выглядел довольно тускло. Сэр Бернард – красавец-мужчина. В день свадьбы он надел голубой бархатный камзол с серебряным позументом, а на папе был его зеленый костюм, который ему слегка тесноват. Он намного выше его ростом – сэр Бернард, я имею в виду, – и они очень смешно смотрелись, когда стояли рядом.

– Бог с ним с отцом, – сказала я. – Я хочу услышать о Гартред.

Бриджет улыбнулась с чувством превосходства.

– Но больше всех мне понравился Бевил, – продолжала она, – и другим тоже. Он все время был в центре внимания, следил, чтобы никто ни в чем не испытывал недостатка. Леди Гренвилл показалась мне немного чопорной, но Бевил – сама любезность, и так элегантен во всем, что бы он ни делал. – Она замолчала на секунду. – Ты знаешь, у них у всех рыжевато-каштановые волосы, – сказала она с некоторой непоследовательностью. – Если кто-нибудь попадался нам на глаза с рыжевато-каштановыми волосами, можно было не сомневаться, что это один из Гренвиллов. Мне не очень понравился тот, которого зовут Ричардом, – добавила она с гримасой.

– Почему? Он так уродлив? – спросила я.

– Да нет, – ответила она, несколько смущенная. – Он даже красивее Бевила. Но он смотрел на всех нас с такой усмешкой, с таким презрением, а когда случайно наступил в толчее мне на платье, даже не извинился. «Вы сами виноваты, – имел он наглость заявить мне, – что оно тащится у вас по пыли». В Стоу мне сказали, что он военный.

– А что же Гартред? – снова спросила я. – Ты мне ее не описала.

Но, к моему разочарованию, Бриджет зевнула и поднялась со стула.

– О, как я устала! – сказала она. – Подожди до завтра. Знаешь, Мэри, Сесилия и я, мы единодушны в одном: нам бы хотелось скорее походить на Гартред, чем на какую-нибудь другую женщину.

В конечном счете мне пришлось довольствоваться своим собственным суждением. Мы все собрались в холле, чтобы их встретить – из Стоу они сначала отправились в имение моего дядюшки в Радфорде, – и, как только собаки услышали лошадей, они тотчас выбежали во двор.

Компания собралась большая, поскольку Поллексефены тоже были с нами; Сесилия держала на руках малышку Джоан – мою первую крестницу. Я очень этим гордилась, и все мы были счастливы, смеялись и весело разговаривали, потому что мы были одной дружной семьей и хорошо знали друг друга. Кит ловко спрыгнул с лошади – вид у него был очень веселый и жизнерадостный, – и я увидела Гартред. Она шепнула что-то Киту, он рассмеялся, покраснел и протянул руку, чтобы помочь ей спуститься, и внезапно меня осенило: то, что она ему сейчас сказала, было частью их личной жизни и не имело никакого отношения к нам, к семье. Кит был уже не наш. Он принадлежал ей.

Я отошла в сторону, не желая знакомиться, как вдруг она оказалась рядом со мной, и я ощутила ее влажную руку на своем подбородке.

– Значит, ты Омор? – спросила она. Тон ее голоса подразумевал, что для моих лет я выгляжу слишком маленькой или болезненной, что в каком-то смысле я ее разочаровала.

Она вошла в большую гостиную, опередив мою мать, с уверенной улыбкой на губах, остальные же члены семьи, как замороженные, вошли следом. Перси, пучеглазый малыш, подошел к ней, и она вложила ему в рот конфету. «Она держит их наготове, – подумала я, – чтобы приручать нас, детей, как приручают чужих собак».

– Омор тоже хочет конфетку? – произнесла она не без некоторой насмешки в голосе, словно чувствовала, что больше всего я как раз и ненавижу, когда со мной обращаются как с ребенком. Я не в силах была оторвать глаз от ее лица. Оно мне что-то напоминало, и вдруг я вспомнила. Я была еще совсем маленькой, и мы с дядей проходили по оранжерее его

сада в Радфорде. И там росла орхидея, совсем одна, цвета тусклой слоновой кости с малиновой прожилкой на лепестках. Весь дом наполнялся ее ароматом – медоносным, тошнотворно-душистым. Это был самый очаровательный цветок из всех, что я когда-либо видела. Я протянула руку, чтобы погладить это нежное, бархатистое существо, но дядя тотчас схватил меня за плечо: «Не прикасайся к ней, детка. Стебелек ядовит».

Я в ужасе отступила. И действительно, цветок оцетинился мириадами волосков, липких и острых, словно тысяча шпаг.

Гартред была как та орхидея. Когда она протянула мне леденец, я отвернулась, покачав головой, и мой отец, никогда не говоривший со мной таким тоном, резко произнес:

– Как ты себя ведешь, Онор?

Гартред засмеялась и пожала плечами. Все осуждающе посмотрели на меня, и даже Робин нахмурил брови. Мама велела мне подняться в свою комнату. Вот так Гартред появилась в Ланресте.

Супружество длилось три года, и рассказывать о нем не входит в мою задачу. Впоследствии случилось много такого, что в еще более ярких красках могло бы представить жизнь Гартред, а поединки, которые мы вели друг с другом в первые годы, кажутся сейчас довольно скучными и незначительными. Одно несомненно: между нами всегда шла война. Она была молода, уверена в себе, горда. Я же, надувшись, подглядывала за ней из-за дверей и ширм, и мы обе испытывали враждебные чувства друг к другу. Супруги больше времени проводили в Радфорде и Стоу, нежели в Ланресте, но я могу поклясться, что каждое появление ее у нас в доме отравляло жизнь всей семье. Я была всего лишь ребенком и не рассуждала, однако ребенок, подобно животному, обладает инстинктом, который никогда не обманывает. Детей у них не было. Это явилось первым ударом, а также разочарованием для моих родителей – я сама слышала, как они об этом говорили. Моя сестра Сесилия исправно приезжала к нам перед очередными родами, Гартред же о них и не помышляла. Она, как и мы все, ездила на соколиную охоту, никогда не сидела одна в комнате и не жаловалась на усталость, как это вынуждена была делать Сесилия. Моя мать осмелилась однажды заметить:

– С первого дня замужества я, Гартред, отказалась от верховой езды и охоты, чтобы не было выкидыша.

Гартред, подстригая ногти маникюрными перламутровыми ножницами, подняла на нее глаза и проговорила:

– Мне нечего выкидывать, мадам, скажите спасибо за это своему сыну.

Услышав ее тихий, полный желчи голос, моя мать смотрела на нее

какое-то время, озадаченная, затем встала и в отчаянии вышла из комнаты. Жало впервые коснулось и ее. Я не уловила сути разговора, но почувствовала, что Гартред зла на моего брата. Кит вошел несколькими мгновениями позже и, подойдя к Гартред, с упреком в голосе сказал:

– Ты жаловалась на меня моей матери?

Оба выразительно посмотрели на меня, и я поняла, что мне следует покинуть комнату. Я вышла в сад, покормила голубей; я знала, что мир исчез из дома навсегда. С той минуты жизнь у них пошла наперекосяк, да и у всех нас тоже. Даже характер у Кита как будто бы изменился. Он стал каким-то затравленным, беспокойным, что было так на него не похоже, и какая-то холодность появилась в его отношениях с отцом, который всегда с ним так хорошо ладил.

Кит вдруг стал вести себя агрессивно с отцом и со всеми нами, критикуя усадьбу Ланрест и сравнивая ее с Радфордом; и совсем иным было его отношение к Гартред, перед которой он продолжал унижаться самым гнуснейшим образом, чем не мог у меня вызвать к себе никаких иных чувств, кроме презрения. В следующем году он представлял Ист-Лу в парламенте, и они часто ездили в Лондон, так что виделись мы с ними редко, однако всякий раз, приезжая в Ланрест, они создавали своим присутствием напряженную атмосферу в семье, а однажды между Китом и Робинсом вспыхнула ссора. Это случилось вечером, когда родителей не было дома. Стояла самая середина душного и жаркого лета, и я, улизнув из детской спальни, спустилась в одной ночной рубашке в сад. Все домашние уже были в постелях. Помню, я скользила мимо окон, как маленькое привидение. Окно гостевой комнаты было распахнуто, и я слышала более громкий, чем обычно, голос Кита. Какая-то внутренняя бесовская сила заставила меня прислушаться.

– Куда бы мы ни поехали, – говорил он, – всегда повторяется одно и то же. Ты выставляешь меня шутком перед всеми мужчинами, а сегодня поставила меня в глупое положение перед моим родным братом. Больше я не собираюсь этого терпеть.

Я слышала смех Гартред и увидела тень Кита, плясавшую на потолке в свете мерцающего пламени свечей. Какое-то время они разговаривали шепотом, затем Кит снова вспыл.

– Ты думаешь, я ничего не вижу, – говорил он. – Думаешь, я пал так низко, что закрою на все глаза, чтобы только не потерять тебя и иметь возможность прикасаться к тебе – хотя бы изредка. Или ты думаешь, что мне было приятно видеть, как ты улыбалась Энтони Денису в Стоу в тот вечер, когда я неожиданно вернулся из Лондона? Мужчине со взрослыми

детьми, недавно похоронившему жену? Или тебе совсем на меня наплевать?

Умоляющие нотки, которые я так ненавидела, опять появились в его голосе, и я услышала, как Гартред вновь рассмеялась.

– А сегодня вечером, – продолжал он, – я видел, как ты улыбалась за столом моему родному брату.

Мне стало неловко и даже страшновато, но любопытство брало верх, и сердце едва не выскочило у меня из груди, когда я услышала шаги совсем близко на дорожке. Обернувшись, я увидела Робина, стоявшего рядом со мной в темноте.

– Уходи отсюда, – прошептал он. – Уходи немедленно.

Я показала рукой на окно.

– Там Кит с Гартред, – сказала я. – Он злится, потому что она тебе улыбнулась.

Робин затаил дыхание, повернулся, словно собрался уходить, как вдруг опять раздался голос Кита – громкий и жуткий, словно он, взрослый мужчина, рыдал, как ребенок.

– Если это случится, я тебя убью. Клянусь Богом, я убью тебя!

Робин быстро нагнулся, подобрал с земли камень и швырнул его в оконную раму, разбив стекло.

– Будь ты проклят, трус! – вскричал он. – Выйди и лучше убей меня!

Я подняла глаза и увидела лицо Кита, бледное и искаженное, позади него стояла Гартред с растрепанными и рассыпавшимися по плечам волосами. Картина, которая навсегда врезалась мне в память: две головы в окне и Робин, такой вдруг не похожий на того брата, которого я всегда хорошо знала и любила, наполненный вызовом и презрением. Мне стало совестно за него, за Кита, за саму себя, но больше всего в ту минуту я ненавидела Гартред, которая, вызвав эту бурю, сама осталась в стороне.

Я повернулась и убежала, заткнув пальцами уши, зарылась в свою постель, не сказав никому ни слова, натянула на голову одеяло, боясь, что утром их всех троих найдут в траве мертвыми. Я так и не узнала, что случилось после моего ухода. Наступил новый день, и все было как всегда, если не считать того, что Робин куда-то уехал сразу после завтрака верхом на лошади и вернулся домой лишь после отъезда Кита и Гартред в Радфорд дней пять спустя. Мне так и не удалось выяснить, узнал ли кто-нибудь из домочадцев об этом инциденте. Спросить я не осмелилась. С тех пор как в нашу семью вошла Гартред, мы утратили добрую старую привычку делиться нашими бедами и все стали более вежливыми и более замкнутыми.

В следующем, 1623 году Корнуолл охватила эпидемия оспы, и лишь немногие семьи не пострадали. В Лискарде люди запирали двери, а лавочники захлопывали ставни и отказывались торговать из страха заразиться.

В июне заболел мой отец и в считанные дни умер. Не успели мы оправиться от этого удара, как получили послание от моего дяди в Радфорде, сообщавшего, что Кит тоже заразился и нет никакой надежды спасти его.

Отец и сын скончались с интервалом в несколько недель, и главой семьи стал грамотей Джо.

Мы все были слишком удручены нашей двойной потерей, чтобы думать о Гартред, с первыми же признаками эпидемии удравшей в Стоу, оградив таким образом себя от печальной участи. Однако, когда пришло время вскрыть оба завещания – Кита и моего отца, – мы узнали, что если Ланрест, а чуть позже и Радфорд переходили к Джо, то плодородные земли Ламеттона и мельница навсегда закреплялись за Гартред.

На оглашение завещания она приехала вместе со своим братом Бевилом, и даже Сесилия, самая кроткая из моих сестер, выразила впоследствии свое удивление поведением Гартред, ее ледяной самонадеянностью, а также тем, с какой жадностью она следила за обмером каждого акра земли в Ламеттоне. Бевил, тоже женившийся и ставший нашим соседом в Киллигарте, делал все возможное, чтобы устранить неприязнь, которую он не мог не заметить между нами, и, хотя я была тогда всего лишь ребенком, я помню, какой несчастной я себя чувствовала и как мне было неловко оттого, что из-за нас он попал в столь трудное положение. Неудивительно, что мы его любили, и я все пыталась понять, что же он в глубине души думает о своей сестре и не ослеплен ли он, как другие мужчины, ее красотой.

Когда дела были улажены и они уехали, все мы, наверное, вздохнули с облегчением, что обошлось без скандала, а то обстоятельство, что Ланрест перешел к Джо, явилось для матери немалым утешением, хотя она ничего и не сказала.

Робин не показывался в доме это время, и, по-видимому, никто, кроме меня, не догадывался о причине его отсутствия.

Утром того дня, когда должна была уехать Гартред, что-то заставило меня остановиться возле спальни, дверь которой была открыта, и посмотреть на нее. Ранее она заявила, что все находившееся в комнате принадлежало Киту, а следовательно – и ей. Накануне слуги весь день снимали портьеры и выносили мебель, которую она пожелала увезти с

собой. В ту минуту она была совсем одна и рылась в небольшом секретере, стоявшем в углу. Гартред не знала, что я за ней наблюдала, и я наконец увидела ее смазливую мордочку без маски. Нахмутив брови, выпятив губы, она дернула ящичек с такой силой, что его лицевая часть разлетелась на куски у нее в руках. В глубине ящичка лежало несколько украшений, не представлявших, я думаю, большой ценности, но она не забыла взять и их. И тут она увидела мое отражение в зеркале.

– Ты нас просто осчастливишь, если оставишь нам голые стены, – сказала я ей, когда наши взгляды встретились. Будь отец жив, он бы высек меня за такие слова, да и братья тоже, но мы были одни.

– Ты всегда шпионила за мной, с первого же дня, – проговорила она совсем тихо, но, поскольку я не была мужчиной, она не улыбнулась.

– На то и глаза, чтобы все видеть, – парировала я.

Гартред медленно положила драгоценности в мешочек, висевший у нее на поясе.

– Радуйся, что наконец избавилась от меня, – сказала она. – Вряд ли мы увидимся когда-нибудь снова.

– Очень на это надеюсь, – ответила я.

Вдруг она рассмеялась.

– Какая жалость, что у твоего брата не было хотя бы малой толики твоего характера.

– У которого?

Она на мгновение смолкла, не ведая, насколько я в курсе их отношений, а затем, улыбаясь, провела по моей щеке своим длинным тонким пальцем.

– У всех, – наконец произнесла она и развернулась ко мне спиной, чтобы позвать из соседней комнаты лакея. Я медленно спустилась по лестнице, озадаченная кучей новых вопросов, роившихся у меня в голове. В холле Джо поправлял висевшую на стене большую карту. Я молча прошла мимо него в сад.

Она покинула Ланрест в полдень в паланкине, и ее отъезд сопровождался ржанием лошадей и шумом прислуги из Стоу, выносившей ее пожитки. Из укрытия в саду я видела, как процессия в облаке пыли исчезла по дороге на Лискард.

– Вот и все, – сказала я сама себе. – Я вижу их в последний раз. С Гренвилами покончено.

Однако судьба распорядилась иначе.

Глава 3

Мое восемнадцатилетие. Солнечный декабрьский день. Мечтами унесясь под облака, как птица, я восторженно следила из дома в Радфорде за тем, как по сверкающему морю на всех парусах в Плимутский залив входит флотилия его величества.

Меня мало волновало, что экспедиция потерпела неудачу и Ла-Рошель во Франции осталась незавоеванной: пускай об этом судачат старшие.

Здесь, в Девоне, смеялись, радовались, молодежь устроила себе настоящий праздник. Какое захватывающее зрелище: около восьмидесяти кораблей собралось на небольшом пространстве между островом Дрейка и Маунтом; белоснежные паруса, наполненные западным ветром, разноцветные флаги, развевающиеся на золотистых мачтах. Каждое судно, проходившее мимо форта Маунт-Баттен, приветствовали орудийным залпом, и, салютуя в ответ на залп своими флагами, оно бросало якорь у входа в Каттуотер. Собравшиеся на скалистом берегу люди кричали и размахивали платочками, а с самих кораблей доносилось громогласное «ура». Била барабанная дробь, трубили горны, солдаты высыпали на палубы, толклись у высоких фальшбортов, карабкались на такелаж; приветствуя толпу, они размахивали сверкающими на солнце клинками. Те, что собрались на корме, были офицерами; расхаживая вдоль бортов, они щеголяли своими камзолами, расшитыми малиновой, голубой и ярко-зеленой тканью.

На грот-мачте каждого корабля развевалось командирское знамя, и когда толпа узнавала цвета и герб командующих из Девона или Корнуолла, громогласное «ура!» вновь сотрясало воздух, и люди на судне отвечали ей тем же. Был хорошо виден двуглавый орел Годолфинов, бегущий олень Треванионов из Каэрхейза, шесть ласточек многочисленного клана Арунделлов и самый, быть может, красивый – гребень шлема Чампернаунов из Девона: лебедь, держащий в клюве золотую подкову.

Корабли поменьше, выкрашенные в светлые тона, с узкими, темными от солдатни палубами, также прокладывали себе путь среди своих громадин-собратьев, и я узнавала суда, которые когда-то видела стоящими на якоре в портах Лу и Фоя, – выцветшие и потрепанные в сражениях, они тем не менее с триумфом несли на себе штандарты тех, кто их построил, укомплектовал личным составом и подготовил к войне; среди них выделялась волчья голова нашего соседа Трелони и корнуольская

красноклювая ворона Рашли из Менебилли.

На адмиральском корабле – огромном трехмачтовике – находился главнокомандующий экспедицией герцог Бекингем^[3]. На приветствие с Маунт-Баттена корабль ответил залпом шести орудий, и мы увидели развевавшийся на топ-мачте брейд-вымпел герцога. Судно бросило якорь, развернулось по ветру, его примеру последовала вся флотилия, и воздух наполнился лязгом выбрасываемых на причал сотен швартовых тросов, и грохот этот слышен был не только на прибрежных скалах ниже Радфорда, где расположились мы, – его отзвуки доносились до самого Солташа у устья реки Теймар. Медленно развернувшись кормой к Косэнду и Корнуолльскому побережью, корабли выстроились в ряд. Солнце сверкало в их окнах и отражалось на декоративных резных изображениях – извивающихся змеях и львиных лапах.

И по-прежнему над водной гладью трубили горны и гремела барабанная дробь. Внезапно воцарилась тишина, крики смолкли, и на адмиральском корабле, возглавляемом герцогом Бекингом, кто-то громким, звонким голосом отдал приказ. Теснившиеся у фальшбортов солдаты организованно, без толчеи и суматохи, выстроились в ряд на палубе судна. Затем последовал еще один приказ, прозвучала короткая барабанная дробь, и так же организованно на воду были спущены шлюпки, раскрашенные весла поднялись вверх, и гребцы на банках застыли в ожидании очередной команды.

На все это ушло, наверное, минуты три; скорость и точность выполнения маневра были встречены, пожалуй, самым громогласным за весь день криком «ура!», и я почувствовала, как по непонятной причине глупые слезы потекли по моим щекам.

– Я так и думал, – произнес стоявший рядом со мной парень. – Только один человек на западе способен превратить бесформенную массу в воинов, достойных гвардии его величества. Видите герб Гренвиллов под брейд-вымпелом герцога Бекингема?

Не успел он договорить, как я увидела на топ-мачте пунцовый стяг, развевавшийся на ветру и блестящий на солнце тремя золотистыми полосками.

Шлюпки с сидевшими на корме офицерами отчалили от борта судна – и тут снова началось веселье: переполненные людьми плимутские лодки вышли из Каттуотера приветствовать флотилию – весь залив тотчас запестрел крохотными суденышками, а собравшиеся на скалах люди бросились бежать в сторону Маунт-Баттена, крича и расталкивая друг друга локтями, чтобы первыми приветствовать причалившие шлюпки.

Очарование было нарушено, и мы возвратились в Радфорд.

– Отличный финал для твоего дня рождения, – сказал брат, улыбаясь. – По приказу герцога Бекингема мы все приглашены на банкет в замок.

Он уже вернулся из крепости в Маунт-Баттене и встречал нас, стоя на крыльце дома. Джо унаследовал поместье в Радфорде после кончины моего дяди Кристофера несколько лет назад, и теперь большую часть времени мы проводили то в Плимуте, то в Ланресте. Джо и вправду стал лицом весьма важным, особенно в Девоне. Являясь заместителем шерифа графства, он вдобавок ко всему женился на богатой наследнице, Элизабет Чампернаун, чьи приятные манеры и уравновешенность компенсировали отсутствие красоты. Моя сестра Бриджет также последовала примеру Сесилии и породнилась с одной из семей Девона. Лишь мы с Мэри оставались еще невенчанными.

– Сегодня вечером тысячи парней будут слоняться по улицам Плимута, – пошутил Робин. – Ручаюсь, что, если мы пустим девочек погулять, они быстренько найдут себе мужей.

– Тогда надо подрезать язычок Онор, – заявил Джо. – Потому что любой парень сразу забудет о ее голубых глазах и локонах, как только она начнет его чихвостить.

– Оставьте меня в покое, – сказала я им. – Я сама о себе позабочусь.

Просто я всегда была любимицей семьи, ребенком, которого все баловали, неуступчивым и острым на язык. Кроме того, я была – каким это кажется сейчас далеким – первой красавицей в семье, хотя черты лица у меня были скорее дерзкими, чем правильными, и мне приходилось еще приподниматься на цыпочках, чтобы быть вровень с плечами Робина. Я вспоминаю, как мы той ночью садились в лодку у подножия крепости, чтобы по Каттуотеру доплыть до замка. Весь Плимут, казалось, был либо на воде, либо на крепостных стенах, а чуть дальше к западу слабо мерцали огни стоявшей на якоре флотилии, кормовые фонари которой отражались в темной воде. Когда мы причалили, у входа в замок уже толпился народ и повсюду были солдаты, они смеялись и болтали в окружении девиц, которые забрасывали их цветами и карнавальными лентами. На перевернутых рыбацких лодках рядом с жаровнями стояли бочки с элем, тележки, доверху заполненные лепешками, сырами, и я, помню, подумала тогда, что девицы, бражничавшие с солдатами, вероятно, получают большее удовольствие от этого вечера, нежели мы, вынужденные вести себя с достоинством в пределах замка.

В один миг мы из радостного шума городских улиц перенеслись совсем в другой мир, где стоял тяжелый аромат духов, шелков, бархата и

пряных блюд, и оказались в огромном банкетном зале, под высокими сводами которого голоса звучали глухо и странно. То и дело раздавался звонкий крик лейб-гвардейца: «Дорогу герцогу Бекингеми!» – и все расступались перед главнокомандующим, который ходил туда-сюда среди гостей, держась с таким достоинством, точно он был сам король.

Все это выглядело так красочно и так волнующе, что я – выросшая в располагающей к лени тишине Ланреста – чувствовала, как все сильнее бьется мое сердце и розовеют щеки: в юном моем воображении все это великолепие казалось подарком к моему дню рождения.

– Какая красота! Ты не рада, что мы пришли сюда? – спросила я Мэри.

Всегда сдержанная среди незнакомых людей, она тронула меня за руку и прошептала:

– Говори потише, Онор, ты привлекаешь внимание.

Она скромно встала у стены, а я вышла вперед, пожирая все вокруг жадным взглядом, улыбаясь даже незнакомцам и ничуть не беспокоясь, что могу показаться дерзкой, как вдруг толпа расступилась и свита герцога направилась прямо на нас. Мэри куда-то исчезла, и я одна оказалась у него на пути. Помню, я секунды две стояла в замешательстве, а потом, теряя самообладание, сделала реверанс, как перед самым королем Карлом, и тут над головой у меня раздался смешок. Подняв глаза, я увидела своего брата Джо: лицо его выражало странную смесь веселья и смущения; выйдя вперед из толпившейся возле герцога группы людей, Джо наклонился и помог мне подняться, ибо я присела так низко и так перетрусилась, что сама никогда бы не смогла выпрямиться. «Могу ли я представить вам мою сестру Онор, ваша светлость? – услышала я его голос. – Сегодня ей исполнилось восемнадцать, и это ее первый выход в свет».

Герцог Бекингем важно поклонился и, поднеся мою руку к губам, пожелал мне счастья.

– Возможно, это и первый выход вашей сестры, мой дорогой Харрис, – любезно заметил он, – но она так мила, что смотрите, как бы он не оказался последним.

Он поплыл дальше благоухающей волной бархата, а мой брат, увязавшийся следом за ним, строго посмотрел на меня через плечо, и я вполголоса чертыхнулась – а может, и не вполголоса, а достаточно громко произнесла грубое слово, которое я узнала от самого Робина, – потому что я услышала, как кто-то сзади меня сказал:

– Если желаете подняться на стены крепости, я покажу вам, как это сделать лучше всего.

Вспыхнув от возмущения, я резко обернулась: сверху вниз на меня

смотрел, язвительно улыбаясь, офицер, ростом футов в шесть или больше. На нем был серебряный нагрудник, надетый поверх голубого мундира с серебристо-синим поясом. У него были золотисто-карие глаза, темно-каштановые волосы, а в ушах у него я заметила маленькие золотые колечки, совсем как у турецкого пирата.

– А может, вы покажете мне, как делать реверанс или как надо ругаться? – зло бросила я ему.

– И то и другое, если вам так хочется, – ответил он. – Ваша первая попытка была весьма жалкой, а вторая – всего лишь дилетантской.

Его бесцеремонность лишила меня дара речи, я просто не могла поверить своим ушам. Я стала искать глазами Мэри или Элизабет, невозмутимую и всегда спокойную супругу Джо; они обе растворились в толпе, а меня окружали незнакомые люди. Самым правильным было бы с достоинством удалиться. Я развернулась на каблуках и, расталкивая локтями толпу, решительно направилась к выходу, как вдруг опять услышала позади себя громкий и насмешливый голос:

– Дорогу госпоже Онор Харрис из Ланреста!

Люди изумленно смотрели на меня, инстинктивно расступались, очищая проход. С пылающими щеками, едва ли осознавая, что делаю, я бежала прочь и очутилась вдруг не у главного входа, как надеялась, а на парапетной стене, откуда открывался вид на Плимутский залив.

Внизу, на вымощенной булыжником площади, пел и танцевал народ. Мой одиозный спутник по-прежнему был со мной: он стоял, положив руку на эфес шпаги, и смотрел на меня сверху вниз все с той же язвительной ухмылкой на лице.

– Значит, вы и есть та девчонка, которую так сильно ненавидела моя сестра, – промолвил он.

– Что вы, черт побери, хотите сказать? – спросила я.

– Будь я на ее месте, я бы вас за это отшлепал.

Что-то до боли знакомое сквозило в его взгляде и голосе.

– Кто вы? – спросила я.

– Сэр Ричард Гренвил, – ответил он. – Полковник королевской армии, получивший недавно рыцарское звание за храбрость, проявленную на поле боя.

Он принялся напевать, поигрывая поясом.

– Жаль, – сказала я, – что манеры у вас не под стать вашей смелости.

– И что ваше поведение, – парировал он, – не соответствует вашей внешности.

Этот намек на мой рост – я не подросла ни на дюйм после того, как

мне исполнилось тринадцать, – вызвал во мне новый приступ ярости. Я разразилась градом ругательств, да таких, что Джо или Робин наверняка бы не осмелились произнести в моем присутствии и которые я выучила лишь благодаря своей неискоренимой привычке подслушивать, но, если я думала, что заставлю Ричарда Гренвила побледнеть, я напрасно теряла время. Он терпеливо меня выслушал, задрав подбородок, как учитель, которому отвечают урок, и, покачив головой, произнес:

– Для английского языка характерна определенная вульгарность, которая сейчас не совсем уместна. Испанский более изыскан и гораздо больше подходит вспыльчивому характеру. Вот послушайте.

И он начал ругаться по-испански, окатив меня целым потоком приятно звучащих ругательств, которые наверняка вызвали бы у меня восторг, если бы исходили от Джо или Робина. Слушая, я вновь стала искать в нем сходство с Гартред, но оно исчезло. Он напоминал своего брата Бевила, только был еще больший бахвал и, несомненно, больший щеголь: я почувствовала, что ему неинтересно ничье мнение, кроме своего собственного.

– Согласитесь, – сказал он, внезапно перестав ругаться, – что я вас сразил.

Меня «сразила» также и его обезоруживающая улыбка, больше не казавшаяся мне язвительной, и я почувствовала, как гнев мой тает.

– Пойдемте же посмотрим на флотилию, – предложил Ричард. – Корабль, стоящий на якоре, – это красиво.

Мы поднялись на крепостной вал и стали любоваться оттуда заливом. Было безветренно, безоблачно, взошла луна. Неподвижные силуэты кораблей выделялись в ее бледном свете. Мужчины пели, их голоса, пронесясь над водой, достигли нашего слуха, четко выделяясь среди грубоватых криков веселящейся на улицах толпы.

– Вы потеряли много людей в Ла-Рошели? – спросила я.

– Не больше, чем я ожидал потерять в походе, обреченном на неудачу, – ответил он, пожимая плечами. – Вон на тех кораблях полно раненых, которые никогда не выздоровеют. Было бы гуманнее выбросить их за борт.

Я с сомнением взглянула на него, подумав, не является ли это очередным проявлением его весьма своеобразного чувства юмора.

– Единственные, кто отличились в бою, – парни из полка, которым я имею честь командовать, – продолжал он, – но поскольку только я из офицеров забочусь о дисциплине, то неудивительно, что крепость так и не была взята.

Его самонадеянность поразила меня не меньше, чем его недавняя грубость.

– Вы говорили об этом с вашими командирами? – спросила я.

– Если командирами вы называете тех, кто превосходит меня в знании военного дела, то таковых не существует. Что же касается моих непосредственных начальников по званию, то да, я высказал им все, что думаю. Вот почему, хотя мне еще нет и двадцати девяти лет, я уже стал офицером, которого больше всего ненавидят в армии его величества.

Он посмотрел на меня, улыбаясь, и я в очередной раз не нашлась, что сказать.

Я подумала о своей сестре Бриджет, о том, как он наступил на шлейф ее платья на свадьбе Кита; интересно, был ли кто-нибудь на свете, кто любил его.

– А с герцогом Бекингемом вы разговариваете таким же тоном? – поинтересовалась я.

– О, мы с Джорджем старые друзья, – ответил он. – Он всегда делает то, что ему советуют. С ним никаких хлопот. Взгляните-ка вон на тех нализовавшихся парней во дворе. Боже, будь они в моем подчинении, я бы их повесил, ублюдков.

Он показывал вниз, на площадь, где кучка подвыпивших солдат, собравшихся вокруг бочки с элем, переругивалась между собой, а рядом выясняли отношения несколько визгливых женщин.

– Их можно понять, – сказала я, – они так долго были в море.

– Да пусть они осушат всю бочку и изнасилуют всех женщин Плимута, мне наплевать, только пусть делают это как люди, а не как животные и выстирают сначала свои грязные камзолы, – с отвращением произнес он. – Ну а сейчас, – вдруг повернулся он ко мне, – давайте посмотрим, получится ли у вас реверанс передо мной лучше, чем перед герцогом. Подберите юбку, вот так. Согните правое колено, так; а теперь дайте вашей крохотной попке опуститься на левую ногу. Вот.

Я подчинилась, трясась от смеха, ибо мне казалось в высшей степени забавным, что полковник армии его величества обучает меня хорошим манерам на парапетной стене Плимутского замка.

– Уверю вас, это вовсе не смешно, – важно проговорил он. – Неуклюжая женщина выглядит ужасно невоспитанной. Превосходно! Еще раз. Отлично. Вы все можете, когда захотите. Оказывается, вы просто ленивая, претенциозная девчонка, которую никогда не били братья.

Он с неслыханной дерзостью поправил мне платье, подровнял кружева у меня на плечах.

– Ненавижу ужинать с неопрятными женщинами, – сказал он шепотом.
– Я тоже не собираюсь с вами ужинать, – тотчас парировала я.
– Могу поручиться, что никто другой вас не пригласит, – ответил он. –
Пойдемте, возьмите меня под руку. Не знаю, как вы, а я очень голоден.

Ричард отвел меня назад в замок, где, к своему изумлению, я обнаружила, что гости уже расселись за длинными столами в банкетном зале и прислуга разносит блюда. Наше появление не осталось незамеченным, и я вновь стала терять самообладание. Все-таки не надо забывать, что это был мой первый выход в свет.

– Пойдемте отсюда, – умоляла я и тащила его за рукав. – Видите, для нас и места уже не осталось: все стулья заняты.

– Уйти? Ни за что. Я должен поужинать.

Он стал прокладывать себе путь, расталкивая слуг и силой увлекая меня за собой. Я видела, как сотни лиц поворачивались в нашу сторону, слышала нестройный шум голосов; в какой-то миг я заметила свою сестру Мэри, сидевшую рядом с Робинем в самом центре зала. Я поймала на себе ее взгляд, полный изумления и ужаса, она шепнула что-то моему брату, и я смогла прочесть на ее губах слово «Онор». Я не могла остановиться и путалась в платье, увлекаемая неумолимой рукой Ричарда Гренвила к столу для почетных гостей в конце зала, где рядом с графиней Маунт Эджкьюмб сидел сам герцог Бекингем и вся знать Корнуолла и Девона, чинно пировавшая отдельно от толпы.

– Вы ведете меня к столу для почетных гостей, – запротестовала я и изо всех сил дернула его за руку.

– Что ж такого? – Он удивленно поглядел на меня сверху вниз. – Разрази меня гром, если я буду ужинать где-нибудь еще! Место сэру Ричарду Гренвилу!

Услышав его голос, слуги прижались к стене, головы повернулись, и я увидела, что герцог Бекингем прервал разговор с графиней. Выдвинули стулья, гости потеснились, и мы оказались за столом на расстоянии вытянутой руки от самого герцога. Леди Маунт Эджкьюмб бросала на меня ледяные взгляды. Ричард Гренвил нагнулся, улыбаясь, и произнес:

– Я полагаю, вы знакомы, графиня, с Онор Харрис, моей родственницей. Сегодня у нее день рождения. Ей исполнилось восемнадцать.

Графиня молча кивнула.

– Вы можете не особенно обращать на нее внимание, – сказал мне Ричард Гренвил. – Она глуха как пень. Только, ради бога, улыбайтесь и не смотрите таким стеклянным взглядом!

Я готова была сквозь землю провалиться от стыда. В отчаянии я принялась за жаркое из лебеда, которое лежало в моей тарелке.

Герцог Бекингем взял в руки бокал и обратился ко мне со словами:

– Поздравляю вас с днем рождения.

Я пробормотала что-то благодарно в ответ и встряхнула локонами, чтобы скрыть свои пылающие щеки.

– Простая формальность, – шепнул мне на ухо Ричард Гренвил. – Не дайте вскружить себе голову. У Джорджа дюжина любовниц, и он обожает королеву Франции.

Ел он с явным удовольствием, после каждого проглоченного куска черня своих соседей, не заботясь даже о том, чтобы понизить голос, и я могла бы поклясться, что его слышали. Ела и пила я безо всякого аппетита и чувствовала себя на том нескончаемом пиршестве как вынутая из воды рыба. Наконец пытка кончилась и мой спутник поднял меня со стула. От вина, которое я пила словно воду, ноги мои сделались ватными, я была вынуждена опираться на своего кавалера. Я плохо помню, что было потом. Звучали музыка, песни, и сицилийские танцоры, украшенные лентами, исполняли тарантеллу. Последние головокружительные вихри их танца оказались для меня роковыми. Я помню, к своему стыду, что оказалась в каких-то внутренних покоях замка – достаточно темном и укромном месте, где природа сделала свое дело: жаркое из лебеда расталось со мной. Открыв глаза, я обнаружила, что лежу на кушетке, Ричард Гренвил держит меня за руку, вытирая мне лоб носовым платком.

– Вам нужно научиться пить не пьянея, – строго заметил он.

Мне было очень плохо и стыдно, слезы навернулись у меня на глаза.

– О нет, – сказал он, и его голос, до сих пор такой резкий, прозвучал вдруг до странности нежно. – Не нужно плакать. Только не в день своего рождения.

Он продолжал прикладывать к моему лбу платок.

– Я... ни-никогда раньше не ела жа-жаркое из лебеда, – произнесла я, заикаясь и зажмуриваясь при одном только воспоминании о еде.

– Это не столько из-за лебеда, сколько из-за бургундского, – пробормотал он. – Полежите, скоро вам станет лучше.

У меня и вправду все еще кружилась голова, и я испытывала такую признательность к сильной его руке, какую могла бы испытать к руке собственной матери. Мне вовсе не казалось странным, что я лежу обессиленная в темной незнакомой комнате, а Ричард Гренвил ухаживает за мной, весьма удачно справляясь с обязанностями сиделки.

– Поначалу я возненавидела вас. Теперь вы начинаете мне нравиться, –

сказала я ему.

– Печально, что я снискал вашу милость лишь после того, как вас стошнило, – ответил он.

Я рассмеялась, но тут же снова застонала: лебедь вышел еще не полностью.

– Обопритесь на мое плечо, – посоветовал он. – Бедняжка, какое неудачное окончание дня рождения!

Я чувствовала, как он трясется от бесшумного смеха, хотя его голос, его руки были до странности нежными, и мне с ним было хорошо.

– Вы чем-то похожи на вашего брата Бевила, – заметила я.

– Нет, – возразил он. – Бевил – джентльмен, я – негодяй. Я всегда был паршивой овцой в семье.

– А Гартред?

– Гартред ни с чем не считается, кроме себя самой. Вам следовало понять это, когда вы были еще совсем юной, ведь она вышла замуж за вашего брата.

– Я ненавидела ее всем сердцем, – призналась я.

– Вряд ли в этом есть ваша вина.

– Она сейчас довольна, после того как второй раз вышла замуж?

– Гартред никогда не будет довольна. Она жадна от природы, и не только к деньгам, но и к мужчинам. У нее были виды на Энтони Дениса, своего теперешнего мужа, задолго до смерти вашего брата.

– И не только на Энтони Дениса, – вставила я.

– У вас не по возрасту длинные уши, – произнес он.

Я села, привела в порядок прическу, пока Ричард поправлял на мне платье.

– Вы были очень добры со мной, – сказала я, напуская на себя важность и вспомнив вдруг о своих восемнадцати годах. – Я не забуду этого вечера.

– Я тоже, – ответил он.

– Может, будет лучше, если вы отведете меня к моим братьям?

– Может быть.

Я неуверенно шагнула из темной комнаты в освещенный коридор.

– Где мы были все это время? – неуверенно спросила я, взглянув на него через плечо.

Он засмеялся и покачал головой.

– Это знает только Господь Бог. Бьюсь об заклад, это кабинет, в котором Маунт Эджкьюмб расчесывает волосы. – Он взглянул на меня, широко улыбаясь, и на секунду коснулся рукой моих локонов. – Никогда

еще мне не доводилось дежурить у постели женщины, которую выворачивает наизнанку.

– Так же как и я никогда не позорилась так перед мужчиной, – достойно парировала я.

Вдруг он наклонился и приподнял меня на руках, словно ребенка.

– Так же как мне никогда еще не случалось оставаться в темной комнате с такой красавицей, как вы, Онор, и не заниматься при этом с ней любовью.

И, прижав меня на миг к груди, он вновь опустил меня на пол.

– А теперь, если позволите, я отведу вас домой, – сказал он.

Вот, по-моему, очень ясный и правдивый рассказ о моей первой встрече с Ричардом Гренвиллом.

Глава 4

Спустя неделю после только что описанной встречи меня отправили к матери в Ланрест, очевидно, в наказание за мое скверное поведение; дома мне пришлось, наверное, раз в двадцатый выслушать наставление по поводу того, как должна себя вести девушка моего возраста и воспитания. Получалось, что я нанесла ущерб буквально всем. Я осрамила Джо своим нелепым реверансом герцогу Бекингему, а позже оскорбила его жену Элизабет, заняв более почетное место и отужинав за столом, куда ее даже не пригласили. Я провинилась в том, что провела весь вечер не с моей сестрой Мэри и была замечена прогуливающейся на парапетной стене в обществе молодого офицера. Наконец, видели, как после полуночи я выходила вся растрепанная из личных покоев хозяев замка.

Подобное поведение, как строго заметила мать, может окончательно скомпрометировать меня в глазах высшего света, и, будь жив отец, он вероятнее всего отправил бы меня в монастырь годика этак на два, на три в надежде, что мое временное отсутствие поможет забыть инцидент. Теперь же остается лишь сокрушаться этой неудаче, а поскольку мои сестры Сесилия и Бриджет вновь собираются рожать и не могут никого принять, то меня придется оставить дома.

После Радфорда жизнь здесь казалась мне довольно скучной, поскольку Робин остался в Радфорде, а мой младший брат Перси был в Оксфорде. Так что я оказалась наедине со своим «бесчестьем». Помнится, несколько недель спустя после моего возвращения, в один из первых дней весны, я в дурном настроении сидела на яблоне, любимом укрытии моего детства, когда заметила всадника, поднимающегося вверх по долине. Он на какое-то время скрылся за деревьями, затем топот копыт его лошади стал отчетливее, и я поняла, что он направляется в Ланрест. Решив, что это Робин, я слезла с яблони и побежала к конюшням. Лакей вел незнакомую, серую в яблоках, лошадь в стойло, и еще я заметила фигуру высокого мужчины, входившего в дом. Я хотела, по своей старой привычке, спрятаться в засаде за дверью гостиной, как вдруг увидела спускавшуюся по лестнице мать.

— Иди к себе в комнату, Онор, — с важным видом заявила она, — и оставайся там, пожалуйста, пока гость не уедет.

Моим первым побуждением было спросить его имя, но я вовремя сдержалась и, сгорая от любопытства, молча пошла наверх. Оказавшись у

себя, я вызвала колокольчиком Мэтти, девушку, которая уже несколько лет прислуживала мне и моим сестрам и которую я сделала своей союзницей. У нее был почти такой же острый, как у меня, слух, такой же тонкий нюх, а глаза на ее круглом некрасивом лице светились озорством. Она уже догадалась, что мне от нее нужно.

– Я подожду в коридоре и, когда он выйдет, узнаю его имя, – защебетала она. – Высокий господин, красивый мужчина.

– Наверное, кто-то из Бодмина, – переполошилась я, вдруг вспомнив, что мать грозила отправить меня в монастырь.

– Да нет же, что вы! – Она всплеснула руками. – Это молодой господин в голубом плаще, расшитом серебром.

Серебристый и голубой. Цвета Гренвиллов.

– А волосы у него не рыжие, Мэтти? – спросила я, слегка волнуясь.

– Такие, что недолго и обжечься.

Вот вам и приключение: скуку как рукой сняло. Я отослала Мэтти вниз, сама же принялась ходить взад и вперед по комнате, сгорая от нетерпения. Свидание оказалось недолгим; вскоре отворилась дверь гостиной и звонкий отрывистый голос, который я хорошо запомнила, попрощался с моей матерью; затем я услышала звук шагов в коридоре, а потом – во дворе. Окно моей комнаты выходило в сад, поэтому я не могла ничего видеть; те несколько минут, пока я ждала Мэтти, показались мне вечностью. Глаза ее блестели. Она вытащила из-под фартука клочок скомканной бумаги и серебряную монетку.

– Он велел мне передать вам записку, а корону оставить себе, – сказала она.

Воровато, как преступница, я развернула записку.

Дорогая сестра, – прочитала я, – хоть Гартред и поменяла Харриса на Дениса, я по-прежнему считаю себя Вашим братом и оставляю за собой право видаться с Вами. Ваша матушка, придерживающаяся, похоже, иного мнения, заверила меня, что Вы нездоровы, и попрощалась со мной тоном, не располагающим к дискуссии. Не в моих привычках бесцельно промчаться галопом десять миль. Поэтому велите прислуге отвести меня в какой-нибудь уголок Вашей усадьбы, где мы могли бы побеседовать без свидетелей, ибо я знаю: Вы больны не больше, чем Ваш брат и покорный слуга Ричард Гренвил.

Первой моей мыслью было не отвечать: слишком уж он уверен в том, что я соглашусь, однако любопытство и бешено колотившееся сердце взяли верх над моей гордыней, и я велела Мэтти показать гостю фруктовый сад, но только чтобы он шел туда не сразу, потому что его могут заметить из

дома. Когда она ушла, я прислушалась к шагам матери: она уже поднялась по лестнице и подходила к моей спальне. Она застала меня у окна, сидящей с молитвенником на коленях.

– Рада видеть тебя такой благочестивой, Онор, – сказала она.

Я не ответила, смиренно опустив глаза.

– Сэр Ричард Гренвил, с которым ты таким неподобающим образом вела себя на прошлой неделе в Плимуте, только что уехал, – продолжала она. – Кажется, он временно покинул армию и собирается обосноваться поблизости от нас в Киллигарте, оставаясь членом парламента от Фоя. Довольно неожиданное решение.

Я продолжала хранить молчание.

– Я никогда не слышала о нем ничего хорошего, – заметила мать. – Он всегда доставлял неприятности своей семье и был тяжелым испытанием для своего брата Бевила, потому что не вылезал из долгов. Вряд ли он будет для нас приятным соседом.

– Зато он доблестный воин, – выпалила я.

– Об этом я ничего не слышала, – ответила она. – Но я не желаю, чтобы он приезжал сюда, искал бы с тобой встреч, когда твоих братьев нет дома. Это свидетельствует о полном отсутствии у него чувства такта.

На этих словах мы расстались, и я услышала, как она вошла к себе в спальню и захлопнула дверь. Несколько мгновений спустя, взяв в руки туфли, я на цыпочках спустилась по лестнице и пулей помчалась в сад. Не прошло и минуты, как я оказалась в своем потайном местечке на яблоне. Услышав шорох, я раздвинула цветущие ветки своего убежища и увидела Ричарда Гренвила: ссутулясь, он стоял под деревом. Я отломила пруттик и бросила в него. Он встряхнул головой, огляделся. Я бросила вторую веточку, на сей раз угодив ему прямо в нос. Он чертыхнулся, поднял голову и увидел меня, смеющуюся над ним со своего насеста. Мгновение спустя он был уже подле меня и, обняв меня за талию, прижал к дереву. Ветка злоеще треснула.

– Слезьте сейчас же. Двоих ветка не выдержит, – предупредила я.

– Выдержит, если вы будете сидеть спокойно, – заверил он меня.

Одно неосторожное движение – и мы оба оказались бы на земле, десятью футами ниже, но сидеть не шевелясь означало, что я должна и дальше находиться в его объятиях, чувствуя его лицо совсем рядом с моим.

– В таком положении невозможно разговаривать, – запротестовала я.

– Отчего же? Я нахожу это довольно приятным.

Он осторожно вытянул ногу вдоль ветки, чтобы устроиться поудобнее, и еще крепче обнял меня.

– Итак, что вы хотите мне сказать? – промолвил он, словно это я попросила его о встрече.

И я поведала ему о своих бедах, о том, как мой брат и невестка выслали меня из Плимута, а сейчас в моем собственном доме со мной обращаются как с заключенной.

– И вам не стоит больше сюда приезжать, – заявила я ему. – Моя мать никогда не позволит мне видаться с вами. К тому же о вас ходит дурная слава.

– Как так? – удивился он.

– Вы не вылезаете из долгов, так она сказала.

– У Гренвиллов всегда были долги. Это наш большой недостаток. Даже Бевил вынужден занимать у евреев.

– Вы – тяжелое испытание для него и для всей своей родни.

– Напротив, это они тяжелое испытание для меня. Редко мне удастся выпросить у них хотя бы пенни. Что еще поведала вам ваша матушка?

– Что, добиваясь встречи со мной в отсутствие моих братьев, вы проявляете редкое отсутствие чувства такта.

– Она ошибается. Это проявление коварства, результат большого жизненного опыта.

– Что же касается вашей доблести на поле боя, ей об этом ничего не известно.

– Это меня не удивляет. Как и всех матерей, сейчас ее больше занимает моя доблесть в других сферах деятельности.

– Я вас не понимаю.

– Значит, вы не так проницательны, как я думал. – Он выпустил из руки ветку и смахнул что-то с воротничка моего платья. – У вас на груди ухвертка, – объяснил он.

Я отпрянула, обескураженная резким переходом от романтики к самой прозаичной реальности.

– Думаю, мать права, – произнесла я сдавленным голосом. – Дальнейшее знакомство нам ничего не даст. И будет лучше, если мы положим этому конец прямо сейчас.

Мне трудно было держаться с достоинством в таком неудобном положении, и я сделала попытку выпрямиться.

– Вы не спуститесь, пока я этого не захочу. – И действительно, вытянув через ветку ноги, Ричард перекрыл мне путь. – Самое время дать вам урок испанского языка, – прошептал он.

– Не имею ни малейшего желания, – ответила я.

Он рассмеялся и, обхватив мое лицо руками, порывисто поцеловал

меня – это было уже нечто новое, до странности приятное, – и я на мгновение лишилась дара речи и способности действовать. Я отвернулась и принялась играть с цветущими ветками.

– Теперь можете уходить, если желаете, – сказал он.

Уходить мне вовсе не хотелось, но я была слишком горда, чтобы в этом признаться. Он спрыгнул на землю, а затем помог спуститься и мне.

– Нелегко быть храбрым на яблоне. Можете передать это вашей матери.

На его лице вновь, как в Плимуте, появилась язвительная ухмылка.

– Я ничего не буду говорить матери, – ответила я, оскорбленная такой внезапной отставкой.

Секунду он молча смотрел на меня, потом сказал:

– Если вы велите своему садовнику срезать эту ветку, в следующий раз у нас получится лучше.

– Не знаю, хочу ли я следующего раза.

– О, конечно хотите, и я тоже. К тому же моей лошади необходимы прогулки, ей нельзя застаиваться.

Он направился к ограде, где оставил коня. Я молча пошла вслед за ним среди высоких трав. Он ухватился за узду и прыгнул в седло.

– От Ланреста до Киллигарта десять миль, – произнес он. – Если я буду проезжать их дважды в неделю, Дэниел к лету наберет отличную форму. Во вторник я приеду снова. Не забудьте дать инструкции садовнику.

Он взмахнул перчаткой и пришпорил коня.

Я проводила его взглядом, думая про себя, что он почти такой же отвратительный, как и Гартред, и что я никогда больше его не увижу; однако вопреки всем моим решениям во вторник я была под яблоней.

Ну а потом начались насколько необычные, настолько и приятные ухаживания, о каких девушка моего поколения могла только мечтать. Сейчас, четверть века спустя, все это мне кажется каким-то нереальным, плохо запомнившимся сном. Один, иногда два раза в неделю он приезжал на лошади из Киллигарта в Ланрест, мы забирались на яблоню – мешавшая нам ветка была срезана, – и он давал мне уроки любви, а я слушалась его во всем. Ему было двадцать восемь, мне – восемнадцать. Казалось, что эти мартовские и апрельские вечера с жужжанием пчел над нашими головами и пением черных дроздов не имели ни начала, ни конца. О чем мы говорили между поцелуями? Не помню. Наверное, он много рассказывал о себе, ибо мысли Ричарда прежде всего были сконцентрированы на себе самом, и в памяти у меня запечатлелся образ молодого человека с огненно-рыжей шевелюрой и бунтарским нравом, созерцающего штормовые волны

Атлантического океана с высоты каменистых скал северного побережья Корнуолла – такого не похожего на наше побережье с его уютными бухточками и плодородными долинами.

В этом уголке юго-восточного Корнуолла мы, я думаю, находимся в привилегированном положении: воздух всегда мягок независимо от того, идет дождь или светит солнце, а ровные очертания местности располагают к лени и удовольствию. Тогда как в краю Гренвиллов, лишенном не только деревьев, но и кустарников и со всех сторон продуваемом ветрами, несущими с собой морские брызги, обостряется восприимчивость ума, человек становится темпераментнее и злее, да и сама жизнь там более опасна и жестока. Если здесь почти не бывает трагедий на море, то там все побережье усеяно побелевшими от соли останками погибших кораблей, а вокруг обезображенных, незахороненных тел утопленников ползают морские свинки и летают стервятники. Клочок суши, где мы родились, выросли, влияет на нас сильнее, чем мы думаем, и я понимаю, откуда взялись эти беспокойные бесы, что будоражили кровь Ричарда Гренвила.

Мысли эти пришли мне в голову гораздо позже, а тогда, когда мы были молоды, ни я, ни он об этом не задумывались, и о чем бы мне ни рассказывал Ричард – будь то о своей службе или о Стоу, о сражениях во Франции или о своей собственной семье, – слова его звучали приятной для моего слуха музыкой; самые злые его шутки забывались, когда он целовал меня и прижимал к себе. Странно, что наш тайничок так никто и не обнаружил. Быть может, со свойственной ему беззаботной щедростью он осыпал золотыми монетами наших слуг. Моя мать, во всяком случае, пребывала в полнейшем неведении.

А потом, в один из первых дней апреля, из Радфорда приехали мои братья, привезя с собой юного Эдварда Чампернауна, младшего брата Элизабет. Я обрадовалась, увидев Джо и Робина, однако вовсе не была расположена любезничать с незнакомцем – к тому же зубы у него изо рта выпирали, что я считала непростительным, – а также меня постоянно преследовал страх, что о моих тайных свиданиях могут узнать. После ужина Джо, Робин и мать удалились вместе с юным Чампернауном в библиотеку, оставив меня наедине с Элизабет. Она ни разу не намекнула мне на мои плимутские выходки, за что я была ей весьма признательна, но принялась расхваливать передо мной своего брата Эдварда, который, как она утверждала, был всего лишь на год старше меня и совсем недавно окончил Оксфорд. Я слушала рассеянно, ибо мысли мои были заняты Ричардом: не вылезавший, как всегда, из долгов, он сказал во время нашей последней встречи, что собирается продать земельные участки в

Киллигарте и Тайуордрете, доставшиеся ему в наследство от матери, и взять меня с собой в Испанию или в Неаполь, где мы будем жить по-королевски и заниматься разбоем.

Позднее вечером меня позвали в комнату моей матери. Вместе с ней были Джо и Робин, а Эдвард Чампернаун ушел к своей сестре.

Мать привлекла меня к себе, нежно поцеловала и тут же сообщила, что меня ждет большое счастье: Эдвард Чампернаун попросил моей руки, она и братья согласились, все формальности оговорены, так же как и размер моего приданого, увеличенного благодаря щедрости Джо, – осталось лишь назначить день. Кажется, я смотрела на них какое-то время, затем разразилась бурным потоком протестов, заявив, что сама выберу мужчину, за которого пожелаю выйти замуж, что я скорее прыгну с крыши, чем стану женой Эдварда. Напрасно спорила со мной мать, напрасно Джо перечислял добродетели юного Чампернауна – его уравновешенность, его добропорядочность. А если учесть мое недостойное поведение несколько месяцев тому назад, то вообще удивительно, что он попросил моей руки.

– Ты уже в таком возрасте, Онор, – заявил Джо, – когда брак, по нашему мнению, это единственный способ наставить тебя на путь истинный. В чем в чем, а в этом мы с матерью разбираемся лучше других.

Я трясла головой, впивалась ногтями в ладони...

– Говорю вам, я за него не выйду, – повторяла я.

Робин, до сих пор не участвовавший в разговоре, вдруг встал со стула и подошел ко мне.

– Я тебя предупреждал, Джо, – произнес он. – Бесполезно принуждать Онор, если она не захочет. Дайте ей время свыкнуться с этой мыслью. Она подумает.

– Эдварду Чампернауна тоже не мешало бы еще подумать, – ответил Джо.

– Лучше принять решение сейчас, пока он здесь, – заметила мать.

Я посмотрела на их встревоженные, исполненные нерешительности лица – все они меня очень любили и были огорчены моим упрямством.

– Нет, – отрезала я. – Лучше умереть.

Я в гневе выбежала из комнаты, поднялась к себе, заперла дверь. В моем переутомленном воображении мать с братом казались мне злыми родителями из волшебной сказки. Я же была несчастной принцессой, которую принуждают выйти замуж за людоеда, хотя безобидный Эдвард Чампернаун, я больше чем уверена, не тронул бы меня и пальцем. Подождав, когда все улягутся, я сменила платье, накинула на плечи плащ и выскользнула из дома. То, что я решила сделать, было безумием:

я намеревалась идти пешком ночью в Киллигарт, к Ричарду. Гроза кончилась, ночь была светлая, и я, чувствуя, как бешено колотится у меня в груди сердце, двинулась по дороге к реке и примерно в миле вниз от Ланреста перешла ее вброд. Затем я свернула на запад, по направлению к Пелинту. Дорога была неровная, ее без конца пересекали лесные тропинки. «Какая же я дура, – твердила я про себя, – что не умею ориентироваться по звездам». Я шла с трудом, туфли натирали мне ноги. Казалось, что этой ночи и этой дороге не будет конца, и, как бы я ни храбрилась, ночные звуки и шорохи переполняли меня страхом. Рассвет застиг меня на берегу реки посреди леса изнуренной и заляпанной грязью. Я поднялась на очередной бугор и увидела наконец море и черный хребет острова Лу, вдали, на востоке. И тогда я поняла, что это какой-то внутренний голос привел меня на побережье.

Кольцо дыма за деревьями и лай собак свидетельствовали о том, что я вторглась в частные владения, а мне совсем не хотелось попадать в лапы к сторожам.

Часов около шести я встретила на большой дороге крестьянина, он в изумлении посмотрел на меня, приняв, очевидно, за ведьму – я видела, как он перекрестился и сплюнул через левое плечо, хотя и показал мне тропу, ведущую в Киллигарт. Солнце уже зависло высоко над морем, и рыбацкие лодки растянулись вереницей в Толландском заливе. Я увидела высокие трубы Киллигарта и в который уже раз представила, в каком жалком виде появлюсь перед Ричардом. Если он один, это не суть важно, но если там Бевил и Грейс, его жена, и все племя Гренвилов, с которыми я даже не знакома? Я подкралась к дому будто воровка, в нерешительности остановилась перед окнами. Было прохладно. Слуги уже встали. Из кухни доносились звон посуды, приглушенный говор, и я чувствовала маслянистый запах бекона и копченой ветчины. Окна были распахнуты навстречу солнцу, раздавался смех, слышались мужские голоса.

Больше всего я хотела тогда оказаться в своей спальне в Ланресте, но отступать было поздно. Я дернула колокольчик и услышала, как его эхо прокатилось по всему дому. Затем я отступила: в дверях появился лакей в ливрее Гренвилов, вид у него был надменный и строгий.

– Что вам угодно? – спросил он.

– Я бы хотела повидать сэра Ричарда.

– Сэр Ричард завтракает с друзьями. Уходите, он вас не примет.

Дверь столовой была открыта, я услышала смех, разговоры, и громче других звучал голос Ричарда.

– Мне просто необходимо увидеть сэра Ричарда, – настаивала я,

доведенная до отчаяния, готовая расплакаться, и лакей уже занес руку, чтобы прогнать меня восвояси, как вдруг в холле появился Ричард. Он смеялся, говоря что-то через плечо оставшимся в комнате господам. Он продолжал есть, держа в руке салфетку.

– Ричард, – позвала я. – Ричард, это я, Онор.

Он подошел ближе с неподдельным изумлением на лице.

– Какого дьявола... – начал он, но затем, грубо спровадив слугу, увлек меня в крохотную прихожую рядом с холлом.

– В чем дело? Что случилось? – быстро проговорил он, и я, совершенно обессиленная, рухнула в его объятия и разрыдалась у него на плече.

– Тише, любовь моя, все хорошо, – пробормотал он, глядя мои волосы, пока я наконец не успокоилась.

– Меня хотят выдать замуж за Эдварда Чампернауна, – проямлила я. – Я сказала им, что никогда не соглашусь, и всю ночь шла по лесным дорогам, чтобы сказать об этом тебе.

Я почувствовала, что его трясет от смеха, как в первый вечер, много недель тому назад, когда меня стошнило от лебедя.

– Это все? – спросил он. – И ты прошла более двенадцати миль пешком, чтобы сказать мне это? О! Онор, малышка, дорогая моя!

Я посмотрела на него, пораженная, что такое серьезное дело он обращает в шутку.

– Что же мне делать? – спросила я.

– Послать их ко всем чертям, конечно, а если ты не осмелишься, я сделаю это вместо тебя. Пойдем завтракать.

В ужасе я вцепилась в его руку: если крестьянин принял меня за ведьму, а лакей – за нищенку, одному Богу известно, что подумают обо мне его друзья. Он не стал ничего слушать и потащил меня в столовую, где завтракали мужчины, и в своем испачканном платье и порванных туфлях я предстала перед Раналдом Моуном, юным Трелони, Томом Треффри, Джонатаном Рашли и еще полудюжиной других, с кем я не была знакома.

– Это Онор Харрис из Ланреста, – представил меня Ричард. – Возможно, господа, кое-кто из вас с ней уже знаком.

Все встали и поклонились, изумление и смущение отразились у них на лицах.

– Она сбежала из дома, – невозмутимо продолжал Ричард. – Ты не поверишь, Том, ее хотят выдать замуж за Эдварда Чампернауна.

– Правда? – Видно было, что Том Треффри несколько растерялся. Чтобы скрыть свое замешательство, он наклонился и стал гладить уши

своего пса.

– Не желаешь ли отведать бекона, Онор? – спросил Ричард, предлагая мне блюдо, нагруженное жирной свининой, но я слишком устала, чтобы желать чего-то другого, кроме хорошего отдыха.

Тогда Джонатан Рашли, самый старший из всех присутствующих, спокойно заметил:

– Госпожа Онор предпочла бы удалиться, я полагаю. Не позвать ли кого-нибудь из твоих служанок, Ричард?

– Черт возьми, вы в доме холостяка, – ответил Ричард с набитым ртом. – Здесь нет ни одной женщины.

Раналд Моун прыснул, прикрыв лицо носовым платком, и я заметила, какой гневный взгляд бросил на него Ричард. Затем под разными предлогами все, извинившись, ушли из комнаты, и мы наконец остались одни.

– Зря я пришла, – пролепетала я. – Осрамила тебя перед друзьями.

– Я осрамлен уже давно, – сказал он, наливая себе очередную кружку эля. – Но хорошо, что ты появилась после завтрака, а не до него.

– Почему же?

Он улыбнулся, вынул из кармана листок бумаги.

– Я продал Киллигарт и свои земли в Тайуордрете. Рашли хорошо мне за них заплатил. Если бы ты появилась раньше, он, возможно, отказался бы поставить свою подпись.

– Хватит ли этих денег, чтобы рассчитаться с долгами? – спросила я.

Он иронически рассмеялся.

– Капля в море, но на одну-две недели этого хватит, пока мы не одолжим где-нибудь еще.

– Почему «мы»? – удивилась я.

– Ну, мы будем вместе. Неужели ты думаешь, что я позволю свершиться этому нелепому браку с Эдвардом Чампернауном?

Он вытер губы, с беззаботным видом отодвинул тарелку. Потом протянул ко мне руки, и я прильнула к его груди.

– Любимый, – произнесла я, ощутив себя вдруг очень взрослой и очень мудрой. – Ты не раз говорил мне, что сможешь жить, лишь женившись на богатой наследнице.

– Во всяком случае, я не смогу жить, если ты выйдешь за кого-нибудь другого, а не за меня, – ответил он.

– Но, Ричард, – продолжала я, – если я выхожу за тебя, а не за Эдварда Чампернауна, мой брат может не дать согласия на брак.

– Пусть только посмеет, я вызову его на дуэль.

– У нас не будет ни гроша.

– Не совсем так, – сказал он. – Я ощипал еще не всех родственников. У миссис Аббот, моей старой тетушки Кэтрин из Гартленда, есть тысяча фунтов, с которыми она не знает, что делать.

– Но мы не сможем жить так все время, – заметила я.

– Я никогда не жил по-другому.

Я подумала о куче формальностей, связанных с браком, об адвокатах, документах.

– Я младшая дочь, Ричард, – проговорила я неуверенно. – Нужно иметь в виду, что мое приданое будет весьма скудным.

Он разразился смехом и, подхватив меня на руки, понес из комнаты.

– Если у меня и есть коварные замыслы получить что-нибудь от твоей семьи, то только насчет тебя. К черту твое приданое.

Глава 5

О, необдуманная помолвка, потрясающая и поспешная, решение, принятое в один миг ни с того ни с сего. Мать не смогла устоять перед натиском, братья даже и не пытались создавать препятствия. Чампернауны, оскорбленные, удалились в Радфорд, и Джо, сняв с себя ответственность, последовал за ними. Его жена не захочет меня больше видеть, после того как я отвергла ее брата, и мне дали понять, что о скандальном моем поведении стало известно всему Девону. Муж Бриджет примчался на почтовых из Голбертона, Джон Поллексефен – из Матеркомба, и весь запад, казалось, только о том и говорил, что я тайно сбежала к Ричарду Гренвилу и сейчас выхожу за него замуж по жестокой необходимости. Он обесчестил меня в одной из спален Плимута, насильно увез в Киллигарт, я три месяца жила с ним как любовница – эти и другие слухи распускали о нас повсюду, мы же с Ричардом, в ликовании наших сердец, надо всем этим только посмеивались. Он хотел увезти меня в Лондон, под крылышко к герцогу Бекингему, который, как он заявил, пляшет под его дудку и выделит мне вдобавок приданое, но в самый разгар этого безумия в Ланрест прискакал на лошади его брат Бевил и с присущим ему изяществом и учтивостью настоял на том, чтобы я поехала в Стоу и венчалась от дома Гренвилов. Бевил внес порядок в невообразимую путаницу, своим одобрением он набросил покрывало приличия на все происходящее – именно этого нам до сих пор недоставало; несколькими днями позже мы с матерью благополучно обосновались в Стоу, куда Кит уехал около восьми лет назад, когда женился на Гартред. Я была тогда слишком влюблена, чтобы обращать на кого-нибудь внимание, и с покрасневшими от удовольствия щеками с уверенным видом расхаживала по огромным комнатам Стоу, улыбаясь старому сэру Бернарду, кланяясь всем его родственникам, благоговей перед окружавшей меня роскошью не больше, чем перед привычными пыльными закоулками Ланреста. Из всего, что я там делала или видела, я хорошо помню, как, прогуливаясь по садовым аллеям, рассеянно слушала сэра Бернарда, напыщенно рассуждавшего о сложных взаимоотношениях между его величеством и парламентом, а также как целыми часами простаивала в одной из комнат – спальне леди Грейс, жены Бевила, – в то время как служанки затягивали на мне мое подвенечное платье, собирали его у талии, подкалывали, опять затягивали. Леди Грейс и моя мать помогали советами, а на полу играли детишки, как тогда мне

казалось – целая куча сорванцов.

С Ричардом я виделась не часто. В эти последние дни я, как он сказал, принадлежала женщинам. Последние дни... Поистине пророческие слова!

Ничто так не запечатлелось у меня в памяти, как тот последний майский день, когда солнце то пряталось, то выходило из-за облаков и дул сильный ветер. Я как сейчас вижу собравшихся на лужайке гостей: мы отправлялись на соколиную охоту, после чего, вечером, должен был состояться банкет.

На жердочках ястребы чистили клювами перья, расправляли крылья, а самые ручные из них позволяли нам подходить к ним совсем близко. В отдалении одиноко сидели на насестах их собратья покрупнее – соколы с дико блестящими глазами.

Подошли сокольничие, и, пока они надевали на соколов путы и покрывали клобучками, готовя их к охоте, конюхи привели лошадей. Собаки скулили и прыгали в радостном предвкушении охоты. Ричард посадил меня на гнедую кобылку, которая отныне должна была стать моей, и, когда он повернулся к своему сокольничему, я увидела у ворот группу всадников, приветствовавших вновь прибывшего.

– Что там еще? – спросил Ричард, и сокольничий, закрыв ладонью глаза от солнца, повернулся к хозяину и, улыбаясь, сказал:

– Это госпожа Денис из Орли-Корта. У вашей красной соколихи будет возможность помериться силами с ее самцом.

Ричард взглянул на меня и улыбнулся:

– Все-таки это случилось, Гартред удостоила нас визитом.

Пока они ехали по дороге к нам, я задавалась вопросом, какие чувства испытаю к врагу своей юности, к той, с кем меня вновь таким странным образом свела судьба. Она ничего не писала, не прислала поздравления, однако ее природное любопытство в конечном счете взяло верх.

– Привет, сестрица, – крикнул Ричард своим обычным язвительным голосом. – Значит, ты все-таки приехала поплясать на моей свадьбе?

– Может быть, – ответила она. – Я еще не решила. Мои дети не совсем здоровы.

Она направила свою лошадь на меня, и ее губы медленно расплылись в улыбке, которая была мне так хорошо знакома.

– Как поживаешь, Онор?

– Неплохо, – ответила я.

– Никогда бы не подумала, что ты станешь госпожой Гренвил.

– Я тоже.

– Поистине пути Господни неисповедимы. Однако ты не знакома с

моим мужем.

Я кивнула ехавшему рядом с ней незнакомцу – тучному, крепкому на вид мужчине значительно старше ее. Это и был тот самый Энтони Денис, от которого столько натерпелся бедняга Кит, пока не умер. Наверняка он покорила ее своим весом.

– Куда мы едем? – спросила она, повернувшись к Ричарду.

– В открытое поле, к взморью.

Гартред посмотрела на птицу, сидевшую у него на рукавице.

– Красная соколиха, – сказала она, подняв брови. – У твоей птички еще не все перья выросли. Думаешь, она на что-нибудь стодится?

– Она уже ловила коршунов и дроф, а сегодня я намереваюсь пустить ее на цаплю, если мы ее вспугнем.

– Красную соколиху на цаплю? – Гартред ехидно ухмыльнулась. – С нее достаточно будет и сороки.

– Может, хочешь стравить ее со своим самцом?

– Мой самец убьет ее, а потом и цаплю.

– Это еще как сказать.

Они сверлили друг друга глазами, точно дуэлянты, изготовившиеся к бою, и я вспомнила, как Ричард рассказывал мне, что они цапались с самой колыбели. Именно тогда у меня впервые появилось предчувствие, что день закончится какой-нибудь катастрофой. На миг я даже подумала, не остаться ли мне дома, сославшись на усталость. Я ездила верхом ради удовольствия, а не ради кровопускания, и соколиная охота никогда не была моим любимым развлечением.

Очевидно, Гартред заметила мою нерешительность. Она рассмеялась:

– Твоя невеста трусит. Она боится, что не выдержит темпа скачки.

– Как? – разочарованно спросил Ричард. – Разве ты с нами не едешь?

– Отчего же, еду, – ответила я, не задумываясь. – Должна же я увидеть, как ты убьешь эту цаплю.

Мы поскакали в открытое поле. Ветер хлестал наши лица, гул океана доносился издали вместе с плеском накатывавшихся на прибрежную гальку волн. Поначалу охота была не очень удачной, мы подняли только вальдшнепа, к тому же на него набросились большие ястребы, а они раздирают добычу когтями, вместо того чтобы убить сразу, как это делают ширококрылые соколы-сапсаны... Соколиха Ричарда и самец Гартред по-прежнему сидели под клобучками, так как мы еще не прибыли к месту обитания цапель. Моя кобылка фыркала от нетерпения; маршрут был новый, и мы ехали слишком медленно. Возле небольшого лесочка мы спугнули трех сорок, стайка ястребов набросилась на них, но хитрые

сороки перелетали из одной рощицы в другую, и понадобилось целых двадцать минут и немало усилий и криков сокольников, прежде чем была поймана одна сорока.

– Не богато, – с презрением заметила Гартред. – Неужели нельзя найти что-нибудь более достойное для соколов?

Ричард, прикрыв рукой глаза, смотрел на запад. Перед нами длинной полосой раскинулся участок, поросший вереском, неровный и труднопроходимый, в конце которого блестело болотце, куда в ненастную погоду прилетали в поисках корма утки и где во все времена года, как рассказывал мне Ричард, собирались морские птицы, кроншнепы, чайки, цапли.

В небе не было видно ни одной птицы, если не считать жаворонка, зависшего прямо у нас над головами, а до болота, где должны были обитать цапли, оставалось еще мили две.

– Ставлю свою лошадь против твоей и свою красную соколиху против твоего самца, – неожиданно сказал Ричард, снял клобучок с птицы, выпустил ее и пришпорил коня. В тот же миг Гартред бросилась за ним вдогонку, ее серокрылый сокол стремительно набрал высоту, и они с Ричардом галопом поскакали через мхи и вереск к болоту, а обе птицы неотступно летели над ними. Моя кобыла, возбужденная цоканьем подков своих братьев, резко сорвалась с места, едва не оторвав мне руки, и включилась в безумную гонку за лошадьми, подстегиваемыми тьяканьем собак и криками слуг.

Моя последняя скачка. Солнце в глаза, ветер в лицо, несущаяся галопом лошадь подо мной, грохот ее копыт, запах утесника, шум моря. Нечто незабываемое, незабытое, нечто навеки запечатлевшееся в моей памяти и глубоко запавшее мне в сердце. Я видела Ричарда и Гартред, мчавшихся бок о бок, переругивавшихся в ходе скачки, а соколы – самец и самка – то падали камнем вниз, то зависали высоко в небе. Вдруг из болота впереди нас, взмахивая огромными серыми крыльями, волоча за собой свои длинные ноги, в воздух поднялась цапля. Я услышала, как крикнул Ричард; Гартред ему ответила, и, словно заметив добычу, соколы принялись описывать в небе круги, поднимаясь все выше и выше, пока не превратились в две черные точки на фоне солнца. Бдительная цапля тоже поднималась ввысь, но описывая круги поменьше, повернув по ветру свое причудливое неуклюжее тело, удивительно легкое и гибкое. В одно мгновение первый сокол – я не могла бы сказать, была ли это соколиха Ричарда или же самец Гартред, – метнулся к цапле, но немного не рассчитал и пролетел мимо. Тут же выпрямившись, он вновь принялся

описывать круги, набирая потерянную высоту. Второй сокол тоже спикировал вниз и таким же образом упустил добычу.

Я безуспешно пыталась остановить свою кобылу. Гартред и Ричард скакали на восток, вслед за цаплей. Мы все трое неслись галопом стремя в стремя к видневшейся впереди, среди вереска, гряде камней.

– Осторожно, овраг! – крикнул мне в ухо Ричард, вытянув перед собой руку с плетью, но он промчался мимо, словно ветер, и я даже не успела его окликнуть.

Цапля теперь была прямо у меня над головой, соколов я потеряла из виду, но услышала победный крик Гартред:

– Они падают, падают, мой самец схватил ее!

И на фоне солнца я увидела, что один из соколов вцепился в цаплю, и обе птицы, слившись в одну бесформенную массу и кувыркаясь в воздухе, упали ярдах в двадцати передо мной.

Я попыталась свернуть в сторону, но кобыла не слушалась, и я крикнула обгонявшей меня Гартред:

– Где овраг?

Она не ответила. Мы летели к гряде камней, солнце слепило мне глаза, а умирающая цапля и забрызганный кровью сокол упали из потемневшего неба прямо в открывшуюся передо мной расселину. Я услышала, как закричал Ричард, тысячеголосый хор голосов раздался у меня в ушах, когда я упала.

Вот так я, Онор Харрис из Ланреста, и стала калекой, навсегда потеряв способность ходить: уже двадцать пять лет я либо лежу, либо сижу в кресле, не сделав за это время ни одного шага, не чувствуя почвы у себя под ногами. Тому, кто считает, что калека не годится на роль героини романа, лучше сразу закрыть книгу и воздержаться от чтения. Ибо вы так и не увидите, как я выйду замуж за мужчину, которого люблю, как стану матерью его детей. Но зато вы будете знать, что эта любовь ни разу не дала сбой, что, несмотря на все превратности судьбы, она только крепла в нас обоих, становясь в последние годы еще более нежной и глубокой, чем если бы мы были супругами. Вы узнаете также, как при всем моем бессилии я смогла взять на себя главную роль в разыгравшейся вслед за этим драме; моя неподвижность только усиливала мои чувства и обостряла восприятие, в то время как сама судьба принуждала меня к роли судьи и свидетеля. Представление продолжается – то, что вы прочли, лишь пролог.

Глава 6

Я вовсе не собираюсь спустя столько лет заниматься исследованием физических и душевных страданий, всего, что я испытала в те первые месяцы кризиса, когда казалось, что моя жизнь закончилась. Вряд ли это было бы интересно читателю. Да и сама я не расположена вытаскивать из тайников своей души эти почти забытые горькие воспоминания. Достаточно сказать, что поначалу испугались за мой разум. Несколько недель я все пребывала в состоянии мрачной безысходности. Мало-помалу ко мне вернулась ясность ума, и я смогла постичь весь смысл моего физического состояния. Я справилась о Ричарде и узнала, что, не дождавшись от меня вестей, не получив у докторов никаких надежд на мое выздоровление, он внял советам своего брата Бевила вернуться в полк. Это было наилучшим выходом. Он не мог сидеть без дела. Убийство в Портсмуте его друга, герцога Бекингема^[4], переполнило чашу, и он, вместе с остатками экспедиции, отплыл во Францию и участвовал в том последнем робком штурме Ла-Рошели. Когда он вернулся, я снова была дома, в Ланресте, и уже достаточно окрепла, чтобы определиться со своим будущим. Я решила никогда больше не встречаться с Ричардом. Я написала ему письмо, которое он не принял в расчет, и срочно прискакал из Лондона, чтобы повидаться со мной. Я отказалась его принять. Он хотел взломать дверь моей спальни, но путь ему преградили мои братья. Лишь после того, как врачи заверили его, что своим присутствием он только навредит моему здоровью, он понял, что все кончено, и, не сказав ни слова, удалился. Я получила от него последнее письмо, безумное, горькое, полное упреков, – и затем наступило молчание.

В ноябре того же года он женился на леди Говард из Фитцфорда, богатой вдове, уже три раза побывавшей замужем и на три года старше его. Я узнала об этом случайно, из слов, которые неосторожно обронила Мэтти. Я обратилась за разъяснениями к матери. Она хотела скрыть от меня правду, опасаясь рецидива болезни, и то, с каким спокойствием я приняла свершившийся факт, по-моему, сильно ее озадачило.

Ей было сложно, так же как и всем остальным, понять, что теперь я считала себя другим человеком. Онор, которую они знали, умерла, подобно цапле в тот майский день, когда ее сразил сокол.

Не исключено, что она вечно будет жить в сердце своего возлюбленного как прекрасная мечта, но тот Ричард, которого она знала и

любила, состоял из плоти и крови, он должен был держаться стойко, так же как и я.

Я лежала в постели и улыбалась – я хорошо это помню – при мысли, что он в конечном счете нашел свою наследницу, и какую наследницу! Я очень надеялась, что ей – такой опытной – удастся сделать его счастливым и что ее богатства обеспечат ему хоть какое-то спокойствие.

Между тем я должна была привыкнуть к новому образу жизни, к ежедневной неподвижности. Разум обязан компенсировать беспомощность тела. Из Оксфорда к тому времени вернулся Перси, привезя с собой учебники, и с его помощью я принялась изучать греческий и латынь. Учителем он был посредственным, хотя и довольно милым, и совесть не позволяла мне надолго лишать его общества собак и лошадей. Тем не менее он привил мне вкус к чтению, и я добилась неплохих результатов. Все в семье проявляли ко мне чуткость и заботу. Мои сестры и их дети, у которых поначалу слезы наворачивались на глаза от жалости, со временем стали чувствовать себя легко в моем присутствии, когда я смеялась и болтала с ними, и мало-помалу ребенок-баловень, каким я всегда была, стал советчиком и посредником в их делах: со всеми проблемами обращались ко мне. Я, разумеется, говорю о годах, а не о месяцах, ибо все это произошло не в один день. Мэтти, моя служаночка, с первой же минуты стала моей неутомимой рабыней. Она научилась распознавать в моих глазах знаки усталости и сама выпроваживала посетителей из комнаты. Она же занималась моим кормлением и моим туалетом, хотя я и научилась выходить из положения самостоятельно. Спустя три года моя спина уже достаточно окрепла, чтобы я могла сидеть и поворачиваться без посторонней помощи. Лишь ноги меня совершенно не слушались, а когда в осенние и зимние месяцы на стенах дома выступала сырость, я ощущала ее своими костями. Порой боли становились такими сильными, что мне было крайне трудно придерживаться той линии поведения, какую я сама же себе и определила. Жалость к себе – этот самый коварный из ядов – проникала в мои вены, злые духи овладевали моим разумом, и тогда, как часовой на посту, у дверей вставала Мэтти и грудью преграждала путь непрошеным гостям. Бедняжка Мэтти, как часто я ее бранила, когда была не в духе, однако она мужественно сносила все мои капризы. Именно Робину, моему славному Робину, первому пришла в голову мысль смастерить мне кресло, и это кресло, позволившее мне перемещаться из комнаты в комнату, стало самым ценным его изобретением. Он потратил несколько месяцев на то, чтобы сделать чертеж, и, когда оно было собрано, когда, удобно усевшись, я смогла передвигаться без посторонней помощи, он обрадовался, мне

кажется, еще больше, чем я.

Все это в корне изменило мою повседневную жизнь. Летом я могла даже выезжать в сад, путешествовать вокруг дома, частично вернув себе независимость. В тридцать втором году у нас в семье состоялась еще одна свадьба. Моя сестра Мэри, над которой мы давно подшучивали из-за ее набожности и рассудительности, приняла предложение Джонатана Рашли из Менебилли, который потерял свою первую жену при родах год назад и остался с малыми детьми на руках. Этот брак был превосходен во всех отношениях: Джонатану исполнилось к тому времени сорок лет, а Мэри – тридцать два. Свадьбу справляли в Ланресте, и на ней присутствовали дети Джонатана – Элис, Элизабет и Джон. Впоследствии я познакомилась с ними ближе, однако уже тогда они, будучи робкими и застенчивыми детьми, сразу же завоевали мое расположение. На свадьбу приехал также Бевил Гренвил, близкий друг как Джонатана, так и наш. Лишь после церемонии и отъезда Мэри в свой новый дом на другом конце Фоя мне удалось побеседовать с ним с глазу на глаз. Мы немного поговорили о его детях, его жизни в Стоу, затем я, не без внутреннего содрогания, хотя внешне и спокойно, спросила о Ричарде.

Он ответил не сразу, и я увидела, как лоб его нахмурился.

– Я бы предпочел не говорить об этом, – выдавил он из себя наконец, – но раз уж ты спросила... После женитьбы, Онор, у него все сложилось очень неудачно.

Грудь моя наполнилась неким дьявольским злорадством, которое я хотела и не могла подавить.

– Как же так? – спросила я. – Разве у него нет сына?

Я знала, что у него родился сын около года назад, как раз шестнадцатого мая – о, ирония судьбы! – в годовщину моего падения в овраг. Новая жизнь пришла на смену той, которая оборвалась в тот день, подумала я тогда и, как тот избалованный ребенок, не обретший еще житейской мудрости, проплакала всю ночь в подушку, думая о мальчике, которому судьба-злодейка помешала стать моим. Нечто похожее случилось и в один из дней, когда Мэтти несла вахту у двери: я представила жену Ричарда, лежащую в обнимку с ребенком, а рядом с ней – улыбающегося Ричарда. Картина, от которой мне стало довольно мерзко на душе, несмотря на мое наигранное равнодушие. Однако вернемся к Бевилу.

– Да, верно, – ответил он, – у него есть сын и еще дочь, но я не знаю, видится ли с ними Ричард. Дело в том, что он ругался с женой, грубо обращался с ней – как он уверяет, даже замахивался на нее, – и поэтому она требует развода. Кроме того, он оклеветал графа Суффолка, родственника

своей жены, и тот предъявил ему иск в Звездной палате^[5] и выиграл дело. Ричард отказывается уплатить штраф – да он и не мог бы, потому что сидит на мели, – и в любой момент его могут заключить в тюрьму Флит за неуплату долгов.

«Боже, – подумала я, – какой разительный контраст с той жизнью, о которой мы с ним вместе мечтали. А может, я ошибаюсь и со мной случилось бы то же самое?»

– Он всегда был жесток, даже в детстве, – продолжал Бевил. – Ты его совсем не знаешь, Онор. Увы! За три месяца ухаживаний нельзя составить мнение о мужчине.

На это я ничего не могла возразить, ибо здравый смысл был на его стороне. Но думала я о тех, навсегда канувших в небытие, весенних днях, о цветущей яблоне в саду. Вряд ли у какой-нибудь девушки был более нежный, более чуткий возлюбленный.

– Ричард жестокий? – удивилась я. – Безответственный и импульсивный, возможно, но не более. Наверняка жена его провоцировала.

– Этого я не знаю, – признался Бевил, – но охотно бы в это поверил. Она довольно коварная и безнравственная женщина. Близкая подруга Гартред – возможно, ты этого и не знала, – и вот, когда она была в Орли-Корте, тогда все и решилось. Ричард – тебе это известно лучше, чем кому-либо, – находился тогда отнюдь не в лучшей своей форме.

Я ничего не сказала, почувствовав в мягком тоне Бевила легкий, быть может, подсознательный упрек.

– Дело в том, – продолжал Бевил, – что Ричард женился на Мэри Говард из-за денег, а женившись, обнаружил, что не имеет доступа ни к богатству, ни к имуществу жены, что все находится в руках доверенных лиц, действующих исключительно в ее интересах.

– Значит, его дела обстоят ничуть не лучше, чем прежде?

– Гораздо хуже. Звездная палата не освободит его от уплаты штрафа за клевету, я же так занят своими исками, что просто не в состоянии ему помочь.

Он обрисовал довольно грустную картину, и, хотя моему ревностному воображению она показалась не такой тягостной, как идиллическая сцена семейного счастья, стоявшая у меня перед глазами, я не испытала никакого удовольствия от того, что узнала о неприятностях Ричарда. Мне тяжело было осознавать, что он грубо обращался с женой из-за того, что не мог располагать ее богатством, но я достаточно хорошо его знала, чтобы сомневаться в этом. Он женился на ней не по любви, с горьким чувством безысходности в сердце, и, разгадав его намерения, она поспешила его

разочаровать. Без прочного фундамента, доверия друг к другу нельзя создать крепкий союз! Тем не менее я не отступила от своего решения и ничем не показала, что понимаю его или сочувствую ему. Сдерживала меня не гордыня или жалость к себе, а твердая уверенность в том, что такая линия поведения самая мудрая. Он должен жить своей жизнью, в которой для меня отныне места нет.

Как нам впоследствии стало известно, он провел несколько месяцев в тюрьме, а осенью следующего года уехал из Англии на материк, поступив там на службу к королю Швеции.

Как часто я думала о нем, тосковала в течение тех долгих лет, для данной истории значения не имеет. Я особенно раскисала во время долгих ночных бдений, когда меня мучило мое тело. Днем я приучала свои чувства к послушанию, и благодаря успехам в учебе – я добилась хороших результатов в греческом, – а также моей заинтересованности жизнью братьев и сестер дни и месяцы проходили в атмосфере относительного душевного равновесия.

Время заживает любые раны, скажете вы, но, на мой взгляд, их заживает не столько время, сколько решимость духа.

А дух может в темноте превратиться в дьявола.

Пять, десять, пятнадцать лет; большой кусок жизни женщины, а в данном случае – и жизни мужчины тоже. Мы все время меняемся, из любопытных, наивных и во всем сомневающихся юных созданий превращаемся в самоуверенных, властных людей с уже устоявшимися привычками и сформированным характером.

До несчастного случая я была строптивой, взбалмошной девчонкой, но в сорок втором году, когда разразилась война^[6], так перевернувшая наши жизни, я была тридцатидвухлетней женщиной, «славной тетушкой Онор» для многочисленных моих племянников и племянниц и довольно важной фигурой в семье.

Человек, навсегда прикованный к креслу или к кровати, может легко стать тираном, и, хотя я никогда не стремилась к власти, после смерти матери я стала той, кто принимает решения, к чьему авторитету прибегают при каждом удобном случае. Странная вещь, но я была как бы окружена легендой, словно моя физическая беспомощность наделила меня большой мудростью.

С иронией относясь к культу, образовавшемуся вокруг моей персоны, я в то же время всячески заботилась о том, чтобы не разрушить эту иллюзию.

Молодежь, я думаю, меня любила, зная мою бунтарскую натуру, а также потому, что я всегда становилась на ее сторону. Циничная на первый

взгляд, я, по сути, была неизлечимым романтиком, и, если нужно было передать записку, устроить встречу или сказать что-либо по секрету, моя комната в Ланресте становилась поочередно то местом деловых встреч, то местом любовных свиданий, то исповедальней. Пасынок и падчерицы Мэри постоянно крутились возле меня, и я оказывалась замешанной в многочисленные ссоры, умело покрывая их проказы и не раз выступая посредником в их сердечных делах. Джонатан, мой зять, был добр, справедлив, но строг, убежденный сторонник «серьезного» брака и противник поспешных, импульсивных решений. Он, несомненно, был прав, но этот торг между родственниками, эти корыстные споры о деньгах невольно вызывали у меня отвращение, и, когда Элис, его старшая дочь, стала сохнуть и бледнеть, томясь любовью к худому, как щепка, Питеру Кортни – родители уже несколько месяцев спорили, стоит им жениться или нет, – я пригласила их в Ланрест, велел им устроить свое счастье, пока еще не поздно, и никто ничего не узнал.

Так что поженились они в должное время, и хотя все кончилось разводом (причиной тому явилась война), по крайней мере они прожили несколько счастливых лет, и ответственность за это я с легким сердцем беру на себя.

Другой моей жертвой стала Джоан, моя крестница. Она, это важно запомнить, была дочерью моей сестры Сесилии и моложе меня лет на десять. Когда Джон Рашли, пасынок Мэри, приехал из Оксфорда погостить у нас, он застал Джоан у моего изголовья, и я тотчас смекнула, откуда ветер дует. Меня так и подмывало послать их к яблоне, однако какой-то внутренний сентиментальный голос удержал меня от этого шага, и я предложила им рожицу с колокольчиками. Неделью спустя они обручились и успели сыграть свадьбу до того, как завяли колокольчики, и даже сам Джонатан Рашли не нашел, к чему придраться в брачном договоре.

Но вот нежданно-негаданно грянула война, и перед Джонатаном и перед всеми мужчинами графства, включая моих братьев, встали другие, более важные проблемы. Страна бурлила уже давно, и в Корнуолле сталкивались между собой самые разные мнения: одни (хотя и возмущались высокими налогами) считали, что его величество вправе издавать любые законы, другие же поддерживали парламент, противившийся всему, что граничит с деспотизмом. Не раз я слышала, как мои братья спорили с Джеком Трелони, Раналдом Моуном, Диком Буллером и другими нашими соседями, причем мои братья рьяно защищали короля. Джо занимал уже довольно важный пост, ему было поручено руководить обороной побережья. Шли месяцы, умы

ожесточались, дружба становилась более холодной, люди перестали доверять друг другу. Открыто поговаривали о гражданской войне, и каждый мужчина в графстве начал готовить оружие, слуг и лошадей, чтобы в нужный момент внести свой вклад в дело, которое он считал справедливым. Женщины тоже не сидели сложа руки; многие, как Сесилия в Матеркомбе, разрывали старое постельное белье на бинты и набивали кладовые продовольствием на случай осады. Спорили, по-моему, еще ожесточеннее, чем потом, когда начались боевые действия. Друзья, ужинавшие у нас за неделю до этого, стали вдруг подозрительными, вспоминались давно забытые скандалы, люди клеветали друг на друга из-за простого несовпадения взглядов.

Все это меня огорчало. Эти распри между соседями, которые веками жили друг с другом в мире и согласии, казались мне кознями дьявола. Мне неприятно было слышать, как Робин, мой нежно любимый братец, такой ласковый с собаками и лошадьми, чернил Дика Буллера за его поддержку парламента, уверял, что он берет взятки, превращает своих слуг в шпионов, хотя полгода назад они вместе с Диком участвовали в соколиной охоте. А Роб Беннет, еще один из наших соседей и друг Буллера, стал распространять слухи, порочащие моего зятя Джонатана Рашли, утверждая, что отец Джонатана и его старший брат, внезапно умершие с интервалом в несколько дней, когда свирепствовала эпидемия оспы, пострадали вовсе не от болезни, а были отравлены. Эти рассказы показывали, как за несколько месяцев соседи превратились в волков, готовых перегрызть друг друга глотки.

При первом же расколе между его величеством и парламентом, в сорок втором году, мои братья Джо и Робин, так же как и большинство наших ближайших друзей, в том числе Джонатан Рашли, его зять Питер Кортни, семья Трелони, семья Арунделл и, естественно, Бевил Гренвил, высказались в поддержку короля. Семейной жизни и всякому спокойствию сразу же пришел конец. Робин отправился в Йорк, в армию его величества, захватив с собой Питера Кортни, и каждый тотчас же получил в свое командование по роте. Питер, в первом же сражении проявивший чудеса храбрости, получил рыцарское звание прямо на поле боя.

Мой брат Джо и мой зять Джонатан колесили по графству, собирая деньги, людей и боеприпасы для королевской армии. С деньгами дело обстояло неважно, ибо Корнуолл всегда был беден, а в последнее время нас почти совсем разорили; многие семьи, не имея достаточного количества наличных денег, отдавали серебряную посуду – верноподданнический, но совершенно бесполезный жест. Мне не хотелось следовать их примеру, но я

вынуждена была это сделать, поскольку сбором занимался сам Джонатан Рашли. Мое отношение к войне было несколько циничным, ибо, не слишком веря в высокие цели и уединенно живя в Ланресте с Мэтти и прислугой, я чувствовала себя удивительно отстраненной от всего, что происходило вокруг. Успехи первого года отнюдь не вскружили мне голову, как это случилось с моей семьей, ибо я в отличие от них не считала, что парламент так легко сдаст свои позиции. Парламентарии привлекли на свою сторону сильных полководцев и располагали крупными суммами денег – их поддерживали все богатые коммерсанты Лондона, – и, кроме того, у меня сложилось мнение, которое я держала при себе, что их армия несравненно сильнее. Храбрости нашим военачальникам было не занимать, однако им не доставало опыта. Военское снаряжение было также довольно скудным. Дисциплина в войсках отсутствовала. К осени угроза войны стала наиболее явственной: обе армии выстроились на восточном и западном берегу реки Теймар. Я провела беспокойное Рождество и в третью неделю января узнала, что случилось худшее: враг переправился через Теймар и вошел в Корнуолл. Я обедала, когда Питер Кортни принес нам эту новость, проскакав во весь опор от Бодмина до Ланреста, чтобы сообщить мне, что армия противника движется по дороге на Лискард. Его полк, под командованием сэра Ралфа Гоптона^[7], должен остановить это продвижение, Гоптон проводит в эту минуту военный совет в Боконноке, в нескольких милях отсюда.

– Будем надеяться, – сказал мне Питер, – что сражение не заденет вас здесь, в Ланресте, а состоится где-то между Лискардом и Лостуитиелом. Если мы их разобьем и вытесним из Корнуолла, войну можно будет считать выигранной.

Он был крайне возбужден, держался гордо, темные локоны обрамляли его лицо.

– У меня нет времени ехать в Менебилли, – объяснил он мне. – Если я паду на поле брани, не будешь ли ты так любезна передать Элис, что я люблю ее?

Он молниеносно ускакал прочь, и мы с Мэтти остались вместе с двумя пожилыми лакеями и тремя служанками без оружия и без надежды на чью-либо поддержку. Не оставалось ничего другого, как собрать всех коров и овец, запереть их в хлевах, а самим забаррикадироваться в доме. Затем мы все собрались вокруг камина в моей комнате наверху и стали ждать. Один или два раза, открыв окно, мы как будто слышали гроыхание пушек, монотонное и прерывистое, странно далекое в морозном январском воздухе. Около трех часов дня прибежал один из рабочих фермы,

замолотил кулаками во входную дверь.

– Неприятель обращен в бегство! – возбужденно кричал он. – Разбегается как свора побитых собак вдоль Лискардской дороги. В Брэддок-Дауне сегодня было большое сражение.

Стали появляться отставшие от частей солдаты, прятавшиеся в кустах, они рассказывали, что роялисты одержали победу, сражались отчаянно и взяли около тысячи человек в плен.

Не веря этим слухам, я приказала прислуге ждать и держать двери на замке, пока все это не подтвердится, но еще до наступления темноты мы узнали, что победа одержана, поскольку сам Робин прискакал верхом на лошади обрадовать нас, и вместе с ним – братья Трелони и Раналд Моун. Робин был весь в пыли, а рука его была перевязана пропитанными кровью бинтами. Все смеялись, ликовали: обе дивизии парламента в полном смятении бежали в направлении Солташа, и их противные рожи, как сказал Джек Трелони, никогда больше не сунутся на эту сторону Теймара.

– А этот парень, – говорил он, похлопывая Робина по плечу, – шел в бой с соколом на рукавице. Он выпустил его на мушкетеров Рутина, и, ей-богу, птица их так удивила, что многие стали палить куда попало и дали стрелкача еще до того, как у них кончился порох.

– Я поспорил с Питером, – улыбнулся Робин. – В случае проигрыша я должен был отдать свои шпоры и стать крестным его очередного ребенка.

Они затряслись от смеха, забыв о пролитой крови и трупах, что они топтали ногами, затем сели, осушили два огромных кубка с элем, вытирая влажные от пота лбы и обсуждая ход боевых действий, словно спорщики после петушиного боя.

Бевил Гренвил стал героем дня в этом своем первом бою, и они объяснили нам, как он вел корнуолльскую пехоту с холма на холм за собой в атаку – такую яростную, что противник не смог устоять.

– Видела бы ты, Онор, – рассказывал Робин, – как слуги и арендаторы распластались перед ним в торжественной молитве; он же в руке держал шпагу, а его честное, открытое лицо было поднято к небу. Они все были в серебристо-голубых мундирах, как на большом празднике. Они бежали за ним вниз по склону, крича: «Гренвил! Гренвил!» Его слуга Тони Пейн размахивал пурпурным знаменем с тремя золотыми полосками. Боже, как я был горд, что я корнуоллец.

– Это у него в крови, – сказал Джек Трелони. – Бевил всю жизнь был помещиком. Но вложи ему в руки оружие, и он превратится в тигра. Таковы все Гренвилы в глубине души.

– Дорого бы я дал, – вступил в разговор Раналд Моун, – чтобы Ричард

Гренвил перестал убивать ирландских дикарей и вернулся к своему брату.

Наступило неловкое молчание, так как некоторые вспомнили о прошлом, а также о моем присутствии в комнате, затем встал Робин и заявил, что пора возвращаться в Лискард.

Вот так в сорок третьем году в юго-восточном Корнуолле война лишь слегка задела нас и ушла. Многие из тех, кто даже не понюхал порошу, разглагольствовали о том, что они слышали или видели, тогда как те, кто в ней участвовал, такие как Робин, хвастались, что летом парламентские мятежники сложат оружие окончательно.

Увы! Оптимизм этот был совершенно неуместен. В том году мы одержали целую серию побед на западе, дойдя до самого Бристоля, и корнуолльцы покрыли себя славой, но в ходе того первого лета мы потеряли цвет мужского населения Корнуолла.

Сидней Годолфин, Джек Треванион, Ник Слэннинг, Ник Кендал – одно за другим я вижу их лица, когда ворошу прошлое, и вспоминаю, как у меня замирало сердце, когда я брала в руки список погибших, который привозили из Лискада. Все были людьми благородного поведения и высоких принципов – таких в графстве осталось не много, и их потеря весьма чувствительно отразилась на армии. Самой большой трагедией года, по крайней мере нам так казалось, стала гибель в Лансдауне Бевила Гренвила. Мэтти вбежала ко мне в комнату вся в слезах со словами:

– Они убили сэра Бевила!

Бевила, который, с его изяществом и учтивостью, добротой и обаянием, стоил всех военачальников Корнуолла, вместе взятых!

Я переживала так, словно он приходился мне братом, но была слишком ошеломлена, чтобы плакать.

– Говорят, – продолжала Мэтти, – что он был сражен ударом секиры как раз в тот момент, когда победа в бою была близка и противник обращен в бегство. И высокий Тони Пейн, его слуга, водрузил юного господина Джека на лошадь его отца. Мужчины ехали следом за парнем, обезумевшие от ярости и горя при виде их умершего хозяина.

Да, я хорошо представляла себе эту сцену. Бевил, убитый на месте, голова раскрыта каким-нибудь ублюдочным мятежником, а на белом боевом коне Бевила его четырнадцатилетний сын Джек, которого я так хорошо знала, со слезами на глазах размахивает слишком большой для него саблей. А мужчины в серебристо-голубых мундирах ехали вслед за ним, и ненависть к врагу переполняла их сердца. О Боже! Были в природе Гренвилы некое благородство, скрытая неукротимость духа, из-за чего они, как корнуолльцы и военачальники, намного превосходили всех нас.

Так, торжествуя победу и оплакивая потери, мы, роялисты, явились свидетелями окончания этого и наступления 1644 года – рокового для Корнуолла, – в начале которого его величество стал хозяином запада. Однако так и не сложенный окончательно парламент сосредоточивал повсюду мощные силы.

Весной этого года один офицер прибыл из Ирландии в Лондон и предложил свои услуги. Он намекнул господам из парламента, что может присоединить свои отряды к их войскам, и они, обрадованные перспективой пополнить в свои ряды такого славного воина, дали ему шестьсот фунтов и поделились с ним планами своего весеннего наступления. Он поблагодарил, улыбнулся – что было опасным знаком, если бы они знали его лучше, – и тотчас уехал в шестиместной карете в сопровождении группы солдат, один из которых скакал впереди с высоко поднятым флагом. Этим флагом была огромная карта Англии и Уэльса на малиновом фоне со словами «Обагрённая кровью Англия», написанными поперек золотыми буквами. Когда экипаж прибыл в Багшот-Хит, его предводитель вылез из кареты и, собрав вокруг себя своих людей, невозмутимо предложил им следовать в Оксфорд и сражаться на стороне его величества, а не наоборот. Солдаты вполне охотно согласились, и обоз отправился в Оксфорд, увозя с собой кучу денег, оружия и серебряной посуды, завещанной парламентом, а также стенограмму заседания тайного совета, только что состоявшегося в Лондоне.

Имя человека, так дерзко одурачившего парламент, было Ричард Гренвил.

Глава 7

В один из последних апрельских дней сорок четвертого года провести меня из Радфорда приехал Робин, он настоятельно советовал мне оставить Ланрест и пожить хотя бы какое-то время с нашей сестрой Мэри Рашли в Менебилли. Робин командовал тогда пехотным полком, поскольку при сэре Джоне Дигби получил звание полковника и участвовал в длительной осаде Плимута – единственного города запада, который выступал еще в поддержку парламента.

– Джо и я считаем, – сказал мне Робин, – что ты не должна жить здесь в уединении, пока идет война. Не пристало женщине, да еще такой беспомощной, оставаться одной. На дорогах полно дезертиров, и они занимаются грабежом. Мысль, что ты здесь с несколькими стариками и Мэтти, будет постоянно не давать нам покоя.

– Здесь нечего грабить, – возразила я. – Посуда отправлена в Труро, а что касается меня... калека вряд ли доставит кому-нибудь удовольствие.

– Вопрос не в этом, – продолжал Робин. – Джо, Перси и я не сможем выполнять свой долг, зная, что ты здесь одна.

Он убеждал меня почти целый день, в конце концов я скрепя сердце согласилась.

Уже пятнадцать лет – после того как упала с лошади – я не покидала Ланреста, и то, что надо ехать жить в чужой дом, пусть даже к своей родной сестре, меня совсем не вдохновляло.

Менебилли уже наводнили родственники Рашли, приехавшие искать убежища у Джонатана, и у меня не было ни малейшего желания пополнять их ряды. Я не терпела незнакомцев и шумные компании, кроме того, теперь у меня появились свои привычки, я сама распоряжалась своим временем, у меня сложился свой распорядок дня.

– Ты можешь жить в Менебилли точно так, как в Ланресте, – уверял Робин, – с той лишь разницей, что там тебе будет лучше. Мэтти поедет с тобой, тебе выделят отдельную комнату и будут приносить еду, если ты не захочешь питаться вместе со всеми. Дом стоит на холме, свежий морской ветер, прогулки по прекраснейшим садам, – что может быть приятнее?

Я придерживалась другого мнения, однако, видя его волнение, не могла больше спорить. Неделью спустя багаж был собран, заперт, и меня повезли в паланкине в Менебилли.

Какое странное волнение испытываешь, вновь оказавшись на дороге!

Пересекаешь Лостуитиел, видишь людей на рыночной площади – обычная повседневная жизнь общества, из которого я уже давно себя исключила, сделав Ланрест моим единственным миром. Я испытывала странную нервную дрожь и чувствовала себя не очень уютно, выглядывая из-за занавесок паланкина. Я как бы перенеслась вдруг в неведомую страну, язык и обычаи которой мне неизвестны. Настроение поднялось, когда мы пересекали длинный склон на выезде из города и старый редут в Каслдоре, а когда моему взору открылась большая голубая бухта Тайуордрета, я подумала, что перемена обстановки в принципе не такая уж и трагедия. Мне навстречу, размахивая шляпой, скакал Джон Рашли, с широкой улыбкой на узком и бледном лице. Ему было только двадцать три года, но его беда заключалась в том, что слабое здоровье не позволяло ему пойти в армию, и он вынужден был оставаться дома в подчинении отца: с раннего детства он страдал приступами лихорадки, которая, случалось, трясла его несколько дней подряд. Это был очень милый, привлекательный юноша, обладавший обостренным чувством долга, хотя и испытывавший благоговейный страх перед своим отцом, а его жена – моя крестница Джоан, – с веселыми глазами и острым язычком, только оттеняла его достоинства. Рядом рысью ехал его друг и кузен Фрэнк Пенроуз – молодой человек, его ровесник, которого мой зять использовал в качестве секретаря и помощника управляющего имением.

– Все готово к твоему приезду, Онор, – улыбнулся Джон, скача рядом с моим паланкином. – Нас сейчас более двадцати человек в доме, и почти все собрались во дворе, чтобы тебя встретить. Сегодня вечером устраивают ужин в твою честь.

– Очень хорошо, – ответила я. – Можешь сказать этим парням, пусть возвращаются в Лостуитиел.

После чего он признался, что Джоан велела ему меня разыграть. Вся компания собралась не во дворе, а в восточном крыле дома, и никто не станет мне докучать.

– Моя мачеха отвела тебе комнату над воротами, – сказал он. – Она говорит, что тебе нужно побольше воздуха и света. Окна в твоей спальне выходят и на запад – на внешний двор, и на внутренний двор, который опоясывает дом. Будешь разглядывать, как из театральной ложи, все, что происходит вокруг.

– Двадцать человек в доме, это чуть ли не целый гарнизон, – пошутила я.

– Около пятидесяти, если считать прислугу, – уточнил Джон, смеясь. – Но они спят валетом на чердаках.

Настроение у меня вновь упало, и, когда мы свернули с большой дороги в парк и я увидела в дальнем конце его огромный каменный особняк, окруженный стенами и пристройками, я прокляла себя за то, что приехала. Мы повернули налево, во внешний двор с пекарнями, кладовыми и сыроварнями, и, проехав под низкой аркой ворот, над которыми находилось мое будущее жилище, мы остановились во внутреннем дворе. Двор имел форму квадрата с высокой башней – или колокольней – в своей северной части и с входной дверью с южной стороны. На крыльце стояли Мэри, Элис Кортни, старшая из ее падчериц, и Джоан, моя крестница, в окружении детишек, дергавших их за юбки.

– Добро пожаловать в Менебилли, милая Онор, – приветствовала меня Мэри, явно нервничая.

– Здесь полно детей, Онор, – промолвила, улыбаясь, Элис, которая, выйдя замуж за Питера, исправно один раз в год производила на свет по ребенку.

– Мы намереваемся привязать к колоколу дозорной башни веревку, – вставила Джоан. – Если шум покажется тебе слишком громким, ты сможешь позвонить и заставить домочадцев замолчать.

– Значит, за мной уже закрепились репутация дракона, – сказала я. – Что же, тем лучше, потому что я собираюсь все делать по-своему: Робин должен был предупредить вас.

Меня внесли в темный, обшитый панелями холл и огромную, во всю длину дома, галерею, из которой доносился гул голосов, подняли наверх по широкой лестнице и понесли дальше по коридору в западное крыло. Моя комната, должна признаться, сразу привела меня в восторг. Быть может, потолок низковат, но зато было довольно просторно и очень светло. Два окна, как и говорил Джон. Одно, западное, выходило во внешний двор. Справа – комната для Мэтти. Все было создано для моего удобства.

– Никто не станет тебе надоедать, – говорила Мэри. – Покои с другой стороны гардеробной принадлежат Солам, кузенам Джонатана. Очень серьезные и скромные люди, они не будут тебя беспокоить. Комната слева всегда пустует.

Меня наконец оставили, и с помощью Мэтти я разделась и легла в постель, очень уставшая от путешествия и довольная, что осталась одна. Первые несколько дней я знакомилась со своим новым окружением и устраивалась, как собака, сменившая одну конуру на другую.

Моя спальня была очень приятной, и я не имела ни малейшего желания ее покидать. Нравился мне также и бой часов на дозорной башне, и, твердо сказав себе однажды, что мне следует раз и навсегда забыть о

спокойствии Ланреста, я стала прислушиваться ко всему, что происходило в этом большом доме, к суете во внешнем дворе, к звукам шагов под сводами арки подо мной. Из-за занавесок я даже разглядывала окна напротив, из которых то и дело высовывались люди и переговаривались между собой. Время от времени днем ко мне заходила молодежь, мы разговаривали, и я составляла представление о других обитателях дома. Это были две семьи – Сола и Спарки, кузены Рашли, между которыми постоянно происходили стычки. В отсутствие моего зятя Джонатана задача поддержания мира возлагалась на его сына Джона – тяжелое бремя для молодого человека, не обладавшего достаточно широкими плечами, ибо ничто так не раздражает молодых людей, как необходимость все время одергивать старых дев и занудливых стариков. Мэри, как образованная хозяйка дома, с утра до вечера надзирала за сыроварнями, запасами провизии и кладовыми, чтобы все домочадцы были накормлены. Приходилось также присматривать за маленькими детьми – у Элис было три девочки, у Джоан – девочка и мальчик, и осенью она ждала еще одного ребенка. В каком-то смысле Менебилли представлял собой колонию с семьей в каждом крыле. На пятый день я уже совсем освоилась и чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы покинуть комнату. Джон толкал мое кресло, Джоан и Элис шли по бокам, дети бежали впереди – так мы объехали всю усадьбу. Огромные сады, окруженные высокими стенами, по пологому склону поднимались к востоку. Когда мы достигли вершины, моему взору открылись густо поросшие кустарником холмы и дорога на Фой, в трех милях от нас. К югу простирались пастбища, вдали виднелись фермы, а дорога на насыпи вела к летнему флигелю, построенному в форме башни с продолговатыми окнами и оправленными в свинцовые переплеты стеклами, откуда открывался изумительный вид на море и мыс Гриббен-Хед.

– Это отцовское святилище, – пояснила Элис. – Здесь он пишет и производит подсчеты, а из окон может наблюдать за всеми кораблями, которые держат курс на Фой. – Она повернула ручку двери – та оказалась заперта. – Когда вернемся, попросим у него ключ. Место идеально подойдет для Онор, когда ветер на насыпи будет слишком свеж.

Джон промолчал. Наверное, как и я, он подумал, что его отец вряд ли обрадуется моему обществу. Мы объехали земельные участки и на обратном пути проследовали мимо дома управляющего, лужайки для игры в шары и садка для кроликов. Подняв глаза на уже знакомые мне ворота, на вазу с цветами на моем окне, я впервые заметила забитое досками окно соседней с моей комнаты и выступавший рядом с ним огромный

контрфорс.

– Почему этой комнатой никогда не пользуются? – спросила я из праздного любопытства.

Джон ответил не сразу.

– Отец туда иногда заходит, – произнес он. – Он держит там мебель и ценности.

– Это была комната моего дяди, – поколебавшись, сказала Элис и взглянула на Джона. – Он умер внезапно, когда мы были еще детьми.

Заметив смущение на их лицах, я не стала больше задавать вопросы, вспомнив вдруг старшего брата Джонатана, умершего на той же неделе, что и его старик-отец, якобы от оспы. Именно о нем распускал злые слухи парламентарий Роб Беннет.

Мы проехали под аркой, и я заставила себя познакомиться с кузенами Рашли. Они все собрались в длинной галерее – огромной комнате, обитой темными панелями, с окнами, которые выходили во двор и на сады в восточной части усадьбы. В противоположных углах комнаты находились каминь. Перед одним сидело семейство Сол, другой окружило семейство Спарк; они переглядывались, будто звери, запертые в клетке, в то время как посередине галереи моя сестра Мэри обеспечивала равновесие вместе со своей второй падчерицей, Элизабет, которая была дважды Рашли, ибо сочеталась браком со своим кузеном, жившим в миле отсюда, в Комбе.

Джон вкатил кресло в галерею и с надлежащей торжественностью представил меня враждующим сторонам.

Троим Спаркам противостояли только двое Солов. Последние представляли собой довольно угрюмую, отталкивающую парочку: дряхлый Ник Сол, согнутый пополам ревматизмом, и почти такая же немощная, как я, Темперанс, его жена, судя по имени^[8] – пуританского происхождения, не выпускавшая из рук молитвенника. Она начала молиться сразу, как только меня увидела, – видит Бог, я никогда еще не производила такого впечатления ни на мужчину, ни на женщину, – а закончив, спросила, знаю ли я, что мы все, кроме нее, обречены на вечные муки. Я довольно веселым тоном ответила ей, что давно об этом догадывалась. Тогда она шепотом призналась мне, бросая злобные взгляды в сторону другого каминь, что на землю сошел Антихрист. Я обернулась и увидела опущенные плечи Уилла Спарка, поглощенного безобидной игрой в шашки со своими сестрами.

– Провидение послало вас к нам, чтобы предостеречь, – прошипела Темперанс Сол, и, пока она разбирала по косточкам характеры своих родственников, ее супруг Ник Сол пробубнил в мое левое ухо полный отчет о своем ревматизме: от болей в большом пальце левой ноги, впервые

появившихся лет сорок тому назад, до мучительной неспособности поднять локти вертикально.

Несколько ошарашенная, я сделала знак Джону, и он подкатил меня к Спаркам – двум сестрам и брату. Уилл был одним из тех мужчин-неудачников, что обладают высоким голосом и жеманными повадками женщины; я сразу почувствовала, что он скрывает под своей одеждой некий изъясн. Похоже, он был так же остер на язык, как его кузина Темперанс: он тотчас принялся высмеивать привычки Солов, словно видел во мне союзницу. Дебора наверстала в мужественности то, чего не хватало ее брату: носила пышные усы и говорила глухим голосом. Что же касается Джиллиан, его младшей сестры, она была само очарование и скромность, вся в губной помаде и бантиках, несмотря на свои сорок лет, а смеялась так звонко, что резало в ушах.

– Эта ужасная война, – молвила Дебора приятным низким голосом, – всех нас объединила.

Изречение это показалось мне не вполне искренним, поскольку они друг друга терпеть не могли, и, пока Джиллиан отпускала комплименты относительно моего внешнего вида и моего платья, я краешком глаза заметила, как Уилл тайком передвинул одну шашку на доске.

Воздух в помещении над воротами казался свежее, чем в галерее, и после посещения покоев Элис, Джоан и Элизабет, насмотревшись на шумную возню детей, на дрыгавших ножками младенцев, я вздохнула с облегчением, вновь оказавшись в своей комнате, в счастливом уединении. Мэтти принесла мне обед – привилегия, которой я не хотела лишаться, – и уйму сплетен, что было в ее характере, о слугах и о том, что они говорят о своих хозяевах. Джонатана, моего зятя, уважали, боялись, но не очень любили. Все радовались, когда он уходил из дома. Он вел учет всех расходов, и, если работник расточительно относился к продуктам, его тут же увольняли. Мэри, мою сестру, любили больше, хотя и говорили, что в кладовой она – тиран. К молодежи относились благожелательно, особенно к Элис, нежное лицо которой и мягкий характер обезоружили бы самого дьявола, однако покачивали головами, говоря о ее красавце-супруге Питере, который, как выразилась Мэтти, заглядывался на красивые ножки и запросто мог обнять за талию девицу с кухни, если представлялся такой случай.

– Я охотно этому верю, – сказала Мэтти, – поскольку сама уже не раз швыряла в него подушкой, когда он слишком давал волю рукам. Господин Джон и госпожа Джоан тоже им нравятся, но поговаривают, что господину Джону следовало бы тверже держаться со своим отцом.

Эти слова напомнили мне о моей послеобеденной прогулке, и я спросила Мэтти, что ей известно о соседней комнате.

– Похоже, это чулан, – ответила она. – Мистер Рашли держит там разные ценности.

Это возбудило мое любопытство, и я велела ей поискать в двери какую-нибудь щель. Она прильнула лицом к замочной скважине, но ничего не увидела. Я протянула ей ножницы – мы обе хихикали, как дети, – и, проработав минут десять, она проковыряла в панельной обшивке отверстие достаточно большое, чтобы в него можно было заглянуть. Она опустилась на колени перед ним, но минуты через две обернулась, разочарованно произнеся:

– Там ничего нет. Обычная комната, очень похожая на эту, с кроватью в углу и драпировками на стенах.

Я почувствовала себя едва ли не оскорбленной, ибо из-за своей глупой романтичности надеялась обнаружить там груды сокровищ. Я велела ей прикрыть щель картиной и принялась за ужин. Однако позднее, когда Джоан пришла посидеть со мной на закате, в сгущавшихся уже сумерках, она вдруг сказала, пожившись:

– Знаешь, Онор, а ведь я спала в этой комнате один раз, когда у Джона был приступ лихорадки, и мне здесь не понравилось.

– Почему же? – спросила я, отхлебывая вино.

– Мне показалось, что я слышала шаги в соседней комнате.

Я посмотрела на картину – щель была хорошо скрыта.

– Шаги? – удивилась я. – Какого рода шаги?

Озадаченная, она пожала плечами.

– Легкие шаги. Будто кто-то ходил в домашних туфлях, чтобы его не услышали.

– Давно это было?

– Зимой, – ответила она. – Я никому об этом не говорила.

– Наверное, кто-нибудь из прислуги, – предположила я, – зашел туда случайно.

– Нет! – покачала она головой. – Ни у кого из прислуги нет ключа. Он есть только у моего тестя, но его тогда не было дома. – Она на секунду смолкла и бросила взгляд через плечо. – Я думаю, это было привидение.

– Откуда в Менебилли взялся привидению? – возразила я. – Дому нет еще и пятидесяти лет.

– Тем не менее здесь уже умирали. Старый дедушка Джона и его дядя Джон.

Она посмотрела на меня блестящими глазами, и, зная мою Джоан, я

поняла, что это еще не все новости.

– Значит, ты тоже слышала эту историю с отравлением, – сказала я наугад.

– Но я в нее не верю, – тотчас подхватила она. – Это было бы чудовищно. Он слишком добр, слишком честен. Я действительно думаю, что это было привидение, дух старшего брата, которого звали дядя Джон.

– С какой стати он стал бы ходить по комнате в домашних туфлях?

Она задумалась.

– Об этом никогда не говорят, – прошептала она наконец, сконфуженная. – Я обещала Джону держать это в тайне, но тебе скажу: он был сумасшедшим, и потому его держали взаперти в той комнате.

Раньше я ничего об этом не слышала и нашла новость просто чудовищной.

– Ты уверена? – спросила я.

– О да! Об этом говорится в завещании старого господина Рашли. Мне сказал Джон. Перед смертью старый господин Рашли вырвал у моего свекра обещание позаботиться о старшем брате, кормить, поить и дать пристанище в доме. Говорят, что для него и соорудили эту комнату каким-то особенным образом, но как именно, я не знаю. Потом он внезапно умер, от оспы. Джон, Элис и Элизабет его не помнят – они были тогда еще совсем маленькие.

– Какая неприятная история, – произнесла я. – Налей мне еще вина, и забудем о ней.

Вскоре она ушла, и вошла Мэтти, чтобы задернуть шторы. Больше в тот вечер ко мне визитов не было. Однако с наступлением сумерек, когда в парке начали ухать совы, мои мысли вернулись к слабоумному дядюшке Джону: запертый в той комнате, он в течение многих лет был пленником своего ума, как я своего собственного тела.

Но утром пришли известия, заставившие меня забыть на время эту историю с шагами в темноте.

Глава 8

День выдался чудесный, и я отважилась еще раз выехать в своем кресле на дорогу на насыпи, а вернувшись домой около полудня, узнала, что в Менебилли в мое отсутствие прискакал гонец с письмами из Плимута и других мест к членам семейства, которое собралось в галерее, чтобы обсудить последние вести с войны. Возле одного из окон, выходящих в сад, сидела Элис и читала длинное послание от своего Питера.

– Сэр Джон Дигби ранен, – сообщила она. – И осаду возглавил новый главнокомандующий, который сразу прибрал их всех к рукам. Бедняга Питер, теперь он может распрощаться и с охотой, и со зваными ужинами. Придется им отнестись к войне серьезно.

Она перевернула страницу небрежно написанного письма и покачала головой.

– Кто же ими командует? – любопытствовал Джон, снова вызвавшийся быть моим сопровождающим.

– Сэр Ричард Гренвил, – ответила Элис.

Мэри, единственная в Менебилли, кто знал о давно забытом романе, в галерее не было, поэтому, услышав это имя, я ничуть не смутилась. К тому времени я уже сделала одно любопытное наблюдение: мы приходим в замешательство только тогда, когда другие из-за нас попадают в неловкое положение.

Из того, что сказал Робин, я поняла, что Ричард приехал на запад поднимать отряды на защиту дела короля, и назначение командующим осадой Плимута считалось повышением. До этого он уже прославился тем, что обвел вокруг пальца парламент и примкнул к его величеству.

– Ну и что думает Питер о своем новом командире? – услышала я свой голос как бы со стороны.

Элис сложила письма.

– Он им восхищается как солдатом, – ответила она. – Но не думаю, что он высокого о нем мнения как о человеке.

– Я слышал, – отозвался Джон, – что его никогда не мучает совесть, что он не забывает и никогда не прощает оскорблений.

– Кажется, он вел себя очень жестоко с людьми в Ирландии, – сказала Элис. – Впрочем, некоторые считают, – не более чем они того заслуживали. Но, боюсь, он совсем не похож на своего брата.

Странно было слышать, как при мне перемывали косточки мужчине,

который когда-то прижимал меня к своему сердцу, был моим возлюбленным.

В эту минуту вошел Уилл Спарк, и тоже с письмом в руке.

– Итак, Ричард Гренвил командует в Плимуте, – произнес он. – Мне сообщил эту весть мой родственник из Тавистока, он сейчас с принцем Морисом. Похоже, принц очень высоко его ценит как солдата, но боже, какой он, однако, негодяй!

Лицо мое стало заливаться краской: старая любовь всплывала на поверхность.

– Мы как раз о нем говорили, – вставил Джон.

– Полагаю, вы слышали, что он сделал, как только прибыл на запад? – спросил Уилл Спарк, воодушевляясь, как всякий любитель злых сплетен. – Я знаю это напрямую от своего родственника. Гренвил примчался в Фитцфорд, имение жены, выставил прислугу, занял все помещения, управляющего засадил в тюрьму и присвоил все деньги, которые арендаторы были должны его жене.

– Я полагала, что они в разводе, – сказала Элис.

– Так и есть, – подтвердил Уилл. – Он не имеет права ни на одно пенни из ее имущества. Но в этом весь Ричард Гренвил.

– Интересно, – проговорила я спокойно, – что стало с его детьми?

– Могу вас просветить, – ответил Уилл. – Дочь в Лондоне с матерью. Есть ли у нее друзья в парламенте, я не знаю. Мальчик был в Фитцфорде со своим учителем, когда Гренвил захватил имение, и, по всей видимости, находится там и сейчас. Говорят, бедный мальчик страшно боится своего отца, и его можно понять.

– Наверняка это мать воспитала его так, что он ненавидит отца, – высказала я свое предположение.

– Женщине, которой пришлось столько выстрадать, – возразил Уилл, – довольно трудно представлять своего бывшего мужа в розовом свете.

Логика была на его стороне – она всегда была на стороне тех, кто клеветал на Ричарда, – и я попросила Джона отнести меня наверх, в мою комнату. Так хорошо начавшийся день завершался на весьма неприятной для меня ноте. Я легла на кровать и сказала Мэтти, что никого не принимаю.

Уже пятнадцать лет, как та Онор была мертва, погребена, и вот теперь, при одном лишь упоминании имени, которое лучше было бы забыть, она вновь возвращалась к жизни. В Германии, в Ирландии Ричард был слишком далеким персонажем, чтобы занимать мои мысли каждый день. Когда же я грезила или видела его во сне – что случалось довольно часто, – я всегда

думала о нем в прошедшем времени. И вот сейчас он должен ворваться в настоящее, находясь менее чем в тридцати милях отсюда; его имя станет предметом пересудов, его будут критиковать, склонять и марать, как уже марал его Уилл Спарк сегодня утром, а я вынуждена буду все это выслушивать.

– Знаете, – сказал Уилл перед тем, как меня подняли наверх, – «круглоголовые» называют его шельмой Гренвиллом и назначили вознаграждение за его голову. Прозвище ему очень подходит, и даже его собственные солдаты называют его так за глаза.

– И что же оно означает? – спросила я.

– О! Я полагал, в немецком вы так же сильны, как и в греческом и латыни, госпожа Харрис. – Он помолчал и со смешком добавил: – Это значит плут, развратник.

О да, у меня были все основания уныло лежать в постели, восстанавливая в памяти образ молодого человека, улыбающегося мне сквозь листву яблони, и жужжание пчел в цветущих ветвях. Пятнадцать лет... Теперь ему должно быть сорок четыре, на десять лет больше, чем мне.

– Мэтти, – позвала я ее, перед тем как она зажгла свет, – принеси мне зеркало.

Она с подозрением посмотрела на меня, ее длинный нос сморщился.

– Зачем вам зеркало?

– Черт побери, тебя это не касается! – вспылила я.

Мы постоянно цапались с ней, но это ничего не значило. Она принесла зеркало, и я принялась разглядывать себя так, словно видела впервые в жизни.

Глаза, нос, рот не изменились, только лицо немного пополнило. Следствие долгого лежания на спине, подумала я. Крохотные морщинки под глазами – они появились, когда у меня сильно болели ноги. И я стала бледнее, чем прежде. Волосы – вот лучшее, что у меня было, предмет особой гордости Мэтти, которая готова была целыми часами расчесывать их, чтобы сделать еще более блестящими. Вздохнув, я вернула зеркало Мэтти.

– Чем вы так расстроены? – спросила она.

– Через десять лет я буду старухой.

Она фыркнула и принялась раскладывать на стуле мою одежду.

– Я хотела бы вам что-то сказать, – проговорила она, поджав губы.

– Что именно?

– Сейчас вы красивее, чем были когда-либо раньше, и так думаю не я

одна.

Это звучало обнадеживающе, и я тотчас представила вереницу моих обожателей, на цыпочках поднимающихся по лестнице, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение. Причудливая фантазия, но, черт побери, где же они все?

– Ты как старая курица-наседка, – ответила я Мэтти, – которая считает своего цыпленка самым красивым. Иди спать.

В тот вечер я много думала о Ричарде, о его сынишке, которому уже должно было исполниться четырнадцать. Неужели это правда, что он боится своего отца? Предположим, что мы с Ричардом поженились бы и мальчик был нашим ребенком. Играли бы мы с ним, подбрасывали бы его у себя на коленях, становились бы на четвереньки, изображая тигра? Прибегал бы он ко мне с грязными ручонками, растрепанными волосами и звонко смеялся? Был бы он рыжеволосым, как Ричард? Ездили бы мы все трое на охоту, и научил бы его Ричард держаться в седле? Тщетные, пустые мечты, смоченные сентиментальными слезами, как лютики росой в сырое утро. Засыпая, я услышала шум в соседней комнате. Я оторвала голову от подушки, думая, что это, наверное, Мэгги зашла в гардеробную. Но нет, звуки доносились с другой стороны. Я прислушалась, затаив дыхание. Да, я не ошиблась: кто-то крадущимися шагами ходил по комнате. Я мгновенно вспомнила рассказанную Джоан историю о старом дядюшке Рашли. Неужто и правда его призрак прокрадывался туда с наступлением сумерек? Ночь была темной, безлунной, к тому же ни в одном из окон не горел свет. Часы на башне пробили час ночи. Звук шагов возобновился, и я впервые уловила холодный ток воздуха, который шел из соседней комнаты.

Мои окна были закрыты, кроме одного, того, что выходило во внутренний двор. Дуло, однако, совсем не с этой стороны. И тогда я вспомнила, что между дверью в соседнюю комнату и полом имелась щель в один или два дюйма, в которую Мэтти пыталась заглянуть, перед тем как сделала ножницами отверстие в дверной перегородке.

Именно оттуда сейчас и сквозило, а это означало, что в соседней комнате открыты дверь или окно. Вкрадчивые, легкие шаги по-прежнему были слышны, и я, вспотев от волнения, начала вспоминать истории о привидениях, что рассказывали мне братья, когда я была еще маленькой, о том, как спустившийся на землю дух посещает те места, которые он ненавидит, принося с собой холодное, промозглое дыхание непроглядной тьмы. Возле конюшни залаяла собака, и этот домашний звук вернул меня к действительности. Почему какой-нибудь живой человек не мог открыть заколоченное окно, выходящее, как и одно из моих окон, во внешний

двор? Если призрак несчастного дядюшки Джона пригвоздил бы меня к постели, то живой человек, тайно проникший ночью в запертую комнату, только возбудил любопытство той, которая с малолетства отличалась склонностью совать свой нос во все, что ее не касалось.

С величайшей осторожностью я протянула руку к кремню для высекания огня, который Мэтти всегда оставляла возле моей кровати, и зажгла свечу. Кресло тоже стояло рядом. Я подтянула его к себе и, с трудом преодолевая боль, которую не облегчали долгие годы тренировки, опустилась в него. Шаги резко прекратились. «Значит, я права, – мелькнуло у меня в голове. – Никакой призрак не испугался бы звука скрипнувшего кресла». Я ждала долго, минут, наверное, пять. Незванный гость, похоже, успокоился, поскольку я отчетливо слышала звук выдвигаемого ящика. Я бесшумно пересекла в кресле комнату. «Кто бы там ни находился, – я зловеще улыбнулась, – он не знает, что калека способна перемещаться, если у нее есть сообразительный брат, наделенный даром изобретателя». Я подъехала к двери и снова прислушалась. Картина, которой Мэтти прикрыла прорезь, находилась на уровне моих глаз. Я задула свечу, рассчитывая на ощупь вернуться в темноте назад к кровати после того, как удовлетворю свое любопытство. Затем, затаив дыхание, я тихонько сняла картину с гвоздя и прильнула глазом к щелочке. Погруженная в полумрак, комната освещалась единственной свечой, стоявшей на голом столе. Я не могла ничего видеть ни справа, ни слева – отверстие было слишком маленьким, – но стол находился как раз напротив. За столом, спиной ко мне, сидел мужчина. На нем были сапоги со шпорами и куртка для верховой езды. Зажав в пальцах перо, он что-то писал на белом продолговатом листе бумаги, то и дело поглядывая на другой лист, лежавший рядом. Человек был сама плоть и кровь, а никакое не привидение, и напоминал клерка, спокойно переписывающего документ. Дойдя до конца длинного листа бумаги, он сложил его и, поднявшись из-за стола, открыл ящик секретера, стоявшего у стены, – при этом раздался звук, который я уже слышала. Как я сказала, в комнате царил полумрак, и я могла различить лишь шляпу у него на голове да куртку для верховой езды темно-красного цвета. Затем он вышел из моего поля зрения, унося свечу и бесшумно ступая в направлении самого отдаленного угла комнаты. После этого я ничего больше не слышала. И пока я ждала, озадаченная, прильнув к отверстию, я осознала внезапно, что сквозняк под дверью исчез. Тем не менее я не слышала, чтобы закрывали окно. Я наклонилась, опустила руку – сквозняка не было. Незнакомец каким-то непонятным образом устранил его, а сам в то же время вышел. Он покинул комнату не через дверь в

коридор, а через какой-то другой проход. Я вернула картину на место, на обратном пути к кровати наткнулась в темноте на стол и разбудила Мэтти.

– Вы в своем уме? – пожурела она меня. – Разъезжаете по комнате в полной темноте!

И, взяв меня на руки, как ребенка, опять уложила в постель.

– Мне привиделся кошмар, – солгала я, – и показалось, что я слышу шаги. Нет ли кого-нибудь во дворе, Мэтти?

Она раздвинула шторы.

– Ни души, – проворчала она в ответ. – Даже кошка не скребется в дверь. Все спят.

– Ты наверняка подумаешь, что я не в себе, – сказала я. – Все же выйди со свечкой в коридор и попробуй открыть дверь соседней комнаты.

– Не в себе, это точно, – раздраженно бросила она. – Вот что бывает, когда в пятницу вечером смотришься в зеркало.

Через минуту она вернулась.

– Дверь, как всегда, заперта и, судя по слою пыли на ручке, не открывалась месяц или больше.

– Да, – пробормотала я в раздумье. – Так я и предполагала.

Она пристально посмотрела на меня и покачала головой.

– Я заварю вам крепкий настой из трав.

– Я не хочу.

– Ничто лучше не прогоняет дурные сны, – произнесла она, укрыва меня одеялом и, поворчав еще немного, ушла к себе в комнату.

Я же долго не могла уснуть. Я попыталась вспомнить, как устроен дом, если смотреть на него снаружи, и что мне показалось странным во время недавней прогулки с Джоном вокруг дома. Было уже около половины пятого утра, когда меня осенило. Менебилли представлял собой прямоугольное строение с ясными, прямыми контурами, без единого выступа или флигеля. И только на северо-западном углу дома из стены рядом с запертой комнатой выдавался контрфорс, спускавшийся прямо от крыши к самой земле. Зачем, интересно, старый Джон Рашли, строя свой дом в 1600 году, предусмотрел этот контрфорс в северо-западном углу? Не существовало ли тут связи с тем обстоятельством, что комната за ним должна была стать убежищем его слабоумного старшего сына?

Одни душевнобольные безобидны, другие – нет. Но даже самым тяжелым, тем, кто мало отличается от животного, необходимы, как всякому живому существу, свежий воздух и движение в определенные часы дня. Я улыбнулась сама себе в потемках: после трех часов беспокойных метаний в постели я догадалась, как незваный гость проник в комнату, минуя

запертую дверь. Он вошел и вышел так же, как это делал наверняка несчастный дядюшка Джон почти полвека тому назад, воспользовавшись лестницей, скрытой в контрфорсе. Но зачем он приходил и чем он там занимался – это мне еще предстоит узнать.

Глава 9

На следующее утро шел дождь, и я не смогла совершить обычную прогулку вокруг дома. Но позже, днем, когда солнце выглянуло из-за туч, я, укутавшись шалью, сообщила Мэтти, что намереваюсь подышать свежим воздухом.

Джон Рашли объезжал на лошади свои владения вместе с управляющим Лангдоном, чей дом я уже видела за лужайкой для игры в шары. Поэтому его место за ручками моего кресла заняла Джоан, и мне не составило труда уговорить ее проехать под низкой аркой во внешний двор, где я сделала вид, что любуюсь окнами своих покоев над воротами.

В действительности же я изучала структуру контрфорса, который, как я и думала, проходил по всей высоте дома в северо-западной его части рядом с запертой комнатой.

Толщина контрфорса была немногим более четырех футов, и если внутри он был пустой, как я предполагала, то в нем легко могла поместиться лестница. Во всяком случае, другого выхода во двор не было – это точно. Я попросила Джоан подкатить меня к основанию постройки, сказав, что хочу потрогать лишайник, за пятьдесят лет образовавшийся на камне, в действительности же, чтобы удостовериться в прочности контрфорса. Если предположение мое окажется верным, внутри должна находиться лестница, спускающаяся ниже уровня фундамента дома, а еще ниже – подземный туннель с выходом на поверхность где-то в парке. Бедный дядюшка Джон! Видно, не зря его портрет не висел в галерее вместе с остальными членами семьи. Если его отец так тщательно скрывал портрет от посторонних глаз, это значит, что он, очевидно, наводил на всех страх и даже ужас. Покидая внешний двор, мы миновали кроличий садок и поехали по дорожке к дому управляющего. Дверь была открыта, госпожа Лангдон, жена управляющего, скромного вида женщина, стоявшая на пороге, уговорила меня выпить стакан парного молока. Пока она отсутствовала, мы огляделись вокруг, и Джоан, смеясь, показала на связку ключей, висевшую на гвозде рядом с дверью.

– Старый Лангдон точно тюремный надзиратель, – шепнула она мне на ухо. – Он почти не расстается с этой связкой ключей, она всегда болтается у него на ремне. Джон говорил мне, что у него есть дубликаты всех ключей, принадлежащих моему свекру.

– Давно он работает управляющим? – спросила я.

– О да! – сказала Джоан. – Он приехал сюда совсем молодым, еще когда велось строительство дома. Нет ни одного закутка в Менебилли, которого бы он не знал.

«В таком случае, – подумала я, – ему наверняка известна и тайна контрфорса, если таковая существует». Джоан с неменьшим любопытством, чем я, разглядывала этикетки на ключах.

– «Летний домик», – прочитала она и, шаловливо улыбнувшись, отделила его от связки и помахала у меня перед глазами. – Ты изъявляла желание заглянуть во флигель, когда мы ехали по дороге на насыпи, так? – проговорила она шутливым тоном.

В эту самую минуту вернулась с молоком госпожа Лангдон, и, боясь быть застигнутой врасплох, Джоан, как провинившийся ребенок, залилась густым румянцем и спрятала ключ в складках своего платья. Мы немного поболтали, пока я торопливо пила молоко, а Джоан с невинным видом разглядывала потолок. Затем, распрощавшись со славной женщиной, мы поехали в парк через ворота в высокой стене.

– Ты сама себя наказала, – сказала я. – Как ты теперь вернешь ключ?

– Отдам его Джону, – ответила она, тихо смеясь. – Он придумает какую-нибудь историю, чтобы убажить старого Лангдона. Но раз уж ключ оказался у нас, Онор, грешно было бы им не воспользоваться.

Воистину она была моей сообщницей и настоящей крестницей.

– Я ничего не обещаю, – пробормотала я. – Кати меня по дорожке, а там посмотрим, откуда ветер дует.

Мы пересекли парк, проехав мимо дома, и я помахала Элис, которую увидела в окне ее комнаты над галереей. Я заметила также Темперанс Сол, выглядывавшую, как ведьма, из боковой двери. По-видимому, она раздумывала, не ступить ли на землю и не присоединиться ли к нам.

– В кресле-то мне еще ничего, – крикнула я ей. – А так трава мокрая, и со стороны Гриббена снова надвигаются облака.

Она мгновенно, как кролик, скрылась за дверью, и я увидела, как она прошла к гостиную, пока Джоан, сдерживая смех, везла меня через ворота к дороге на насыпи.

Только когда мы поднялись футов на десять вверх по склону, нам открылся чудесный вид на море. Хоть и построенный на возвышенности, Менебилли тем не менее находился во впадине, похожей на чайное блюдце, и я поделилась этим наблюдением с Джоан, пока она катила кресло к летнему домику, видневшемуся в дальнем конце дороги на насыпи.

– Да, – сказала она. – Джон рассказывал мне, что дом построен в этом месте специально, чтобы его нельзя было заметить с моря. Старый

господин Рашли страшно боялся пиратов. Хотя справедливости ради надо сказать, что и за ним самим водился этот грешок, иначе как объяснить, что в старые времена, когда он был еще жив, в доме можно было найти припрятанные в разных местах тюки с шелком и серебряные слитки; господин Рашли похищал все это у французов, привозил на собственных кораблях и выгружал на берег в Плимуте.

«В этом случае, – подумала я, – тайный ход, о существовании которого знал бы только он да еще, наверное, его управляющий, был бы как нельзя кстати».

Но вот мы подкатили к летнему домику, и Джоан, удостоверившись, что мы совсем одни, достала из кармана ключ и вставила его в замочную скважину.

– Должна тебе признаться, что смотреть особенно не на что, – предупредила она. – Один или два раза я приходила сюда со своим свекром. Это затхлая комната с рядами книг и ворохом бумаг на полках, из окон открывается очень красивый вид на море.

Она протолкнула мое кресло в дверь, и я огляделась вокруг, почти надеясь – какое ребячество! – увидеть следы пиратства. Но там царил порядок. Стены летнего домика были уставлены книгами, а из окон, как Джоан и сказала, просматривался весь залив до самого Гриббена и до прибрежной дороги на востоке, ведущей в Фой. Любой, кто бы ни двигался по направлению к Менебилли с востока, был бы замечен из окна дозорным, так же как и любой корабль, проходивший вблизи побережья. Старый господин Рашли оказался весьма умелым строителем.

Плиточный пол целиком закрывали ковры, кроме одного угла, занятого рабочим столом моего зятя, – там лежала полоска толстой циновки. Джоан оставила меня рыться в книгах, а сама вышла и заняла наблюдательный пункт на дорожке.

Ничего такого, что могло бы возбудить мое любопытство, здесь не было. Книги по юриспруденции, сухие и пыльные, бухгалтерские книги и многочисленные тома, озаглавленные: «Дела графства», – наверняка они относились к тому времени, когда Джонатан был шерифом герцогства Корнуолл. На одной из книжных полок, возле стола, лежали другие тома с пометкой «Мой городской дом», и среди них еще один – «Менебилли». Затем шли «Брачные контракты» и «Завещания». Все указывало на то, что в делах он был человеком методичным. Том «Завещания» оказался совсем рядом, и моя рука как бы сама собой потянулась за ним. Я посмотрела через плечо: за окном Джоан, что-то мурлыча себе под нос, собирала ягоды для детей. Я протянула руку и взяла том. Все страницы были испещрены

мелким почерком моего зятя. Я остановилась на странице, помеченной: «Мой отец Джон Рашли. Родился в 1554 году, умер 6 мая 1624 года». Здесь же лежал – очевидно, он попал туда случайно – отчет о судебном деле, переданный в Звездную палату в 1616 году неким Чарлзом Беннетом, обвинявшим вышеупомянутого Джона Рашли. Этот Чарлз Беннет – я вспомнила – был нашим соседом из Лу, тот самый, что распустил слух об отравлении. Бумага стоила того, чтобы прочесть ее повнимательнее, ибо она представляла собой крайне скандальный документ. Чарлз Беннет обвинял Джона Рашли в том, что тот вел беспутную жизнь, поддерживал сомнительные отношения более чем с сорока пятью женщинами, богохульствовал и все прочее. Его жена, уверял он, умерла от горя, которое он причинял ей своим поведением, поскольку сама она была скромной и доброжелательной женщиной. Я с удивлением узнала, что Джона Рашли в конце концов оправдали. «Превосходнейшее оружие, – подумала я, – чтобы заткнуть рот моему самодовольному зятю, при каждом удобном случае расхваливавшему моральный облик своей семьи!» Но я перевернула страницу и наткнулась на завещание, которое искала. Старый Джон Рашли был довольно щедр. Ник Сол получил пятьдесят фунтов (которые его жена Темперанс наверняка у него отняла), столько же перепало и семейству Спарк. Двадцать фунтов передавались беднякам из Фоя. Однако вправе ли я вмешиваться в то, что никоим образом меня не касается? Тем не менее я продолжила чтение. Все земли в Корнуолле, его дом в Фое, дом в Менебилли и наследство, очищенное от долгов, – все это переходило к младшему сыну Джонатану, его душеприказчику. В конце – дополнительное распоряжение к завещанию: «Тридцать фунтов ежегодной ренты из Фоя на содержание моего старшего сына Джона должны выплачиваться после смерти моего младшего сына Джонатана, который в течение всей жизни обязан содержать его, предоставив ему комнату с едой, питьем и одеждой». Заметив в окне промелькнувшую тень Джоан, я быстрым незаметным движением закрыла том и поставила его назад на полку.

Итак, развеялись последние сомнения относительно недееспособности бедного дядюшки Джона. Когда я отодвигала кресло от стола, правое колесо наткнулось на какое-то препятствие на полу. Я наклонилась, чтобы освободить колесо, и приподняла край циновки. Преградой оказалось кольцо в каменной плите.

Наклонившись еще ниже и ухватившись обеими руками за кольцо, я приподняла плиту на два или три дюйма, но, прежде чем ее тяжесть вынудила меня разжать пальцы, я успела заметить первую ступеньку

лестницы, уходящей в темноту. Я положила циновку на место как раз в тот момент, когда моя крестница переступала порог летнего домика.

– Ну как, Омор, – спросила она, – ты увидела все, что хотела увидеть?

– Кажется, да, – ответила я.

Несколько мгновений спустя она заперла дверь на ключ и повезла меня назад по ухабистой дорожке. Джоан говорила не умолкая, но я ее почти не слушала: я думала о сделанном мною открытии. Не было никаких сомнений, что под летним домиком проходит нечто вроде туннеля, а расположение стола, так же как и толстая циновка на плите, лишний раз доказывали тот факт, что маскировка была не случайной. Кольцо не было ржавым, следовательно им продолжали пользоваться. Легкость, с какой я, не вылезая из кресла, смогла приподнять плиту, говорила о том, что ее не раз сдвигали с места. Ею пользовались совсем недавно. Я бросила через плечо взгляд на дорогу, спускавшуюся к песчаному берегу, к самой бухточке. Придмут, как назвала ее Джоан. Она была узкой, с корявыми деревьями по крутым берегам, и я поняла, как, очевидно, просто было с бросившего на глубине якорь корабля послать к берегу шлюпку с полудюжиной человек и подняться затем к летнему домику, а для дозорного в окне домика – принять у этих людей тюки, которые они могли нести на своих спинах. Не этого ли добивался старый Джон Рашли, возводя свой флигель, и не лежали ли сваленные в кучу лет сорок тому назад тюки с шелком и золотые слитки под этой каменной плитой? Весьма правдоподобно, однако существовала ли связь между лестницей летнего домика и контрфорсом, сказать было трудно. Одно очевидно: в Менебилли можно было тайно проникнуть через соседнюю с моей комнату, и кто-то сделал это прошлой ночью, ибо я видела этого человека своими собственными глазами.

– Ты все время молчишь, Омор, – прервала Джоан ход моих мыслей. – О чем ты думаешь?

– Я прихожу к выводу, что немного поторопилась с отъездом из Ланреста, где все дни так похожи один на другой, и с приездом к вам сюда, в Менебилли, где каждый день случаются всякие неожиданности.

– Хотела бы я, чтобы это было так, – возразила она. – Лично мне здешняя жизнь кажется довольно монотонной. Солы вечно грызутся со Спарками, дети капризничают, а мой дорогой Джон все время ворчит оттого, что не может, как Питер и все остальные, пойти на войну.

Мы подъезжали к концу дорожки и собирались уже пересечь ворота, чтобы попасть в огороженный стеной парк, как вдруг увидели бегущего навстречу нам Джонатана, которому было не больше трех лет.

– Дядя Питер приехал, – кричал он, – много других людей и много солдат. Нам разрешили погладить лошадей.

Я улыбнулась его матери:

– Что я тебе говорила? Не проходит и дня, чтобы в Менебилли не случилось чего-нибудь необычного.

У меня не было ни малейшего желания красоваться перед высокими окнами галереи, где, вероятно, вся компания уже была в сборе, и я велела Джоан вкатить меня через парадный вход, обычно пустовавший в это время дня, когда в столовой никого не было. Когда я окажусь внутри, один из лакеев отнесет меня в мою комнату. Позднее я пошлю за Питером – я всегда была его любимицей – и узнаю от него новости о Робине. Мы проехали в дверь – малыш Джонатан бежал впереди нас – и тотчас же услышали говор и смех в галерее. Широкие арочные ворота внутреннего двора были распахнуты настежь, и мы увидели около дюжины всадников, поивших лошадей у колодца, возле основания дозорной башни. Все они радостно жестикулировали, а один из солдат, задрав голову, помахал рукой кухонной служанке, зардевшейся от смущения. Высокий стройный парень смеялся во весь рот. Затем обернулся и подал знак своим приятелям следовать за ним, что они и сделали. Взяв лошадей под уздцы, вереница мужчин, пройдя под аркой ворот, над которыми помещалась моя комната, направились во внешний двор и к конюшням.

Только теперь, когда они громыхали во дворе, я заметила у каждого солдата на плече пурпурную нашивку с тремя золотыми полосками. На мгновение сердце мое замерло, меня охватил панический страх.

– Скорее позови кого-нибудь из слуг, – бросила я Джоан. – Пусть меня немедленно поднимут в мою комнату.

Однако было слишком поздно. Когда маленький Джонатан уже выбегал в прихожую, в холл, обняв за талию Элис, вошел Питер Кортни в сопровождении двух или трех своих коллег-офицеров.

– Ба, да ведь это Онор! – воскликнул он. – Как я рад, что застал тебя здесь! Зная твои привычки, я опасался, что ты скроешься у себя в комнате, а Мэтти, как дракон, будет охранять дверь. Господа, позвольте вам представить госпожу Онор Харрис, у которой нет ни малейшего желания знакомиться с вами.

С каким бы удовольствием я влепила ему пощечину за такую дерзость, но он был одним из тех балагуров, которые просто не могут жить без шуток, обладая при этом примитивным мышлением комара. Однако его друзья уже окружили кресло, кланялись и по очереди представлялись мне, а Питер, смеясь и громко болтая, толкал кресло в галерею. Элис,

обладавшая интуицией за двоих, его бы остановила, если бы я привлекла ее внимание, но так велика была ее радость от встречи с Питером, что она способна была лишь улыбаться, повиснув у него на руке. В галерее было полно народу – Сола, Спарки, Рашли, – все так и норовили перекричать друг друга, а в самой глубине у окна я заметила Мэри, беседовавшую с кем-то, чьи широченные плечи и высокий рост показались мне до боли знакомыми. По выражению лица Мэри, озабоченному и рассеянному, я заключила, что она встревожена, вернулась ли я с прогулки: я увидела, как она ищет меня глазами в парке. Потом она заметила меня, нахмурила брови и затараторила еще пуще прежнего. Видя ее замешательство, я почувствовала себя уверенней. «Какая мне разница спустя пятнадцать лет? – сказала я себе. – Бессмысленно падать в обморок из-за случайной встречи. Слава богу, у меня достаточно опыта, чтобы быть хозяйкой положения здесь, в доме Мэри в Менебилли, среди двух десятков людей в комнате».

Совершенно ни о чем не подозревавший Питер медленно катил меня к окну, и я краешком глаза увидела, как Мэри делает то, что наверняка сделала бы и я, окажись на ее месте: шепнула на ухо своему собеседнику какое-то поспешное извинение, вроде того, что ей нужно отдать распоряжения прислуге, и двинулась в мою сторону. Ричард обернулся и увидел меня. Сердце бешено заколотилось у меня в груди.

– Сэр, – сказал Питер, – извольте познакомиться. Моя уважаемая родственница госпожа Онор Харрис из Ланреста.

– Так же как и моя, – сказал Ричард, наклонился и поцеловал мне руку.

– О, неужели, сэр? – неуверенно произнес Питер, глядя на нас по очереди. – Я полагаю, мы в Корнуолле все в каком-то смысле родственники. Позвольте я наполню ваш бокал, сэр. Онор, выпьешь с нами?

– С удовольствием, – отозвалась я.

По правде говоря, бокал вина казался мне в ту минуту единственным спасением. Пока Питер наполнял бокалы, я впервые внимательно посмотрела на Ричарда. Он изменился. Вне всякого сомнения. Он возмужал, не только потучнел, но и раздался в плечах. Лицо немного отяжелело. Кожа стала более смуглой, загорелой, под глазами появились морщинки. Как-никак прошло пятнадцать лет. Затем он повернулся ко мне, протянул мне мой бокал, и я увидела только одну седую прядь в его каштановых волосах, над самым виском. А вот глаза, которые на меня смотрели, остались такими же.

– За ваше здоровье и удачу, – спокойно промолвил он и, осушив свой

бокал, протянул его вместе с моим, чтобы наполнить снова. На виске у него пульсировала жилка, из чего я сделала вывод, что эта случайная встреча взволновала его не меньше, чем меня. – Я не знал, что ты в Менебилли, – признался он.

Питер смотрел на него с любопытством. Интересно, видел ли он когда-нибудь раньше, чтобы его командир нервничал или выказывал признаки беспокойства? Рука с бокалом слегка подрагивала, голос был резким, странно отрывистым.

– Я приехала из Ланреста лишь несколько дней назад, – ответила я голосом, быть может таким же странно нейтральным, как и его. – Братья сказали, что я не должна оставаться одна, пока идет война.

– Они поступили очень мудро. – Он кивнул. – Эссекс^[9] упорно движется на запад. Очень вероятно, что нам придется дать еще один бой на этом берегу Теймара.

В эту минуту с радостными возгласами вбежали дочери Питера, бросились в объятия к отцу и, повиснув на руках у смеющегося и извиняющегося Питера, увлекли его и всю семью за собой в галерею. Мы с Ричардом остались одни. Через окно я посмотрела в сад, на коротко подстриженные кусты и ухоженные газоны, в то время как самые тривиальные мысли будоражили мой ум.

«Трава такая зеленая после утреннего дождя» или «Немного холодновато для такого времени года», – фразы, которые я никогда в жизни не произносила даже в разговоре с незнакомым человеком, казались мне в тот момент наиболее подходящими к ситуации. К счастью, язык мой отказывался формулировать слова, и я продолжала молча смотреть на сад. Ричард был так же нем, как и я. И вдруг он заговорил тихо, но быстро и отрывисто:

– Прости, что молчу. Не думал после пятнадцати лет увидеть тебя все такой же, ужасно не изменившейся.

Этот прыжок из безразличного настоящего в интимное прошлое еще больше взволновал меня.

– Почему ужасно? – спросила я, глядя на него поверх бокала.

– За долгие годы у меня сложился совсем другой образ. Я ожидал увидеть калеку, осунувшуюся и бледную, нечто вроде зыбкой тени, окруженной докторами и сиделками. Вместо этого... ты.

Он посмотрел мне в глаза с той дерзкой прямоотой и бесцеремонностью, которую я так хорошо помнила.

– Сожалею, что разочаровала тебя, – горько усмехнулась я.

– Ты не так меня поняла. Я не сказал, что разочарован. Просто я

потерял дар речи. – Он снова опорожнил свой бокал и поставил его на стол. – Сейчас я приду в себя. Где мы можем побеседовать?

– Побеседовать? Но... здесь, я полагаю, если тебе угодно.

– Среди этих безмозглых болтунов и орущих детей? Ни за что, – возразил он. – Ведь у тебя есть комната?

– Да. – Я старалась держаться с достоинством. – Но если мы там уединимся, это может показаться странным.

– Раньше ты не была такой щепетильной.

Это было похоже на запрещенный прием, я не нашла, что ответить.

– Должна тебе напомнить, – промолвила я, запинаясь, – что вот уже пятнадцать лет мы чужие друг другу.

– Ты считаешь, я все забыл?

В этом месте нас прервала Темперанс Сол: она какое-то время мрачно наблюдала за нами со стороны, пока не решилась наконец подать голос.

– Сэр Ричард Гренвил, я не ошиблась? – поинтересовалась она.

– Ваш покорный слуга, сударыня. – И Ричард выразительно взглянул на нее.

Он мог бы сразить этим взглядом кого угодно, но только не Темперанс.

– Нечистый призывает вас к себе, – изрекла она. – Я уже вижу его когти на вашем горле, его челюсти, готовые вас растерзать. Покайтесь, покайтесь, пока не поздно.

– Что все это значит, черт побери? – возмутился Ричард.

Я покачала головой, показала пальцем на небо, а вошедшая во вкус Темперанс продолжала:

– Следы Антихриста видны у вас на лбу. Люди, которых вы привели, – ненасытные волки. Вы все провалитесь в преисподнюю.

– Скажи этой старой дуре – пусть идет к черту! – выпалил Ричард.

Я предложила госпоже Сол бокал вина, но она его отвергла, словно это было кипящее масло.

– Они будут рыдать и скрежетать зубами, – продолжала она.

– Как вы правы! – сказал Ричард, взяв ее за плечи, повернул, словно волчок, и повел через всю комнату к камину, где сидел ее супруг. – Присматривайте за ней как следует! – промолвил он властно.

Воцарилась тишина, за которой последовал легкий смущенный шепот. Питер Кортни, красный как рак, подбежал с наполненным до краев кубком в руке.

– Не желаете ли еще вина, сэр?

– Спасибо, нет. Я уже достаточно выпил, – отказался Ричард.

Молодые офицеры, повернувшись к нам спиной, с неподдельным

интересом разглядывали висевшие на стене портреты. Уилл Спарк, стоявший в небольшой группе возле камина, разинув рот, смотрел на королевского генерала.

– Так и муху недолго проглотить, сэр, – пошутил Ричард.

Джоан прыснула, но под взглядом Ричарда тут же смолкла.

Уилл Спарк выступил вперед.

– Один мой юный родственник служит под вашим началом, – сказал он. – Прапорщик в двадцать третьем пехотном полку.

– Вполне возможно, – кивнул Ричард. – Правда, я никогда не разговариваю с прапорщиками.

Он повернулся в сторону Джона Рашли. Приехав минуту назад со своей ежедневной прогулки верхом, тот переминался с ноги на ногу у двери в испачканном грязью костюме, смущенный столь неожиданной компанией.

– Эй, дружище! – окликнул его Ричард. – Не могли бы вы с кем-нибудь отнести кресло госпожи Харрис в ее комнату? Ей наскучило это сборище.

– Это Джон Рашли, сэр, – шепнул ему на ухо Питер, – старший сын в семье и ваш хозяин в отсутствие его отца.

– А! Покорнейше прошу простить. – Ричард улыбнулся и сделал шаг вперед. – Ваш внешний вид ввел меня в заблуждение, и я принял вас за лакея. Я лишаю званий своих молодых офицеров, если они являются ко мне в таком виде. Как себя чувствует ваш отец?

– Хорошо, сэр, я полагаю, – раздраженно пролепетал Джон.

– Рад это слышать, – сказал Ричард. – Передайте это ему, когда увидите. Передайте также, что сейчас я намерен приезжать сюда довольно часто – настолько, насколько мне позволит ход войны.

– Да, сэр.

– Полагаю, у вас найдется место для моих офицеров. Остальные смогут расположиться биваком в парке, не правда ли?

– Разумеется, сэр.

– Прекрасно. А сейчас я намерен поужинать наверху с госпожой Харрис, моей очень близкой родственницей – обстоятельство, которое вам, быть может, неизвестно. Как обычно поступают с ее креслом?

– Мы его переносим, сэр. Это довольно просто.

Джон кивнул Питеру, который, с поразившей меня покорностью, выступил вперед, и они взялись за подлокотники.

– Еще проще было бы нести его хозяйку отдельно, – сказал Ричард.

И прежде чем я успела что-либо возразить, он обхватил меня руками и вынул из кресла.

– Показывайте дорогу, господа, – скомандовал Ричард.

Необычная процессия вступила на лестницу на глазах у всей честной компании в галерее и нескольких слуг, которые, прижавшись к стене и потупив взоры, уступили нам дорогу.

Впереди, неся кресло, громыхали Джон и Питер, покрасневшие до корней волос; я положила голову на плечо Ричарда, обхватила его руками за шею, чтобы не упасть, и мне казалось, что мы идем слишком долго и медленно.

– Я ошибся, – шепнул мне на ухо Ричард. – Ты изменилась.

– В чем же? – спросила я.

– Ты вешишь на тридцать фунтов больше.

И на этом мы вошли в мою комнату.

Глава 10

Я помню этот ужин так, словно это было вчера. Я лежала, прислонившись к подушкам, а Ричард сидел на другом конце кровати. Рядом стоял низенький столик.

Казалось, мы расстались только вчера. Когда Мэтти, поджав губы, вошла с подносом – так и не поняв, почему мы разошлись, она думала, что он бросил меня из-за моей болезни, – Ричард расхохотался, назвал ее «старой сводней» – это было ее прозвище в те далекие дни – и поинтересовался, сколько сердец она разбила с тех пор, как он ее не видел. Она хотела отделаться сухим ответом, но не тут-то было. Он взял поднос у нее из рук, поставил на стол и тут же помирился с ней, зардевшейся от смущения, подшутив над ее дородностью и завитушками на лбу.

– Полдюжины воинов во дворе жаждут познакомиться с тобой, – сказал он ей. – Иди и докажи им, что женщины Корнуолла получше потаскушек из Девона.

Она исчезла, захлопнув за собой дверь, уверенная, что впервые за пятнадцать лет я больше не нуждаюсь в ее услугах. Ричард тут же набросился на еду – он всегда был хорошим едоком – и быстро стал поглощать все, что стояло перед нами, пока я, еще не оправившись от потрясения, вызванного встречей с ним, играла крылышком цыпленка. Не закончив, он, по своей старой привычке, встал и, держа в одной руке кость, а в другой – кусок пирога, принялся ходить взад-вперед и рассказывать о плимутских оборонительных сооружениях, которые его предшественник, вместо того чтобы сразу снести, оставил красоваться на виду.

– Ты не поверишь, Онор, – говорил он мне, – этот толстый кретин Дигби девять месяцев сидел, не отрывая задницы, у стен Плимута, в гарнизон завозили продовольствие, дрова, возводили баррикады, а он играл с офицерами в карты. Слава богу, шальная пуля приковала его к постели месяца на два, и я за это время успею организовать осаду вместо него.

– Что ты собираешься предпринять? – спросила я.

– Первые две задачи были довольно просты, и я решил их еще в октябре. Я приказал возвести новое укрепление в Маунт-Баттене, и мои орудия так палят по кораблям, пытающимся пересечь пролив, что в гарнизоне уже начинает недоставать боевых припасов. Затем я перекрыл им воду, и городские мельницы не могут больше молоть муку для населения. Дай мне один-два месяца, и я заморю их голодом.

Он вонзил зубы в пирог и подмигнул.

– А блокада со стороны суши? – Меня заинтересовал его рассказ. – Это эффективно?

– Будет эффективна, если я успею ее организовать. Когда я приехал, то обнаружил много бездарных офицеров – больше половины из них я уже уволил. У меня в Солташе есть один славный малый, он отбросил мятежников назад в Плимут, накормив их свинцом, когда те пытались высунуть нос недели две назад. В этом жестоком бою мой племянник Джон – старший из сыновей Бевила, ты должна его помнить – проявил себя с наилучшей стороны. На прошлой неделе мы устроили небольшой сюрприз их сторожевому отряду со стороны Модлина. Выбили их с занятых ими позиций и взяли около сотни пленных. Думаю, теперь эти господа из Плимута надолго лишились сна.

– Пленные, наверное, доставляют немало хлопот, – сказала я. – Тут для своих людей и то непросто раздобыть провиант. Ведь ты должен их кормить, я полагаю?

– Кормить? Этого еще не хватало! Я отправил их в Лидфордский замок, а там их повесили без суда за государственную измену.

Он выбросил куриную ножку в окно и оторвал от тушки вторую.

– Но, Ричард, – заметила я неуверенно, – правильно ли это? Они сражаются за дело, в которое верят и считают справедливее нашего.

– Плевать на справедливость, – ответил он. – Это эффективное средство, а остальное значения не имеет.

– Я слышала, парламент назначил за твою голову высокое вознаграждение. Мятежники боятся тебя и ненавидят.

– А чего ты хочешь? Чтобы они расцеловали мою задницу? – Он улыбнулся и сел на кровать. – Довольно о войне. Поговорим немного о нас.

Мне этого не хотелось, я надеялась увлечь его разговором об осаде Плимута.

– Где ты сейчас живешь? – быстро проговорила я. – В палатке?

– Я в палатке, имея в своем распоряжении лучшие дома Девона? – Он ухмыльнулся. – Нет. Мой штаб располагается сейчас в Баклэндском замке, который мой дед продал полвека тому назад Фрэнсису Дрейку^[10], и не стану скрывать, что живется мне там совсем неплохо. Я захватил весь мелкий и крупный рогатый скот имения, и землевладельцы, под угрозой виселицы, платят мне оброк. За глаза они называют меня Рыжим Лисом, а женщины пугают моим именем детей, когда те не слушаются: «Вот придет Гренвил Рыжий Лис – и утащит вас».

Он расхохотался, словно изрек нечто очень смешное. Я наблюдала за

линией его подбородка, более массивной, чем прежде, и за контуром его губ, сужавшихся в уголках.

– Твой брат Бевил, – произнесла я тихо, – совсем не таким способом завоевал себе репутацию на западе.

– Верно, – согласился он. – И у меня нет ни такой жены, как у Бевила, ни дома, который бы я любил, ни ватаги счастливых ребяташек.

Голос его вдруг сделался резким, с примесью странной горечи. Я отвернулась, откинувшись на подушки.

– Твой сын с тобой, в Баклэнде? – спросила я спокойно.

– Мой отпрыск? Да, он там, со своим наставником.

– На кого он похож?

– Дик? О! Это проказник с грустными глазами. Я называю его «щенок» и заставляю петь для меня за ужином. Но у него нет ничего от Гренвиллов. Он как две капли воды похож на мать.

Ребенок, с которым играть должны были мы, мы могли воспитывать его и любить. И мне вдруг стало очень грустно, как-то неловко, оттого что отец, говоря о нем, так презрительно пожимает плечами.

– У тебя все сложилось плохо с самого начала, Ричард.

– Да.

Наступила долгая пауза: мы вступали на опасную почву.

– И ты никогда не пробовал сделать свою жизнь более счастливой? – спросила я.

– О счастье вопрос не вставал, – ответил он. – Счастье ушло вместе с тобой – факт, который ты отказалась признать. Очень сожалею.

– Я тоже.

Сумерки уже ползли по полу. Скоро придет Мэтти и зажжет свечи.

– Когда ты отказалась со мной встретиться в тот последний раз, я понял, что впереди меня ждет бесцветная жизнь. Ты, конечно, слышала историю моего брака, наверняка сильно приукрашенную. Но по сути – все правда.

– Ты не испытывал к ней никаких чувств?

– Никаких. Мне нужны были ее деньги и только.

– Которых ты не получил.

– Тогда – нет. Но сейчас они мои. Ее состояние и ее сын, которого я породил в минуты ужасной апатии. Дочь с матерью в Лондоне. Ее я тоже заберу, когда потребуется.

– Ты сильно изменился, Ричард, совсем не похож на мужчину, которого я любила.

– Если это и так, то ты знаешь почему.

Солнце больше не освещало комнату, и поэтому она казалась пустой и грустной. Каждое мгновение этих пятнадцати лет стояло теперь между нами. Внезапно он взял мою руку, поднес к губам. Воспоминания, нахлынувшие на меня вместе с этим прикосновением, вынести оказалось нелегко.

– Но почему, боже ты мой, нам суждено было пережить такую драму? – воскликнул он, поднимаясь.

– Нет смысла упрекать судьбу, – отозвалась я. – Я уже давно перестала. Поначалу – да, меня это мучило, но теперь уже нет. Ведь столько лет прошло. Лежание на спине меня дисциплинировало – но это совсем не та дисциплина, что ты насаждаешь в своем войске.

Он подошел, остановился возле кровати, глядя на меня сверху вниз.

– Тебе никто не говорил, что ты стала еще красивее, чем была?

Я улыбнулась, вспомнив о Мэтти и зеркале.

– Ты мне льстишь, – сказала я. – Или, быть может, у меня сейчас просто больше времени на то, чтобы забавляться с пудрой и помадой.

Наверняка он находил меня спокойной и раскованной, не отдавая себе отчета в том, что один только звук его голоса вызывал во мне бурю чувств и воспоминаний.

– Нет ни одной частички тебя, – произнес он, – о которой бы я сейчас не помнил. На поясице у тебя родинка, из-за которой ты очень расстраивалась. Ты находила ее безобразной, но мне она очень нравилась.

– Не пора ли тебе спуститься к своим офицерам? – прервала я его. – Я слышала, как один из них сказал, что вы должны ночевать в Грэмпаунде.

– На левом бедре у тебя был синяк от той злосчастной ветки, которая нам мешала взбираться на яблоню. Я сравнил его с черной сливой, и ты сильно обиделась.

– Люди шумят во дворе. – Я сделала вид, будто не слышу его слова. – Твои солдаты готовятся к отъезду. Вы до рассвета не доберетесь до цели.

– Теперь ты прочно обосновалась в кровати, очень уверенная в себе в свои тридцать четыре года. Говорю тебе, Онор, мне совершенно плевать на твою благовоспитанность.

Он встал на колени возле моей кровати, обнял меня – и пятнадцати лет как не бывало.

– Тебя по-прежнему тошнит, когда ты ешь жаркое из лебедя? – прошептал он.

Он вытер глупые слезы, выступившие у меня на глазах, улыбнулся и погладил мои волосы.

– Глупышка, неужели ты так до сих пор не поняла, что своей гордыней

разбила жизнь нам обоим?

– Я поняла это сразу, – прошептала я.

– Тогда зачем же ты это сделала?

– Так было нужно, иначе бы ты меня очень скоро возненавидел, как возненавидел Мэри Говард.

– Это неправда, Онор.

– Возможно. Но какая разница? Зачем ворошить прошлое?

– Согласен с тобой. Что было – то было. Но будущее остается. Мой брак расторгнут, думаю, тебе это известно. Я свободен и могу жениться снова.

– На другой богатой наследнице?

– Теперь мне это ни к чему: я разграбил все имения в Девоне. Теперь я зажиточный дворянин, на которого с вожделением будут смотреть все девицы запада.

– Будет из чего выбирать, всем не терпится замуж.

– Похоже, что так... Но мне нужна лишь одна – ты.

Я положила руки ему на плечи и посмотрела на него. Рыжевато-каштановые волосы, карие глаза, пульсирующая жилка на правом виске. Воспоминания остались не только у него. У меня они тоже были, и я могла бы ему напомнить – если бы хотела и если бы мне это позволила моя скромность – о целом наборе веснушек, о которых мы говорили так же часто, как и о родинке у меня на спине.

– Нет, Ричард.

– Почему?

– Потому что я не хочу, чтобы ты женился на калеке.

– И ты не передумашь?

– Никогда.

– А если я силой увезу тебя в Баклэнд?

– Увози, если хочешь, но от этого я не перестану быть калекой.

Почувствовав вдруг дурноту, вконец обессиленная, я снова откинулась на подушки. Тяжкое это испытание – снова видеть его спустя столько лет. Он нежным движением разомкнул объятия, поправил мои одеяла, и, когда я попросила стакан воды, он протянул мне его, не говоря ни слова. Стемнело, колокол на дозорной башне уже давно пробил восемь часов. Я слышала лязг удил во дворе, нетерпеливое топтание лошадей.

– Я должен ехать в Грэмпаунд, – вымолвил он наконец.

– Да, – произнесла я тихо.

С минуту он смотрел во двор. Во всем доме зажгли свечи. Западные окна галереи были распахнуты, посылая луч света в мою комнату.

Слышалась музыка. Элис играла на лютне. А Питер пел.

Ричард вновь подошел и опустился на колени возле кровати.

– Я понимаю все, что ты пытаешься мне втолковать, – проговорил он. – То, что было между нами, больше не может повториться. Так?

– Да.

– Я знал это всегда. Но это не имеет никакого значения.

– Имеет после стольких лет.

Голос у Питера был юный, звонкий и веселый. Я представила, как Элис смотрит на него поверх своей лютни.

– Я всегда буду любить тебя, – сказал Ричард. – И ты меня тоже. Теперь, когда я тебя нашел, мы не должны терять друг друга. Могу ли я приезжать к тебе и как часто?

– Столько, сколько пожелаешь, – ответила я.

Внизу захлопали: офицеры и остальная компания требовали еще музыку. Элис заиграла на лютне веселый мотивчик – застольную песню, весьма почитаемую нашими мужчинами, – и все подхватили припев, который эхом отозвался во дворе.

– Тебя мучают такие же сильные боли, как и поначалу? – поинтересовался он.

– Иногда. В сырую погоду. Мэтти называет меня барометром.

– И ничего нельзя сделать?

– Она натирает мне ноги и спину смесью, которую дали ей доктора. Но это мне мало помогает. Кости были раздроблены и не могут срастись.

– Не покажешь ли мне, Онор?

– Это не очень красиво, Ричард.

– Я и не такое видел на полях сражения.

Я отбросила одеяло и разрешила ему посмотреть на мои деформированные ноги, которые он знал целыми и стройными. Он единственный, кто их видел, исключая Мэтти и докторов. Я прикрыла рукой глаза. Я не хотела видеть выражение его лица.

– Это лишнее, – сказал он. – Каковы бы ни были твои страдания, отныне ты поделишь их со мной.

Он наклонился, поцеловал мои безобразные ноги и, после небольшой паузы, снова накрыл меня одеялом.

– Обещай, что никогда больше меня не прогонишь, – попросил он.

– Обещаю, – кивнула я.

– Что ж, прощай, милая. И спи спокойно сегодня ночью.

На миг он оказался в луче света, падавшего из окон напротив, затем развернулся на каблуках и вышел. Внизу, во дворе, все пришло в движение:

садились на лошадей. Послышались слова прощания и смех. Громче других звучал голос Ричарда: он говорил Джону Рашли, что вернется. Краткий, отрывистый приказ – и вот отряд уже прошел под низкой аркой, прямо под моими окнами, и я услышала, как глухое цоканье копыт эхом отозвалось в парке.

Глава 11

То, что Ричард Гренвил за несколько часов вдруг снова стал частью моей жизни, явилось для меня таким шоком, что на день или два я совершенно потеряла душевный покой. Когда первое волнение улеглось и возбуждение от встречи исчезло, я почувствовала полный упадок сил. Все это пришло слишком поздно и не могло принести ничего хорошего. Память о том, что было, тоска о прошлом, смятение чувств пробудили нашу страсть на какое-то время; однако с рассветом вернулся и разум. Мы не могли надеяться на совместную жизнь, разве что на сомнительное удовольствие коротких встреч, которые в любой момент могли прекратиться из-за превратностей войны. И что тогда? Для меня – вечное лежание на спине, ожидание случайной встречи, весточки, приветственного слова; для него же, по прошествии некоторого времени, – раздражение оттого, что я где-то существую в его жизни, что он не посещал меня уже три месяца и должен прилагать усилия, чтобы увидаться, что я жду от него весточки, которую ему сложно послать, – короче говоря, дружба столь же утомительная для него, сколь тягостная для меня.

Если его физического присутствия, его обращения, его нежности – хоть и минутной – оказалось достаточно, чтобы вновь пробудить во мне былую любовь и сердечную тоску, то холодный критический анализ подсказывал мне, что Ричард изменился, и изменился к худшему.

Недостатки, которые я в нем видела в юности, выросли в десять раз. Его тщеславие, его наглость, его презрение к любому мнению, кроме своего, – все это буквально бросалось в глаза. Его познания в военном деле были велики, я охотно в это верила, но я сомневалась, что он может работать в ладу с другими командирами, а из-за своей вспыльчивости мог рассориться со всеми своими соратниками-роялистами и в довершение всего – оскорбить самого короля.

Бездушное обращение с пленными – их отправляли в Лидфордский замок и вешали без суда и следствия, – жестокость, которая всегда была присуща его натуре; а то презрение, с каким он относился к сыну, еще более подтверждало это. Я была уверена: такая резкая перемена в моем отношении к нему свидетельствовала о том, что раньше я намеренно отказывалась видеть в Ричарде подлое и даже сейчас пыталась найти ему оправдание. Страдания ожесточили его сердце, я вполне это допускала. Возможно, тут была и моя вина, и я заслуживала порицания.

Тем не менее жестокость засела в нем так глубоко, что было уже слишком поздно принимать какие-то меры. В свои сорок четыре года Ричард Гренвилл был тем, кем его сделали судьба, обстоятельства и его собственная воля.

Так беспощадно я судила о нем в первые дни после нашей встречи и чуть было уже не написала ему, чтобы положить конец всем дальнейшим свиданиям. Затем я вспомнила, как он опустился на колени рядом с моей кроватью, и как я показывала ему свое уродство, и как он, проявив более чем отцовскую нежность и более чем братское понимание, поцеловал меня и пожелал мне доброй ночи.

Если он был таким ласковым, таким чутким со мной, женщиной, как он мог быть таким высокомерным, таким жестоким, таким надменным с другими, даже со своим собственным сыном?

Я колебалась между двумя линиями поведения. Должна ли я никогда с ним больше не встречаться, предоставить ему самому строить свою жизнь, как он это делал до сих пор, или же, напротив, не думать о грядущих страданиях, смириться с непрекращающейся пыткой его реального присутствия, безоговорочно отдать ему тот небольшой багаж мудрости, который я успела обрести, всю любовь, все понимание, способное дать хоть немного спокойствия его душе?

Эта вторая линия казалась мне предпочтительнее первой: ведь если бы я сейчас от него отказалась, как сделала это уже однажды, то это было бы из-за трусости, из-за боязни испытать разочарование, еще более жестокое, если такое вообще возможно, чем то, которое я уже испытала пятнадцать лет назад.

Как все-таки быстро рушатся эти стройные и взвешенные в тишине спальни аргументы, когда тот, на кого они направлены, находится не где-то далеко, а перед вами! Так было и с Ричардом. Когда на обратном пути из Грэмпаунда в Плимут он заехал в Менебилли и, поднявшись по дороге на насыпи, застал меня в моем кресле, любовавшуюся Гриббенским мысом, он с прежним жаром поцеловал мне руку и тотчас пустился в длинные разглагольствования о полной никчемности всех корнуолльцев, кроме тех, кто находится под его командованием. Именно тогда я и поняла, что мы соединены навеки, что я никогда не смогу оттолкнуть его от себя. Его недостатки были моими недостатками, его наглость – моим бременем; стоявший передо мной Ричард Гренвилл был тем, чем его сделала трагедия моей жизни.

– Я не могу оставаться долго, – сказал он мне. – Я узнал из Солташа, что эти проклятые мятежники совершили вылазку в мое отсутствие,

высадились на берег в Косэнде и захватили форт Инсуорт. Часовые, естественно, спали, и, если их не перестрелял противник, я сделаю это собственноручно. Я очищу свою армию, прежде чем меня прикончат.

– И оставишь себя без солдат, – подхватила я.

– Уж лучше я наберу наемников во Франции и Германии, чем буду командовать такими недоумками, – ответил он и умчался как ветер, оставив меня одновременно счастливой и озадаченной, с болью в сердце, которая, я хорошо это знала, теперь уже не покинет меня до конца жизни.

В тот вечер мой зять Джонатан Рашли вернулся в Менебилли, проведя какое-то время в Эксетере по делам короля. Он заезжал в Фой и провел, по его словам, последние дни в своем городском доме на набережной, где обнаружил массу незавершенных дел и некоторые потери в своей флотилии: парламентское войско установило контроль над морем и захватывало все корабли, которые ему попадались, а невооруженным торговым судам сложно было принимать вызов.

После его возвращения в доме появилась какая-то напряженность, которую я, несмотря на свое уединение в моей башенке, ощутила довольно ясно.

Прислуга проявляла больше проворства, но меньше усердия. Дети, которые в его отсутствие бегали где попало, сидели по своим комнатам с плотно закрытыми дверьми. В галерее разговаривали не так громко, как раньше. Хозяин вернулся. Элис, Джоан и Джон стали чаще навещать ко мне. Моя комната стала как бы своеобразным убежищем. Вид у Джона был утомленный и озабоченный, а Джоан по секрету сообщила мне, что отец недоволен тем, как он управлял имением, и считает, что он ничего не смыслит в цифрах.

Я чувствовала, что Джоан просто сгорала от желания поговорить со мной о моей дружбе с Ричардом Гренвилем, которая, очевидно, всех удивила своей внезапностью, а Элис тепло и понимающе смотрела на меня, хотя и не говорила ни слова.

– Я познакомилась с ним давно, еще когда мне было восемнадцать лет, – пояснила я им, не испытывая, однако, ни малейшего желания пересказывать всю историю.

Думаю, Мэри сделала им по секрету несколько робких намеков. Сама она очень мало говорила о визите Ричарда, сказав лишь, что он сильно пополнел – вполне достойное сестры замечание, – и показала мне письмо, которое он оставил для Джонатана, заканчивавшееся такими словами:

И в завершение еще раз я прошу Вас выразить мое почтение Вашей очаровательной супруге, радуясь, что она принадлежит Вам, ибо в былые

времена вряд ли можно было найти лучше, и мне остается только пожелать, чтобы и ко мне судьба оказалась столь же благосклонна. Однако не буду злоупотреблять Вашим терпением. Ваш преданный слуга и родственник Ричард Гренвил.

Читая эти строчки, я поймала на себе взгляд Мэри.

– Не собираешься ли ты, Онор, снова сойтись с ним? – тихо промолвила она.

– В каком смысле, Мэри?

– Ну, выйти за него замуж, если говорить прямо. Это письмо довольно многозначительно.

– Не беспокойся, дорогая сестрица. Я никогда не выйду замуж – ни за Ричарда Гренвила, ни за кого-либо другого.

– Мне было бы не очень приятно, да и Джонатану, впрочем, тоже, если бы сэр Ричард навещался сюда слишком часто, производя впечатление нашего близкого друга. Возможно, он выдающийся воин, но репутация его оставляет желать лучшего.

– Я знаю, Мэри.

– Джо пишет из Радфорда, что о нем очень плохо отзываются в Девоне.

– Охотно в это верю.

– Это, конечно, не мое дело, но мне будет очень грустно, мы все будем сожалеть, если ты свяжешь себя с ним какими-либо узами.

– Положение калеки, Мэри, странным образом освобождает от всяких уз.

Она посмотрела на меня с недоверием, но ничего больше не сказала. Думаю, она не уловила горечи в моем ответе.

Джонатан также пришел засвидетельствовать мне свое почтение. Он выразил надежду, что я ни в чем не нуждаюсь и что атмосфера дома не кажется мне излишне шумной после тихого Ланреста.

– И спишь ты хорошо, я полагаю. Тебя ничто не беспокоит?

Спрашивая об этом, он избегал смотреть мне в глаза, что казалось несколько странным для такого уверенного в себе человека, как он.

– У меня очень чуткий сон, – призналась я. – Крика совы, скрипа половицы бывает иногда достаточно, чтобы я проснулась.

– Этого я и боялся, – произнес он резко. – Мэри поступила опрометчиво, поселив тебя в эту комнату с окнами на оба двора. Тебе было бы гораздо лучше на южной стороне, рядом с нашими покоями. Нет ли желания переехать?

– Ни малейшего. Меня здесь все вполне устраивает.

Он не мог оторвать взгляда от картины, закрывавшей отверстие в двери, и мне показалось, что раз или два он уже хотел задать вопрос, но так и не решился. Поболтав о том о сем, он откланялся.

Той ночью сон ко мне не шел, и в промежутке между полночью и часом я села в кровати, чтобы выпить стакан воды. Свечу я не зажигала – стакан находился у меня под рукой. Но, ставя его обратно на стол, я почувствовала сквозняк, шедший от двери соседней комнаты. Тот же сквозняк, который я уже замечала однажды раньше. Я замерла и стала ждать звука шагов – ничего. Затем я уловила легкое царапанье, доносившееся из-за панели, на которую я повесила портрет. Кто-то находился в пустой комнате, возле двери, совсем рядом со мной. Царапанье продолжалось минут, наверное, пять, не больше, и прекратилось так же внезапно, как и началось, неожиданно исчез и сквозняк.

Возникшая у меня чудовищная догадка превратилась на следующее утро в уверенность. Когда я оделась, сидя в своем кресле – Мэтти была занята в гардеробной, – я подъехала к двери и сняла картину с гвоздя. Все оказалось так, как я и думала. Щель была заделана. Никаких сомнений: мое присутствие в этом крыле дома стало возможным благодаря грубому просчету моей сестры; я причиняла неудобства неизвестному посетителю, который бродил ночью в соседней комнате.

Тайна принадлежала Джонатану Рашли, и мне не следовало ее знать. Опасаясь моих любопытных глаз, он распорядился заткнуть мою смотровую щель. Тогда я взвесила в уме возможность, о которой уже думала ранее: что, если старший брат Джонатана не умер от оспы двадцать лет назад, а продолжает жить в зловещем затворничестве, слепой и немой, подобно какому-нибудь зверю, забившемуся в угол своей берлоги, и знают об этом лишь Джонатан – мой зять, его управляющий Лангдон да некий незнакомец – наверное, сторож, – одетый во все ярко-красное.

Если это так, если Мэри и ее пасынок и падчерицы ничего не знают, а я, посторонняя, случайно проникла в эту тайну, мне следует под каким-нибудь предлогом вернуться в Ланрест, ибо не жить же изо дня в день с таким камнем на сердце. Это было слишком ужасно, слишком чудовищно.

Я размышляла, не поделиться ли мне своими опасениями с Ричардом, когда он снова приедет. Но он мог бы, с присущей ему жестокостью, приказать своим людям немедленно взломать дверь и снести контрфорс, что наверняка привело бы к краху моего зятя и хозяина.

К счастью, проблема разрешилась совершенно неожиданным образом, я сейчас скажу каким. Здесь следует напомнить, что в день первого визита Ричарда моя крестница Джоан стащила у управляющего ключ от летнего

домика, тем самым предоставив мне возможность исследовать его. В суматохе, вызванной появлением гостей, она совсем забыла о ключе и вспомнила о его существовании лишь два дня спустя после возвращения моего зятя.

Она пришла ко мне с ключом в руке, крайне взволнованная. Джон, по ее словам, и так уже находился в плохих отношениях с отцом из-за какой-то мелочи, касавшейся эксплуатации имения, и она боится признаться ему, что украла ключ, дабы не разозлить всех еще больше. Самой же ей не хватает мужества отнести ключ Лангдону и признаться в забывчивости. Что делать?

– Что делать мне, ты это хочешь сказать? – спросила я. – Поскольку ты хочешь снять с себя всякую ответственность, так?

– Ты такая умная, Онор, – жалостливо промолвила она, – а я такая неумеха! Позволь, я отдам тебе ключ, и забудем об этом. Малышка Мэри кашляет, у бедняги Джона снова приступ лихорадки. Столько всего навалилось на меня одну.

– Хорошо, – согласилась я. – Посмотрим, что можно сделать.

Я подумала, не ввести ли мне Мэтти в курс дела. Она могла бы сходить к госпоже Лангдон и сказать ей, что нашла этот ключ в парковой аллее, что было бы вполне правдоподобно. Продолжая размышлять, я вертела ключ в пальцах. Он был обычных размеров, не больше того, каким закрывали мою комнату. Сравнив их, я убедилась, что они очень похожи. Внезапно мне пришла в голову одна мысль. Я выкатила свое кресло в коридор, затем остановилась и прислушалась. Было начало десятого, прислуга ужинала, остальные либо беседовали в галерее, либо уже разошлись по своим комнатам и готовились ко сну. Момент, казалось, был довольно подходящим, чтобы рискнуть. Откатив кресло чуть дальше, я остановилась возле запертой двери. Ни души. Тогда я осторожно вставила ключ в ржавую замочную скважину. Он вошел без труда, повернулся. Дверь со скрипом открылась. Я так удивилась своей удаче, что поначалу даже растерялась, не зная, что делать. Связь между этой комнатой и летним домиком была установлена: ключ открывал оба замка.

Такая возможность осмотреть комнату может никогда больше и не представиться, и, превозмогая страх, я уступила своему до предела обострившемуся любопытству, побуждавшему меня к действиям. Я вкатила кресло в комнату, зажгла свечу и огляделась вокруг. Мебели было мало. Два окна, одно – на север, другое – на запад, на обоих железные прутья. Ставни закрыты. В дальнем углу – кровать, несколько комодов, стол и стул, которые я уже видела сквозь щель. Стены увешаны тяжелыми шпалерами,

довольно старыми, во многих местах потрепанными. Комната, как будто для того и созданная, чтобы разочаровывать: все здесь казалось случайным. Вдобавок ко всему затхлый запах нежилых помещений. Я поставила подсвечник на стол и покатила кресло в угол, примыкавший к контрфорсу, приподняла свисавшие с потолка шпалеры – ничего, только гладкая каменная стена. Я провела рукой по поверхности, на мгновение замерла, дабы удостовериться, что вся прислуга еще за столом. И вдруг, в то время как я выглядывала в коридор, я почувствовала затылком сквозняк.

Я вздрогнула, повернула голову и увидела, как зашевелились шпалеры, словно только что открылся некий проход, откуда подул вздымавший их сквозняк. И вдруг, к моему неописуемому ужасу, в промежутке между двумя шпалерами показалась рука. Я не успела ни выехать в коридор, ни даже задуть свечу. В комнате появился человек в наброшенном на плечи пурпурном плаще, а за отодвинутой в сторону шпалерой открылась огромная черная дверь. Какое-то время он молча смотрел на меня, затем произнес:

– Тихонько закрой эту дверь, Онор, и оставь в покое свечу. Раз уж ты здесь, нам лучше всего объясниться, дабы не попасть в переделку.

Он сделал несколько шагов вперед, шпалера упала у него за спиной, и я узнала Джонатана Рашли, моего зятя.

Глава 12

Я почувствовала себя ребенком, уличенным в дурном поступке, и покраснела от стыда и смущения. Он в своем собственном доме, и не мне ставить под сомнение его право разгуливать в нем по ночам в пурпурном плаще. Конечно, он никогда не простит мне того, что я проникла в его тайну, открыла ключом не только дверь комнаты, но и летнего домика.

– Прости, – сказала. – Я поступила очень дурно.

Он не ответил – удостоверился, что дверь заперта. Затем зажег остальные свечи, снял плащ и придвинул одно кресло к столу.

– Это ты просверлила отверстие в перегородке? – спросил он. – Его не было здесь до твоего приезда в Менебилли.

Этот прямой вопрос показал, что он уже наслышан о моем неукротимом любопытстве, и я во всем созналась.

– Я даже не стану пытаться говорить что-либо в свое оправдание, – произнесла я. – Знаю, я не имела никакого права портить твои стены. Просто мне рассказали о привидениях, а на прошлой неделе, ночью, я слышала шаги.

– Да, – признался он. – Я не подумал, что соседняя комната может быть занята. Только когда я услышал шорох, то понял, что случилось. Сейчас у нас немного тесновато, как ты сама уже могла заметить, иначе бы тебя не поселили в это крыло дома. – Он на мгновение умолк, затем внимательно посмотрел на меня и добавил: – Итак, ты поняла, что у этой комнаты имеется потайной выход?

– Да.

– И проникла сюда сегодня вечером, чтобы узнать, куда он ведет?

– Полагаю, он должен проходить через контрфорс.

– Каким образом этот ключ попал к тебе в руки?

Мне ничего не оставалось, как все ему рассказать, взяв вину на себя и полностью оправдав Джоан. Я сказала, что хотела попасть в летний домик, полюбоваться открывающимся оттуда пейзажем, но я бы даже под пыткой не призналась, что прочла завещание его отца, подняла циновку и обнаружила каменную плиту с металлическим кольцом.

Он молча выслушал меня, взгляд его оставался холодным. Должно быть, в душе он проклинал мое безрассудное любопытство.

– Ну и какой же ты делаешь вывод теперь, когда узнала, что ночной посетитель – это я? – спросил он.

– Никакого, Джонатан, – ответила я, – кроме, может быть, одного – что ты пользуешься этим ходом для каких-то личных целей и что твоя семья ничего об этом не знает.

– Джон кое-что знает, – проговорил он после долгой паузы, – но больше никто не в курсе, кроме Лангдона, моего управляющего. Дело короля, которое нам так дорого, сильно бы пострадало, если бы вдруг открылась правда.

Это меня удивило. Я не совсем понимала, какое отношение семейные тайны могут иметь к его величеству. Но я промолчала.

– Поскольку ты уже знаешь достаточно много, я скажу тебе больше, при условии, что ты пообещаешь мне сохранить это в тайне.

Я пообещала, хотя и не без колебаний, поскольку не имела ни малейшего понятия, каким секретом он собирается со мной поделиться.

– Тебе известно, что в самом начале военных действий Совет его величества поручил мне и еще нескольким другим джентльменам собирать и принимать столовое серебро, передаваемое на нужды дела короля в Корнуолле, и обеспечивать его доставку на Монетный двор в Труро для переплавки?

– Я знала, что ты занимался сбором, Джонатан, но не более того.

– В прошлом году в Эксетере соорудили новый Монетный двор. Надзор за ним осуществляет мой родственник, сэр Ричард Вивиан, чем и объясняются мои регулярные поездки в этот город. Понимаешь, Онор, получать огромное количество дорогостоящей посуды и отвечать за ее сохранность, пока она не будет доставлена на Монетный двор, – это довольно тяжелое бремя для моих плеч.

– Да, Джонатан.

– Повсюду, как тебе известно, шпионы! У соседей слишком длинные уши, и даже близкий друг может на тебя донести. Если бы кто-нибудь из армии мятежников завладел ценностями, что постоянно проходят через мои руки, парламент стал бы в десять раз богаче. Поэтому все перевозки осуществляются ночью, когда дороги пустынные. Необходимо также иметь как можно больше помещений для складирования столового серебра перед отправкой. Ты следишь за моей мыслью?

– Да, Джонатан. С большим интересом.

– Очень хорошо. Эти склады должны быть засекречены и известны лишь узкому кругу людей. Вот почему необходимо, чтобы в домах или сооружениях, служащих складами, имелись потайные помещения, известные лишь их владельцам. Менебилли, как ты успела обнаружить, располагает одним из таких тайников.

Я почувствовала, что краснею, и не по причине сарказма, звучащего в его словах: правда была так не похожа на то, что я себе вообразила!

– Контрфорс у дальнего угла этой комнаты внутри пустой. Узкая лесенка ведет в комнатку, устроенную в утолщении стены ниже уровня внутреннего двора. Человек в ней может стоять – или сидеть, – хотя она и насчитывает не более пяти квадратных футов. Проложенный под домом и дорогой на насыпи туннель связывает эту комнатку с летним домиком. Именно в ней я уже в течение года и прячу столовое серебро. Теперь ты понимаешь?

Я молча кивнула, заинтригованная его рассказом.

– Мы всегда работаем только ночью – мой управляющий Джон Лангдон и я. Повозки ждут в Придмуте, мы перевозим серебро в ручной тележке из тайника по туннелю в домик, а затем до самой бухты, где его грузят на повозки. Груз сопровождают верные нам люди, но ни один из них, разумеется, не знает, где в Менебилли находится тайник. Их это не касается. Этого не знает никто, кроме меня самого, Лангдона, а теперь еще и тебя, Онор, и ты – я сожалею, что вынужден это сказать, – не имеешь никакого права быть посвященной в эту тайну.

Я промолчала. Да и что я могла ответить?

– Джону известно, что в доме прячут столовое серебро, но он никогда не пытался разузнать, где именно. Он до сих пор ничего не знает ни о существовании потайной комнаты в контрфорсе, ни о туннеле, ведущем в летний домик.

Тут я рискнула прервать его словоизлияния:

– Какое счастье, что в Менебилли оказался такой превосходный тайник.

– Совершенно верно, – согласился он. – Не будь тайника, вряд ли бы я взялся выполнить эту миссию. Тебе, наверное, интересно знать, почему дом был построен таким образом?

Я кивнула.

– Так вот, мой отец занимался морскими перевозками, что требовало секретности. Туннелем часто пользовались для различных целей.

«Другими словами, дорогой Джонатан, – подумала я, – твой отец был пиратом и мастерски скрывал это, учитывая его превосходную репутацию как в Фое, так и во всей округе».

– В конечном счете, – добавил он, переходя на шепот, – судьба распорядилась так, что мой старший брат не сохранил своих умственных и физических способностей. Это была его комната начиная с тысяча шестисотого года – даты строительства дома – до самой его смерти.

Бедолага прожил в ней целых двадцать четыре года. Иногда у него бывали довольно сильные припадки, он становился буйным, и его приходилось запира́ть в этой келье, в утолщении контрфорса. От недостатка воздуха он внезапно терял сознание, и тогда к нему легче было подступиться.

Он говорил очень естественно, без малейшего смущения в голосе. Мне же становилось не по себе от той картины, которую рисовали в моем воображении его слова.

Я видела мерзкого, сотрясаемого дрожью маньяка, задыхавшегося в стенах своей темной кельи, которая вся заставлена сейчас, как в волшебной сказке, столовым серебром.

Джонатан, вероятно, заметил, как я изменилась в лице. Он мягко посмотрел на меня и встал.

– История не очень приятная, я знаю, – сказал он. – Признаюсь, я испытал огромное облегчение, когда оспа унесла брата через несколько дней после смерти отца. Нелегко присматривать за слабоумным, когда в доме маленькие дети. Ты наверняка слышала о злонамеренных сплетнях, которые распространил Роберт Беннет?

Я уклончиво ответила, что до меня доходили кое-какие слухи.

– Он заболел через пять дней после отца, – объяснил Джонатан. – Почему мы с женой не заразились, теперь сказать трудно. Болезнь совпала с сильнейшим приступом помешательства и очень быстро унесла его. – Вдруг он услышал, как из кухонь, хлопая дверьми, начали выходить слуги. – А сейчас ты вернешься к себе, – закончил он разговор, – а я уйду тем же путем, каким и пришел. Можешь отдать мне ключ Джона Лангдона. Впредь, когда услышишь, что я пришел сюда, ты будешь знать – зачем. Я веду здесь учет ценностей, временно находящихся в моем распоряжении, и время от времени заглядываю в этот список. Полагаю, мне нет нужды напоминать тебе, что все сказанное сегодня вечером должно остаться в строжайшей тайне.

– Торжественно тебе обещаю никому ее не разглашать, Джонатан.

– Спокойной ночи, Онор.

Он помог мне выкатить кресло в коридор, затем тихонько закрыл за мной дверь. Я оказалась у себя в комнате за несколько минут до того, как ко мне поднялась Мэтти, чтобы задернуть шторы.

Глава 13

Хоть я никогда прежде не питала особой симпатии к моему зятю, после нашей встречи в тот вечер я прониклась к нему уважением. Теперь я знала, что и дела короля, из-за которых он постоянно находился в разъездах, были делами важными, – неудивительно, что иногда он вел себя несдержанно по отношению к семье. Менее обязательный человек давно бы уже переложил бремя ответственности на другие плечи. Вызывало уважение и то, что он доверился мне после моего непростительного вторжения в запертую комнату. Я сожалела только, что он не показал мне лестницу в контрфорсе или комнатку внутри, но это значило бы требовать от него слишком многого. Перед глазами у меня продолжали стоять шевелящиеся от сквозняка шпалеры, а за ними – огромная черная дыра. Ход войны между тем не вызывал у нас особого беспокойства. Во главе нашей западной армии был поставлен племянник короля, принц Морис, который нуждался в серьезном подкреплении, особенно в кавалерии, чтобы нанести врагу решающий удар. Но план летнего наступления еще, кажется, не был разработан. Принц Руперт^[11], брат Мориса, пытался убедить короля в необходимости отправить около двух тысяч кавалеристов на запад, однако наткнулся на обычное сопротивление Совета, и конница не появлялась. Все это мы знали, разумеется, от Ричарда; возмущенный тем, что не получил еще ни одной из обещанных пушек, он со всей своей суровой прямоотой заявил нам, что наша западная армия – не что иное, как сборище немощных, ни на что не годных молокососов, а сам принц Морис страдает навязчивой идеей: сесть перед Лайм-Риджисом и ждать, когда ворота откроются сами по себе.

«Если Эссекс с парламентской армией решат двинуться на запад, – объяснял Ричард, – нам нечего будет противопоставить, кроме шайки немощных болванов и горсточки пьяных генералов. Я ничего не могу сделать: у меня под Плимутом народу раз-два и обчелся».

Эссекс решил двинуться на запад, к третьей неделе июня был уже в Веймуте и Бридпорте, и принц Морис, в ущерб своему престижу, поспешно отступил к Эксетеру.

Там он встретился с королевой – своей теткой, – прибывшей в паланкине из Бристоля и страшно напуганной приближением врага; именно в Эксетере она произвела на свет своего последнего ребенка – событие, только прибавившее забот принцу Морису и его генеральному

штабу. Он решил, что самое мудрое – как можно скорее отправить ее во Францию. Две недели спустя после рождения ребенка она, еще очень слабая и напуганная, уехала в Фалмут.

Мой зять был одним из тех, кто приветствовал ее, когда она проезжала через Бодмин, и в самых мрачных красках описал нам несчастную королеву, потрясенную выпавшим на ее долю тяжелым испытанием.

– Возможно, она и досаждала его величеству дурными советами, – были слова Джонатана, – но она – женщина, и меня бросает в дрожь, когда я думаю, какая ее ждет судьба, попади она в руки мятежников.

Все роялисты Корнуолла вздохнули с облегчением, когда узнали, что она благополучно добралась до Фалмута и отплыла во Францию. Но возглавляемая Эссексом парламентская армия все увеличивалась в численности, и мы понимали, что не пройдет и нескольких недель, как он перебросит свои силы из Дорсета в Девон, и тогда только река Теймар будет отделять его от Корнуолла. Из всех нас только Ричард с радостным нетерпением ожидал начала сражения.

– Если нам удастся заманить наглеца в Корнуолл, – говорил он, – в совершенно незнакомую для него местность, где узкие тропки и высоченные заросли собьют с толку кого угодно, если армия короля и Руперта, зайдя с тыла, отрежет ему все пути к отступлению, мы окружим его и уничтожим.

Я хорошо помню, как он весело потирал руки и хихикал, радуясь этой перспективе, словно ребенок перед каникулами, однако мысль эта не приводила в восторг ни Джонатана, ни других джентльменов, ужинавших в тот вечер в Менебилли.

– Если сражение состоится в Корнуолле, – сказал Фрэнсис Бассет, – край будет опустошен.

Вместе с моим зятем он занимался тогда укреплением королевского войска и находил это дело довольно трудным.

– Край слишком беден, чтобы прокормить целую армию, – продолжал он. – Сражение лучше дать на том берегу Теймара, и мы рассчитываем на вас и ваше войско, Гренвил, на то, что вы атакуете противника в Девоне, оградив нас таким образом от вражеского нашествия.

– Глупости, мой дорогой, – отозвался Ричард (Фрэнсис Бассет вспыхнул, а мы все ощутили неловкость), – вы помещик, и я уважаю ваши познания в сфере мелкого и крупного рогатого скота. Но, ради бога, оставьте решение военных вопросов профессионалам, таким как я. Наша задача – уничтожить противника, и мы не можем это сделать в Девоне, где нет никакой надежды его окружить. Как только он переправится через

Теймар, он сразу же окажется в западне. Я боюсь только одного, что он этого не сделает и пустит в ход свою кавалерию, превосходящую нашу, в Девоне, на открытой местности атакует Мориса и его сборище недоумков, и в таком случае мы упустим самый лучший шанс из всех, что когда-либо предоставлялись нам в этой войне.

– Значит, вас не волнует, – спросил Джонатан, – что Корнуолл будет опустошен и люди, лишившиеся крова, больные, голодные, измученные, потянутся по дорогам? Выглядит все это не очень успокаивающе.

– К черту ваш покой! – воскликнул Ричард. – Кое-кому не повредит увидеть немного крови. Если вы не готовы пострадать за дело короля, тогда лучше сразу вступить в переговоры с противником.

Какое-то время после того, как он смолк, атмосфера в столовой оставалась несколько натянутой, и вскоре мой зять подал знак расходиться. С тех пор как в мою жизнь вернулся Ричард – странность, которой я не находила объяснения, – я стала меньше избегать общества и приобрела привычку ужинать внизу, а не у себя в комнате. Уединение более не казалось мне таким желанным. После ужина, поскольку было еще светло, он вышел прогуляться со мной по дороге на насыпи, толкая впереди себя мое кресло.

– Если Эссекс подойдет к Тавистоку, – продолжал он, – и я вынужден буду снять осаду Плимута и отступить, могу я прислать тебе своего щенка?

– Какого еще щенка? – удивленно спросила я. – Я не знала, что у тебя есть собака.

– Юго-западный ветер отягчает твой ум, – сказал он. – Моего выроodka, вот кого я имею в виду, моего молокососа, сына и наследника. Согласна ли ты взять его под свое крыло и хоть немного научить уму-разуму?

– Ну конечно, если ты считаешь, что со мной ему будет лучше.

– Гораздо лучше, чем с кем-либо другим. Моя тетушка Аббот из Гартленда слишком строга, а жена Бевила в Стоу так кичится своим выводком, что у меня пропадает всякое желание просить ее об этой услуге. Впрочем, она никогда не уделяла мне особого внимания.

– С Джонатаном ты говорил?

– Да. Он согласен. Только я не знаю, поладишь ли ты с Диком. Он дичится людей.

– Я буду его любить, Ричард, потому что он твой сын.

– Иногда я в этом сомневаюсь, когда смотрю на него. Он труслив, робок, а его учитель говорит, что он может расплакаться из-за царапины на пальце. Я бы не раздумывая обменял его на юного Джо Гренвила, моего родственника, который служит у меня ординарцем в Баклэнде. Этот парень

ничего не боится. Такие, как он, как старший сын Бевила, мне по душе.

– Дику только четырнадцать, – заметила я. – Не надо судить его слишком строго. Дай ему год-два, чтобы он почувствовал себя увереннее.

– Если он будет походить на мать, я выставлю его из дома, и пусть подыхает. Сосунки мне не нужны.

– Возможно, твой пример не побуждает его быть на тебя похожим, – продолжала я. – Лично я бы не пожелала прозвища Рыжий Лис для своего отца.

– У него сейчас трудный возраст, – сказал Ричард. – Слишком взрослый, чтобы его качали на руках, и слишком маленький, чтобы с ним разговаривали. С сегодняшнего дня он твой, Онор. На следующей неделе я привезу его тебе.

Было решено, с согласия Джонатана, что Дик Гренвил и его учитель Герберт Ашли увеличат число обитателей Менебилли. В день их приезда я ощущала необычный подъем духа и вместе с сестрой Мэри отправилась на осмотр отведенной для них комнаты под башней с часами.

Я привела себя в порядок, надела голубое платье – мое любимое – и почти все утро заставляла Мэтти расчесывать мне волосы. Я не уставала повторять себе, что это до смешного сентиментально – потратить столько времени из-за какого-то паренька, который на меня даже не взглянет. Было около часа, когда я услышала топот лошадей в парке. Сильно взволнованная, я кликнула Мэтти, велев ей позвать двух лакеев, чтобы они отнесли меня вниз. Я хотела встретить их в саду, твердо веря, что гораздо легче познакомиться на открытом воздухе, под солнцем, чем в четырех стенах.

Я сидела в скверике, когда открылись ворота и появился молодой человек. Он пересек лужайку и направился в мою сторону. Он был выше ростом, чем я предполагала; пылающие локоны Гренвиллов, нахально вздернутый нос и дерзкий вид сразу напомнили мне Ричарда. Однако стоило ему только заговорить, как я тут же поняла свою ошибку.

– Я Джо Гренвил, – изрек он. – Меня прислали, чтобы попросить вас вернуться в дом. Случилась маленькая неприятность. Бедняга Дик упал с лошади, когда мы въезжали во двор – мостовая оказалась немного скользкой, – и поранил голову. Его подняли в вашу комнату, и ваша служанка сейчас смывает с него кровь.

Я готовилась совсем к другому и очень расстроилась, что приезд оказался таким неудачным.

– Сэр Ричард с вами? – спросила я, пока он катил кресло по тропинке.

– Да, – ответил юный Джо, – и очень раздражен, проклинает

несчастливого Дика за его неуклюжесть, отчего бедолаге становится только хуже. Мы уезжаем через час. Вы знаете, Эссекс дошел до Тивертон, и Тонтонский замок в руках мятежников. Принц Морис увел с собой несколько наших отрядов, и в Окгемптоне должен состояться военный совет, на котором обязан присутствовать сэр Ричард. Наши войска единственные остались на подступах к Плимуту.

– И вы находите это захватывающим, не так ли, Джо? – спросила я.

– Да, сударыня. Мне не терпится самому сразиться с врагом.

Проехав ворота сквера, мы увидели Ричарда, расхаживавшего взад и вперед по коридору.

– Представляешь, этот щенок упал с лошади прямо у ступенек крыльца! – воскликнул он. – Я иногда задаюсь вопросом, в здравом ли он рассудке, если ведет себя точно придурок. Как тебе Джо? – Он похлопал молодого человека по плечу, и тот посмотрел на него с гордостью и обожанием. – Мы сделаем из этого парня настоящего солдата. Сходи принеси мне эля, Джо, и себе тоже налей кубок. Умираю от жажды.

– А Дик? – поинтересовалась я. – Не следует ли мне пойти к нему?

– Предоставь его женщинам и его ни на что не годному учителю, – ответил Ричард. – Еще успеешь на него насмотреться. У меня только час времени, и я хочу побыть с тобой.

Мы оказались в небольшой приемной в глубине галереи. Он сел и, потягивая свой эль, сообщил мне, что Эссекс будет в Тавистокке к концу недели.

– Если он пойдет на Корнуолл, угодит прямо в западню, – сказал Ричард, – и, если король вовремя подойдет к нему с тыла, партию можно считать выигранной. Будет не очень приятно, дорогая, но продлится недолго, могу тебя в этом заверить.

– Здесь будет сражение? – спросила я с недоверием.

– Трудно сказать. Многое зависит от Эссекса – ударит он с севера или с юга. Он пойдет на Лискард и Бодмин, где мы и попытаемся его остановить. Молись, чтобы август был дождливым и они по уши увязли в грязи. Однако пора ехать. Я заночую в Лонстоне, если успею. – Он поставил кубок на стол и, захлопнув дверь, опустился возле моего кресла на колени. – Присмотри за моим щенком, – попросил он, – обучи его хорошим манерам. Если случится худшее и сражение разыграется по соседству, спрячь его под своей кроватью. Эссекс не упустил бы случая взять моего сына в заложники. Ты все еще любишь меня?

– Я люблю тебя по-прежнему.

– Тогда перестань прислушиваться к звуку шагов в галерее и поцелуй

меня, как если бы тебе этого хотелось.

Для него было в порядке вещей пять минут подержать меня в объятиях, вскружить мне голову, затем ускакать галопом в Лонстон, забыв обо всем, кроме своих дел; я же оставалась сидеть в своем кресле, с растрепанными волосами и в измятом платье, не в силах избавиться от обуревавших меня мыслей, подавленная, растерянная и несчастная. Что ж, я сама избрала свою судьбу, позволила ему вернуться в мою жизнь, и теперь мне следует привыкать к жару, который он разжигал во мне и который уже ничто не сможет охладить.

Итак, крикнув своего ординарца, он махнул мне рукой и поскакал в Лонстон, где, сказала я себе с ноющим чувством ревности, они с Джо наверняка найдут возможность плотно поужинать и предаться каким-либо сиюминутным утехам, прежде чем приступить на следующий день к серьезным делам. Я слишком хорошо знала моего Ричарда, чтобы поверить, что он станет вести воздержанный образ жизни только потому, что любит меня.

Я пригладила локоны, расправила кружевной воротничок и дернула за колокольчик, позвав лакея; он и еще один слуга отнесли меня в кресле в мою комнату. Вышли мы не через парадную дверь, как обычно, а через задние комнаты, что под дозорной башней, и там, в коридоре, я увидела Фрэнка Пенроуза, кузена и помощника управляющего моего зятя. Он оживленно беседовал с молодым господином, примерно такого же, как и он, возраста, с желтовато-бледным цветом лица и выдающимся подбородком, – похоже, тот рассказывал ему историю своей жизни.

– Позвольте представить вам мистера Ашли, госпожа Онор, – произнес Фрэнк своим обычным слащавым тоном. – Он оставил своего ученика отдыхать в вашей комнате. Мы с мистером Ашли хотим выпить чего-нибудь прохладительного.

Мистер Ашли кивнул и щелкнул каблуками.

– Сэр Ричард говорил мне, что вы крестная молодого человека, сударыня, и что отныне я должен буду подчиняться вам. Это, разумеется, не совсем отвечает общепринятым нормам, но я попытаюсь приспособиться к обстоятельствам.

«Ты всего лишь претенциозный дурак, вряд ли мы найдем с тобой общий язык», – подумала я про себя, но вслух сказала:

– Прошу вас, мистер Ашли, ничего не меняйте в своих привычках и поступайте так, как если бы вы находились в Баклэнде. Я ни во что не собираюсь вмешиваться и буду следить за тем, чтобы мальчику здесь было хорошо.

Я оставила их кланяющимися и рассыпающимися в любезностях, хотя знала, что они с удовольствием разорвали бы меня на части, как только я повернусь к ним спиной. Наконец меня внесли в ту часть дома, что над воротами.

Навстречу мне шла Мэтти, неся тазик с водой и переброшенные через руку бинты.

– Рана серьезная? – спросила я.

Она поджала губы, выражая явное недовольство случившимся.

– Слишком напуган, а так ничего особенного, – ответила она. – Если вы посмотрите на него слишком строго, он упадет в обморок.

В комнате слуги опустили кресло на пол и удалились, закрыв за собой дверь. Сжавшись в комок, он сидел в кресле перед камином. Крохотный человечек с огромными черными глазами и темными локонами. Повязка на голове только подчеркивала его бледность. Он с тревогой смотрел на меня, не переставая грызть ногти.

– Тебе лучше? – тихо промолвила я.

Какое-то время он молча смотрел на меня, затем, сделав странное движение головой, произнес:

– Он уехал?

– Кто? – спросила я.

– Мой отец.

– Да. Ускакал в Лонстон вместе с твоим кузеном.

Он задумался.

– Когда он вернется?

– Он не вернется. Завтра или послезавтра он должен присутствовать на военном совете в Окгемптоне. Ты пока останешься здесь. Разве он не сказал тебе, кто я такая?

– Я думаю, что ты, наверное, Онор. Он говорил мне, что я буду с одной очень красивой дамой. Почему ты сидишь в этом кресле?

– Потому что не могу ходить. Я калека.

– Это больно?

– Нет. Не очень. Я уже привыкла. Ты сильно ушибся?

Он осторожно потрогал повязку.

– Кровоточит, – признался он. – Под бинтами кровь.

– Пустяки. Это скоро пройдет.

– Я не буду снимать повязку, а то опять пойдет кровь. Прикажи служанке, которая промывала рану, чтобы не снимала повязку.

– Хорошо, – ответила я. – Я ей скажу.

Я взяла кусок ткани и принялась вышивать, дабы он не думал, что я

наблюдаю за ним, и привык к моему присутствию.

– Моя мама тоже занималась вышиванием, – произнес он после продолжительной паузы. – Она вышила оленей, бегущих в лесной чаще.

– Очень красиво, – отозвалась я.

– Она сделала три накидки для кресел, – продолжал он. – В Фитцфорде они всем очень понравились. Ты, наверное, никогда не была в Фитцфорде?

– Нет, Дик.

– У мамы было много друзей, но я никогда не слышал, чтобы она говорила о тебе.

– Я не знакома с твоей мамой, Дик. Я знакома только с твоим отцом.

– Он тебе нравится?

Вопрос прозвучал резко, в голосе сквозило недоверие.

– Почему ты спрашиваешь? – Я попыталась уйти от ответа.

– Потому что мне он не нравится. Я его ненавижу. Хочу, чтобы его убили в бою.

Я взглянула на него – он впился зубами в тыльную часть своей кисти.

– За что же ты его ненавидишь? – спросила я спокойно.

– Он дьявол, вот за что. Он пытался убить мою мать. Хотел обворовать ее, а потом убить.

– Откуда ты это взял?

– Мама мне сказала.

– Ты ее очень любишь?

– Не знаю. Наверное. Она была красивой. Красивее, чем ты. Сейчас она с моей сестрой в Лондоне. Жаль, что я не могу к ней поехать.

– Наверняка ты сможешь к ней вернуться, когда закончится война.

– Я бы давно уже сбежал, но Лондон так далеко, и я боюсь попасть в плен. Сейчас везде идут бои. В Баклэнде только и говорят что о войне. Я хочу тебе кое в чем признаться.

– В чем же?

– На прошлой неделе я видел раненого. Его внесли в дом на носилках. Он истекал кровью.

Меня озадачило, как он это сказал: он был так застенчив в обращении.

– А что, ты так боишься вида крови? – спросила я.

Краска ударила ему в лицо, бледные щеки зарделись.

– Я не испугался, – быстро проговорил он.

– Верю, но тебе это неприятно. Мне тоже. Но я не боюсь смотреть, как она течет.

– Я не могу ее видеть, – сказал он, немного помолчав. – Я всегда был

таким, с самого детства. Я не виноват.

– Может, ты испугался, когда был совсем маленьким?

– Так же считает и моя мама. Она рассказывала, что однажды, когда я был у нее на руках, в комнату вбежал отец, накричал на нее и ударил по лицу, и у нее пошла кровь. Кровь потекла по моим рукам. Я этого не помню, но именно так все и было.

Жалость охватила меня, и я впала в уныние, однако постаралась скрыть это от него.

– Не будем больше говорить об этом, Дик, пока ты сам не захочешь. Что мы еще можем обсудить?

– Расскажи, что ты делала, когда была такой, как я. Как выглядела, что говорила? У тебя были братья и сестры?

И тогда я сочинила целую историю о своем прошлом, чтобы она заставила его забыть свою. Он сидел и слушал, не сводя с меня глаз, и, когда вернулась Мэтти с прохладительными напитками, он уже был так спокоен, что начал даже болтать с ней и с интересом поглядывать на пирожки. Они быстро исчезли все до одного, пока я разглядывала мелкие черты его лица, совсем не похожего на отцовское, и его темные локоны. Затем я стала читать вслух. Свернувшись калачиком, он лег на полу рядом с моим креслом, словно собачонка, нашедшая друзей в чужом доме, а когда я закрыла книгу, он поднял голову и улыбнулся мне, и тут впервые на его лице проступили не материнские, а отцовские черты: это была улыбка Ричарда.

Глава 14

С этого дня Дик стал моей тенью. Он приходил рано, когда мне приносили завтрак, отнюдь не в самое лучшее для меня время дня, но я его терпела, потому что он был сыном Ричарда. Затем, пока я приводила себя в порядок, он уходил делать уроки с бледным мистером Ашли, а ближе к полудню возвращался, чтобы сопровождать меня на прогулке по дороге на насыпи.

В столовой он садился рядом со мной и вносил табуретку в галерею, когда я выезжала туда после обеда; говорил он мало, все больше наблюдал и всюду преследовал меня, точно маленькое привидение.

– Почему бы тебе не пойти и не поиграть в парке? – спросила я. – Или попроси мистера Ашли свозить тебя в Придмут. Там на пляже попадаются красивые раковины, а когда тепло, можно искупаться, если будет желание. А еще в конюшне есть лошадка, на которой ты мог бы покататься верхом.

– Лучше я останусь с тобой, – ответил он.

Переубедить его было невозможно. Это не удавалось даже Элис, чей авторитет у детей был очень велик. Он мотал головой и усаживался на табурет позади меня.

– Он вспылал к вам любовью, сударыня, – говорил наставник, радуясь в глубине души, что у него самого поубавилось забот. – Ко мне он никогда не проявлял такого интереса.

– Он твое завоевание, – заметил как-то Джон. – Ты больше не сможешь от него избавиться. Бедная Онор! Такая обуза до конца жизни!

Но это меня не волновало. Дик со мной счастлив, и это главное, а если мне еще удастся наделить это бедное одинокое сердечко хоть каким-то чувством уверенности, я буду знать, что потратила время не зря. Между тем приходившие вести были одна хуже другой, а через пять дней после приезда Дика из Фоя нам сообщили, что Эссекс вошел в Тависток и что осада Плимута снята. Ричард уводил свои войска из Солташа, Маунт-Стампфорда и Плимптона, отступая к берегам Теймара.

В тот вечер в Тайуордрете местная знать собралась на совет. Председательствовал мой зять. Единогласно было решено собрать как можно больше людей, оружия и боеприпасов и направить все это в Лонстон, чтобы оказать помощь в обороне графства.

Эта новость привела нас всех в ужас, и буквально на следующее утро начались приготовления к отъезду. Все мужчины имения, годные к службе

и умевшие держать в руках оружие, явились к моему зятю вместе с лошадьми и при полном снаряжении, в том числе самые юные из лакеев и все конюхи. Джонатан и его зять Джон Рашли из Комба, Оливер Сол из Пенрайса – брат старого Ника Сола – и много других джентльменов из окрестностей Фоя и Сент-Остелла собрались в Менебилли, перед тем как двинуться дальше. Моя же бедная сестричка Мэри ходила от одного к другому, грустно улыбаясь, раздавала пирожные, фрукты и пирожки в дорогу. У Джона голова шла кругом от долгих наставлений, половину из которых, я была в этом уверена, он сразу же забудет. Затем они прошли по парку – странная трогательная группка людей, храбро рвавшихся в бой и не имевших ни малейшего понятия, какая уготована им судьба. Арендаторы держали свои мушкеты словно вилы, подвергая тем самым свои жизни гораздо большей опасности, чем жизнь противника, которого они могли встретить. Шел 1643 год, мятежники находились милях в тридцати, и, несмотря на заверения Ричарда, считавшего, что Эссекс с его войском лезут в западню, мне вовсе не хотелось, чтобы они в нее попали.

Те последние дни июля были душными и жаркими. С юго-запада не переставая дул бриз, обещая дождь, но так и не принося его, и бледно-серая зыбь медленно катила свои волны за мысом Гриббен. Мы делали вид, что в нашем образе жизни в Менебилли ничего не изменилось, старались даже быть веселыми за столом, сами себя обслуживали в отсутствие слуг. Но как бы мы ни старались выглядеть бодрыми и беззаботными, мы все испытывали чувство тайной тревоги, прислушивались к каждому пушечному выстрелу или ржанию лошади. Я ясно вижу, как мы сидим вокруг длинного стола, а его величество спокойно смотрит на нас сверху вниз с портрета, висящего на темной стене над камином. Вижу, как к концу унылой трапезы со своего места поднимается Ник Сол, самый старый из всех нас, с трудом разгибая поясницу, и торжественно заявляет:

– Мне бы хотелось в это трудное и смутное время провозгласить тост за его величество. Выпьем же за здоровье нашего любимого короля. Да защитит Господь и его, и всех тех, кто покинул этот дом и пошел сражаться на его стороне.

Все встали – все, кроме меня, – и уставились на его портрет – эти меланхоличные глаза, этот тонкий и упрямый рот. Вспомнившая о Питере Элис не могла сдержать слез, а у Мэри лицо было грустное и смилившееся: она думала о Джонатане. И все же ни один из них, глядя на короля, не собирался винить его в выпавших на их долю страданиях. Бог свидетель, я не испытывала никакой симпатии к мятежникам, даже самый последний из которых думал лишь о том, как бы разукрасить свое собственное гнездо и

сколотить состояние, ничуть не заботясь о несчастном народе, хотя и провозглашал, что стремится облегчить его судьбу. Правда, я не считала и нашего короля мудрейшим из мудрейших. Надо, однако, отдать ему должное: не выделявшийся ни умом, ни ростом, он тем не менее сумел своими манерами, своим достоинством и моральными качествами вдохновить своих сторонников на борьбу, взывая больше к их сердцам, чем к разуму.

Непривычное спокойствие царило в тот вечер в длинной галерее. Даже острая на язык Темперанс Сол хранила молчание: волнение читалось на ее хрупком личике. Супруги Спарк играли свою обычную партию в шашки и шепотом переговаривались. Уилл, распространитель дурных вестей, казалось, совсем забыл о своем хобби.

Переправились ли мятежники через Теймар? Этот вопрос, я полагаю, никому не давал покоя, и пока Мэри, Элис и Джоан вышивали, я вполголоса читала Дику, а сама думала о том, где именно противник переправится через реку: в Солташе или в Ганнислейке. Джон ушел сразу же после тоста за здоровье короля, сказав, что не может более выносить неизвестности и отправляется в Фой за новостями. К девяти часам он вернулся, сообщив, что город опустел, мужчины почти все ушли на север, чтобы пополнить армию. Те же, кто остался, стоят на порогах своих домов, мрачные и подавленные. Поговаривают, что Гренвил со своим войском разбит в Ньюбридже, ниже Ганнислейка, тогда как Эссекс и тысяча десять его воинов идут на Лонстон. Помню, как Уилл Спарк, услышав это, вскочил со стула и разразился целой тирадой в адрес Ричарда.

— Что я вам говорил? — пронзительно кричал он и возбужденно размахивал руками. — Первое же испытание боем показало, что никакой он не командир. Защитить подходы к Ганнислейку не составляло труда, каковы бы ни были силы противника, а Гренвил отступает, не попытавшись даже защитить Корнуолл. Боже, какой контраст с его братом!

— Это всего лишь слухи, кузен Уилл, — заметил Джон, с тревогой взглянув в мою сторону. — Никто в Фое не мог поручиться, что эти сведения точны.

— Все пропало, говорю я вам, — продолжал Уилл. — Корнуолл будет разграблен и уничтожен, как на днях сказал сэр Фрэнсис Бассет. И если это случится, то вся вина падет на Ричарда Гренвила.

Я наблюдала за юным Диком, который жадно, с блеском во взгляде прислушивался к каждому слову.

— О чем он говорит? — прошептал он, тронув меня за рукав. — Что стряслось?

– Джон Рашли слышал, что граф Эссекс вошел в Корнуолл, не встретив достойного сопротивления. Но пока это не подтвердилось.

– Значит, моего отца убили в бою?

– Нет, Дик. Ничего такого слышно не было. Я продолжу чтение, не возражаешь?

– Да, пожалуйста, если ты так хочешь.

И я вновь принялась за книгу, не обращая внимания на Дика, покусывавшего тыльную часть кисти; я сама разволновалась так, что была готова сделать то же самое. За последние двое суток могло произойти все что угодно. Ричард убит по дороге в Ганнислейк, а его солдаты разбежались кто куда или попали в плен, и сейчас их пытаются в Лонстонском замке, заставляя раскрыть план наступления. Я всегда совершала непоправимую ошибку, когда давала волю своему воображению, и, хотя я достаточно хорошо знала стратегию Ричарда, чтобы догадаться, что отступление к берегам Теймара было предусмотрено с самого начала и имело единственной целью заманить Эссекса в Корнуолл, я предпочла бы услышать совсем противоположное: что одержана победа и мятежники отброшены в Девон.

Той ночью я спала плохо, ибо неизвестность – я всегда и везде настаивала на этом – худшая из умственных пыток, и для беспомощной женщины, которая не может забыть свои страхи из-за неспособности к действию, нет спасения. На следующий день было так же жарко и душно, как и накануне, и после завтрака я задалась вопросом: неужели я виделась своим соседям по столу такой же бледной и осунувшейся, какими казались мне они сами? По-прежнему никаких новостей. В воздухе висела странная тишина – даже галки, обычно собиравшиеся стаями на деревьях в парке, куда-то улетели. Перед самым полуднем, когда некоторые из нас уже сидели в столовой, чтобы перекусить холодным мясом, из застекленной террасы появилась Мэри и, пробегая по коридору, воскликнула:

– Какой-то всадник пересек парк и скачет к нам!

Все вдруг разом заговорили, бросились к окнам, а Джон, слегка побледнев, вышел во двор встречать незнакомца.

Всадник прогромыхал во внутреннем дворе и остановился под окнами. Хотя он и был с головы до ног покрыт толстым слоем пыли, а на одном сапоге виднелся след от сабли, я сразу узнала юного Джо Гренвила.

– У меня послание для госпожи Харрис, – сказал он, спрыгивая на землю.

Горло у меня сжалось, ладони вспотели. «Он умер, – мелькнуло у меня в голове. – Наверняка умер».

– Чем закончилось сражение? Где мятежники? Что происходит?

Вопросы сыпались на него градом со всех сторон, и больше всех старались Ник Сол и Уилл Спарк. Джо вынужден был растолкать их, чтобы пройти ко мне в холл.

– Еще до наступления ночи Эссекс войдет в Бодмин, – коротко бросил он. – Мы дали бой лорду Робартсу и его эскадрону под Лостуитиелом. Сейчас отступаем к Труро, где сэр Ричард намеревается набрать новые отряды. Я прискакал лишь для того, чтобы передать госпоже Харрис это послание.

– Эссекс в Бодмине?

Тут вся компания пришла в движение, раздались крики, а Темперанс Сол упала на колени, обращаясь с мольбой к самому Создателю. Дрожащей рукой я вскрыла конверт.

Любимая, – прочитала я, – наживка насажена на крючок, и неосторожная рыбка уже таращится на нее, разинув рот. Сегодня вечером Эссекс будет в Бодмине, а завтра, по всей вероятности, в Фое. Его главный советник – этот полный кретин Джон Робартс, чью усадьбу в Ланхидроке я имею сейчас удовольствие грабить. Они проглотят не только крючок с наживкой, но и удочку с грузилом. Мы атакуем их из Труро; его величество, Морис и Ралф Гоптон ударят с востока. Король уже на подступах к Тавистоку, так что рыбка будет изящно вытащена на берег. Поскольку твое ближайшее будущее в Менебилли не сулит ничего приятного, будет лучше, если ты отправишь щенка вместе с его наставником ко мне. Я отдал на этот счет распоряжения Джо. Оставайся в комнате, любовь моя, и ничего не бойся. При первой же возможности мы придем к вам на помощь. Мое почтение твоей сестре и всем остальным.

Преданный тебе

Ричард Гренвил.

Я спрятала письмо в складках платья и повернулась к Джо:

– Генерал чувствует себя хорошо?

– Никогда еще он не был в лучшем здравии, – ухмыльнулся он. – Когда я оставил его на дороге в Грэмпаунд, он с аппетитом поглощал жаркое из поросенка, а лакей начищал его сапоги. На выгонах лорда Робартса мы захватили десятка два свиней, коров и стадо овец. Войско в отличной форме. Если услышите о наших потерях в Ньюбридже, не обращайтесь на эти слухи внимания. Чем более высокие будут называть цифры, тем довольнее будет сэр Ричард.

Я выказала желание поговорить с ним с глазу на глаз, и мы уединились на застекленной террасе.

– Как быть с Диком? – спросила я.

– Сэр Ричард считает, что лучше всего отправить ребенка и мистера Ашли на рыбацком судне в Сент-Мос, если удастся договориться с кем-нибудь из рыбаков из Полкерриса. Они могут плыть вдоль берега, главное – пройти мыс Додмэн, а там останется совсем немного. У меня с собой есть деньги, чтобы заплатить рыбакам, и заплатить хорошо.

– Когда они должны отправиться?

– Как можно скорее. Я прослежу за этим и провожу их до причала. Затем вернусь к сэру Ричарду, если повезет – я нагоню его на дороге из Грэмпаунда в Труро. Беда в том, что дороги кишат беженцами из Эссекса, и все идут на запад: здесь вот-вот появится вражеская кавалерия.

– Тогда не будем терять время, – прервала я его. – Я попрошу господина Джона Рашли поехать с вами в Полкеррис, он знает там людей, которым можно довериться.

Я позвала Джона и вкратце изложила ему план. Он немедленно отправился в Полкеррис вместе с Джо Гренвиллом, я же послала за Гербертом Ашли. Он пришел очень бледный, ибо уже пронесся слух, что войско Гренвила обращено в паническое бегство мятежниками и война бесповоротно проиграна. Он испытал огромное облегчение, когда я ему сообщила, что они с Диком должны немедленно уехать – морем, а не сушей, – и тотчас побежал собирать вещи, пообещав быть готовым в течение часа. Теперь оставалось только оповестить мою тень.

– Дик, – обратилась я к нему, – мне хотелось бы видеть тебя храбрым и умным. Послезавтра противник, очевидно, будет здесь и займет Менебилли. Твой отец считает, что тебе лучше уехать отсюда. Я договорилась с Джоном Рашли, он отправит тебя и твоего учителя на судне в Сент-Мос. Там вы будете в безопасности.

– Ты тоже поедешь с нами? – спросил он.

– Нет, Дик. План слишком неожидан и касается только вас. Я остаюсь в Менебилли вместе со всеми.

– Тогда я тоже останусь.

– Нет, Дик. Я лучше знаю, что надо делать. Ты поедешь.

– Значит ли это, что я возвращаюсь к отцу?

– Этого я не могу сказать. Я знаю только, что судно доставит вас в Сент-Мос.

Он ничего не ответил, только надулся и пошел к своему учителю.

У меня защемило сердце: ведь нет ничего заразительнее, чем паника, а

обстановка отнюдь не располагала к спокойствию. У всех, собравшихся группками в галерее, под глазами легли тени, на лицах застыл испуг.

– Еще есть время добраться до Труро, – говорил Уилл. – Но Джонатан забрал всех лошадей. Куда же уехал Джон? Не может ли он как-нибудь устроить, чтобы нас отвезли в Труро?

Его сестры с тревогой наблюдали за ним, и я услышала, как Джиллиан шепнула Деборе, что у нее ничего не готово, что на сборы уйдет весь остаток дня. Затем Ник Сол гордо вскинул голову и громко сказал:

– Мы с женой предлагаем остаться в Менебилли. Труссы могут дезертировать, если хотят, но я считаю, что мы не должны бежать из дома нашего кузена Джонатана, точно крысы с тонущего корабля.

Моя сестра Мэри бросила на меня взгляд, полный отчаяния.

– А что посоветуешь ты, Онор? – спросила она. – Уезжать нам или оставаться? Джонатан мне ничего не говорил. Он уверял, что противник не переправится через Теймар или же, в худшем случае, пройдя несколько миль, повернет назад.

– Бог ты мой, – сказала я, – если вы хотите прятаться в оврагах, вместе со скотиной, дело ваше, но я могу вас заверить, что на дорогах вам будет гораздо хуже, чем дома. Лучше умереть с голоду под собственной крышей, чем где-то в кустах.

– У нас достаточно съестных припасов. – Мэри попыталась уцепиться за последнюю ниточку надежды. – Мы ни в чем не будем нуждаться, разве что осада окажется слишком долгой.

Она повернулась, чтобы узнать мнение своих падчериц, которые никак не могли успокоить детей, я же решила не портить им настроения и не стала говорить, что, проникнув в дом, мятежники в один миг разберутся с ее съестными припасами.

Часы на дозорной башне пробили три раза, когда, готовые к отъезду, спустились Дик и его учитель. Мальчик был по-прежнему надут как индюк и отвернулся, когда я с ним прощалась. Это было предпочтительнее бунтарских слез, которых я опасалась. Бодрым голосом я пожелала ему счастливого плавания, заверив, что на следующей неделе все наши тревобления закончатся. Он не ответил, и я знаком велела Герберту Ашли взять его за руку и отправляться. Фрэнк Пенроуз отведет их в Полкеррис, а там их встретят Джон Рашли и Джо Гренвил, которые к тому времени все подготовят к отъезду.

От волнения и усталости обострились мои боли, и мне больше всего хотелось удалиться к себе в комнату и лечь в кровать. Я послала за Мэтти, которая с помощью Джоан и Элис отнесла меня наверх. Через западное

окно заглядывало солнце, в комнате было жарко, душно. Я лежала в постели, вся потная, жалея, что я не мужчина и не могу поскакать вместе с Джо Гренвиллом по дороге на Труро, а вынуждена лежать тут, немощная калека, в ожидании звука тяжелой поступи вражеского войска. Я пролежала так, наверное, около часа и начинала уже засыпать, как вдруг услышала цокот лошадиных копыт в парке. Я позвала Мэтти, спросила, кто это. Она подошла к окну.

– Это господин Джон, – сказала она. – Судя по выражению лица, он очень взволнован. Наверное, что-то случилось.

При этих словах у меня все оборвалось внутри. Что, если рыбаки из Полкерриса так и не согласились поднять паруса? Я услышала шаги Джона на лестнице. Он вбежал ко мне в комнату, забыв даже постучать.

– Мы потеряли Дика! – воскликнул он. – Он исчез – как сквозь землю провалился.

Джон стоял передо мной, вздрагивая всем телом, по лбу у него струился пот.

– О чем ты? Что случилось? – быстро спросила я, резко выпрямившись на кровати.

– Мы все собрались на причале. – Он еле переводил дыхание. – Судно уже было готово к отплытию. Под палубой есть небольшая каюта, и я собственными глазами видел, как Дик спустился туда со своим узелком в руках. Найти судно и экипаж труда не составило. Два здоровых парня, которых я хорошо знаю, охотно взялись за это дело. Только они собрались поднять якорь, как мы услышали позади себя крики. Подбежавшие к нам несколько парней, перебивая друг друга, стали говорить, что передовой отряд кавалерии мятежников перекрыл дорогу из Каслдора в Тайуордрет и что Полмиарская возвышенность занята вражеским войском. Тут матросы принялись поднимать паруса, а юный Джо Гренвилл повернулся ко мне и сказал: «Пожалуй, лучше будет, если я тоже отправлюсь морем». Прежде чем я успел что-либо ему ответить, он направил своего коня в воду и двинулся к отмели, находившейся примерно в полумиле к западу. Вода прибывала, но он успел вовремя, двадцать минут спустя он повернулся в седле и помахал нам рукой. Сейчас он должен быть в Госморе, на полпути к Сент-Остеллу.

– А Дик? Ты сказал, что вы потеряли Дика.

– Он был на судне, я готов в этом поклясться. Но мы отвернулись к парням, которые сообщили нам, что мятежники уже в Тайуордрете, а потом провожали взглядом Джо Гренвила, который пустился вплавь вместе со своей лошадейю. Видит Бог, Онор, это самый дерзкий поступок из всех,

которые когда-либо совершал юный Джо, ибо между Полкеррисом и песчаными отмелями течение очень сильное. И только потом Ашли, учитель, позвал Дика, но его нигде не было. Мы обшарили все судно – от носа до кормы, – но так и не нашли его. Его не было и на причале. Его не было. Боже мой, Онор, что же нам теперь делать?!

Я чувствовала себя такой же беспомощной, как и он, и пришла в полное отчаяние оттого, что не сумела выполнить свою задачу. От мятежников же нас отделяло не более двух миль.

– Где сейчас судно? – спросила я.

– Стоит за Гриббеном и ждет моего сигнала, – сказал Джон. – А этот тупица-учитель на борту только и думает, как бы поскорее очутиться в Сент-Мосе. Даже если мы сейчас и найдем мальчика, боюсь, Онор, будет уже слишком поздно.

– Обыщите все прибрежные скалы, – посоветовала я. – Сады, парк, луг. Говорил ли мальчик с кем-либо в дороге?

– Не знаю. Думаю, нет. Я слышал только, как Фрэнк Пенроуз его уверял, что сегодня вечером он увидит отца.

Этого-то я и боялась. Одно неосторожное слово – и Дик сбежал с корабля, как ребенок, который не хочет идти в школу. Мне ничего не оставалось, как приказать Джону приступить вместе с Фрэнком Пенроузом к поискам, не говоря никому ни слова о том, что случилось. Затем я позвала Мэтти и велела выкатить меня на дорогу на насыпи.

Глава 15

С высоты холма, откуда прекрасно обозревались окрестности, я увидела, как Фрэнк Пенроуз и Джон Рашли пересекли парк, выехали в поле и разъехались в разные стороны. Я опасалась, как бы мальчик не утонул и с наступлением прилива его тело не обнаружили плавающим на воде лицом вниз у подножия скал Полкерриса. Судно исчезло, и я подумала, что оно должно быть уже на западе, где-то между Полкеррисом и Гриббенем.

Мэтти катала меня взад и вперед по дороге на насыпи. Вокруг – ни души. Только коровы, пасущиеся вдаль, на холмах, да колышущиеся под легкими порывами бриза хлеба на горизонте.

Я послала Мэтти за плащом, ибо ветер усиливался и становилось прохладно. Вернувшись, она сообщила мне, что парк заполняют беженцы – женщины, дети, старики, – все с котомками на спинах и все просят дать им приют, поскольку дорога на Труро перекрыта, везде – мятежники. Моя сестра Мэри в полной растерянности, не знает, что делать, и многие уже разводят костры в заповедном лесу и устраиваются на ночлег.

– Когда я сейчас выходила из дома, – говорила Мэтти, – во дворе остановилась повозка, запряженная четырьмя лошадьми, и сидевшая в ней дама попросила приютить ее и двух ее дочек. Я услышала, как их слуга сказал, что они провели в дороге десять часов.

Я в душе поблагодарила Бога за то, что мы не поддались панике, как эти несчастные, и остались в Менебилли.

– Возвращайся назад, Мэтти, – сказала я, – и посмотри, чем ты можешь помочь моей сестре.

Не прошло и десяти минут после ее ухода, как я увидела вдалеке две мужские фигуры, двигавшиеся в мою сторону через поле. Один из них, заметив меня на дорожке, помахал рукой, другой же он крепко держал своего спутника.

Я узнала Джона Рашли. Вместе с ним был Дик.

Когда они подошли ко мне, я увидела, что одежда на мальчике мокрая, лицо и руки расцарапаны и кровоточат. Однако на сей раз он, похоже, не придавал значения виду крови и вызывающе смотрел на меня.

– Я не поеду, – произнес он. – Ты меня не заставишь.

Джон Рашли покачал головой и обреченно пожал плечами.

– Ничего не поделаешь, Онор. Придется его оставить здесь. У побережья сейчас сильный прилив, и я дал сигнал судну поднять паруса,

пройти залив и высадить учителя в Меваджисси или Горау, и пусть он там выкарабкивается как знает. А парнишку я нашел у скал в миле от Полкерриса – он три часа находился по грудь в воде. Одному Богу известно, что подумает сэр Ричард, когда узнает, как мы опростоволосились.

– Не важно, – сказала я. – Если мы еще когда-нибудь с ним увидимся, я возьму это на себя. Пусть мальчик вернется домой вместе со мной и наденет сухую одежду, все остальное потом.

Моя прогулочная дорожка в Менебилли находится, я уже говорила, на возвышенности, и оттуда открывается живописный вид как на запад, так и на восток. В тот момент, не знаю почему, я посмотрела в сторону прибрежной дороги, которая спускается из Комба и Фоя в Придмут, и увидела на горизонте в долине силуэт одинокого всадника. К нему подъехали другие, на секунду остановились, затем все двинулись вниз по узкой тропинке к морю. Джон их тоже увидел, ибо наши взгляды встретились, и какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Дик стоял между нами, потупив глаза, и стучал зубами.

В былые времена Ричард не упускал случая подшутить над моей южной кровью, такой вялой, утверждал он, по сравнению с той, что текла в его, жителя северного побережья, жилах, однако могу поклясться, что соображала я в ту минуту быстрее, чем это когда-либо удавалось ему самому.

– У тебя есть отцовские ключи? – спросила я у Джона.

– Да.

– Все?

– Все.

– С собой?

– Да.

– Тогда отопри дверь летнего домика.

Он подчинился, не задавая лишних вопросов, – слава богу, отец приучил его к порядку и дисциплине, – и вскоре мы все трое оказались на пороге домика перед настежь распахнутой дверью.

– Вытащи циновку из-под стола, – приказала я, – и приподними плиту.

Он с недоумением посмотрел на меня, однако сделал все, как я сказала, не промолвив ни слова. Когда циновка была убрана, а плита – сдвинута, нашим взглядам открылась лестница.

– Ни о чем меня не спрашивай, Джон, – попросила я его. – У нас мало времени. Подземный ход соединяет эту лестницу с домом. Бери Дика, поставь на место плиту и ползи вместе с ним к другому концу туннеля. Вы

попадете в комнатку, похожую на келью, и там увидите другую лестницу. В конце ее, наверху, есть дверь, кажется, она открывается изнутри. Только не вздумайте ее открывать, пока я не подам вам знак из дома.

– Комната, смежная с твоей? – спросил он. – В ней жил мой дядюшка Джон?

– Да. Дай мне ключи. побыстрее.

За Дика можно было уже не волноваться. По моему поведению он понял, что опасность совсем рядом и о новом побеге не может быть и речи. Он юркнул в дыру, как испуганный кролик в свою норку. Я проследила, чтобы Джон не забыл положить циновку обратно на плиту. Спускаясь вслед за Диком, он поставил плиту на место у себя над головой и исчез. В летнем домике стало так же пусто и тихо, как и пять минут назад. Я наклонилась из кресла, повернула ключ в замке и положила его в карман платья. Я посмотрела на восток: на горизонте больше никого не было. Солдаты, очевидно, уже дошли до бухты. Они напоят лошадей у мельницы, затем поднимутся по противоположному склону и минут через десять будут в Менебилли. Пот струился по моему похолодевшему лбу, пока я ждала Мэтти, – бог знает, когда она еще появится. Казалось, я бы отдала в тот миг все за один стакан бренди.

Вдали, на освещаемых холмах, я видела Фрэнка Пенроуза, продолжавшего искать Дика, а к западу, на лугах, одна из работниц фермы созывала коров, не обращавших внимания на поднимавшихся по склону всадников.

В эту минуту за мной прибежала моя крестница Джоан. На ее хорошеньком личике читалась тревога, мягкие волосы развевались на ветру.

– Они идут, – затараторила она. – Мы видели их из окна. Их очень много, все на лошадях, скачут сюда через парк.

Она всхлипнула и покатила мое кресло с такой скоростью, что я сама, охваченная паникой, не могла больше думать ни о чем, кроме широких ворот Менебилли, еще открытых, чтобы принять меня.

– Я обыскала все закоулки, но нигде не смогла найти Джона. Одна служанка сказала, что видела, как он шел в сторону залива... О, Онор, дети! Что с нами будет? Чем все это кончится? – причитала она при этом.

Из парка донеслись крики и глухой, размеренный топот копыт идущих рысью лошадей. Не короткий проезд эскадрона, а продолжительный топот целого полка, лязг орудий, пронзительный звук горна.

Все ожидали нас, стоя у окон галереи: Элис, Мэри, супруги Сол, брат и

сестры Спарк – напуганная группка людей, объединенных опасностью, – и еще двое других, которых я не знала, – худенькие, испуганные лица незнакомых мне детей, узорчатые чепчики на головах, кружевные воротнички. Я вспомнила о других, просивших убежища у моей сестры, и, когда мы въезжали в холл, я увидела во дворе еще не распряженных лошадей, на которых конюхи набросили красно-белые одеяла с изображением головы дракона в уголках. Голова дракона... и вдруг, когда память уже уносила меня в прошлое, я услышала ее голос, звонкий и холодный, перекрывавший все остальное в галерее.

– Если это лорд Робартс, могу заверить вас всех, что никакого вреда нам не причинят. Я давно его знаю и замолвлю за вас словечко.

– Забыла тебе сказать, – прошептала Джоан. – Она приехала с двумя девочками менее часа назад. Дорога перекрыта, и они не смогли добраться даже до Сент-Блейзи. Это госпожа Денис из Орли-Корта.

Ее взгляд тут же остановился на мне. Те же глаза, узкие, с тяжелыми веками, которые я не раз видела в своих беспокойных снах, золотистые волосы, еще более золотистые, чем они были в прошлом, – Искусство прислушалось к советам Природы и перещеголяло ее. Она застыла, увидев меня, как бы смутилась на мгновение, затем улыбнулась той медленной, фальшивой и так хорошо знакомой мне улыбкой и, протянув ко мне руки, сказала:

– Как я рада, Онор! Мэри не сказала мне, что ты тоже в Менебилли!

Я не пожалала протянутую мне руку, так как калека в инвалидной коляске может позволить себе любые дурные манеры, и когда я, в свою очередь, смотрела на нее, на свой лад, с подозрением и недобрым предчувствием в душе, мы слышали топот лошадей во дворе и звуки горнов. Бедная Темперанс Сол упала на колени, дети тихонько всхлипывали, а моя сестра Мэри, обняв Джоан и Элис, застыла, бледная как смерть. Только Гартред сохраняла хладнокровие, слегка поигрывая своим кушаком, который она держала в руках.

– Молитесь усерднее и быстрее, госпожа Сол, – воззвала я к ней. – Ястребы слетаются.

И поскольку бренди в комнате не было, я налила себе из графина воды и выпила за здоровье Гартред.

Глава 16

Открывать пошел – я это хорошо помню – Уилл Спарк, хотя именно он чуть раньше запер дверь на два оборота ключа.

– Зачем их раздражать? – произнес он надтреснутым и дрожащим голосом. – Наоборот, успокоить их – наша единственная надежда.

Сквозь окна мы видели, как солдаты, спрыгивая на землю, озирались. Суровые самоуверенные лица под узкими шлемами, коротко подстриженные волосы, коричневые кожаные куртки – они все казались мне на одно лицо. Поразительно мрачное однообразие. Другие солдаты расположились в заповеднике. Лошади топтали лужайки и ломали молодые деревца – что выглядело как первый символ разрушения, – а горн все трубил и трубил, резко, пронзительно, напоминая крик охотника, созывающего своих гончих собак. Затем тяжелая поступь сапог раздалась в доме, в столовой, на лестнице, и в галерею, нервно улыбаясь, вернулся Уилл Спарк. За ним вошли три офицера; на поясе у первого, высокого и полного мужчины с длинным носом и массивной челюстью, была зеленая перевязь. Я сразу узнала в нем лорда Робартса, владельца Ланхидрока – крупной усадьбы по дороге на Бодмин; когда-то он выезжал на соколиную охоту вместе с моим братом Китом. Правда, другие вряд ли были с ним знакомы. Сейчас он был нашим врагом и мог располагать нами, как ему заблагорассудится.

– Где хозяин имения? – спросил он и взглянул на старого Сола, который стоял к нему спиной.

– Моего мужа нет дома, – сказала Мэри, выступая вперед, – а мой пасынок где-то в поле.

– Все ли обитатели дома собрались здесь?

– Все, кроме прислуги.

– Не прячете ли вы каких-либо злоумышленников?

– Нет.

Лорд Робартс повернулся к стоящему рядом с ним офицеру.

– Обыщите дом и окрестности, – приказал он. – Взломайте все запертые двери и простучите все стенки на предмет тайников. Велите крестьянам собрать всех овец, коров и прочих скот, пошлите людей в амбары. Мы займем галерею и другие помещения первого этажа для наших собственных нужд. Войска разобьют лагерь в парке.

– Слушаюсь, сэр.

Офицер щелкнул каблуками и вышел. Лорд Робартс придвинул одно кресло к столу. Оставшийся офицер подал ему бумагу и гусиное перо.

– А теперь, сударыня, – обратился он к Мэри, – назовите имена, фамилии и род занятий каждого обитателя этого дома.

Он записал нас всех по очереди, обдумывая каждый пункт так, словно одно лишь упоминание имени и возраста свидетельствовало о нашей виновности. И только когда очередь дошла до Гартред, он несколько смягчился.

– Не очень удачно выбранный день для путешествий, госпожа Денис, – сказал он. – Лучше бы вы остались в Орли-Корте.

– Там слишком много грубой, недисциплинированной солдатни, – с томным видом промолвила Гартред. – Не очень приятно для вдовы жить одной с девочками, как живу я. Отправляясь на юг, я надеялась убежать от сражений.

– Вы заблуждались, – ответил он, – и я боюсь, как бы вы не пожалели о совершенной ошибке. Вам придется остаться здесь, под надзором, вместе с госпожой Рашли и всеми ее домочадцами.

Гартред молча кивнула. Лорд Робартс встал.

– Когда будут осмотрены верхние покои, вы сможете пойти туда, – обратился он к Мэри и ко всем нам. – Пока же ждите указаний здесь. Один раз в день вам будет разрешена прогулка в саду в сопровождении охраны. Готовить себе будете сами. Кухни переходят в наше подчинение, продукты вам будут доставлять. Ключи, сударыня.

Мэри стушевалась, затем медленно, нехотя отцепила ключи от пояса.

– У меня что, не будет туда доступа? – спросила она.

– Нет, сударыня. Запасы провизии вам больше не принадлежат. Они становятся собственностью парламента, как и все остальное на территории усадьбы.

Я подумала о рядах банок с консервами, медом, вареньем, стоявших в шкафах на полках, о висевших в погребах копченостях и соленых бараньих окороках. Вспомнила о буханках хлеба в хлебопекарне, о муке в ларях, о пшенице в амбарах, о не созревших еще фруктах в саду. И все это время я слышала топот тяжелых сапог у нас над головами и пронзительные звуки горна снаружи.

– Благодарю вас, сударыня. Должен вас предупредить, как, впрочем, и всех остальных, что за любую попытку бегства, любое нарушение моих приказов вы будете подвергаться суровому наказанию.

– А молоко для детей? – гордо вскинув голову, спросила Джоан и залилась румянцем. – Нам нужны молоко, масло, яйца. Мой мальчик

совсем слаб и часто болеет.

– Некоторые продукты вам будут доставлять ежедневно, я это уже говорил, – ответил лорд Робартс. – Если детям нужно больше еды, ограничьте себя. Я должен расселить здесь около пятисот человек, а их потребности поважнее ваших или ваших детей. Теперь можете расходиться по комнатам.

Настал момент, которого я ждала. Поймав на себе взгляд Джоан, я сделала ей знак подойти ко мне.

– Отдай свою комнату госпоже Денис, – шепнула я ей, – а потом зайди ко мне. Я хочу переставить свою кровать в соседнюю комнату.

Она собиралась что-то спросить, но я покачала головой. У нее хватило ума не настаивать, несмотря на все ее волнение, и она тотчас подошла с моим предложением к Мэри, которая была так расстроена утратой ключей, что напрочь забыла о своем врожденном чувстве гостеприимства.

– Обо мне не беспокойтесь, – улыбнулась Гартред, обнимая детей. – Мэй, Джерти и меня устроит любой уголок. Этот дом – настоящий лабиринт коридоров, я хорошо его помню.

Я задумчиво посмотрела на нее и вспомнила о том времени, когда мой зять и Кит учились в Оксфорде, когда был еще жив старый Рашли, и вот именно тогда, в дни первой женитьбы Джонатана, Кит часто ездил из Ланреста в Менебилли.

– Значит, ты уже бывала здесь? – спросила я у Гартред, обращаясь к ней впервые после того, как оказалась в галерее.

– Ну конечно. – Она подавила зевок. – Лет двадцать пять тому назад мы с Китом приезжали сюда на праздник урожая и заблудились в этих коридорах.

В этот миг лорд Робартс, беседовавший со своим офицером, обернулся и сказал:

– Расходитесь, пожалуйста, по своим комнатам.

Мы вышли через заднюю дверь, где уже сгрудились слуги, напоминая перепуганное стадо овец. Мэтти и еще две девицы взяли за ручки моего кресла. В кухнях уже хозяйничали солдаты. Приготовленную к нашему обеду говядину они разрезали на большие куски и делили между собой, а по лестнице спускались еще трое – двое солдат и сержант.

Один из них нес толстую кипу одеял и вышитый узорами плед, которые были отложены специально до зимы.

– Но это брать нельзя, – возмутилась Мэри. – Где командир? Мне нужно поговорить с кем-нибудь из начальства.

– У меня приказ унести постельное белье, одеяла и пледы, все, что

найдем, – ответил сержант. – Успокойтесь, леди, протесты вам не помогут.

Они невозмутимо таращили на нас глаза, а один из солдат даже наградил Элис ехидной улыбкой и что-то шепнул на ухо своему приятелю.

Господи! Как я их всех ненавидела в тот миг! Я, которая до сих пор относилась к войне с определенной долей иронии и критичности, почувствовала вдруг, что она затрагивает и меня, и пришла от этого в ярость. Их грязные сапоги осквернили полы, а наверху уже были видны доказательства их бессмысленной жестокости: они метали копья в стены и срывали шпалеры. В комнате Элис шкафы были опрокинуты, и все их содержимое валялось на полу. Болталась сломанная рама окна, стекла были выбиты. Служанка Элис стояла посреди комнаты и рыдала, ломая руки: солдаты унесли матрасы с детских кроватей, а один из них – скотина – наступил на любимую куклу детей, расплющив ей голову. Увидев это, девочки расплакались, а я ощутила тупую ярость, которая овладевает человеком на войне и побуждает его к убийству. В парке солдаты ломали кусты, их лошади жевали цветы, повсюду валялись лепестки, втоптанные в грязь.

Я попросила Мэтти и ее приятельниц отнести меня в мою комнату. Она почти не пострадала, только постель была перевернута и непонятно почему вспороты кресла. Меня избавили от необходимости открывать дверь смежной комнаты: она уже валялась на полу. Часть шпалер была сорвана, но те, что висели на уровне контрфорса, остались целы.

Я в душе поблагодарила Бога за то, что Он не обделил старого Джона Рашли умом, велела Мэтти придвинуть мое кресло к окну и выглянула во двор: солдаты внизу выстроились в шеренгу, а лошади были начищены и в парке уже выросли белые палатки. Горели костры, в загон собирали скотину, без устали завывал адский горн, все время оставаясь на одной и той же душераздирающей ноте. Я отвернулась и сказала Мэтти и Джоан, что останусь в комнате, которая раньше была заперта на ключ.

– Солдаты в два счета покончили с тайной, – произнесла Мэтти, посмотрев на выломанную дверь. – Впрочем, здесь все равно ничего не было спрятано.

Я не ответила и, пока она передвигала кровать и переносила мои вещи, сама подъехала к стенному шкафу. Он был пуст: Джонатан предусмотрительно унес все бумаги.

Когда обе комнаты были приведены в порядок и слуги помогли Мэтти отремонтировать дверь, я их спровадила, велев оказать помощь Джоан, уступавшей свое место Гартред в южной части дома. Все было бы спокойно, если бы не постоянное хождение солдат внизу – во дворе и в

кухнях прямо подо мной. Очень осторожно я подъехала к северо-восточному углу комнаты, приподняла циновку и раздвинула шпалеры. Я провела руками по каменной стене, как в тот день, когда меня застал Джонатан, и опять не нашла в камине ни трещины, ни щели.

Тут я поняла, что открыть эту дверь можно лишь изнутри – серьезное неудобство для находящегося в комнате, но, безусловно, разумная предосторожность архитектора, не желавшего, чтобы его слабоумный старший сын выходил и входил, когда ему вздумается.

Я постучала кулаками по стене – никакого звука.

– Джон, – позвала я негромко, не надеясь на ответ. Никто и не ответил.

Новая ужасная дилемма. Я предупреждала Джона, чтобы он не входил в комнату, пока я не подам знак, поскольку была уверена, что смогу сама открыть эту дверь. Теперь я знала: это невозможно, а Джон и Дик, сидя в чулане контрфорса, будут ждать моего сигнала. Я припала лицом к камню, крикнула «Джон, Джон» так громко, как только могла себе позволить, но тут же поняла, что мой голос не пробьется к ним через этот неумолимый камень. Услышав шаги в коридоре, я опустила шпалеру, вернулась к окну и сделала вид, что смотрю во двор. Я услышала шевеление в моей бывшей комнате, и мгновение спустя в дверь постучали.

– Войдите! – сказала я.

Кое-как восстановленная дверь со скрипом открылась, и вошел сам лорд Робартс в сопровождении одного из своих офицеров и Фрэнка Пенроуза со связанными за спиной руками.

– Прошу простить за это внезапное вторжение, – извинился лорд Робартс, – но мы только что обнаружили в окрестностях этого человека. Он охотно сообщил мне весьма любопытные сведения, к которым вы, я надеюсь, сможете что-нибудь добавить.

Я взглянула на Фрэнка Пенроуза: совершенно обезумевший, он тараторил глаза на лорда Робартса, как на смерть перепуганный заяц, и облизывал пересохшие губы.

Я ничего не ответила, ожидая, что еще скажет лорд Робартс.

– Вы, кажется, до сегодняшнего дня держали у себя сына этого шельмы Гренвила, – проговорил он, буравя меня взглядом, – а также его учителя. Они должны были отплыть в Сент-Мос несколько часов назад. Вы – крестная мальчика и присматривали за ним, если я правильно понял. Где они сейчас?

– Где-то в море, в стороне Додмэна, – ответила я.

– Я узнал, что при отплытии в Полкеррис молодого человека не смогли найти на борту судна, а присутствующий здесь Пенроуз и Джон Рашли

отправились на его поиски. Моим людям не удалось пока обнаружить ни Рашли, ни мальчика. Что с ними стало?

– Не имею ни малейшего понятия, – покачала я головой, – хотела бы надеяться, что они на борту.

– Вы должны знать, – сухо проговорил он, – что за голову шельмы Гренвила назначено вознаграждение и что предоставление убежища ему или члену его семьи будет рассматриваться парламентом как акт государственной измены. Граф Эссекс отдал мне на сей счет строгие распоряжения.

– В таком случае, – парировала я, – вам следовало бы бросить за решетку госпожу Денис. Она сестра сэра Ричарда, как вам, должно быть, хорошо известно.

Этим я поставила его в тупик. Медленно приходя в себя, он раздраженно ударил кулаком по столу.

– Госпожа Денис, насколько я знаю, не поддерживает дружеских отношений с братом, – сухо проговорил он. – А ее муж, господин Энтони Денис, был известен как искренний сторонник парламента и противник Карла Стюарта. Что вы еще можете сообщить о вашем крестнике?

– Ничего, кроме того, что у меня есть все основания думать, что он на борту судна, которое должно сейчас находиться на полпути к Сент-Мосу.

Он повернулся ко мне спиной и вышел из комнаты. Бедняга Пенроуз поплелся вслед за ним, с трудом переставляя ноги, а я облегченно вздохнула, ибо поняла, что никто в Менебилли не знает о местонахождении Дика. Мой рассказ был достаточно правдоподобен: Дик и Джон вполне могли к этому времени отойти от берега миль на десять. Ни одна душа не подозревала о существовании тайника. Лангдон, управляющий, отправился вместе с моим зятем в Лонстон. Это было огромное преимущество, исключавшее любую измену. Оставалось только решить одну проблему: как доставлять еду и питье для двух беглецов, которых я сама сделала пленниками, как их успокоить? Терзали меня и сомнения другого рода – когда я вспоминала слова зятя: «От нехватки воздуха он вскоре терял сознание и становился управляемым». Дядюшка Джон, задыхающийся в чулане под контрфорсом. Поступал ли воздух из туннеля в чулан и в каком количестве? Сколько часов осталось им жить?

Второй раз за день мой лоб покрылся потом, непроизвольно я вытерла его рукой. Я чувствовала себя побежденной. Положение казалось безвыходным. Шум за стеной, плач детей свидетельствовали о том, что Джоан с детьми заняла мою бывшую комнату. Вскоре она зашла ко мне, держа на руках хныкавшую малютку Мэри, а маленький Джонатан

цеплялся за ее платье.

– Зачем ты переехала, дорогая Онор? В этом не было нужды. – Так же как и Мэтти, она с любопытством огляделась вокруг. – Здесь слишком просто и пусто. Ничего особенного, никаких ценностей. Может, это и к лучшему, а то эти скоты все равно бы все унесли. Возвращайся в свою прежнюю комнату, Онор, если дети тебе не мешают.

– Нет, – отказалась я, – эта меня вполне устроит.

– У тебя очень усталый вид, – сказала она, – да и у меня, наверное, такой же. За последние два часа я словно постарела на десять лет. Что они с нами сделают?

– Ничего, если мы будем оставаться в своих комнатах.

– Скорее бы вернулся Джон, – проговорила она со слезами на глазах. – Не попал ли он на дороге в перестрелку? Что с ним могло случиться?

Дети, уловив тревогу в ее голосе, захныкали. Мэтти, которая в детях души не чаяла, подошла, отвлекла малышку и стала готовить ее ко сну, в то время как маленький Джонатан, подобно всем излишне возбужденным мальчикам, донимал нас вопросами: «Почему мы в комнате тетушки Онор? Что это за солдаты? Долго ли они здесь пробудут?»

В томительном ожидании проходили часы, за деревьями парка уже начинало садиться солнце. Воздух отяжелел от дыма бивуачных костров, и все тот же топот сапог внизу, грубые приказы, ржание лошадей и звук горна, то доносящийся издалека, то раздающийся где-то совсем рядом, под окнами. Дети вели себя беспокойно, ворочались в своих колыбельках, подзывали то Мэтти, то свою маму. Джоан, если не подбегала к ним, держалась возле моего окна, с покрасневшими от возмущения щеками сообщала об очередных разбойных актах. «Они собрали всех коров с пастбищ и гонят сюда, теперь они загоняют их в стойла. Отбирают бычков! – вскрикнула она, потрясенная. – Троих уже забили. Солдаты разделявают их возле костров. Ведут овец».

Мы слышали жалостливое блеяние овец, отлученных от своих ягнят, и мычание коров. Я подумала о пятистах воинах, расположившихся в парке, о сотнях других, которые должны были находиться между Лостуитиелом и нашей усадьбой, и о том, сколько нужно всего, чтобы накормить их и еще их лошадей. Дым от костров проникал сквозь окно, и Джоан его закрыла. Крики солдат слились в однообразный гул, от которого по телу шла дрожь. Солнце село в мрачно-пурпурном закате, удлинились тени.

Около половины девятого Мэтти принесла нам кусок пирога на тарелке и графин воды.

– Здесь для вас двоих, – сказала она, поджав губы. – У госпожи Рашли и леди Кортни положение не лучше. Леди Кортни готовит суп с овощами для детей – на случай, если они не дадут нам яиц.

Джоан съела мою порцию пирога вместе со своей: у меня совсем не было аппетита. Я могла думать лишь об одном: о ее муже и сыне Ричарда, уже пять часов скрывавшихся в контрфорсе. Мэтти принесла свечи. Зашли Элис и Мэри пожелать спокойной ночи. От пережитого шока бедняжка Мэри напоминала старуху, под глазами у нее образовались большие круги.

– Они рубят деревья в саду, – сообщила она. – Я сама видела, как они распиливали ветки, срывали еще не созревшие фрукты. Я послала записку лорду Робартсу, но он мне не ответил. Солдаты приказали слугам завтра выйти косить овес, убирать ячмень и пшеницу в Грейт-Медоу. А ведь до жатвы еще три недели.

Слезы катились у нее по щекам, она повернулась к Джоан.

– Почему Джон не возвращается? – промолвила она с упреком в голосе. – Почему он не здесь и не защищает дом своего отца?

– Если бы Джон был здесь, он ничего бы не смог сделать, – проговорила я, прежде чем Джоан успела вставить хоть слово. – Неужели ты не понимаешь, Мэри, что идет война? Беда случилась со всей Англией, и мы, в Корнуолле, первыми приняли на себя этот удар.

Не успела я договорить, как со двора донесся взрыв грубого хохота. Языки пламени поднялись до уровня окон. На лужайке, чуть повыше заповедного леса, солдаты жарили бычка. Чтобы не ходить далеко за дровами, они разобрали двери сыроварни и хлебопекарни и бросали доски в костер.

– В галерее ужинают более тридцати офицеров, – спокойно промолвила Элис. – Мы видели из окон, как они ходят взад и вперед на террасе перед домом. Двое, кажется, из Корнуолла – я помню, что встречала их до войны, – но остальные мне незнакомы.

– Говорят, что граф Эссекс уже в Фое, – сказала Джоан, – и что он расположил свой генеральный штаб в Плейсе. Но правда это или нет, я не знаю.

– Треффри не пострадают, – с горечью в голосе подхватила Мэри. – У них родственники сражаются в рядах мятежников. Наверняка запасы продовольствия в Бриджете не разграбят.

– Иди спать, мама, – посоветовала Элис. – Онор права – зачем волноваться? Все так удачно складывалось до сих пор. Главное, чтобы отец и Питер были живы и здоровы вместе с армией короля, остальное не имеет значения.

Они пошли к себе, а Джоан – к детям в соседнюю комнату. Никто из них даже не догадывался о моих тайных страхах. Мэтти помогла мне раздеться, готовя ко сну.

– Сегодня вечером я сделала открытие, – мрачно произнесла она, расчесывая мои волосы.

– Какое, Мэтти?

– Госпожа Денис не утратила вкуса к мужчинам.

Я промолчала, ожидая продолжения.

– У вас, у госпожи Спарк и госпожи Сол на ужин был пирог, а в комнату госпожи Денис принесли ростбиф и красное бургундское вино. На подносе стояли два прибора. Ее дети ужинали в гардеробной. Ели цыпленка.

Я поняла, что пристрастие Мэтти к подглядыванию и подслушиванию наверняка еще окажет нам неоценимую помощь в будущем.

– И кто же тот счастливчик, что ужинал вместе с госпожой Денис?

– Лорд Робартс собственной персоной, – язвительно заметила Мэтти.

Мои первые подозрения подтвердились. Отнюдь не случай привел Гартред в Менебилли после двадцати пяти лет отсутствия. Она прибыла с определенной целью.

– Лорд Робартс недурен собой, – сказала я. – Надо будет пригласить его как-нибудь вечером поужинать со мной холодным пирогом.

Мэтти перенесла меня на кровать.

– Хотела бы я поглядеть на физиономию лорда Робартса, если бы вы действительно его пригласили, – хмыкнула она.

– Он бы не возражал. Во всяком случае, если бы надеялся извлечь из этого какую-нибудь пользу.

Я сделала легкомысленное выражение лица, хотя в действительности испытывала совсем другие чувства. Задув свечи, Мэтти ушла, а я осталась лежать в постели. Нервы мои были напряжены. Костры за окнами погасли, все тише и реже становились крики и смех, топот сапог и лошадей, звучание горнов. Часы на дозорной башне пробили десять, затем одиннадцать, затем полночь. И дом, и вражеский лагерь погрузились в тишину. В четверть первого вдали залаяла собака, и, словно это было сигналом, я щекой почувствовала вдруг струю холодного воздуха. Я села в кровати и стала ждать. Сквозняк усиливался и шел от помятой шпалеры на стене.

– Джон, – прошептала я. – Джон.

Вдруг я услышала легкий шорох, который можно было принять за мышиную возню, и увидела, как из-за шпалеры медленно высунулась рука,

отодвинула ее в сторону. Появился темный силуэт и на четвереньках двинулся в мою сторону.

– Это я, Омор, – прошептала я и тут же ощутила прикосновение ледяных пальцев. Вдруг они вцепились в меня, тень вскарабкалась на кровать, легла рядом, сотрясаемая дрожью.

Это был Дик, в сырой и холодной одежде. Он принялся плакать, долго, бесшумно, от изнеможения и страха.

Я прижала его к себе, пытаюсь согреть, как могла, и, когда он немного успокоился, также шепотом спросила:

– Где Джон?

– В чуланчике, – ответил он, – под лестницей. Мы долго ждали. Ты не давала о себе знать. Я хотел вернуться назад, но господин Рашли не позволял.

Он снова зашмыгал носом, и я прикрыла его голову одеялом.

– Он потерял сознание там, внизу, на лестнице, – сказал Дик. – Он сейчас лежит там, обхватив голову руками. Я взял конец длинной веревки, что висит с той стороны, и потянул. Плита подалась, и вот я здесь. Я больше не мог, Омор. Не мог больше ждать. Там темно как в могиле.

Он все дрожал, уткнувшись головой в мое плечо. Я лежала и думала, что же мне делать: позвать Джоан и открыть ей тайну или же подождать, пока Дик успокоится, и послать его со свечой на помощь Джону? И пока я так ждала, с колотившимся в груди сердцем, прислушиваясь к малейшим звукам, в коридоре раздались глухие шаги, щеколда моей двери тихонько приподнялась, затем опустилась, кто-то удостоверился, что дверь заперта изнутри. Ни звука – и затем снова осторожные шаги. Легкий шелест платья. Кто-то подходил к моей комнате в тишине ночи. И это была женщина.

Я лежала в обнимку с мальчиком, который уже спал. Колокол на дозорной башне пробил час, два, три...

Глава 17

Первые серые лучи рассвета забрезжили в окне, и я разбудила Дика, который спал как младенец, положив мне голову на плечо; какое-то время он моргал, когда же окончательно очнулся ото сна, я велела, чтобы он зажег свечу и снова прокрался назад в клетушку. Меня не отпускал страх, что Джон потерял сознание из-за нехватки воздуха, а коль скоро он от рождения не отличался крепким здоровьем, то могло случиться что угодно. Сейчас я как никогда за все пятнадцать лет, что была парализована, нуждалась в послушных моей воле ногах, но я оставалась абсолютно беспомощна. Спустя несколько мгновений Дик вернулся; при сером утреннем свете его личико, и без того делавшее его похожим на привидение, выглядело особенно бледным.

– Он в сознании, – сообщил Дик, – но, по-моему, очень болен. Весь дрожит и, похоже, не понимает, что происходит. Лоб у него горит, а руки и ноги ледяные.

По крайней мере он был жив, и тут меня захлестнула волна благодарности судьбе. Но из описания Дика я догадалась, что произошло. На Джона в очередной раз напала мучившая его с самого рождения лихорадка, что было неудивительно после его десятичасового сидения под контрфорсом. Я спешно приняла решение. Я велела Дику поставить кресло рядом с моей кроватью и с помощью мальчика перебралась в него. Затем я подкатилась к двери, сообщавшейся с комнатой над воротами, и очень тихо позвала Мэтти. Отозвалась сонная Джоан, а кто-то из детей зашевелился.

– Ничего не случилось, – сказала я. – Просто мне нужна Мэтти.

Спустя какие-то мгновения Мэтти, зевая, появилась из маленькой гардеробной – простое круглое лицо под ночным чепчиком – и уже готова была пожурить меня за то, что я встала, но я приложила палец к губам. Положение было критическим, так что обещание, которое я совсем недавно дала зятю, должно было быть в конечном счете нарушено. Без Мэтти невозможно было бы что-либо предпринять. Она вошла и тут же увидела Дика – глаза у нее от изумления сделались круглыми.

– Мне кажется, Мэтти, ты меня любишь, – обратилась я к ней. – И вот сейчас я прошу тебя доказать эту любовь. Жизнь этого мальчика в наших руках. – Она молча кивнула. – Дик и мистер Джон укрываются здесь со вчерашнего вечера. В толще этих стен есть лестница и крохотная комнатка. Джон болен. Я хочу, чтобы ты сходила и привела его сюда.

Дик покажет тебе дорогу.

Он отдернул шпалеру, и тут я впервые увидела, как был устроен тайный ход. Каменная плита – около четырех квадратных футов – вращалась на шарнире. Она приводилась в движение рычагом и находившейся под узкой лесенкой веревкой, за которую нужно было потянуть, и тогда открывался проход, куда только-только мог пролезть один человек. Когда же ход закрывали, каменная плита вставала так точно, что найти это место со стороны комнаты было невозможно, как невозможно было и открыть каменную плиту толчком, поскольку ее держал рычаг. Крохотная лесенка внутри контрфорса, круто изгибаясь, вела вниз, к клетушке в человеческий рост. Даже вытянув шею, я не могла увидеть из своего кресла ничего больше – только какую-то темную массу, должно быть, это был Джон, лежавший на нижней ступеньке.

Что-то роковое и пугающее было в этой сцене: серый утренний свет, проникающий в створки окна, и Мэтти – фантастическая фигура в ночном одеянии и чепчике, – пробирающаяся в узкое, как щель, отверстие в контрфорсе. Когда они с Диком исчезли в стене, до меня из парка донесся первый звонкий сигнал горна, и я поняла: для мятежников начался день. Вскоре зашевелиятся и солдаты в доме – времени у нас было в обрез. Прежде чем все трое оказались в комнате, прошли какие-то четверть часа, но мне они показались невероятно длинными, и за это время комната успела наполниться дневным светом, а внизу, во дворе, уже засуетились всадники. Джон, слава богу, был в сознании, с ясной головой, но его всего трясло и у него был жар, так что он ни на что не годился; единственное, что он мог сделать, так это отправиться в постель и предоставить себя заботам жены. Мы быстро посоветовались, при этом я твердо стояла на своем: никому больше, будь это даже его жена Джоан или его мачеха Мэри, не следовало говорить, как он попал в дом и что Дик по-прежнему с нами.

История Джона должна будет выглядеть так: он посадил Дика на борт рыбацкой шхуны, которая зашла в одну из небольших бухт за Гриббенем, затем, возвращаясь полями, он наблюдал приход солдат и спрятался до наступления ночи. Но поскольку у него начался приступ лихорадки, то он решил вернуться домой и поэтому вскарабкался по свинцовой трубе и плющу, который растет вдоль южной стены дома, и влез через окно в отцовскую комнату. В подтверждение этого Джону следовало тут же отправиться в отцовскую комнату, где сейчас спала его мачеха, и, разбудив ее, сыграть так, чтобы она поверила в эту историю. И сделать это надо было немедленно, пока не проснулись все домочадцы. Это походило на какой-то кошмар, если учесть, что жена Джона – Джоан – находилась в

смежной комнате, через которую ему следовало пройти, чтобы пробраться в южное крыло дома, ведь если бы он пошел по проходу за башней, то мог бы повстречаться со слугами или солдатами. Мэтти пошла первой, и, коль скоро это не вызвало вопроса у Джоан и никакого шевеления среди детей, мы рассудили, что они спят, и бедный Джон, все тело которого горело от жара, поспешно прокрался вслед за ней. Я подумала о том, как мы в бытность детьми играли с братьями и сестрами в Ланресте в прятки, и вот теперь, когда игра велась уже всерьез, она вызывала у нас не радостное возбуждение, а болезненное напряжение, от которого на лбу выступал пот, а грудь пронзала острая боль. Когда Мэтти вернулась и доложила, что Джон цел и невредим в отцовской комнате, первая часть дела была выполнена. Следующим шагом, вызвавшим у меня величайшее беспокойство, было воздействовать на Дика с напускной строгостью и категоричностью, которые отнюдь не отражали моих истинных чувств. Ему будет позволено остаться в моих покоях, но он должен быть готов к тому, что ему, возможно, придется проводить долгие часы в потайной клетушке под контрфорсом, где будет тюфяк, и если в том возникнет необходимость, то и спать там, на тюфяке, случись, например, так, что в моей комнате будут посетители.

Как я и ожидала, он поначалу расплакался, умоляя меня не оставлять его одного в темной клетушке. Он говорил, что сойдет с ума, что не вынесет такого, уж лучше ему умереть.

Я была близка к отчаянию: дом оживал, в смежной комнате уже раздавались детские голоса.

– Что ж, отлично, – сказала я. – Мэтти, открой дверь и позови солдат. Скажи им, что здесь сын Ричарда Гренвила и что он желает сдаться на их милость. Сабли у них острые, и тебе не придется долго мучиться.

Да простит меня Господь за то, что я сумела отыскать в своем сердце такие слова, чтобы напугать подростка, но в этом было его единственное спасение.

При упоминании о саблях, наводивших на мысль о крови, как я и ожидала, краска схлынула с его лица, он повернулся ко мне – в его темных глазах застыло отчаяние – и произнес:

– Хорошо. Я поступлю так, как ты меня просишь.

Эти темные глаза до сих пор преследуют меня, и так будет всегда до самого конца моей жизни.

Я велела Мэтти снять с моей кровати тюфяк, взять табурет, что стоял у окна, кое-какие одеяла и просунуть их в открытое отверстие на лестницу.

– Когда для тебя будет безопасно, я дам тебе знать, – сказала я.

– Но как же ты сможешь? Ведь если ход будет закрыт... – пролепетал

Дик.

Тут я снова была поставлена перед прежней дилеммой – той же, что и в предыдущий вечер. От напряжения и усталости я готова была расплакаться и в отчаянии взглянула на Мэтти.

– Если вы не до конца закроете ход, – вступила она в разговор, – а оставите зазор на три дюйма, господин Дик, приложив к нему ухо, сможет услышать ваш голос.

Мы последовали ее совету, и, хотя я была не в восторге от этого плана, похоже, все же это был выход из положения. Еще мы обнаружили, что при зазоре в два-три дюйма Дик сможет услышать, как я стучу палкой об пол – один раз, два или три. Мы условились, что это будут сигналы. Три удара означали реальную опасность, и тогда следовало плотно задвинуть каменную плиту.

Только он отправился к себе в клетушку с тюфяком, одеялами и хлебом, который раздобыла для него Мэтти, как часы на башне пробили шесть ударов, и почти тут же на пороге двери в смежную комнату появился маленький Джонатан с игрушками под мышкой и стал звать меня поиграть с ним. Начался день. Когда я сейчас оглядываюсь назад и вспоминаю то время, с его невыносимым напряжением и тревогой, то недоумеваю, как же, о господи, нашла я в себе силы выдержать все это. Ведь мне нужно было опасаться не только мятежников, но и своих друзей, тех, кого я любила. Мэри, Элис и Джоан – все они должны были оставаться в неведении относительно того, что происходит, и их визиты ко мне в комнату, которые могли бы служить поддержкой и утешением в это напряженное время, лишь усиливали мою тревогу.

Не знаю, что бы я делала без Мэтти. Это она, выступая в роли часового, как это ей приходилось делать в прошлом, уводила их от дверей моей комнаты, когда со мной был Дик, а ведь зачастую я должна была проводить с бедным ребенком добрую половину дня. По счастью, мое увечье служило мне отличным прикрытием, поскольку всем было известно, что в прошлом у меня частенько случались «плохие дни», когда мне было необходимо побыть одной, и эта ложь была теперь моей единственной защитой. Историю Джона приняли за чистую монету, и коль скоро для всех было очевидно, что он болен и у него жар, то ему разрешили оставаться в отцовской комнате, где за ним ухаживала Джоан, и не стали выставять у дверей стражу. Строгий допрос, учиненный ему лордом Робартсом, не сбил Джона с толку, и, благодарение небесам, у Робартса было слишком много других забот, обрушившихся на его плечи, чтобы он стал задерживаться на том, что все же произошло с сыном «шельмы» Гренвила.

Помню, как в первый же день – а это была пятница, 2 августа, – Мэтти спросила меня:

– Как долго они тут пробудут, мисс Онор? Когда придет королевская армия и освободит нас?

И я, думая о Ричарде, находившемся в Труро, о его высочестве, который, по слухам, уже входил в Лонстон, сказала ей, что самое большее через четыре дня. Но я заблуждалась. Целых четыре недели хозяйничали у нас мятежники.

С того памятного августа 1644 года минуло почти десять лет, но каждый день того месяца, показавшегося мне целым веком, прочно отпечатался у меня в памяти.

Первая неделя выдалась жаркой и душной. На синем, словно покрытом глазурью, небе не было ни облачка, и сейчас еще у меня в носу стоит конский запах и зловоние, исходившее от потной солдатни и проникавшее в мое открытое окно снизу, со смрадного двора. Изю дня в день ко мне в комнату доносились бряцание доспехов, цокот копыт, тяжелая поступь пехоты, скрежет и скрип колес, и все это перекрывалось выкриками приказов, голосами разговаривавших, и все тем же – пронзительным, тянущимся на одной ноте – сигналом горна.

Дети Элис и Джоан, не привыкшие сидеть в четырех стенах в разгар лета, капризничали, отчего гвалт только усиливался, и высовывались из окон. Элис, которая присматривала за всеми ними, пока Джоан ухаживала за Джоном в куда более спокойной обстановке в южном крыле дома, приходилось, чтобы как-то развлечь детишек, таскать их за собой из комнаты в комнату. Заключение сделало нас всех закадычными друзьями, и не успевала Элис со своим выводком скрыться за дверью, как ко мне тут же заявлялись сестры Спарк – которые до этого предпочитали моему обществу шашки, – чтобы поведать о каких-нибудь немислимых слухах, добытых от перепуганных слуг, типа того, что, как только Эссекс отдаст приказ, дом сожгут со всеми его обитателями – но не раньше, чем надругаются над женщинами. Осмеливаюсь заметить, что в этом доме я была единственной женщиной, кого не волновала подобная угроза, поскольку, Бог свидетель, меня нельзя было избить и покалечить больше, чем это уже было сделано. Но с Деборой и Джиллиан дело обстояло иначе, и Дебора, которой, по моему, нападение грозило даже меньше, чем мне самой, показала мне дрожащими руками серебряный кинжал, которым она собиралась защищать свою честь. Их братец Уилл превратился в некое подобие приживальщика при офицерах, думая, что своими улыбками и пожеланиями доброго утра он завоюет их расположение и обеспечит

собственную безопасность, но стоило тем повернуться спиной, как он шепотом поносил их и повторял обрывки разговоров, которые ему удалось подслушать, – пустяки, от которых никому не было никакого проку. Два раза приходил и медленно стучал в мою дверь, опираясь на обе свои трости, Ник Сол. В глазах у него застыли недоумение и обида, поскольку мятежники не были изгнаны из Менебилли в двадцать четыре часа, и мне приходилось выслушивать его соображения, что вот сейчас его величество, должно быть, в Лонстоне, а теперь в Лискарге, а сейчас снова в Эксетере, – предположения, которые ни на йоту не приближали нашего освобождения. Пока он разглагольствовал, его несчастная жена Темперанс в каком-то трансе тупо смотрела на него, из-за страха ее религиозное красноречие наконец-то поубавилось, и теперь она только сжимала в руках свой молитвенник, уже не приводя больше из него цитат.

Раз в день нам на тридцать минут разрешалось спускаться в сад. Я под каким-нибудь предлогом оставляла Мэтти у себя в комнате, а Элис толкала мое кресло, пока ее няня гуляла с детьми. Бедный сад уже был опустошен, тисовые деревья сломаны, цветочные клумбы вытоптаны; и, пока мы ходили взад и вперед по грязным тропинкам, нас разглядывали часовые у ворот и высыпавшие к окнам галереи офицеры. Их оценивающие враждебные взгляды жгли нам спины, но мы вынуждены были мириться с этим ради столь необходимого нам свежего воздуха; порой до нас долетал их смех. Голоса у них звучали грубо и некрасиво, поскольку, за исключением штабных офицеров и лорда Робартса, это были большей частью уроженцы Лондона и восточных графств, а я и раньше-то терпеть не могла гнусавого произношения лондонцев, сейчас же из-за вражды оно стало для нас вдвойне чужим. За время наших прогулок мы ни разу не повстречались с Гартред, хотя обе ее дочери, сдержанные и недружелюбные, играли в дальнем углу сада, наблюдая за нами с детьми своими пустыми глазами. Ни одна из них не унаследовала красоты матери, – темноволосые, с тяжелым взглядом, они были похожи на своего покойного отца Энтони Дениса.

– Не знаю, что и думать, – сказала мне на ухо Элис. – По-видимому, она такая же пленница, как и мы, но с ней обращаются совсем иначе. Из своего окна я видела, как она гуляла по обнесенному стеной саду, что за летним домиком. Она улыбалась, разговаривала с лордом Робартсом, а слуги болтают, что они вечерами большей частью ужинают вместе.

– Просто она поступает так, как поступают многие женщины в военную пору, – предположила я, – и обращает себе на пользу тяготы сегодняшнего дня.

– Ты хочешь сказать, что она за парламент? – спросила Элис.

– Не за парламент, не за короля, а за Гартред Денис, – ответила я. – Разве ты не знаешь? О таких, как она, говорят: они служат и вашим и нашим. Она будет улыбаться лорду Робартсу, да и спать с ним, если пожелает, пока это будет ее устраивать. Если бы только она попросила, он бы позволил ей уехать завтра же.

– Почему же тогда она этого не делает и не возвращается, живая и невредимая, в Орли-Корт?

– Я бы многое дала, чтобы выяснить это, – ответила я.

И пока мы ездили взад-вперед на виду у пристально и враждебно глядевших на нас лондонских офицеров, я думала о шагах, которые слышала в коридоре в полночь, о мягкой руке, опустившейся на дверную ручку, и шуршании платья. Зачем Гартред понадобилось, пока весь дом спал, отыскивать дорогу к моим покоям в северо-восточном крыле дома и пытаться открыть мою дверь, – разве только она уже знала эту дорогу? А если допустить, что она знала дорогу, каким же тогда было ее побуждение?

Прошло десять дней, прежде чем я получила ответ.

В воскресенье, 11 августа, произошли первые перемены в погоде. Небо было в барашках, и светившее солнце предвещало дождь, а на юго-западе образовалась гряда облаков. Весь день царило оживление, в парк прибывали новые отряды, а с ними и многочисленные повозки с ранеными, которых переносили в фермерские постройки перед домом. Они кричали от боли, и это было так реально и ужасно, что вызывало у нас – их врагов – жуткий страх и тревогу. Весь день не прекращался шум голосов и выкрикивались команды, а горн не смолкал с рассвета до захода солнца.

Впервые мы получили на обед один суп и по куску черствого хлеба, и это, как нам было заявлено, самое большее, на что мы могли впредь рассчитывать. Нам не дали никаких объяснений, но Мэтти, у которой всегда были ушки на макушке, покрутилась на кухне, держа под мышкой свой поднос, и собрала кое-какие дворовые сплетни.

– Вчера в Брэддок-Дауне было сражение, – сообщила она. – Они потеряли уйму народа.

Мэтти говорила тихо, поскольку с тех пор, как нас окружали враги, у нас вошло в привычку разговаривать шепотом, не сводя глаз с двери.

Я отлила половину своего супа в чашку Дика и смотрела, как он жадно пьет его, облизывая края чашки, словно голодный пес.

– Король всего в трех милях от Лостуитиела, – проговорила она. – Он и принц объединили свои силы и расположились со штабами в Боконноке. Сэр Ричард выступил с тысячей солдат из Труро и движется на Бодмин с

запада. Один солдат на кухне сказал: «Ваши парни пытаются выжать нас как чертов лимон. Но у них это не выйдет!»

– И что ты ему ответила? – поинтересовалась я.

Мэтти злорадно улыбнулась и отрезала Дику большой ломоть хлеба.

– Что помолюсь за него, когда сэр Ричард возьмет верх! – ответила Мэтти.

Поев, я осталась сидеть в кресле и стала смотреть в окно на парк, наблюдая, как все быстрее сгущаются тучи. На пастбище можно было с трудом насчитать с дюжину быков – а ведь неделю назад здесь было прекрасное стадо, – еще там паслась крохотная отара овец. Остальных забили. Да и этих жалких остатков через двое суток уже не будет. Все было скошено и перемолото, а стога растасканы. Там, где на выгоне паслись лошади, вместо травы была теперь одна голая земля. В саду за заповедным лесом не осталось ни одного дерева. Если то, что поведала Мэтти, было правдой и король с Ричардом действительно находятся к востоку и западу от Лостуитиела, тогда граф Эссекс и его десять тысяч человек были окружены на узкой полоске земли длиной в десять миль, без всякой надежды на спасение, разве что оно придет с моря.

Десять тысяч человек с тающими запасами продовольствия и голой землей, на которой они должны были жить, тогда как в тылу у них выжидали три армии.

В тот вечер во дворе не было слышно ни смеха, ни приветственных возгласов, ни болтовни, лишь треск ярко пылавшего костра, в который солдаты подкладывали срубленные деревья, кухонные скамейки, вырванные двери кладовых и столы из комнаты, где ели слуги; из моего окна мне были видны их угрюмые лица, озаренные языками пламени.

Небо потемнело, и медленно, бесшумно закапал дождь. Я вслушивалась в него, вспоминая слова Ричарда, и тут в коридоре зашуршало платье, и в мою дверь постучали.

Глава 18

Дик стремглав бросился в свой тайник, а Мэтти убрала его чашку и тарелку. Я, все так же сидя в своем кресле, спиной к шпалерам, сказала:

– Войдите.

Это оказалась Гартред. На ней были, если мне не изменяет память, платье изумрудно-зеленого цвета и изумруды вокруг шеи и в ушах. Какое-то мгновение она стояла в дверях, и на губах ее играла едва заметная улыбка.

– Добрая Мэтти, – сказала она, – всегда такая преданная. Какой хорошей подмогой является верная служанка!

Я видела, как насупилась Мэтти, загремев на подносе тарелками, а губы ее угрожающе сжались.

– Я помешала тебе, Онор? – спросила Гартред все с той же улыбкой на лице. – Может, сейчас неподходящее время – ты ведь, наверное, рано укладываешься спать?

Весь смысл заключается в интонации – перенесенные на бумагу слова кажутся незамысловатыми и вполне безобидными. Я передаю реплики так, как их произносила Гартред, но затаенное презрение, насмешка, намек на то, что коль скоро я была калекой, то мне следовало к половине десятого уже лежать в темноте закутанной в одеяло – все это было в ее голосе и в ее глазах, когда она окидывала меня взглядом.

– Когда ложиться спать, у меня зависит от настроения, как, несомненно, и у тебя, – ответила я, – а также это зависит от моего окружения.

– Наверное, для тебя время тянется страшно утомительно, – продолжила она, – хотя ты, несомненно, уже привыкла. Ты так долго жила как в темнице, что в твоём нынешнем положении пленницы для тебя нет ничего нового. Должна признаться, мне оно не кажется интересным.

Она, озираясь, вошла в комнату, хотя я ее не приглашала.

– Думаю, ты слышала новости? – спросила она.

– Что король в Боконноке и что вчера завязался бой, в котором мятежники потерпели самое жестокое поражение? Да, я слышала об этом.

На окне на блюде лежали фрукты. Гартред взяла фигу и принялась ее есть, продолжая шарить глазами по комнате. Мэтти возмущенно фыркнула и, взяв поднос, вышла, бросив в спину Гартред такой взгляд, что, будь он замечен тою, он бы сразил ее наповал.

– Если такое положение еще продлится, – сказала Гартред, – никому из нас тут не поздоровится. Солдаты уже в паршивейшем настроении, а поражение может просто превратить их в зверей.

– Весьма возможно.

Она выбросила кожуру от своей фиги и взяла еще одну.

– Ричард в Ланхидроке, – сообщила она. – Это стало известно сегодня от одного пленного. Пожалуй, забавно, что сейчас тут у нас распоряжается владелец Ланхидрока. К концу этой кампании, чем бы она ни завершилась, тому мало что останется, после того как в имении похозяйничает Ричард. Джек Робартс мрачнее тучи.

– Он сам виноват, – заметила я, – ведь это он посоветовал графу Эссексу войти в Корнуолл и бросить десять тысяч человек в западню.

– Так это западня? – как будто удивилась Гартред. – И приманка в ней – мой не очень-то щепетильный братец? Я догадывалась об этом.

Я промолчала. И так уже было слишком много сказано. А Гартред явно собирала сведения.

– Что ж, посмотрим. – Она с наслаждением поедала фигу. – Но, если дело затянется, мятежники превратятся в каннибалов. Все захваченные ими земли, отсюда до Лостуитиела, уже разграблены, а в Фое нет продовольствия. Я содрогаюсь при одной только мысли, что сделает Джек Робартс с Ричардом, если ему удастся схватить его.

– С равным успехом может случиться и обратное.

Она рассмеялась и выдавила себе в рот последнюю каплю сока.

– Все мужчины – глупцы, – сказала она, – а особенно во время войны. Они теряют всякое представление о ценностях.

– Это зависит от того, – отозвалась я, – что понимать под ценностями.

– Я ценю лишь одну вещь, – призналась Гартред, – собственную безопасность.

– В таком случае ты явно пренебрегла ею, когда десять лет назад пустилась в дорогу.

Она посмотрела на меня из-под своих тяжелых век и улыбнулась.

– Твой язычок с годами не потерял своей остроты, а несчастье не смягчило твоего нрава. Скажи, ты по-прежнему увлечена Ричардом?

– Это мое дело, – возмутилась я.

– Его ненавидит вся офицерская братия. Полагаю, тебе это известно, – сказала она. – Его одинаково не любят как в Девоне, так и в Корнуолле. В действительности единственные, кого он может считать своими друзьями, – юнцы, что не осмеливаются грубить ему. Они-то и составляют его маленькую свиту, которая следует за ним как тень.

«О господи, – подумала я, – ну и стерва же ты, цепляешься за какие-то досужие вымыслы, чтобы свести меня с ума». Я смотрела, как она поигрывает своими кольцами.

– Бедная Мэри Говард, – проговорила Гартред, – что ей пришлось вынести. Знаешь, Онор, не став его женой, ты избавила себя от нестерпимых унижений. Я догадываюсь, что Ричард последнее время разыгрывал любовь к тебе. Несомненно, он любит тебя на свой извращенный лад. Для него это скорее новое, диковинное времяпрепровождение – женщина, которая не в состоянии ответить на любовь. То, как он обращается с Диком, и в самом деле внушает сильную тревогу. – Она зевнула и направилась к окну. – Бедный мальчик обожает мать, а теперь, по моим представлениям, Ричард намеревается воспитать его уродом, чтобы только досадить ей. Как он тебе показался, когда был здесь?

– Юный и чувствительный, как и многие другие дети, – ответила я.

– Для меня остается загадкой, как он вообще появился на свет, – сказала Гартред. – Когда я думаю о той возмутительной истории, которую мне поведала Мэри. Все же я поберегу твои чувства, если ты все еще держишь Ричарда на пьедестале. Я рада за мальчика, что Джек Робартс не нашел его здесь, в Менебилли. Он поклялся повесить любого из родственников Ричарда.

– За исключением тебя, – заметила я.

– Ну, я не в счет, – ответила Гартред. – Миссис Денис из Орли-Корта не то же самое, что Гартред Гренвил.

Она в очередной раз бросила взгляд на стены, а затем снова выглянула во двор.

– Это ведь та комната, где они обычно держали слабоумного? – неожиданно спросила она. – Я еще помню, как он осыпал ругательствами Кита, когда мы приезжали сюда двадцать пять лет назад.

– Не имею понятия. Эта тема в семье не обсуждается...

– Было что-то необычное в строении этого дома, – сказала она небрежно. – Не могу в точности припомнить, что именно. Кажется, какой-то чулан в стене, куда они его обычно заталкивали, когда он становился буйным, – так мне рассказывал Кит. Ты обнаружила его?

– Здесь нет никаких чуланов. – Я старалась оставаться невозмутимой. – За исключением вон той комнатки.

– Мне очень жаль, – проговорила она, – что из-за моего приезда тебе пришлось уступить свою комнату Джоан Рашли. Я бы преспокойно обошлась и этой. Как сказала мне одна из служанок – до тебя этой

комнатой никогда не пользовались.

– Гораздо проще было, – переменила я тему разговора, – разместить тебя с дочерьми в комнате попросторнее, где ты могла бы за ужином принимать посетителей.

– Тебя по-прежнему привлекают сплетни слуг? – ответила она. – Страсть всех старых дев. У них разыгрывается аппетит, когда они воображают, что происходит за закрытыми дверьми.

– Не знаю, – парировала я. – Едва ли вкус моего бульона становится лучше от сознания того, что ты лежишь в объятиях лорда Робартса.

Она взглянула на меня, придерживая руками платье, и я подумала: кто из нас двоих способен на большую ненависть – она или я?

– Мое присутствие здесь по крайней мере избавило вас от куда худших неприятностей, – заявила она. – Я знакома с Джеком Робартсом многие годы.

– Тогда занимай его получше, – посоветовала я. – Это единственное, что от тебя требуется.

Меня это в конце концов начало забавлять, и, поняв это, она направилась к двери.

– Не могу гарантировать, – ответила она, – что его хорошее настроение продлится долго. Сегодня за ужином он был в отвратительном расположении духа, узнав, что Ричард в Ланхидроке, и сейчас отправился в Фой на совещание с Эссексом и начальниками штабов.

– Что ж, – сказала я, – надеюсь, тебе удастся смягчить его нрав к завтрашнему утру.

Она стояла, взявшись за дверную ручку, ее глаза обшаривали обивку стен.

– Если они проиграют эту кампанию, – заявила она, – то распрощаются и со своим прекрасным настроением. Солдат разгромленной армии – животное опасное. Джек Робартс прикажет разграбить Менебилли, разрушить его как изнутри, так и снаружи.

– Да, – согласилась я. – Мы все сознаем это.

– Заберут все, – продолжала Гартред, – одежду, драгоценности, мебель, провизию, достанется и обитателям дома. Твой зять Джонатан Рашли, должно быть, престранный субъект, раз бросил дом, отлично зная, что неминуемо случится с его имением.

Я пожала плечами. Затем, уже уходя, она выдала себя словами:

– Он ведь по-прежнему королевский сборщик...

Тогда я в первый раз улыбнулась, поскольку получила ответ на вопрос, почему она здесь.

– Не могу знать, – сказала я. – Понятия не имею... Но если ты дождешься, когда дом подвергнут обыску, то, может, нападешь на столовое серебро, которое, по-твоему, он тут спрятал. Покойной ночи, Гартред.

Какое-то время она смотрела на меня, а затем вышла из комнаты. Наконец-то я узнала, что ее тут держит; если бы я была меньше поглощена своими собственными проблемами – как спрятать Дика, – я могла бы догадаться об этом и раньше. Гартред не особенно волновало, кто проиграет или выиграет кампанию, для нее было важно иметь опору на стороне победителей. Она могла шпионить и на одних, и на других. Я была настроена, уподобившись Темперанс Сол, процитировать Писание: «Ибо, где будет труп, там соберутся орлы». Если была возможность что-то урвать в суматохе сражения, Гартред не могла остаться дома, в Орли-Корте. Я вспомнила ее хватку при составлении брачного контракта с Китом, а позднее ее отчаянные поиски потерявшейся безделушки в то утро, когда, овдовев, она покидала Ланрест. Мне вспомнились слухи, которые доходили до меня, когда она овдовела во второй раз, о том, что Орли-Корт опутан долгами и должен быть поделен между ее дочерьми, когда те достигнут совершеннолетия. Гартред еще не подыскала себе третьего мужа, который пришелся бы ей по вкусу, ну а до тех пор ей нужно было на что-то жить. Столовое серебро Корнуолла было бы и в самом деле как нельзя кстати, если бы ей удалось прибрать его к рукам.

Такова была ее цель, и у нее уже возникли подозрения относительно моей комнаты. Она не знала тайны контрфорса, но память подсказывала ей, что где-то в стенах Менебилли есть что-то вроде тайника. У нее мелькнула догадка, и она сделала вывод, что мой зять, по всей видимости, воспользовался тайником в военную пору. То, что этот тайник мог также служить укрытием для ее племянника, я уверена, никогда не приходило ей в голову. Не действовала она, я полагала, и в паре с лордом Робартсом. Она вела самостоятельную игру, и если в этой игре ей помогало то, что она позволяла лорду любить себя, то это было как бы между прочим. Куда приятнее есть жареное мясо, чем суп на воде; кроме того, ей были по вкусу дородные мужчины. Но если она обнаружит, что одной ей не заполучить того, что ей хочется, тогда она выложит свои карты на стол – и черт с ними, с последствиями.

Именно этого нам и следовало опасаться, и никто в доме, кроме меня, не знал об этом. Так прошел воскресный день, 11 августа, и вот мы проснулись на следующее утро, с которого началась новая неделя, полная проблем, и когда могло произойти что угодно, учитывая, что три королевские армии с каждым часом все теснее и теснее сжимали кольцо

вокруг мятежников; полоска земли графства, все еще находившаяся у тех в руках, с каждым днем принимала все более голый, опустошенный вид, а непрерывный секущий дождь превращал все дороги в непролазную грязь.

Позади остались теплая погода, ослепительно-синее небо и солнце. Дети уже не высовывались из окон, не слушали сигналов горна и не наблюдали за беготней солдат. Мы больше не устраивали ежедневного променада под окнами галереи. В парке дул резкий, ревущий ветер, из моего плотно закрытого окна мне были видны палатки, по которым струился дождь, безутешные морды лошадей, которых привязали рядами за деревьями в дальнем конце парка, тесными унылыми группками стояли люди, и их костры гасли, не успев разгореться. В фермерских постройках умерло немало раненых. Мэри видела, как на рассвете отправлялись похоронные кортежи – безмолвная серая процессия в дымке раннего утра; по доходившим до нас разговорам мы знали, что их хоронят в Лонг-Миде – долине, расположенной за Плимутским лесом.

Новых раненых больше не привозили, и из этого мы заключили, что ненастная погода приостановила боевые действия. Но мы также слышали, что армия его величества удерживает восточный берег реки Фой, от Сент-Випа до крепости в Полруане, которая господствует над входом в гавань. Так что мятежники в Фое были отрезаны от своих судов в Ла-Манше и не могли получить припасов по морю, исключение составляли лишь крохотные суденышки, которые могли пристать к берегу в Придмуте или Полкеррисе либо к песчаным дюнам в Тайуордрете, что также становилось теперь невозможным из-за мощного юго-западного прилива. Из офицерской столовой в галерее, по рассказам Элис, почти не доносилось смеха и болтовни, а сами офицеры с суровыми лицами входили и выходили из нашей столовой, которую лорд Робартс забрал для своего личного пользования, и время от времени его голос звучал громче от раздражения и гнева, – это означало, что под проливным дождем прискакал гонец, принесший какой-нибудь контрприказ от графа Эссекса из Лостуитиела или какое-нибудь свежее известие о катастрофе. Ходила ли по дому Гартред или нет – не знаю. Элис сказала, что, по ее мнению, Гартред сидит у себя в комнате. С Джоан я виделась мало, поскольку жар у бедного Джона еще не спал, но Мэри время от времени навещала меня. С каждым днем она узнавала о все новых опустошениях в имении, и лицо ее еще больше заострялось и тускнело. Более трехсот овец уже были забиты, сюда следовало добавить тридцать откормленных бычков и шестьдесят – приготовленных на откорм. Забрали весь тягловый скот и всех фермерских лошадей – что-то около сорока голов. Из восьмидесяти свиней осталось

двенадцать или около того, да и тех не станет к концу недели. Прошлогодняя пшеница исчезла в первую же неделю, как мятежники заняли Менебилли, а теперь они подчистили и новую, не оставив ни единого колоса. Не было больше ни фермерских повозок, ни тележек, ни инструментов. И сараи, где хранились на зиму дрова, были такими же пустыми, как чердаки. Судя по тому, что докладывали Мэри перепуганные слуги, мало что сохранилось от большого имения, которое оставил ей Джонатан Рашли две недели тому назад. Парк испорчен, фруктовый сад погублен, строевой лес вырублен, домашний скот съеден. Чем бы ни закончилась война на западе, мой зять будет разорен.

А ведь они еще не взялись за сам дом и его обитателей. Наше питание уже стало проблемой. В полдень все мы собирались на обед, нашу главную ежедневную трапезу. Он подавался нам в покоях Элис в восточном крыле; Джон лежал больной в отцовской комнате, а мы, человек двадцать, сидели вплотную друг к другу, при этом дети шумели и капризничали; мы макали куски черствого хлеба в водянистый суп, заправленный иногда разбухшими бобами и капустой. Дети получали свое молоко, не больше двух чашек в день, и я уже заметила, какими большими выглядели на их бледных личиках широко раскрытые глаза, тогда как игры их стали вялыми и они часто зевали. У юного Джонатана начался круп, что вызывало живое беспокойство у Джоан, и Элис пришлось отправиться вниз на кухню и попросить сварить для него стебли ревеня – милость, которая была ей оказана сугубо потому, что своими учтивыми манерами она завоевала расположение дежурившего солдата. Старики страдали так же, как дети, и капризно сетовали на такую жизнь с детским непониманием всего того, что несет с собой война. Ник Сол, закончив есть, долго разглядывал свою пустую тарелку и бормотал себе в бороду: «Позор! Как непростительно!» – и злобно озирался вокруг, будто в этом была вина кого-то из присутствующих, тогда как Уилл Спарк коварно присаживался подле детей помладше и под предлогом дружеской игры таскал у них еду из тарелок, стоило Элис и няне отвернуться. Женщины были менее эгоистичны, и Дебора, которую я считала таким же выродком, каким, на свой лад, был ее братец, неожиданно для меня стала проявлять большую нежность ко всем тем из окружавших, кто казался беспомощным, и ни ее низкий голос, ни пробивавшиеся усики уже не пугали малышей.

Накормить Дика я могла только с помощью Мэтти. Каким-то способом – честным или не очень, об этом я ее не расспрашивала, – она сделала своим союзником помощника повара, которому наплела историю о своей хворой, увечной хозяйке, в результате чего тайно проносила суп ко мне в

комнату под своим передником, и никто не был в это посвящен. Все тот же помощник повара кормил нас и слухами – большинство из них были катастрофичными для его стороны, и я стала задумываться над тем, нельзя ли его подкупить, чтобы он стал дезертиром. В середине недели до нас дошли слухи, что Ричард захватил Рестормельский замок вблизи Лостуитиела, а командовавший королевской конницей лорд Горинг^[12] удерживал мост и дорогу за Сент-Блейзи. Эссекс был теперь заперт на нашем полуострове на полоске земли длиной в какие-нибудь семь миль и шириной в две мили, а с ним и десять тысяч человек, которых нужно было кормить, в то время как пушки из Полруана угрожали порту Фой. Так не могло долго продолжаться. Либо Эссекса с мятежниками освободят двигавшиеся к ним с востока отряды, либо он останется и примет сражение. И вот изо дня в день мы сидели с похолодевшими сердцами и пустыми желудками и смотрели, как угрюмая солдатня собиралась под дождем возле своих палаток, в то время как их вожди в полном унынии держали совет в доме. Снова наступило воскресенье, и среди мятежников пополз тревожный слух, что местные жители по ночам нападают на завоевателей и чинят резню. Были найдены часовые, задушенные на своих постах; пробуждаясь, солдаты обнаруживали своих товарищей с перерезанным горлом; случалось, что некоторые из них, спотыкаясь, добредали до штабов: кисти рук у них были отрублены, глаза выколоты. Корнуолл поднимался на борьбу.

Во вторник, 27 августа, мы не получили в полдень своего супа, лишь с полдюжины хлебцев на двадцать человек. В среду – один кувшин молока для детей, вместо полагавшихся трех, да и то оно было сильно разбавлено водой. В четверг Элис, Джоан, Мэри, обе сестры Спарк и я поделили наш хлеб между детьми, а себе сделали отвар из трав, залив их кипятком. Мы не ощущали голода. Желание есть покинуло нас, когда мы увидели, как дети, плача, с жадностью жуют черствый хлеб, затем поворачиваются и просят еще, а нам нечего им дать. И все это время во взлохмаченном небе бушует и завывает юго-западный ветер, а неотступно преследовавшие нас сигналы горна мятежников разносятся по парку как вопль отчаяния.

Глава 19

В пятницу, 30 августа, я весь день пролежала в постели, поскольку собираться теперь всем вместе выглядело бы просто фарсом, да у меня и не было на это сил. Мое малодушие не позволяло мне смотреть, как дети с плачем молят о корке хлеба. Мэтти принесла мне чашку чая, но мне казалось, что, глотая пусть даже пустой чай, я поступаю дурно. Из-за голода я сделалась вялой и, презрев опасность, позволила Дику прийти и улечься на своем тюфяке возле моей кровати, где он принялся глотать кость, припасенную для него Мэтти. Его глаза на бледном лице казались как никогда большими, а черные кудри распрямились и потеряли свой блеск. Мне казалось, что голод делает его все более похожим на мать, и порой, когда я глядела на него, мне чудилось, будто она неожиданно заняла его место и я кормлю и укрываю от врагов Мэри Говард – это она вонзается в кость своими острыми зубками, и ее нетерпеливые пальцы рвут мясо на куски. Да и у самой Мэтти глаза запали, а лицо приняло желтоватобледный оттенок. Куда только делись пышные бедра и румяные, как наливные яблочки, щеки. Всю пищу, которую ей удавалось стащить у своего работавшего на кухне приятеля – а теперь ее не хватало и самим военным, – Мэтти тайком приносила Дику и детям.

Днем, в то время как я погружалась то в один, то в другой мучительный сон, а Дик, как щенок, лежал, свернувшись калачиком, у моих ног, Мэтти, прижавшись лицом к оконному стеклу, вглядывалась в туман, который пришел теперь на смену дождю и скрыл от нас палатки и лошадей.

В начале третьего меня неожиданно разбудил цокот копыт, и Мэтти, распахнув окно, увидела, как во двор въехала через ворота группа всадников.

– Около дюжины офицеров, – сказала она, – в сопровождении солдат, и с ними на большом черном коне командир в темно-сером плаще.

Она выскользнула из комнаты, чтобы посмотреть, как они будут слезать с лошадей во внутреннем дворике, и, вернувшись, сообщила, что на ступенях дома их встречал сам лорд Робартс и все вместе они проследовали в столовую, перед дверьми которой были выставлены часовые.

Даже мой усталый мозг не мог не уловить очевидного: здесь состоится последний военный совет, и на него прибыл граф Эссекс собственной персоной. Я прижала ладони к глазам, чтобы унять головную боль.

– Иди-ка разыщи своего повара, – попросила я Мэтти. – Делай с ним что угодно, но заставь его говорить.

Сжав губы, она кивнула и, прежде чем уйти, достала из какого-то укромного местечка в своей комнатухе еще одну кость для Дика и, поманив, как это делают, чтобы загнать собаку в конуру, отвела его в комнатуху в нижней части контрфорса.

Три, четыре, пять часов... Из-за тумана и дождя вечер наступил рано, и было уже темно, когда я услышала, как под аркой снова проследовали лошади, и цокот их копыт замер в парке. В половине шестого вернулась Мэтти. Что она делала все это время – об этом я никогда ее не спрашивала, но она сообщила мне, что за дверью ждет помощник повара, который желает говорить со мной. Она зажгла свечи, так как я лежала в темноте, и когда, приподнявшись на локте, я вопросительно взглянула на нее, она кивнула в сторону коридора.

– Если вы дадите ему денег, – прошептала она, – он сделает все, о чем вы его ни попросите.

Я велела ей подать мне кошелек, что она и выполнила, затем, подойдя к двери, она сделала ему знак войти.

Он стоял, моргая в тусклом свете и застенчиво улыбаясь, – как и у нас, лицо у него было исхудалое и голодное.

Я подозвала его кивком, и он, бросив через плечо беглый взгляд на Мэтти, подошел к моему ложу. Я протянула ему золотую монету, которую он мгновенно засунул себе в карман.

– Что же вы узнали? – спросила я.

Он бросил взгляд на Мэтти, она кивнула, после чего он провел языком по губам и сказал:

– Это только слухи, но об этом болтают во дворе.

Он замолчал и снова посмотрел в сторону двери.

– Отступление начнется сегодня вечером, – заговорил он. – Пять тысяч солдат двинутся в темноте к побережью. При желании вы можете услышать их. Они направятся к Придмуту и Полкеррису. Там, если стихнет ветер, их подберут суда.

– Лошади не могут грузиться на мелкие суденышки, – заметила я. – Как ваши генералы собираются поступить с двумя тысячами кавалеристов?

Он покачал головой и бросил взгляд на Мэтти. Я дала ему еще одну золотую монету.

– Я перебросился несколькими фразами с конюхом сэра Уильяма Балфора, – снова заговорил он. – Они будто бы собираются прорваться сегодня ночью через позиции роялистов, когда будет отступать пехота. Я не

могу отвечать за правдивость этих слов, да и он тоже.

– Что станет с вами и с другими поварами? – поинтересовалась я.

– Мы, как и остальные, отправимся морем, – ответил он.

– Едва ли, – возразила я. – Послушайте, какой ветер.

В кронах деревьев в заповедном лесу шумел ветер, и в мое окно застучал дождь.

– Я могу рассказать, что вас ждет, – произнесла я. – Настанет утро, а суда за вами так и не придут. Вы сгрудитесь на узкой полоске земли. Будут неистовствовать ветер и дождь, а в Придмуте разбухнет море, и с утесов на вас нападут местные крестьяне с вилами в руках. Корнуолльцы, когда они голодны, не очень-то приятны.

Молча мужчина снова провел языком по губам.

– Почему бы тебе не дезертировать? – спросила я. – Уходи сегодня ночью, пока с тобой не случилось самое худшее. Я могу дать тебе записку к командиру роялистов.

– Я ему так и говорила, – подала голос Мэтти. – Несколько слов от вас к сэру Ричарду Гренвилу – и он беспрепятственно пройдет через наши позиции.

Нелепый, колеблющийся, жадный – он поочередно переводил взгляд с меня на Мэтти. Я дала ему третью золотую монету.

– Если ты за час доберешься до королевской армии, – сказала я, – и расскажешь им все то, о чем только что поведал мне – о коннице, которая попытается прорваться до утра, – они дадут тебе кучу таких золотых монет и в придачу накормят прекрасным ужином.

Он почесал затылок и снова взглянул на Мэтти.

– Если произойдет самое худшее и тебя возьмут в плен, – продолжила я, – это все же лучше, чем если тебе выпустят потроха корнуолльцы.

Последние слова убедили его.

– Я пойду, – кивнул он, – если вы напишете записку.

Я нацарапала маленькую записку Ричарду, которая, скорее всего, никогда не попадет к нему в руки (она и не попала, как стало мне известно впоследствии), и велела парню по возможности добираться до Фоя лесом, а с темнотой сесть на корабль, направляющийся в Бодинник, который удерживали сторонники короля, и предупредить их о плане мятежников.

Известие, несомненно, придет слишком поздно, чтобы принести большую пользу, но попытка все же стоила того. Когда он ушел, а с ним и Мэтти, чтобы поторопить его, я снова легла в постель и прислушалась: сквозь шум дождя я различила доносившийся издалика, с верхней дороги, что проходила за парком, топот марширующих колонн. Час за часом они на

протяжении всей долгой ночи, без перерыва, грохотали сапогами, и завывания ветра перекрывались звонкими, отчетливыми сигналами горна. Когда забрезжило серое, туманное, промозглое утро, они все еще маршировали по верхней дороге, сотня за сотней, промокшие и грязные, и, нарушая строй, брели через парк, направляясь к побережью.

В воскресенье к полудню исчезло всякое подобие порядка, о дисциплине позабыли, ибо, когда мокрое солнце блеснуло сквозь бегущие облака, до нас донеслись первые пушечные залпы из Лостуитиела – это армия Ричарда атаковала их с тыла. Мы устроились возле окон, позабыв наконец-то о голоде, дождь хлестал по нашим утомленным лицам; мы наблюдали за тем, как весь долгий день они устало тащились через парк. Теперь это была уже утратившая всякую надежду беспорядочная вереница, в которой смешались люди, лошади и повозки; выкрикивались приказы, которым никто не думал подчиняться; люди валились на землю от истощения и отказывались двигаться дальше; лошади, тележки, жалкие остатки скота – все это теснилось и увязало в море грязи, бывшей когда-то парком. Пушечная пальба раздавалась все ближе, к ней добавился и треск мушкетных выстрелов. Кто-то из слуг, забравшись на башню, доложил, что возвышенность вблизи Каслдора черна от солдат и вся в дыму и пламени, а с полей бегут крошечные фигурки – сначала их было два десятка, затем уже пятьдесят, сотня, больше сотни, – чтобы влиться во все разраставшуюся толпу на дорожках парка.

А дождь все лил, отступление продолжалось.

В пять часов дом облетела весть, что мы все должны спуститься в галерею. Даже Джон был вынужден встать с постели и подчиниться приказу. Все еле-еле передвигали ноги, а мне стоило немалого труда держаться прямо в моем кресле. Уже целых два дня мы не видели никакой еды, кроме отвара из трав. Элис стала похожа на привидение, по-видимому, она полностью отказалась от пищи, отдавая все трем дочерям. Ее сестра Элизабет выглядела едва ли лучше, а годовалый младенец у нее на руках был спокоен, как восковая кукла. Прежде чем покинуть комнату, я убедилась, что Дик в безопасности в своей клетушке, и на сей раз я, невзирая на его протесты, плотно задвинула каменную плиту, за которой открывался ход.

Странную картину представляли мы собой, когда собрались в галерее: лица у всех покрылись болезненной бледностью; дети вели себя до крайности спокойно, поражал зловеще тяжелый взгляд их ввалившихся глаз. Я не видела Джона месяц, и сейчас он показался мне совсем больным – тускло-желтая кожа, непрерывно дрожащие конечности. Он взглянул на

меня, как будто хотел о чем-то спросить, и я, заставив себя улыбнуться, кивнула ему. Мы сидели и ждали, ни у кого из нас не было ни настроения, ни силы говорить. Немного в стороне от нас, близко к центральному окну, сидела Гартред со своими дочерьми. Они тоже похудели и побледнели, и, думается мне, уже много дней им не перепало цыпленка, но все же они не были такими истощенными, как бедные маленькие Рашли и Кортни.

Я отметила, что на Гартред нет драгоценностей и она очень просто одета, но, как бы там ни было, при виде ее у меня возникло дурное предчувствие. Она не заговорила с нами, лишь обронила несколько слов Мэри, когда вошла, и, усевшись за маленький столик у окна, принялась раскладывать пасьянс. Она поворачивала карты вверх картинкой и пристальнейшим образом всматривалась в них. Этого мига, подумала я, она ждала больше месяца!

Внезапно в коридоре раздались громкие шаги, и в галерею вошел лорд Робартс – сапоги у него были заляпаны грязью, по плащу стекали капельки дождя. Его окружали штабные офицеры, и у него, и у них был суровый и решительный вид.

– Все в сборе? – резко спросил лорд Робартс.

Среди нас поднялся ропот, который он принял за подтверждение.

– Что ж, прекрасно, – сказал он и, подойдя к моей сестре Мэри и ее пасынку Джону, остановился. – До меня дошли сведения, – обратился он к ним, – что ваш преступник-муж, сударыня, а ваш отец, сэр, укрыл в доме значительное количество серебра, которое должно было по праву принадлежать парламенту. Прошло время всякой болтовни и протестов. Давление, оказываемое в данный момент на нашу армию, вынуждает нас к временному отходу. Парламент нуждается в каждой унции корнуолльского серебра, чтобы довести эту войну до успешного завершения. Прошу вас, сударыня, сказать мне, где спрятано серебро.

Мэри, благослови Господь ее неведение, повернула к лорду Робартсу недоумевающее лицо.

– Но мне не известно ни о каком серебре, – промолвила она. – Я знаю только те несколько серебряных предметов из сервиза, которые теперь находятся в вашем распоряжении, коль скоро у вас мои ключи.

– Я говорю о больших количествах серебра, сударыня, хранящихся в каком-нибудь укромном месте до тех пор, пока вашему мужу не представится возможность перевезти его на Монетный двор.

– Мой муж был королевским сборщиком в Корнуолле, это правда, милорд. Но он ни разу не обмолвился мне, что прячет серебро в Менебилли.

Лорд Робартс повернулся к Джону:

– А вы, сэр? Отец, несомненно, рассказывал вам обо всех своих делах?

– Нет, – твердо произнес Джон, – мне ничего не известно о делах моего отца, как не известно ничего и о тайнике. Единственный, кого отец посвящал во все это, был его управляющий Лангдон, который сейчас находится при нем. Никто здесь, в Менебилли, не скажет вам большего.

Какое-то мгновение лорд Робартс пристально глядел на Джона. Затем отвернулся и подозвал трех своих офицеров.

– Обыщите дом, – коротко бросил он. – Сдерите обивку со стен и мебели.ломайте все, что попадется под руку. Заберите все драгоценности, одежду и все ценное. Чтобы в Менебилли остались одни голые стены.

Ноги у бедняги Джона подкосились.

– Вы не имеете права так поступать, – вырвалось у него. – Какой властью наделил вас парламент, что вы чините такой произвол?! Я протестую, милорд, взывая к общепринятым нормам приличия и гуманности.

А моя сестра Мэри выступила вперед и упала на колени.

– Милорд Робартс, – сказала она, – клянусь вам всем, что есть у меня самого дорогого, в этом доме ничего не спрятано. Если бы это было так, я бы об этом знала. Молю вас, выкажите великодушие и пощадите мой дом.

Лорд Робартс посмотрел на нее, взгляд его был суров.

– Сударыня, почему я должен щадить ваш дом, когда мой дом никто не пощадил? В гражданской войне платят оба: и победитель, и побежденный. Благодарите Бога, что мне хватило великодушия сохранить вам всем жизнь.

И с этими словами он развернулся на каблуках и вышел вместе с офицерами, выставив у дверей двух часовых.

Во дворе он сел на лошадь и поскакал обратно на свои позиции, чтобы принять участие в бесполезном арьергардном бою, который велся под непрерывным морозящим дождем среди изгородей и канав в Каслдоре. Мы слышали, как оставленный им за старшего майор отдал распоряжения своим людям – и те тут же принялись срывать деревянную обшивку со стен столовой. До нас донесся треск отдираемого дерева и звон оконного стекла – первые признаки грядущих разрушений. Мэри повернулась к Джону, по лицу у нее текли слезы...

– Ради бога, – умоляюще попросила она, – если тебе известно о каком-нибудь тайнике, скажи им, чтобы спасти наш дом. Когда вернется твой отец, я весь его гнев приму на себя.

Джон не ответил. Он посмотрел на меня. Никто из присутствующих не заметил этого взгляда, кроме Гартред, которая в тот момент подняла голову.

Мои губы не дрогнули. Я посмотрела на него в ответ столь же сурово и безжалостно, как и лорд Робартс. Он выждал какое-то мгновение, затем очень медленно произнес:

– Мне не известно ни о каком тайнике.

Думаю, примись мятежники за свою работу с шумом и весельем или даже с пьяным хохотом, нам было бы не так тяжело выносить разрушение дома. Но они солдаты побежденной армии, прекрасно сознавая это и сдерживая в душе холодное бешенство, они делали то, что им было приказано, молча.

Дверь из галереи в коридор была открыта, за ней стояли на страже двое часовых, но мы не слышали, чтобы раздался хоть один голос, чтобы прозвучало хоть одно слово. Только треск сдираемой деревянной обшивки, грохот разбиваемой мебели, разрубаемого на куски большого обеденного стола и уханье солдат, когда они опускали топоры. Первое, что нам швырнули через коридор, был разодранный и расколотый портрет короля; но даже грязные каблуки, которыми прошлись по его лицу, и большая трещина, что пролегла через его рот, не смогли обезобразить этих исполненных печали глаз, безропотно взиравших на нас с погубленного холста.

Мы услышали, как солдаты взобрались по ступеням и вломились в южные комнаты, и, когда они взломали дверь в комнату Мэри, бедняжка принялась молча плакать, а Элис обняла ее и стала баюкать, как ребенка. Остальные же никак не реагировали, а просто сидели подобно немым призракам. Тогда Гартред посмотрела в мою сторону.

– Мы с тобой, Онор, единственные в этой комнате, у кого в жилах нет ни капли крови Рашли, так давай пока займемся чем-нибудь. Скажи, ты играешь в пикет?

– Я ни разу не играла в него с той самой поры, как твой брат обучил меня шестнадцать лет назад, – ответила я.

– Тогда шансы на моей стороне. Рискнешь сыграть *partie*^[13]? – Она произнесла это с улыбкой, тасуя карты, и я догадалась о тайном смысле, который она вкладывала в эти слова.

– Быть может, – произнесла я, – ставка тут побольше, чем несколько серебряных слитков.

Мы слышали их топот у себя над головами, до нас доносился стук топоров, а из оконных створок на внешнюю сторону террасы падали осколки стекла.

– Ты не боишься помериться со мной силами в карты? – спросила Гартред.

– Нет, – ответила я. – Нет, не боюсь.

Я подкатила кресло к столу и села напротив нее. Она протянула мне карты, чтобы я сняла колоду и перетасовала ее. Сделав это, я вернула колоду ей, чтобы она сдала каждой из нас по двенадцать карт. Так началась самая странная *partie* в пикет, которую мне когда-либо приходилось разыгрывать – и до этого, и после, – ибо если Гартред рисковала состоянием, то я ставила на карту судьбу сына Ричарда, и, кроме меня, никто об этом не знал. Остальные же, безмолвные и поникшие, были слишком слабы, чтобы чему-либо удивляться, а если даже и делали это, то с неприязнью и с раздражением: как это мы, хоть и не имевшие непосредственного отношения к Менебилли, дерзнули выказать такое бессердечие.

– Пять карт, – назвала Гартред.

– Сколько?

– Девять.

– Хорошо.

– Пять.

– Старшая карта, девять. Три валета.

– Не подходит.

Она заходит с червонного туза, на которого я кладу десятку, и, когда она берет взятку, мы слышим, как мятежники срывают гобелены со стен спальни, что находится над нами. Слабо запахло горелым, и за окнами галереи потянулась струйка дыма.

– Они поджигают конюшни и фермерские постройки перед домом, – спокойно произнес Джон.

– Дождь наверняка погасит пламя, – прошептала Джоан.

– В такой дождь сильно не разгорится.

Кто-то из детей расплакался, и я увидела, как хмурая Дебора взяла малышку себе на колени и стала шепотом ее успокаивать. Дым от горящих под непрекращающимся дождем построек был въедливым и горьким; а стук топоров наверху, к которому добавлялся и топот солдатских сапог, был такой, что казалось, будто валят деревья в густом лесу, а не рубят на куски большую кровать с пологом на четырех столбиках, в которой Элис произвела на свет своих малышей. Они выбросили на террасу зеркало, и оно разбилось на тысячу кусков, а за ним туда же полетели сломанные канделябры, высокие вазы, стулья, обитые ковровой тканью.

– Пятнадцать. – Гартред пошла с бубнового короля.

– Восемнадцать, – ответила я, побив его своим тузом.

По лестнице спустились несколько мятежников во главе с сержантом.

Они тащили на себе всю одежду, которую нашли в спальнях Джонатана и Мэри, а также ее украшения, гребни и прекрасные узорные шпалеры, что висели на стенах. Солдаты погрузили узлы на тягловых лошадей, что поджидали во дворе. Когда те были полностью нагружены, один солдат вывел их через арку, а их место заняли две другие лошади. Через разбитые окна разгромленной столовой нам было видно, как проходят мимо горящих фермерских построек отставшие группки мятежников, стекаясь к лугам и берегу, и, когда они с ухмылкой глазели на дом, их товарищи, разгоряченные работой и все более наглевшие, выкрикивали им из окон соленые шутки и свистели, вышвыривая тюфяки, стулья, столы – все, что попадалось под руку и чем можно было поддержать пламя, которое из-за моросившего дождя с трудом поднималось над почерневшими фермерскими строениями.

Один солдат связывал в узел всю одежду и белье. Подвенечное платье Элис и маленькие платица, которые она вышила для своих детей, и все парадные костюмы Питера, которые она с такой заботой хранила в стенном шкафу до того времени, когда они ему понадобятся. Топот у нас над головой прекратился, и мы услышали, как мятежники перебрались в комнаты под башней. Какой-то шутник принялся звонить в колокол, и этот заунывный звон по-новому зазвучал для нашего слуха, сливаясь с выкриками, воплями и скрипом колес, по-прежнему долетавшими до нас из парка вместе с нараставшим грохотом орудий, которые теперь отделяло от нас уже меньше двух миль.

– Сейчас будут у тебя, – сказала Джоан, – и они не пощадят твоих книг и твоего добра, как не пощадили нашего.

В ее голосе чувствовались упрек и разочарование: ведь ее любимая тетя и крестная мать не выказала никакого признака печали.

– Мой кузен Джонатан никогда не позволил бы такого, – произнесла Уилл Спарк своим истеричным высоким голосом. – Если бы где-то здесь было спрятано серебро, он бы скорее добровольно отдал его, чем позволил, чтобы полностью разграбили весь его дом, а мы, его родные, лишились бы всего.

По-прежнему звонил колокол, а потолки сотрясались от тяжелой поступи злодеев: они теперь сбрасывали во внутренний двор портреты, скамьи, коврики и портьеры из западной части дома; падая, все это громоздилось одно на другое в отвратительном беспорядке, ну а те солдаты, что были внизу, выискивали в этой куче обломков все наименее ценное и швыряли в огонь.

Мы начали третий кон нашей *partie*.

– Терция с королем, – назвала Гартред.

– Хорошо, – ответила я, делая за ней ход пиками.

Все это время у меня не выходило из головы, что теперь мятежники, наверно, уже добрались до последней комнаты и срывают шпалеры, за которыми находился контрфорс. Я увидела, как Мэри подняла охваченное горем лицо и посмотрела в нашу сторону.

– Если бы вы замолвили словечко офицеру, – сказала она Гартред, – он мог бы удержать людей от дальнейших разрушений. Вы дружны с лордом Робартсом и имеете на него какое-то влияние. Неужели вы ничего не в силах сделать?

– Я могла бы многое, – отозвалась Гартред, – если бы мне позволили. Но Онор говорит мне, что для дома будет лучше, если он рухнет нам на головы. Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать и восемнадцать. Похоже, моя взятка!

Она записала свои очки на табличках, лежавших с ее стороны.

– Онор, – обратилась ко мне Мэри, – ты ведь знаешь, когда Джонатан увидит, что его дом разорен, это разобьет ему сердце. Ведь это все, для чего он жил и усиленно трудился, а до него – и его отец, в течение полувека. Если Гартред в силах как-то спасти нас, а ты пытаешься удержать ее, я никогда тебе этого не прощу, и Джонатан, когда он об этом узнает, тоже.

– Гартред никого не может спасти, разве что ей хочется спастись самой, – пояснила я и начала сдавать карты для четвертого кона.

– Пять карт, – назвала Гартред.

– Тоже, – ответила я.

– Кварта с королем.

– Кварта с валетом.

Мы разыгрывали свой пятый, и последний, кон, поскольку каждая из нас выиграла по два, когда вдруг услышали, как солдаты во главе с майором с топотом спускаются по лестнице. Терраса и внутренний двор были полностью загромождены обломками – любимым добром и ценностями, накопленными почти за полвека, как сказала Мэри, и все, что не погрузили на лошадей, должно было быть уничтожено. Солдаты подожгли оставшиеся вещи и, положив руки на топоры и стараясь отдышаться теперь, когда работа была уже закончена, наблюдали за тем, как они горят. Когда вся груда ярко запылала, майор развернулся и направился к галерее. Войдя туда, он щелкнул каблуками и насмешливо поклонился Джону.

– Приказ, отданный лордом Робартсом, выполнен с неукоснительной точностью, – объявил он. – В Менебилли-хаус не осталось ничего, кроме

вас самих, дамы и господа, да голых стен.

– И вы не обнаружили спрятанного серебра? – спросила Мэри.

– Нет, сударыня, но зато ваше собственное счастливым образом перешло в наше распоряжение.

– Значит, этот бессмысленный разгром, эти злостные разрушения были напрасны?

– Доблестный удар был нанесен ради парламента, сударыня, а для нас, его солдат и слуг, только это и имеет значение.

Он поклонился и вышел, через мгновение мы уже слышали, как он отдает дальнейшие приказы. Привели лошадей, он сел на коня и ускакал, как часом раньше это сделал до него лорд Робартс. Языки пламени лизали булыжник во дворе, и, за исключением их слабого шипения да постукивания капель дождя, все другие звуки неожиданно смолкли. Необычайная тишина опустилась на дом. Даже часовых у дверей больше не было. Уилл Спарк отважился выйти в коридор.

– Их нет, – сообщил он. – Они все ускакали прочь. Дом пуст, покинут.

Я взглянула на Гартред – на сей раз улыбалась уже я – и выложила карты на стол.

– Карт-бланш, – сказала я тихо. Прибавив себе десять очков, я впервые пошла первой и со своего следующего хода выложила три туза на ее одного и выиграла *partie*.

Не говоря ни слова, она встала из-за стола, сделала насмешливый реверанс в мою сторону и, позвав дочерей, поднялась к себе. Я сидела одна, тасуя карты, как совсем недавно это делала она, а за дверью, в разоренном коридоре, бедные, ослабевшие члены нашего семейства озирались по сторонам, пораженные тем, что открылось их взорам.

Содранная деревянная обшивка, разобранные полы, вырванные оконные рамы и всюду проникающий дождь, поскольку уже не было ни дверей, ни окон, чтобы преградить ему путь; его капли летели нам в лицо, он был тихий и бесшумный, и к нему примешивались хлопья обуглившегося дерева и сажа с раскаленных дворовых булыжников. Последние мятежники, за исключением тех немногих, кто еще держал оборону в Каслдоре, отступили к побережью, и в Менебилли о них напоминали лишь разрушения, которые они учинили, да черная чавкающая жижа, бывшая когда-то дорогой и парком. Я сидела, продолжая перебирать в руках карты и прислушиваясь к долетавшим до меня звукам, и тут я впервые различила новую ноту, перекрывавшую пушечные и мушкетные выстрелы и непрекращавшееся постукивание дождя. Это был уже не такой шумный, назойливый звук, как от сигнала горна, что столь долго

преследовал меня. Быстрый, ликующий, он становился все ближе и ближе, и я узнала резкую бодрую дробь барабанов королевской армии.

Глава 20

Армия мятежников сдалась королю рано утром в воскресенье. Сотни людей сбились в кучи на берегу, но лишь одна рыбацкая шхуна в сумеречные предрассветные часы вышла из Фоя и взяла курс на Плимут, у нее в каюте находились лорд-генерал граф Эссекс и его советник лорд Робартс. Об этом и о том, что повар нашей Мэтти доказал верность данному слову и в пятницу вечером добрался до Бодинника, где вручил послание сэру Джакобу Астли, мы узнали позже. Но к тому времени, когда записка попала в руки к королю и были оповещены аванпосты на дороге, кавалерия парламента спешно прорвалась сквозь позиции роялистов и добралась до Солташа. Таким образом, из-за этой задержки кавалерия мятежников численностью более двух тысяч человек вырвалась из окружения, чтобы вступить в бой в последующие дни: в пылу радостного возбуждения от крупной капитуляции неприятеля наша сторона постаралась поскорее забыть об этом досадном просчете, и, думаю мне, единственным из командиров, кто почти обезумел от ярости, узнав о прорыве, был Ричард Гренвил.

Очень на него похоже было, по-моему, и то, что когда он в то воскресное утро послал батальон своей пехоты нам на помощь с запасами провизии, взятыми из собственных резервов, то не прибыл с ним сам лично, а лишь переслал мне короткое письмо, не удосужившись даже поинтересоваться, жива я или нет и по-прежнему ли со мной его сын.

Очень скоро ты узнаешь, – писал он, – что мой план удался лишь частично. Конница ускользнула, что полностью на совести этого ословевшего идиота Горинга, залегшего в своей ставке и позволившего мятежникам – ты не поверишь! – прорваться сквозь наши позиции и получить вслед лишь несколько мушкетных выстрелов. Да храни нас Господь от наших собственных командиров. Сейчас я спешно отправляюсь за ними в погоню в Солташ, но очень мало надежды, что мне удастся догнать конницу, раз Горинг со своей кавалерией уже потерпел неудачу.

Будучи прежде всего солдатом, а потом уже любовником, Ричард не мог попусту тратить время на измученное голодом семейство и искалеченную женщину, позволившую разорить дом ради спасения его сына, которого он не любил. Так что не отец внес ко мне в комнату ослабевшего подростка и положил его на постель, а больной и несчастный Джон Рашли, который, с трудом пробравшись во второй раз потайным

ходом под летним домиком, обнаружил Дика без сознания в клетушке контрфорса и, потянув за веревку, открыл таким образом вращающуюся каменную плиту.

Это произошло около девяти вечера в субботу, после того как мятежники оставили дом. Мы все были слишком слабы и в воскресенье утром могли лишь улыбаться королевским пехотинцам, когда они били в барабаны под нашими зияющими окнами.

Первым нашим делом было получить молоко для детей и хлеб для себя самих, а позднее, уже днем, когда к нам вернулась толика наших сил, а солдаты разожгли для нас камин в галерее – единственном пригодном для жилья помещении, – мы в очередной раз услышали ржание и топот коней, но на сей раз долгожданные и вселявшие в нас бодрость, поскольку это возвращались домой наши собственные мужчины. Думаю, за прошедшие четыре недели я пережила немалое напряжение, мне было тяжелее, чем остальным, из-за тайны, которую я хранила, поэтому, когда все оказалось позади, у меня начался странный рецидив болезни, усиленный моей естественной слабостью, и в течение многих дней я была не в силах даже оторвать голову от подушки. К тому же сцены радости и воссоединения были не для меня. У Элис был ее Питер, у Элизабет – ее Джон из Комба, у Мэри – ее Джонатан, и все вокруг целовались и плакали и снова целовались; следовали описания всех ужасов прожитых нами дней и безысходного отчаяния. Но не было ни плеча, на которое я могла бы приклонить голову, ни груди, на которой я могла бы выплакаться. Низенькая, снятая с чердака кровать на колесиках служила мне ложем – одна из очень немногих найденных нами вещей, которые не были уничтожены мятежниками. Помнится, когда вернулся мой зять, он склонился надо мной и похвалил за мужество, сказав, что Джон ему все рассказал и что я поступила так, как поступил бы и он сам, будь он тогда дома. Но не мой зять был мне нужен. Мне нужен был Ричард, а он, преследуя мятежников, отправился в Солташ. Все это веселье явилось как разрядка. Звон колоколов церкви в Фое, подхваченный колоколами в Тайуордрете, и его величество, созвавший дворян графства в своей ставке в Боконноке и поблагодаривший их за поддержку – он подарил Джонатану свой кружевной платок и молитвенник, – и внезапный бурный благодарственный молебен в честь освобождения и победы – все это казалось мне преждевременным и оставляло у меня в душе странный горький осадок. Быть может, это было из-за какого-то изъяна в моем собственном характере, что-то связанное с моим увечьем, но я повернулась лицом к стене, и на душе у меня было тяжело. Война не закончилась,

каковы бы ни были успехи на западе. Разбит был один Эссекс со своим восьмидесяти тысячным войском. На севере же и востоке Англии было много тысяч тех, кто еще и не думал сдаваться. «И ради чего все это? – подумала я. – Почему они не заключили мир? Неужто так и будет продолжаться, пока мы не состаримся, – разоренная страна, опустошенные дома?»

Слово «победа» звучало глухо – ведь наш враг лорд Робартс распорядился в Плимуте, который по-прежнему упорно защищался, – и недалеко и глупо было думать, будто война закончилась только потому, что Корнуолл теперь освобожден. На второй день после нашего освобождения, когда все отправились в Боконнок, чтобы проститься с его величеством, со двора донесся скрип колес и шум приготовления к отъезду, затем я услышала, как повозка со стуком покатила по булыжнику и пропала в парке. В тот момент я была слишком усталой, чтобы пускаться в расспросы, но позже, уже днем, когда ко мне пришла Мэтти, я спросила у нее, кто был тот человек, что столь неприметным образом покинул Менебилли.

– Кому ж это быть, как не миссис Денис, – ответила Мэтти.

Так что Гартред, как истинный игрок, сочла лучшим смириться со своими потерями и покинуть нас.

Мэтти, отжимавшая в данный момент тряпочку, чтобы вымыть мне спину, фыркнула:

– У нее как будто бы нашелся знакомый среди сторонников короля, он приехал сюда вечером вместе с мистером Рашли. Некто мистер Амброс Манатон. Он-то и выделил ей сегодня эскорт.

Я невольно улыбнулась. Какую бы сильную ненависть ни вызывала у меня Гартред, я должна была склонить голову перед ее умением держаться на плаву при любых обстоятельствах.

– Она видела Дика перед отъездом? – спросила я.

– Еще бы, – сказала Мэтти. – Он подошел к ней за завтраком и поздоровался. Она уставилась на него, не веря своим глазам, – я за ней наблюдала. Затем она спросила у него: «Ты прибыл утром с пехотой?» А он, постреленок, усмехнулся и ответил: «Я был здесь все это время».

– Неосторожный мальчишка, – заволновалась я. – Что она ему на это сказала?

– Она, мисс Онор, ответила не сразу. Она улыбнулась – а вы знаете, как она это делает, – и сказала: «Мне следовало догадаться об этом. Можешь сказать своей тюремщице, что ты не стоишь и одного серебряного слитка».

– И это все?

– Все. Вскоре она уехала. Она никогда не вернется в Менебилли.

И Мэтти принялась тереть мою спину сильными, столь хорошо знакомыми мне руками. Но Мэтти заблуждалась, ибо Гартред снова вернулась в Менебилли, как вы скоро об этом узнаете, и человек, который привез ее, был мой собственный брат. Но я забегаю вперед, поскольку у нас на дворе еще сентябрь 1644 года.

В первую неделю, пока мы набирались сил, мой зять со своим управляющим взялись за работу, чтобы выяснить, во что обойдется восстановление дома и поместья, которым был нанесен большой урон. Цифра выходила колоссальная, значительно превышавшая наши средства. Я и сейчас вижу, как он сидит в углу галереи, склонившись над большой расходной книгой, где каждое пенни, которое он потерял, было тщательно сосчитано и вынесено на поля. Да, потребуются месяцы, даже годы, чтобы восстановить дом и привести имение в его изначальное состояние. Пока продолжается война, о восстановительных работах не может быть и речи. Ну а после войны, как говорили пострадавшим, Корона позаботится о том, чтобы возместить ущерб. Но, думается мне, Джонатан знал цену подобным обещаниям и, как и я, считал, что празднества на западе были преждевременны. В один прекрасный день мятежники могут вернуться, и в этот раз чаша весов склонится в другую сторону.

А покамест все, что можно было сделать, так это спасти то, что осталось от урожая, – одно поле в четырнадцать акров, которое не тронули мятежники, но которому весьма досталось от дождя.

Так как дом Джонатана Рашли в Фое был разорен столь же ужасно, что и Менебилли, то и его семья осталась без крыши над головой, и мы приняли решение разделиться. Солы отправились к своему брату в Пенрайс, а Спарки – к другим родственникам в Тависток. Сами же Рашли с детьми, пока не будет починено крыло Менебилли, нашли временное пристанище у ближайших соседей. Я собиралась вернуться в Ланрест, когда с тяжелым сердцем узнала, что этот дом постигла еще более ужасная участь, чем Менебилли: его разрушили так, что не было никакой надежды когда-нибудь его восстановить.

Мне не оставалось ничего другого, как искать пристанища у своего брата Джо в Радфорде, поскольку хотя сам Плимут и удерживался парламентом, но окрестные земли находились в руках роялистов, и сдача гарнизона и порта была – если послушать наших оптимистов – вопросом самое большее трех месяцев.

Будь у меня возможность выбора, я бы предпочла жить одна в какой-нибудь пустой комнате в Менебилли, чем искать приюта в Радфорде у

чопорных домочадцев моего брата, но – увы! За эти несколько летних месяцев я стала одной из большого числа несчастных, лишившихся крова, и, превратившись в странницу, скитающуюся по дорогам войны, должна была подавить свое самолюбие и быть благодарной за гостеприимство, от кого бы оно ни исходило.

Я могла бы отправиться к своей сестре Сесилии в Матеркомб или к сестре Бриджет в Голбертон – они обе были куда более приятным обществом, чем мой брат Джо, который из-за своего официального положения в графстве Девон сделался каким-то холодным и спесивым, – но я выбрала Радфорд по той причине, что он находился рядом с Плимутом, а Ричард, в который уже раз, был назначен руководить осадой города. Бог знает, как могла я надеяться на то, что увижусь с ним, но я глубоко запуталась в сетях, которые сама же себе и уготовила, и ожидание весточки от него или краткого часового свидания с ним стало единственной целью моего существования.

– Почему бы тебе не поехать со мной в Баклэнд? – умолял меня Дик, поскольку за ним прислали его домашнего учителя Герберта Ашли, чтобы он забрал его домой. – Я был бы счастлив в Баклэнде, несмотря даже на присутствие отца, если бы ты тоже поехала и оставалась между мной и им.

– У твоего отца, – ответила я ему, – и без того хватает хлопот, чтобы еще заботиться о калеке.

– Ты не калека, – страстно заверил меня мальчик. – Ты просто слаба на ноги и поэтому должна сидеть, прикованная к своему креслу. Если бы ты поехала со мной в Баклэнд, я бы заботился о тебе, ухаживал за тобой вместе с Мэтти.

Я улыбнулась и провела рукой по его темным локонам.

– Ты будешь навещать меня в Радфорде, – сказала я, – и рассказывать о своих уроках: как ты фехтуешь, как танцуешь, как продвигается твой французский.

– Вот если бы я жил с тобой в одном доме! А так это будет совсем не то. Можно мне кое в чем признаться? Из тех, кого я знаю, я больше всего люблю тебя – сразу же после моей матери.

Что ж, это было достижением – вновь оказаться второй после Мэри Говард. На следующий день он отправился в путь со своим учителем. В парке он обернулся и помахал мне рукой, а когда скрылся из глаз, я расплакалась бесполезными и сентиментальными слезами.

«Что могло бы быть», «что было бы». Это самые грустные фразы в нашем языке. И снова ко мне возвращались, переплетаясь между собой, фантазии: малыш, который так никогда у меня и не родился, муж, которого

у меня никогда не было. Болезненные видения старой девы, как сказала бы Гартред.

Да, мне было тридцать четыре года, и я была старой девой и калекой, но шестнадцать лет назад были у меня мгновения, которые по-прежнему со мной – живые и нескончаемые, и, клянусь Богом, я была куда счастливее со своим единственным возлюбленным, чем Гартред со своими двадцатью.

Так что я снова пустилась в дорогу, Менебилли остался позади; у меня и в мыслях не было, что финальная драма этого дома еще впереди и что ей суждено разыграться в крови и слезах; при прощании я по очереди поцеловала всех моих дорогих Рашли и пообещала, что вернусь к ним, как только они будут в состоянии принять меня.

Джонатан проводил меня до самого Солташа, куда за мной прибыл Робин. Я испытала сильное потрясение, но не из-за тяжести этого дня, а из-за картин, которые наблюдала на дороге. Последствия войны – зрелище не из приятных.

Край был опустошен, и в этом был повинен враг. Загубленный урожай, разоренные фруктовые сады, дымящиеся развалины домов. Вернувшись, корнуолльцы отыгрались на взятых в плен мятежниках. Многие из них еще валялись во рвах, запыленные и облепленные мухами. У одних не было рук и ног, другие висели на деревьях. Это были оставшие солдаты, которые нашли свою смерть на дороге во время недавнего отступления; они были слишком слабы, чтобы пешком выбраться из Корнуолла, – на них нападали, стаскивали с них одежду и оставляли на съедение голодным псам.

Выглядывая из-за занавесок своего паланкина и видя все это, я тогда поняла, что война может превратить в зверя любого из нас и что мужчины и женщины одной со мной крови могут поступать в военную годину даже хуже, чем мужчины и женщины из восточных графств. Из-за этой гражданской войны мы – каждый из нас – оказались отброшенными на два столетия назад и уподобились тем полудикарям из пятнадцатого века, которые во время войны Роз без сожаления перерезали друг другу глотки.

В Солташе на рыночной площади стояли виселицы, тела повешенных мятежников еще не успели остыть, и когда, содрогнувшись от отвращения, я отвела от них глаза, то услышала, как Джонатан справляется у проходящего мимо солдата, какие прегрешения те совершили.

Статный, высокий парень, на нашивках которого красовался герб Гренвила, усмехнулся.

– Никаких, – сказал он, – за исключением того, что они мятежники, а значит должны быть повешены как собаки, каковыми они и являются.

– Кто же отдал такой приказ?

– Наш генерал, конечно же, сэр Ричард Гренвил.

Джонатан промолчал, но я заметила, каким серьезным было его лицо, и откинулась на подушки, чувствуя, что коль скоро это было дело рук Ричарда, а я его любила, то тут есть и моя вина и я несу ответственность за все это. Мы заночевали в Солташе, а утром прибыл с эскортом Робин, чтобы проводить меня через Теймар, а затем, по позициям роялистов, с внешней стороны плимутских укреплений, в Радфорд.

Робин выглядел здоровым и загоревшим, и я снова не без доли цинизма подумала о том, что мужчины, несмотря на их миротворческие заверения, рождены для войны и чувствуют себя на ней прекрасно. Робин служил не под командой Ричарда, а был пехотным полковником у сэра Джона Беркли в армии принца Мориса, он рассказал нам, что король решил не предпринимать решающего штурма Плимута, а предоставил Гренвилу взять город измором, в то время как он с принцем Морисом двинется на восток прочь из Девона в направлении Сомерсета и Уилтимера, чтобы там объединиться с армией принца Руперта и вступить в бой с еще не сдавшимися войсками парламента. Я мысленно сказала себе, что Ричард счел бы такую стратегию неудачной, поскольку Плимут был не какой-нибудь захолустный маленький городишко, а лучший, после Портсмута, порт во всей Англии, и для его величества было весьма важно захватить эту крепость и установить таким образом контроль над морем. Их не удалось взять измором прежде, отчего же это получится сейчас? Что нужно было Ричарду для штурма, так это оружие и люди. Но я была женщиной, и мне не полагалось разбираться в таких вопросах. Наблюдая со стороны за разговаривавшими Джонатаном и Робин, я уловила слово «Гренвил», а Робин сказал что-то о «жестоком обращении с пленными» и «ирландских методах, не подходящих для девонских жителей», и я догадалась, что Ричард уже восстановил против себя графство. Несомненно, в Радфорде я узнаю об этом больше.

Никому жестокость не претила так сильно, как мне, никто не скорбел об этой черте характера Ричарда с большей болью в сердце, но, когда мы пробирались к Радфорду, делая вынужденный круг по фортам вокруг Плимута, я с тайной гордостью отметила, что единственные, кто вел себя как подобает военным, были те, у кого на нашивках красовался герб Гренвила. Часть конницы Горинга была расквартирована в Сент-Бьюдо, и кавалеристы бездельничали в деревне, выпивая вместе с местными жителями, а часовой развалился па табурете: его большой рот разрывала зевота, у ног лежал мушкет. Из соседнего постоянного двора вышла группка смеющихся, раскрасневшихся офицеров, но часовой при виде их даже и не

подумал вскочить на ноги. Робин подошел к ним, чтобы обменяться приветствиями, а когда мы миновали деревню, он поведал мне, что самый раскрасневшийся в этой группе был не кто иной, как лорд Горинг собственной персоной – очень хороший человек и великолепный знаток лошадей.

– И это делает его хорошим командиром? – поинтересовалась я.

– Он полон отваги, – пояснил Робин, – и ринется очертя голову куда угодно. А только это и имеет значение.

И тут он принялся рассказывать мне о скачках, состоявшихся днем раньше буквально под носом у мятежников, и о том, что гнедой лорда Горинга обошел чалого лорда Вентворта на полголовы.

– Это так-то сражается армия принца Мориса? – спросила я.

Робин рассмеялся – он тоже считал все это прекрасным спортом.

Но на следующем посту, к которому мы подъехали, стояли уже люди Гренвила. Здесь дорогу преграждал барьер, возле которого дежурили вооруженные часовые, и, чтобы пройти через этот пост, Робину пришлось показать бумагу, подписанную сэром Джоном Беркли. Офицер гаркнул своим людям приказ, и те отвели барьер. Еще, быть может, человек двадцать их стояло возле потерны^[14], занимаясь чисткой снаряжения; они выглядели подтянутыми и крепкими, и было в них что-то трудно поддающееся определению, что отличало людей Гренвила. Я бы мгновенно узнала их, даже если бы не видела пунцового с необычным грифоном вымпела у входа в потерну.

В конце концов мы добрались через Плимсток до Радфорда и оказались в доме моего брата, и, когда мне показывали отведенные для меня покои, выходившие окнами на север, на реку в сторону Каттуотера и Плимута, я вспомнила о моем далеком дне рождения, когда мне исполнилось восемнадцать лет и когда Ричард приплыл в Зунд вместе с герцогом Бекингемом. Казалось, с тех пор прошла целая вечность, и сейчас я уже стала другой женщиной. Мой брат был теперь вдовцом, поскольку Элизабет Чампернаун умерла при родах почти перед самой войной, и мой самый младший брат Перси со своей женой Филиппой приехали, чтобы жить вместе с Джоном и приглядывать за его семилетним сынишкой Джо, коль скоро они были бездетными. Я никогда, даже в юности, не питала большой любви к Радфорду, и сейчас, оказавшись заключенной в это строгое казарменное строение, я испытывала тоску не столько по Ланресту и по тем дням, что я провела в нем, сколько по нескольким последним месяцам, проведенным в Менебилли; опасность, которую мне довелось там познать, и напряжение, которое пришлось испытать, сделали это место

удивительно дорогим мне. Комнаты над воротами между двумя дворами, длинная галерея, дорога на насыпи, с которой виден Гриббен и море, казались мне теперь родными, и даже Темперанс Сол с ее молитвами и Уилл Спарк с его высоким голосом были людьми, к которым я чувствовала привязанность из-за испытаний, выпавших на долю каждого из нас. Боевые действия, несмотря на всю близость Радфорда к Плимуту, не коснулись здешних обитателей, и разговор шел о неудобствах, которые им пришлось терпеть из-за того, что они живут под властью военных.

Прибывшая сюда прямо из разоренного дома и познавшая муки голода, я не могла не удивляться, слыша, как они жалуются в Радфорде на плохое с ними обращение, в то время как на столе у них было полно еды. Но не успели мы сесть за стол (мне не хватило наглости в первый вечер попросить подать мне ужин в комнату), как Джо пустился с жаром критиковать диктаторские замашки армии.

– Его величество счел нужным присвоить Ричарду Гренвилу звание генерала на западе, – сообщил он. – Очень хорошо. Мне нечего возразить против такого назначения. Но когда Гренвил пользуется своим положением и под предлогом того, что ему необходимо кормить армию, захватывает весь скот в радиусе тридцати миль и больше, и ущемляет права, и попирает чувства помещиков, повторяя одну-единственную фразу: «Военные нужды прежде всего», – нам всем пора выразить свой протест.

Если Джо и помнил о моем старом союзе с Ричардом, то в пылу разговора он весьма кстати забыл о нем. Не ведал он и о том, что в прошедшие недели юный Дик находился на моем попечении в Менебилли. Робин, не чаявший души в своем командире Беркли, с удовольствием вторил Джо.

– Беда в том, что Гренвил, – вставил Робин, – настаивает, чтобы его парням платили. Люди под его командой уподобляются наемникам. Ни свободного постоя, ни поборов, ни фуража, каких им хотелось бы, – все это тяжелым бременем ложится на таких людей, как мы, которым приходится снабжать армию деньгами.

– Вам известно, – продолжал Джо, – что комиссары^[15] графства Девон вынуждены выделять ему тысячу фунтов в неделю на содержание его армии. Говорю вам, это тяжело бьет по нам.

– Это ударило бы по вам еще сильнее, – сказала я, – если бы ваш дом был сожжен сторонниками парламента.

Они в изумлении уставились на меня, я заметила, что и юная Филиппа смотрит на меня, дивясь моей смелости. В Радфорде женщинам привычнее было молчать.

– По-видимому, моя дорогая Онор, – холодно произнес Джо, – подобного не произойдет.

И, повернувшись ко мне спиной, он снова стал твердить об оскорбленном девонском дворянстве и о том, как этот новоиспеченный генерал на западе холодно заявил им, что нуждается во всех их лошадях и мушкетах для осады Плимута и, если они не отдадут их ему добровольно, он пошлет роту солдат, чтобы забрать все это.

– Не вызывает сомнений, что этот субъект начисто лишен угрызений совести, – подал голос Перси, – но справедливости ради я должен сказать, все местные жители говорят мне, что пусть уж лучше у них в деревнях будут люди Гренвила, чем конница Горинга. Если Гренвил застает кого-либо из своих парней за грабежом, того тут же расстреливают. А люди Горинга оставлены без всякого присмотра и пьют с утра до вечера.

– Но согласись же, – нахмурился Робин, – Горинг со своей конницей заслуживают небольшого отдыха теперь, когда самое худшее уже позади. Бессмысленно заставлять парней ходить по струнке в течение всего дня.

– Робин прав, – сказал Джо, – некоторая вольность позволительна, чтобы поддержать в людях боевой дух. Иначе нам никогда не выиграть войны.

– Куда вероятнее, что вы ее проиграете, – заметила я, – если будете позволять им болтаться по деревне в расстегнутых мундирах.

Мое высказывание пришлось тем более некстати, что как раз в этот момент в комнату вошел слуга и объявил о приходе сэра Ричарда Гренвила. Он вошел тем стремительным шагом, что был мне так хорошо знаком, громко звеня шпорами о каменные плиты. Абсолютно не думая о впечатлении, которое это могло произвести, он, холодно кивнув Джо, как хозяину дома, сразу же направился ко мне, поцеловал мне руку и спросил:

– Какого черта ты приехала сюда, а не в Баклэнд?

То, что он сразу же поставил меня в неудобное положение перед моими родственниками, его не волновало. Я пробормотала что-то о приглашении брата и попыталась представить его обществу. Он поклонился Филиппе, но немедленно снова повернулся ко мне.

– Ты утратила дородность, которая столь красила тебя, – произнес он. – Ты теперь худа, как церковная крыса.

– То же случилось бы и с тобой, – ответила я, – если бы ты в течение четырех недель был пленником мятежников.

– Щенок целыми днями требует тебя, – продолжал Ричард. – Он прожужжал мне все уши о твоих достоинствах, так что меня уже тошнит от них. Я оставил его за дверью с Джозефом. Эй! Отродье!

Он развернулся на каблуках, окликая сына. Думается мне, я не встречала другого человека, кто мог бы за столь короткое время буквально заполнить своим присутствием всю комнату и превратиться, как это было в случае с Ричардом, в хозяина дома, который никоим образом ему не принадлежал. Джо сидел за столом с салфеткой в руке, а с ним Робин и Перси; они уподобились бессловесным слугам, ждущим, когда Ричард отдаст распоряжение. Дик – как всегда робкий и напуганный – осторожно проскользнул в комнату, при виде меня его темные глаза вспыхнули; за ним вошел юный Джозеф Гренвил, родственник и адъютант Ричарда, своими чертами лица и цветом волос столь походивший на генерала, что я уже не в первый раз задалась вопросом – да простит мне Господь мое назойливое любопытство, – уж не умышленно ли Ричард напускал туману, когда говорил о степени их родства, и не был ли юный Джозеф таким же его сыном, как и Дик. Да проклянет тебя Господь, думала я, за то, что ты плодил сыновей по всей округе еще даже до того, как я стала калекой.

– Вы ужинали? – спросил Ричард, дотрагиваясь до сливы. – Эти мальчишки, да и я тоже, не прочь съесть и второй ужин.

Джо, как говорится в таких случаях, покраснел до ушей и велел слугам принести обратно баранину. Дик протиснулся среди сидевших за столом и опустился на стул рядом со мной, как собачонка, отыскавшая свою потерянную хозяйку, и, пока ели, Ричард разглагольствовал об опрометчивости короля, двинувшегося на восток, не дождавшись, пока будет взят Плимут.

– С таким же успехом можно говорить со стеной, господи меня помилуй, – сказал Ричард с набитым бараниной ртом. – Он смыслит в военном деле не больше той дохлой овцы, что я сейчас глотаю.

Я заметила, что мои братья недоуменно переглядываются: чтобы генерал осмелился так критиковать своего короля?!

– Пока дышу, я буду сражаться за него, – говорил Ричард, – но для страны было бы куда проще, если бы он спрашивал совета у солдат. Набивай пищей свое брюхо, щенок. Разве тебе не хочется стать таким же красивым мужчиной, как Джо?

Я заметила, как Дик бросил на Джо быстрый взгляд, в котором блеснула ревность. Значит, Джо, несомненно, был любимцем. Какая между ними огромная разница во всем – один большой, широкоплечий, рыжеволосый; другой – маленький, с черными глазами и волосами. Я с завистью подумала, какая же пышущая здоровьем деревенская девица была матерью Джо, и жива ли она еще, и что с ней произошло? Но пока я думала над этими вопросами, обуреваемая ревностью, как и Дик, Ричард

продолжал:

– Во всем нужно винить этого проклятого адвоката, этого Хайда, выскочку из бог знает какого городишки, который теперь в качестве канцлера казначейства втерся в милость к королю. Его величество и пальцем не пошевелит, не спросив предварительно у него совета. Я слышал, Руперту это надоело и он вернулся в Германию. Будьте уверены, из-за таких вот, как этот субъект, мы и проиграем войну.

– Я встречался с сэром Эдвардом Хайдом, – прервал Ричарда мой брат. – Он показался мне весьма способным человеком.

– Способным, как моя задница, – резко бросил Ричард. – Всякий, кто распоряжается казначейством, должен для начала быть двуличным. Я ни разу не встречал еще такого адвоката, который бы не набил себе карманов, обобрав своих клиентов.

Он хлопнул по плечу юного Джозефа.

– Дай-ка мне табачку, – попросил он.

Юноша вынул из карманов своего мундира трубку и кисет.

– Да, я терпеть не могу всю эту породу. – Ричард выпустил облако дыма через весь стол. – И ничто не доставляет мне большего наслаждения, чем видеть их наказанными. Был один такой тип по имени Брабанд, который выступил против меня как адвокат моей жены в тысяча шестьсот тридцать третьем году в Звездной палате, – он, кажется, ваш сосед?

– Да, – холодно отозвался мой брат, – и в высшей степени порядочный человек, преданный в этой войне делу короля.

– Что ж, теперь ему уже будет этого не доказать, – сказал Ричард. – Я поймал его на днях – переодетый, он пробирался по девонским дорогам – и арестовал как шпиона. Мне пришлось ждать одиннадцать лет, чтобы схватить мерзавца.

– Что вы с ним сделали? – спросил Робин.

– Расправились на обычный манер. Наверняка ему очень хорошо на том свете.

Я заметила, как юный Джозеф, пытаясь скрыть смех, уткнулся носом в бокал с вином, а трое моих братьев уставились в свои тарелки.

– Осмелюсь заметить, – медленно произнес мой старший брат, – что с моей стороны было бы крайне опрометчиво обратиться к вам, генерал, хотя бы с одним-единственным словом порицания, но...

– С вашей стороны, сэр, – прервал его Ричард, – это было бы крайне опрометчиво.

И, на мгновение положив руку на плечо Джозефу, он встал из-за стола.

– Пошли, ребята, и по коням. Омор, я провожу тебя в твои покои. До

свидания, господа.

Я почувствовала, что, какой бы ни была моя репутация в глазах родни, она разлетелась в пух и прах, когда Ричард повез меня в комнату. Мэтти отослали на кухню, поэтому он сам положил меня на постель и сел рядом.

– Тебе куда лучше вернуться со мной в Баклэнд. Твои братья глупцы. Что до Чампернаунов, то парочка их есть у меня в штабе и от обоих нет никакого проку. Помнишь Эдварда, за которого тебя хотели выдать замуж? Глуп как пробка!

– И что я буду делать в Баклэнде, среди солдат? Что обо мне подумают?

– Ты могла бы присматривать за щенком и ухаживать за мной по вечерам. Я очень устал от общества солдат.

– Тут полно женщин, – заметила я, – которые могли бы дать тебе удовлетворение.

– Я пока не встретил ни одной такой.

– Подбирай их в кустах вдоль дороги, – посоветовала я, – а по утрам отсылай обратно. Это куда менее утомительно, чем носить меня на руках с рассвета до заката.

– Боже мой, – сказал он, – если ты думаешь, что мне хочется запрыгивать на какую-нибудь жирную девку после тяжелой дневной работы, когда я полностью выкладываюсь под стенами Плимута, то ты переоцениваешь мои силы. Ты что, не можешь помолчать, когда я тебя целую?

Внизу под окном Джо и Дик медленно прогуливались верхом взад и вперед по аллее.

– В комнату могут войти, – предупредила я.

– Пускай, – ответил он. – Какого черта меня должно это волновать!

Хотелось бы и мне относиться с тем же презрением к дому брата, что и он. Когда Ричард собрался идти, было уже темно, и я чувствовала себя такой же провинившейся, как в свои восемнадцать лет, когда я слезала с яблони.

– Я не для того приехала в Радфорд, – сказала я слабым голосом, – чтобы так себя вести.

– Я весьма смутно представляю, – отозвался он, – ради чего ты еще могла приехать!

Я подумала о Джо, Робине и Перси с Филиппой, которые сидели в нижнем зале, и о двух подростках, прогуливавшихся взад и вперед на лошадях под звездным небом.

– Ты поставил меня в весьма затруднительное положение, –

призналась я.

– Не беспокойся, любимая, я это сделал с тобой еще шестнадцать лет назад...

Он стоял, положив руку на дверную ручку и смеясь надо мной, меня же так и подмывало швырнуть в него подушкой.

– Ты распространялся о двуличных адвокатах, – припомнила я. – А как насчет твоего двуличия? Тот мальчик во дворе – твой драгоценный Джозеф, – ты сказал мне, что он приходится тебе родственником?

– Так оно и есть, – усмехнулся он.

– Кто была его мать?

– Одна работница на молочной ферме в Киллигарте. Весьма отзывчивая душа. Сейчас она замужем за фермером и мать его двенадцати крепышей-детей.

– Когда ты обнаружил Джозефа?

– Что-то около года назад, когда я вернулся из Германии и до того, как отправился в Ирландию. Сходство было безошибочным. Я взял немного сыра и горшок сметаны у его матери, и она, смеясь, вспомнила на кухне об этом происшествии. Она не затаила на меня зла. Мальчик был великолепен. Самое меньшее, что я мог сделать, это освободить ее от него. Теперь я ни за что на свете с ним не расстанусь.

– От этой сказки, – надулась я, – остается кисловатый привкус на губах.

– На твоих – возможно, но не на моих. Не будь такой сладкоежкой, любовь моя.

– Когда ты жил в Киллигарте, – сказала я, – ты ведь ухаживал за мной.

– Черт побери, я ведь не каждый день к тебе приезжал.

Какое-то время я слышала их смех у себя под окном, потом Ричард и Джозеф вскочили на лошадей и поскакали по аллее. Лежа в постели, я, уставившись в потолок, думала, что моя цветущая яблоня, столь долгое время остававшаяся ослепительно-белой, несколько поутратила свой блеск и превратилась в конечном счете в обычное дерево, но осознание этого, вместо того чтобы ввергнуть меня в пучину мучений, как это неминуемо случилось бы в прошлом, теперь, в мои тридцать четыре года, переносилось мной со спокойствием.

Глава 21

На следующий день я была полностью готова к тому, что мой брат объявится у меня с утра пораньше и ледяным тоном заявит, что он не позволит превращать свое жилище в публичный дом для солдатни. Такого рода речи мне уже были хорошо известны: занимаемое им положение, благополучие его юного сына, деликатные чувства Филиппы, нашей невестки, и, хотя настали необычные времена и из-за войны происходили странные вещи, все же людям нашего круга необходимо было соблюдать некоторые правила поведения. Я уже и в самом деле подумывала о том, чтобы отправиться под крыло Сесилии в Матеркомб, и уже заготовила свои извинения, когда до меня вдруг донесся знакомый топот марширующих солдат. Я велела Мэтти выглянуть в окно, и она сообщила мне, что по аллее вышагивает рота пехоты с нашивками, на которых герб Гренвила. Я почувствовала, что это лишь подольет масла в огонь, уже наверняка пылавший в груди моего брата.

Однако любопытство мое было слишком велико, и, вместо того чтобы, подобно провинившемуся ребенку, оставаться в своих покоях, я велела служанке отнести меня вниз, в холл. Там я застала своего брата Джо жарко спорящим с молодым румяным офицером, который без тени смущения совершенно невозмутимо заявил, что его генерал пришел к выводу, что Радфорд весьма удачно расположен для того, чтобы вести с него наблюдение за неприятельскими батареями в Маунт-Баттене, и желает получить часть комнат в доме для устройства здесь временной ставки, поэтому не будет ли мистер Джон Харрис столь любезен показать офицеру анфиладу комнат, выходящих окнами на северо-запад.

Офицер добавил, что мистеру Харрису не будет причинено никаких неудобств, поскольку генерал прибудет со своими слугами, поварами и запасами провизии.

– Я должен выразить протест, – услышала я голос брата, – это в высшей степени незаконно. Здесь нет никаких условий для солдат, сам же я перегружен работой по делам графства и...

– Генерал сказал мне, – резко оборвал его офицер, – что у него имеется приказ его величества, дающий ему право занять любую резиденцию в Девоне или Корнуолле, которая ему понравится. У него уже есть штаб в Баклэнде, Веррингтоне и Фитцфорде, и тамошним обитателям не было разрешено оставаться в доме, а было велено искать себе жилье в другом

месте. В намерения генерала, конечно же, не входит поступить с вами таким же образом. Могу я осмотреть комнаты?

Какое-то время брат молча смотрел на него, затем, повернувшись на каблуках, повел офицера по лестнице, по которой я только что спустилась. Я постаралась не встретиться с ним взглядом.

Все утро рота пехоты обустроивалась в северном крыле замка. Наблюдая за ними из длинного окна в зале, я видела, как повара и их помощники направлялись к дверям кухни, сгибаясь под тяжестью ошипанных кур и уток и свиных грудин, не говоря уже о бесконечных корзинах с бутылками вина. Филиппа со своей вышивкой села рядом со мной.

– Королевский генерал, – произнесла она кротко, – весьма печется о собственной персоне. Я не видела такого количества еды с той самой поры, как началась осада Плимута. Откуда, по-вашему, он получает все свои припасы?

Я разглядывала ногти, которые следовало бы привести в порядок, и поэтому мне не нужно было смотреть ей в лицо.

– Из многих домов, – ответила я, – которые он реквизирует.

– Но, если не ошибаюсь, – в голосе Филиппы зазвучала настойчивость, – Перси уверял нас, что сэр Ричард никогда не позволяет своим людям грабить.

– Возможно, – сказала я весьма непринужденно, – сэр Ричард смотрит на уток и бургундское как на реквизиции военного времени.

Спустя какое-то время она отправилась к себе в комнату, и, когда мой брат Джон спустился по лестнице, он застал меня одну.

– Что ж, – сурово заметил он, – полагаю, именно тебя мне надо благодарить за это нашествие.

– Мне об этом ничего не известно, – ответила я.

– Чушь. Вы спланировали это вместе вчера вечером.

– Ничего подобного.

– Чем же вы тогда занимались, запершись у тебя в комнате!

– Вспоминали о былом.

– Мне думается, моя дорогая Онор, – заговорил он после некоторой паузы, – что твое нынешнее состояние должно было бы сделать нетерпимым всякое упоминание о вашей прошлой близости; не может быть и речи о ее возобновлении.

– Я тоже так думала, – ответила я.

Он взглянул на меня, поджав губы.

– Ты всегда отличалась бесстыдством, еще в юности. Мы с Робинем и

сестрами ужасно тебя избаловали. И теперь, в свои тридцать четыре года, ты ведешь себя как работница с молочной фермы.

На мой взгляд, он вряд ли мог подобрать более неудачное сравнение.

– Мое поведение вчера вечером, – произнесла я, – весьма отличалось от поведения работницы.

– Рад это слышать. Но у нас, тех, кто был внизу, сложилось обратное впечатление. Репутация сэра Ричарда всем известна, и если он остается наедине с женщиной в запертой комнате почти два часа, то это наводит, по-моему, на одно предположение, и этому может быть дано лишь одно объяснение.

– По-моему, – ответила я, – этому может быть по крайней мере с дюжину объяснений.

После чего я поняла, что буду проклята навсегда, и не удивилась, когда он без дальнейших доводов покинул меня, лишь выразив напоследок пожелание, чтобы я с почтением отнеслась к крыше его дома, хотя слово «потолок», по-моему, было бы куда более подходящим словом.

За весь день я не почувствовала ни капли стыда, ни раскаяния, и, когда вечером появился разгоряченный Ричард и приказал подать ужин на двоих в покои, которые приготовили для него солдаты, я ощутила злорадное удовлетворение от того, что мои родственники сидят внизу в унылом молчании, в то время как мы с генералом наверху поедаем жареную утку.

– Коль скоро ты не соизволила приехать в Баклэнд, – говорил он, – мне волей-неволей пришлось перебраться к тебе.

– Ссориться с братьями женщины, – сказала я, – это значит всегда совершать ошибку.

– Твой брат Робин отбыл с конницей Беркли в Тависток, а Перси я отошлю с поручением к королю. Остается только избавиться от Джо. Можно было бы отправить его к королеве Франции.

Он завязал узелок на платке, чтобы не забыть.

– Ну и когда же падет Плимут?

Он покачал головой, на лице у него отразилось сомнение.

– Они усилили укрепления со времени нашей Корнуолльской кампании, и это самое неприятное. Прислушайся король к моему совету и задержись здесь со своей армией на две недели, мы бы сегодня уже владели этими землями. Так нет же. Ему нужно было послушаться Хайда и двинуться на Дорсет, а я вот здесь снова оказался в том же положении, что и на Пасху, только теперь у меня для этой работенки на тысячу человек меньше.

– Значит, тебе никогда не взять его приступом? – спросила я.

– Нет, пока мне не удастся увеличить численность армии примерно еще на одну тысячу человек, – сказал он. – Я сейчас пополняю свое войско как только могу. По всему графству отлавливаю дезертиров и набираю новых рекрутов. Но парням нужно платить. Иначе они не будут воевать, и я не осуждаю их за это. На кой черт им тогда это нужно?

– Откуда у тебя это бургундское? – поинтересовалась я.

– Из Ланхидрока. Я и понятия не имел, что у Джека Робартса такой хороший погреб. Я отправил все его бутылки в Баклэнд.

Он поднес свой бокал к канделябру и улыбнулся.

– Тебе известно, что лорд Робартс разорил Менебилли просто-напросто потому, что ты разграбил его поместье?

– Он на редкость тупоголовый тип.

– Когда речь заходит о грабеже, вы с ним друг друга стоите. Сторонник короля умеет так же хорошо разрушать, как и мятежник. Полагаю, Дик рассказал тебе, что Гартред была с нами в Менебилли?

– Что ей там было нужно?

– Серебряная посуда герцогства.

– Ей хочется побольше власти. Мне бы самому пригодилась эта посуда, чтобы выплатить солдатам жалованье.

– Она была очень дружна с лордом Робартсом.

– Мне еще не встречался мужчина, который бы ей не понравился.

– Весьма вероятно, что она шпионит для парламента.

– Ты заблуждаешься на ее счет. Чтобы добиться своих целей, она сделает что угодно, но такое... Ты забыла старую поговорку: из трех корнуолльских семей у Годолфина всегда будет в избытке ума, у Трелони – отваги, а вот у Гренвила – преданности королю. Гартред родилась и воспитывалась как член семьи Гренвил, не важно, что она готова переспать с каждым парнем в герцогстве.

«Брат, – подумала я, – всегда будет заступаться за сестру». Может быть, в этот самый момент Робин делает то же для меня.

Ричард встал и посмотрел в окно на стоявшие в отдалении Каттуотер и Плимут.

– Сегодня вечером, – произнес он спокойно, – я бросил кость, как игрок. Может, получится. Может, нет. Если все сложится удачно, Плимут к рассвету будет наш.

– Что ты хочешь этим сказать?

Он по-прежнему смотрел в окно, туда, где мерцали огни Плимута.

– Я связался со вторым человеком в командовании гарнизона, – сказал он тихо, – неким полковником Серлом. Не исключено, что за сумму в три

тысячи фунтов он сдаст мне город. Мне подумалось, что, чем и дальше продолжать попусту жертвовать человеческими жизнями, стоит испробовать подкуп.

Я молчала. Затея была рискованной и дурно пахивала.

– Как ты это устроил? – спросила я наконец.

– Юный Джо проберется сегодня на закате дня через позиции, – ответил он, – и на время спрячется в городе. Он несет полковнику мое послание, в котором я твердо обещаю выплатить три тысячи фунтов.

– Не по душе мне все это, – призналась я. – Из этого не выйдет ничего хорошего.

– Может, и так, – проговорил он равнодушно, – все ж таки стоит попытаться. Меня совсем не прельщает перспектива биться головой о ворота Плимута целую зиму.

Я подумала о юном Джо и о его дерзких карих глазах.

– Предположим, – произнесла я медленно, – они схватят твоего Джозефа.

Ричард улыбнулся.

– Мальчишка способен постоять за себя.

Но у меня перед глазами предстал лорд Робартс – такой, каким я видела его в последний раз, – в грязных сапогах и с каплями дождя, стекавшими по его плечам, угрюмый и мрачный из-за поражения, – и я поняла, как сильно он должен ненавидеть само имя Гренвила.

– Я буду на ногах с раннего утра, – сказал Ричард, – до того, как ты проснешься. Если к полудню услышишь залпы всех пушек, что расположены внутри крепостных стен, знай, это я после быстрого и кровопролитного боя вошел в Плимут.

Он обхватил руками мое лицо и поцеловал меня, а затем пожелал спокойной ночи. Но я никак не могла заснуть. Возбуждение, вызванное присутствием в этом доме Ричарда, перешло в беспокойное, напряженное состояние, всем своим нутром я сознавала, что он сделал ошибочный ход.

Я слышала, как около половины шестого утра он уехал со своей свитой, и затем, смертельно уставшая, измученная бесплодными размышлениями, погрузилась в тяжелый сон.

Когда я проснулась, было уже начало одиннадцатого. За окном стоял серый день, в воздухе чувствовался осенний холодок. Мне не хотелось завтракать, да и вообще не было желания вставать – так бы и осталась лежать в постели. До меня доносились звуки обычной возни в доме, шаги ходивших взад-вперед солдат в их крыле дома. В двенадцать часов я приподнялась на локте и стала смотреть в сторону реки. Пять минут

первого. Четверть первого. Половина первого. Пушечных залпов не было. Не прозвучало даже ни одного мушкетного выстрела. В два часа пошел дождь. Затем небо прояснилось, затем снова заморосил дождь. Пасмурный день тянулся медленно, казалось, ему не будет конца. Меня не покидало чувство тревоги. В пять Мэтти принесла мне на подносе обед, к которому я почти не притронулась. Я спросила у нее, не узнала ли она чего нового, она сказала, что нет. Но чуть позже, когда она пришла, чтобы забрать у меня поднос и задернуть шторы, на лице у нее читалось смывание.

– Что случилось? – спросила я.

– Да вот один из людей сэра Ричарда говорил сейчас часовому, – ответила она, – что сегодня в Плимуте творятся неважные дела. Один из лучших молодых офицеров взят в плен лордом Робартсом и приговорен военным советом к смерти. Сэр Ричард весь день предпринимал попытки выкупить его, но безуспешно.

– Кто это?

– Не знаю.

– Что будет с этим офицером?

– Солдат не сказал.

Я снова откинулась на подушки, закрыла глаза руками, чтобы на них не падал свет свечи. Предчувствия никогда меня не обманывали, а ведь на сей раз они не отпускали меня целую ночь и целый день. Быть может, проницательность – это качество, свойственное всем калекам. Позже я услышала цокот копыт по аллее и бряцание оружия: это вытягивались по стойке «смирно» часовые. Звук шагов – кто-то медленно и тяжело взбирался по лестнице, – затем они удалились в направлении комнат северного крыла здания. Громко хлопнула дверь, и наступила тишина. Я долго ждала, лежа на спине. За несколько минут до полуночи я услышала, как Ричард идет по коридору и шарит рукой по двери, ища ручку. Свечи задули, и было темно. Все в доме спали. Он подошел ко мне и встал на колени возле кровати. Я обхватила рукой его голову и прижала к себе. Довольно долго он стоял так, не говоря ни слова.

– Если тебе это может помочь, – прошептала я, – поделись со мной.

– Они повесили его над городскими воротами, чтобы мы могли видеть. Я послал роту, чтобы снять его, но она полегла под орудийным огнем. Они повесили его у меня на глазах.

Теперь, когда напряженное ожидание оборвалось и долгий тревожный день остался позади, меня охватило чувство отрешенности, которое овладевает каждым из нас, когда кризис миновал и становится ясно, что страдание выпало на долю другого.

Это уже было дело Ричарда – справиться со своим страданием. Я не могла сделать это за него. Я могла только обнять его в темноте.

– Эта крыса Серл, – говорил он прерывающимся голосом, до странности не похожим на голос моего Ричарда, – выдал план, и они схватили парня. Я сам отправился под стены крепости для переговоров с Робартсом. Я предложил им выкуп или обмен на любых условиях. Он мне не ответил. А пока я стоял там и ждал, они вздернули его на виселице над воротами.

Он не мог продолжать. Его голова покоилась на мне, и я держала его за руки, неистово сжимавшие лоскутное одеяло.

– Завтра могло случиться то же самое, – заметила я. – Пуля в голову. Удар копьем. Неудачное падение с лошади. Взгляни на его смерть с этой стороны. Джо погиб, служа тебе, как он того и хотел бы.

– Нет, – сказал он приглушенным голосом. – Это мой промах. На мне лежит вина, и мне не смыть ее никогда. Ошибка в оценке. Неверное решение.

– Джо бы простил тебя. Джо бы понял.

– Я сам не могу простить себя. Вот в чем мука.

Тогда я подумала о всех тех вещах, о которых мне хотелось напомнить ему. О том, что его самого нельзя назвать непогрешимым, да он таким никогда и не был, и этот удар судьбы не что иное, как жесткое напоминание об этом. Ему воздалось за его собственную жестокость к противнику – мера за меру. Жестокость порождает жестокость, предательство – измену; качества, которые он сам взрастил в себе за прошедшие годы, теперь рикошетом ударили по нему.

Люди в парламенте не забыли его вероломного поступка той весной, когда, притворившись их другом, он затем перебежал на сторону короля, прихватив с собой и их секреты. Они не забыли ни про казни без суда, ни о приговоренных к смерти пленных в Лидфордском замке, ни о длинной веренице солдат, вздернутых на виселицах на рыночной площади в Солташе. И лорд Робартс, чье родное поместье Ланхидрок было разорено и опустошено, а все добро растащено, видел суровую справедливость в том, чтобы лишить жизни посланца, который пришел с предложением подкупа и предательства.

И была ирония Сатаны или Всемогущего Господа в том, что этим посланцем оказался не какой-то далекий родственник, а сын Ричарда Гренвила. Все это пронеслось перед моим взором в тот момент, когда я держала в своих объятиях Ричарда. Развилка дороги. Либо понять из этой единичной трагедии, связанной со смертью юноши, что жестокость – это не

выход, что нечестность наносит и ответный удар, что если, не считаясь с мнением других, полагаться лишь на свое собственное, то за какой-то промежуток времени можно любого друга превратить во врага; либо не понять ничего и продолжать месяцами и годами оставаться глухим ко всякому совету, стать беспринципным, озлобленным, шельмой Гренвиллом, за голову которого назначено вознаграждение, Рыжим Лисом, на которого вечно будут указывать как на человека, начисто лишенного рыцарского духа, как на ненавистную противоположность его всеми любимого брата.

– Ричард... – прошептала я. – Ричард, моя драгоценная, моя единственная любовь...

Но он уже поднялся с колен, медленно подошел к окну и раздвинул шторы; он стоял там, и лунный свет падал на его руки, державшие шпагу, но лицо его оставалось в тени.

– Я отомщу за него, – сказал он, – каждой жизнью, которую я отниму. Отныне – никакой пощады. Никакого прощения. Никому не будет спасения. С этого момента у меня в жизни лишь одна цель – убивать мятежников. И чтобы делать это так, как мне хочется, я должен заполучить верховное командование, иначе меня ждет провал. Я больше не потерплю ни одного замечания от равных мне и не смирюсь ни с каким приказом от старших по званию. Его величество сделал меня генералом на западе, и, клянусь Богом, весь мир узнает об этом.

Тут я поняла, что все, что было в нем худшего, завладело его душой и телом и что ничто из того, что я скажу или сделаю, не поможет ему в дальнейшем. Будь мы мужем и женой или настоящими любовниками, я могла бы через тесную каждодневную близость как-то смягчить его нрав, но рок и обстоятельства сделали меня лишь тенью в его жизни, фантомом того, кем я могла бы стать. Он пришел ко мне сегодня вечером потому, что нуждался во мне, но ни слезы, ни протесты, ни заверения в моей вечной любви и нежности не отвратят его взор от мрачной и зловещей звезды, что манит его.

Глава 22

Последовавшие за этим полгода Ричард постоянно находился в Радфорде. Хотя его главная ставка была в Баклэнде и он часто разъезжал по всему Девону и Корнуоллу, набирая новых рекрутов, рота его солдат дежурила в доме моего брата, и его комнаты были всегда готовы принять его.

Приведенный им довод, будто из дома должно вестись наблюдение за крепостями Маунт-Баттен и Маунт-Стамфорд, был вполне справедлив, но, как я могла догадаться по сжатым губам брата, по тому, как Перси и Филиппа при одном лишь упоминании имени генерала переводили разговор на другие темы, именно мое присутствие в доме рассматривалось как причина этого несколько необычного выбора резиденции. И когда Ричард со всей своей свитой приезжал сюда на одну-две ночи, то не успевал он войти в дом, как я тут же приглашалась к обеду, и от этого страдала та малая толика доброго имени, что еще оставалась у меня. Наша с ним дружба считалась довольно странной и приносящей несчастье; мне кажется, махни я на все рукой и отправься жить к нему в Баклэнд, всем было бы лучше. Но именно это я упорно отказывалась делать, и даже теперь, оглядываясь назад, я не могу объяснить почему, поскольку это не передать словами. В глубине души у меня всегда жило опасение, что если я, решив разделить с ним его судьбу, буду находиться в слишком тесной близости к нему, то превращусь для него в обузу, и любовь, которую мы питаем друг к другу, перейдет в разочарование. Здесь, в Радфорде, он мог навещать меня, когда ему того хотелось, и мое присутствие подле него приносило ему умиротворение и отдых, оно его взбадривало и возбуждало, в каком бы настроении он ни был – в безрадостном или приподнятом, – я умела подладиться. Но если бы я упорно сидела в каком-нибудь углу его собственного дома, он бы мало-помалу начал ощущать тяжесть невидимой цели – притязания, которые выдвигает жена в отношении своего мужа, – и той восхитительной свободы, что была между нами, больше бы не существовало. Сознание моего увечья, которое столь счастливым образом не замечалось и действительно забывалось, когда он навещал меня в Радфорде, изводило бы меня, являясь вечным укором, живи я под одной с ним крышей в Баклэнде. Ощущение беспомощности, безобразной неполноценности превратилось бы в моем мозгу в навязчивую мысль, и, даже когда он был бы наиболее мил и неясен, я бы думала с каким-то

дьявольским проблеском интуиции: «Ему нужна другая».

Это была моя величайшая ошибка: мне не хватало смирения. Хотя шестнадцать лет дисциплины научили меня беспрекословно принимать свое увечье и мириться со своей судьбой, я была слишком горда, чтобы разделять ее со своим возлюбленным. Господи, чего бы я только не отдала за то, чтобы гулять с ним и скакать на лошади, двигаться и вертеться перед ним, чтобы обладать живостью и грацией.

Даже у какой-нибудь подзаборной цыганки, у трущобной нищенки и то было более завидное положение, чем у меня. Он говорил мне, улыбаясь поверх своего бокала с вином: «На следующей неделе ты отправишься ко мне в Баклэнд. Там есть комната, высоко в башне, окна которой выходят на долину и холмы. Когда-то она принадлежала моему деду, сражавшемуся на „Ривендже“^[16], и, когда Дрейк приобрел Баклэнд, он сделал эту комнату своей и развесил по стенам карты. Ты могла бы лежать там, Онор, грезя о прошлом и об Армаде. А вечерами я бы заходил к тебе, вставал на колени подле твоей постели, и мы могли бы поверить, что яблоня в Ланресте по-прежнему в цвету, а нам по восемнадцать лет».

Я представляла комнату такой, какой он ее описывал. С окном, из которого были видны холмы. Внизу – солдатские палатки. И развевающийся над башней пунцовый с золотом стяг. Я также представляла себе другую Онор, прогуливающуюся с Ричардом бок о бок по террасе, – такую, которая могла бы быть его подругой.

И я улыбнулась ему и покачала головой.

– Нет, Ричард, – сказала я. – Я не поеду в Баклэнд.

Так прошла осень и начался новый год. Весь западный край твердо стоял за короля, за исключением Плимута, Лайма и Тонтона, которые упорно отражали любые попытки покорить их, и двум морским портам, которым постоянно оказывали помощь суда парламента, по-прежнему не грозила голодная смерть. Пока эти крепости оставались непокоренными, его величество не мог полностью рассчитывать на западные земли, и хотя роялистские вожди пребывали в отличном настроении и выражали полную уверенность в успехе, жители края уже устали и измучились от войны, которая принесла им одни потери и высокие налоги. Думаю, что и у парламента дела обстояли таким же образом; не проходило и дня, чтобы из армии не дезертировали солдаты. Людям хотелось вновь оказаться дома, заняться привычными делами. Эта ссора господ их не касалась. У них не было желаний сражаться ни за короля, ни за парламент. «Чума на оба ваших дома» – такой стон стоял по всей стране. В январе Ричард сделался шерифом Девона и благодаря этим дополнительным полномочиям мог

набрать новых солдат и рекрутов, но то, как он взялся за дело, вовсе не пришлось по душе комиссарам графства. Он совсем не считался с ними, требуя как должное людей и денег, и при малейшем предложении заключал помещика под стражу и держал в тюрьме до тех пор, пока не получал выкупа.

Это были не слухи, пересказанные мне братом, а откровения самого Ричарда. Всегда беспринципный, если дело касалось денег, теперь, когда ему нужно было платить армии, он отбрасывал всяческую осторожность. Снова и снова я слышала от него в оправдание: «В стране идет война. Я профессиональный солдат и не буду командовать людьми, которым не платят. Пока у меня есть мандат от его величества, я ручаюсь за то, что буду кормить, одевать и вооружать те войска, что находятся в моем подчинении, чтобы они вели себя как мужчины и воины, а не скитались в отрепьях по стране, насилуя и грабя, подобно беспорядочному сброду под так называемым командованием Беркли, Горинга и прочих. Чтобы выполнить это, мне необходимы деньги. А чтобы заполучить деньги, я должен взять их из кошельков торговцев и помещиков Корнуолла и Девона». Мне кажется, с каждым днем они все больше и больше ненавидели его, а простой люд уважал его все больше. Войско Ричарда завоевало себе доброе имя своей высокой дисциплиной, так что слава о нем докатилась и до восточных графств, — именно из-за этого, мне думается, и стали прорастать в сердцах и умах его начальников первые семена зависти. Они не являлись профессионалами, как Ричард, это были люди с именем и состоянием, которым благодаря их положению в обществе сразу же в начале войны были отданы высокие командные посты, с тем чтобы они повели в бой вновь набранные армии. Это были праздные кавалеры, не имевшие боевого опыта, и, хотя многие из них были храбры и отважны, война, на их взгляд, состояла из яростной атаки на чистокровных скакунах — опасной и возбуждающей, превосходящей по скорости соколиную охоту, — и возвращения на свои квартиры после завершения драки, чтобы там есть, пить и играть в карты, в то время как солдаты, которыми они командовали, должны были сами о себе позаботиться, и им позволялось грабить деревни и обирать бедных жителей — это избавляло командиров от уймы неприятных дел и беспокойства, связанного с необходимостью что-либо организовывать. Так что я могу себе представить их раздражение, когда они слышали, как все превозносят людей Гренвила, расписывая, сколько им платят, как они накормлены и одеты, и я воображаю, как был рад сэр Джон Беркли, который командовал войсками в Эксетере и вечно выслушивал жалобы от простых людей на конницу лорда Горинга и пехоту

лорда Вентворта, доложить своему высшему начальству – принцу Морису, что, возможно, люди Гренвила и дисциплинированы, зато о самом Гренвиле от девонских и корнуолльских комиссаров нельзя было услышать ни одного доброго слова, а Плимут, несмотря на всю стрельбу и казни пленных мятежников, так до сих пор и не взят.

В депешах, которыми обменивался Джон Беркли с Ричардом и откуда тот время от времени со смехом зачитывал мне куски, я угадывала скрытый намек на то, что Беркли, сидя в Эксетере, где ему, в общем-то, нечего было делать, подумывал о том, что и для него самого, и для дела короля будет куда предпочтительнее, если он поменяется должностью с Ричардом.

– Они ждут, – говорил Ричард, – что я брошу своих парней на укрепления, ни капли не заботясь об их жизнях, и что, потеряв при таком штурме три четверти состава, я на следующей же неделе наберу пятьсот новобранцев. Командуй я неограниченными воинскими силами и имей я бог знает сколько вооружения – трехдневный артиллерийский обстрел превратил бы Плимут в пепел. Но с тем малым количеством и того и другого, что имеется в моем распоряжении, я не могу надеяться на то, что возьму крепость раньше весны. Пока же я ежедневно изматываю этих свиней – это больше, чем делал когда-либо Дигби.

Блокада Плимута с суши была полной, но поскольку мятежники владели Зундом, то припасы и помощь доставлялись им морем, – в этом и заключалась истинная разгадка их успеха. Все, что мог сделать Ричард как командующий осадой, – это изматывать силы защитников города постоянными внезапными атаками на наружные позиции в надежде, что со временем они ослабнут и сдадутся.

Это было тяжелое, безнадежное дело, и единственные, кто снискал и славу, и похвалы за стойкость духа, были осажденные горожане.

Сразу после Рождества Ричард решил отослать Дика с его учителем Гербертом Ашли в Нормандию.

– Он не может больше находиться в Баклэнде, – пояснил Ричард. – С тех пор как погиб Джо, я приставил к щенку охранника, который смотрит за ним дено и нощно. Мне не дает покоя мысль о том, что вдруг мятежники совершат вылазку, а он – в такой близости от неприятеля. Он отправится в Кан или Руан, а когда все закончится, я вновь пошлю за ним.

– Ты никогда не подумывал о том, – сказала я неуверенно, – чтобы отослать его обратно в Лондон, к матери?

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

– Отпустить его к этой ведьме с песьей мордой, – удивленно переспросил он, – чтобы он из маленькой рептилии, каковой является уже

сейчас, превратился в большую? Да я скорее немедленно отправлю его к Робартсу, и пусть тот его повесит.

– Он любит ее, – произнесла я. – Она ему мать.

– Так и щенок жметя к вскормившей его своим молоком дворняжке, но стоит его отлучить от нее, как он тут же забывает ее запах. У меня только один сын, Онор, и, если он не станет моей гордостью, не превратится в такого мужчину, как хочется мне, он мне не нужен.

Ричард резко сменил тему, и это в очередной раз напомнило мне, что я уже давно сделала выбор – быть его другом, а не женой, приятельницей, а не любовницей, и что не мое это дело – соваться в его отношения с сыном. И вот Дик примчался в Радфорд, чтобы попрощаться со мной; он обнял меня и сказал, что очень сильно меня любит.

– Если бы только ты могла поехать со мной в Нормандию, – говорил он.

– Может быть, – отвечала я, – ты не долго там пробудешь. И в любом случае там все будет внове для тебя, ты обзаведешься друзьями и будешь счастлив.

– Отец не желает, чтобы я обзаводился друзьями. Я много раз слышал, как он говорил об этом с мистером Ашли. Он говорил, что в Кане мало англичан и что было бы лучше поехать туда, а не в Руан, и что я не должен ни с кем говорить, и мне нельзя никуда ходить, не поставив в известность мистера Ашли и не испросив у него разрешения. Я знаю, в чем тут дело. Он боится, что я могу налететь на кого-нибудь, кто дружен с моей матерью.

Мне нечего было возразить на этот довод: я чувствовала, что это правда.

– И я не узнаю тебя, – я заставила себя улыбнуться, – когда мы увидимся снова. Уж мне ли не знать, как быстро растут мальчики, как только им исполняется пятнадцать лет. Я это видела на примере моего брата Перси. Через полгода ты станешь юношей с кудрями по плечи, страстно влюбленным в поэзию.

– Хорошенькие же стихи я напишу, – надулся он, – каждый день болтая по-французски с мистером Ашли.

Я подумала, что, будь я и в самом деле его мачехой, я могла бы помешать его отъезду, да, но, если бы я и в самом деле была его мачехой, он бы возненавидел меня. Так что, с какой стороны я ни смотрела на это дело, проблему Дика было не решить. Ему следовало смело глядеть в лицо будущему, как это делал его отец. Итак, Дик с робким Гербертом Ашли пустились в плавание к берегам Нормандии в последний день декабря, взяв с собой вексель на двадцать фунтов – все, что смог им выделить генерал на

западе. Дик же помимо этого увозил с собой мою любовь и благословение, которые ничем не могли ему помочь. И когда Дик с мистером Ашли качались на волнах в Ла-Манше между Фалмутом и Сен-Мало, Ричард готовился к штурму Плимута, который на сей раз, если верить его обещаниям, должен быть удачным. Я и сейчас еще вижу, как он сосредоточенно размышляет над картой укреплений Плимута в своей комнате в северном крыле Радфорда. Когда я попросила взглянуть на нее, он со смехом подвинул ее мне, сказав, что ни одна женщина не в состоянии разобраться в этих отметках и крестиках.

И он оказался прав, поскольку мне ни разу не доводилось видеть карты, более испещренной точками и линиями. Но даже мой неопытный глаз мог заметить, что сеть укреплений и в самом деле была впечатляющей, ибо для того, чтобы подобраться к городу и крепости, необходимо было сперва проделать проход в цепи внешних фортов. Он подошел, встал со мной рядом и указал пером на красные крестики на карте.

– Здесь на севере выстроились в одну линию четыре форта, – начал объяснять он, – Пенникомектив, Модлин, Холиуэлл и Липсон. Я предлагаю захватить их все. Заняв их, мы развернем пушки против самой крепости. Мой главный удар придется на Модлин, на другие же форты будет произведено нечто вроде ложной атаки, чтобы вызвать огонь на себя.

Как всегда перед большой схваткой, он был в приподнятом настроении; складывая карту, он внезапно спросил:

– Ты ведь никогда не видела моих парней при полном параде накануне сражения? А тебе бы этого хотелось?

Я улыбнулась:

– Уж не предлагаешь ли ты мне стать твоим адъютантом?

– Нет, я беру тебя с собой. Мы пообедем посты.

Был холодный погожий январский день, часы показывали три. Одну из повозок превратили в паланкин для меня, и мы с Ричардом, ехавшим рядом верхом на лошади, отправились осматривать его армию.

Это было грандиозное зрелище, которое даже сейчас, когда все давно закончилось и осада Плимута уже забыта – память о ней хранят лишь официальные записи в городском архиве, – я не могу не вспоминать с благоговением и гордостью. Основная часть его армии расположилась в полях за маленьким приходом Эгг-Баклэнд (не путать с Баклэндом-Монахорумом, где у Ричарда находился штаб), и поскольку там не были предупреждены о нашем приезде, то люди и не помышляли о смотре, а занимались своим делом, готовясь к грядущему штурму.

Первыми о прибытии генерала оповестили вскочившие по стойке

«смирно» часовые у входа в лагерь, немедленно раздалась барабанная дробь, за которой чуть в отдалении последовала вторая, а затем третья, четвертая, так что за короткое – таким оно мне показалось – время воздух вокруг меня наполнился барабанной дробью: это в каждой роте давали сигнал тревоги. И мгновенно на мачте взвился пунцовый с золотыми полосами вымпел и затрепетал в бодрящем, холодном воздухе.

Перед нами возникли два офицера, они приветствовали нас шпагами. Ричард в ответ чуть заметно махнул рукой, меня сняли с повозки, и обход лагеря начался. Мое кресло катил молодой рослый капрал.

Я и сейчас ощущаю дым костров, голубыми клубами поднимавшийся в небо, и вижу склонившихся за стиркой над корытами и сидевших перед котлами солдат, вскакивавших при нашем приближении и замиравших по стойке «смирно» подобно стальным стержням. Пехота была размещена отдельно от конницы, и сперва мы осмотрели ее: крупные, мускулистые парни ростом в пять футов десять дюймов и выше – Ричард питал презрение к малорослым и не брал их. Кожа у них была загорелая и чистая – по словам Ричарда, результат жизни на свежем воздухе.

– Солдаты Гренвила не определяются на постой в крестьянские дома, – сказал он, – ибо результат этого всегда один и тот же: лень и потеря дисциплины.

У меня еще свежи были воспоминания о том, как выглядел батальон мятежников, занявших Менебилли. Хотя при первом появлении они и произвели сильное впечатление своими плотными шлемами и мундирами, но очень скоро утратили свой лоск; по мере того как одна неделя сменяла другую, они делались все неопрятнее и грубее, а с угрозой поражения просто превратились в охваченную паникой лондонскую толпу.

Иной отпечаток лежал на людях Ричарда: их по большей части набрали на фермах и болотах Корнуолла и Девона, и это были и по своим речам, и по происхождению простые деревенские парни, попав же под его начало, они через несколько месяцев превращались в профессиональных солдат, сообразительных и проворных, восхищавшихся своим командиром, что проявлялось в том, как высоко они держали голову, когда он к ним обращался, и какой гордостью искрились их глаза. Станный смотр. Я – в своем кресле, на плечи наброшена пелерина с капюшоном, рядом со мной идет Ричард, пылают лагерные костры, на срезанном дерне блестит иней, и всякий раз, когда мы подходим к новой роте, выбивают свою дробь барабаны.

Конница была расположена на следующем поле, и мы наблюдали, как чистили и поили на ночь красивых, холеных животных, многие из которых

– что отнюдь не являлось для меня тайной – были взяты в имения мятежников; лошади били копытами по затвердевшей земле, позвякивали сбруей, а пар от их дыхания поднимался в холодном воздухе, как дым от костров.

За Теймаром, уже в Корнуолле, садилось огненно-красное солнце; опускаясь за холмы, оно бросило последний тусклый зловещий луч на форты Плимута, расположенные к югу от нас.

Мы различили крохотные, казавшиеся черными точками фигурки часовых неприятельской армии на наружных укреплениях, и я подумала о том, скольким людям Гренвила, что окружали меня сейчас, придется принести себя в жертву громовым залпам пушек мятежников. Напоследок, когда настал вечер, мы наведались на передовые посты. Там мы уже не увидели ни чистки снаряжения, ни чистки лошадей; нас встретили безмолвные, неподвижные фигуры, люди для штурма были легко одеты, разговаривали мы шепотом, поскольку от неприятельских укреплений нас отделяли какие-то двести ярдов.

Стояла суровая, жуткая тишина. Штурмовой отряд казался в сгущавшейся темноте смутными фигурами, потому что солдаты вымазали себе лица черной краской, чтобы стать менее заметными, и я ничего не могла различить, кроме светящихся белков да обнажавшихся в улыбке белых зубов.

Они сняли из-за ночной атаки нагрудники, а в руках у них были копья с острыми стальными наконечниками. Слегка коснувшись одного из них, я вздрогнула.

На последнем посту, который мы посетили, часовые оказались не столь проворными, как в других местах, и окликнули нас не сразу. Я слышала, как Ричард сделал резкое замечание дежурившему молодому офицеру. К нам подошел полковник пехотного батальона, в чьем командовании находился пост, чтобы извиниться перед Ричардом лично, и я узнала в нем своего бывшего поклонника Эдварда Чампернауна, шурина Джо. Он довольно церемонно поклонился мне, затем повернулся к Ричарду. Я услышала, как он, запинаясь, пробормотал какие-то извинения, затем оба отошли на небольшое расстояние. Вернулся Ричард молчаливым, мы повернули назад, к моей повозке и эскорту, и я поняла, что осмотр закончен.

– Тебе придется вернуться в Радфорд одной, – сказал он. – Я дам тебе сопровождающих. Это не будет опасно.

– А как грядущее сражение? – спросила я. – Ты веришь в успех?

Он долго молчал, прежде чем ответить.

– Да. Да, надеюсь. План хорош, да и люди – лучше не сыщешь. Вот если бы только мои заместители были понадежнее. – Он кивнул в сторону поста, на котором мы только что были. – Что до твоего бывшего воздыхателя Эдварда Чампернауна, то мне порой кажется, что уж лучше бы ему командовать утиной стаей. У него еще бывают проблески ума, когда он прилипает своим носищем к карте, будучи в десяти милях от неприятеля, но дай ему задание в поле, когда до неприятеля сотня ярдов, и он тут же теряется.

– Ты не можешь его кем-нибудь заменить? – поинтересовалась я.

– Не в такое время. Мне теперь придется рискнуть с ним.

Он поцеловал мне руку и улыбнулся. Лишь когда он развернулся и скрылся из глаз, я вспомнила, что так и не спросила у него, не потому ли он не стал возвращаться со мной в Радфорд, что решил сам повести людей на штурм.

Повозка медленно тряслась по дороге, что вела к дому моего брата, мужество покинуло меня.

Атака началась на следующее утро незадолго до рассвета. Первое, что услышали мы у себя в Радфорде, был отзвук пушечной стрельбы на другой стороне Каттуотера – нам трудно было понять, велся ли огонь из самой крепости или с наружных укреплений, – но около полудня до нас дошла весть о том, что три из четырех фортов захвачены и удерживаются королевской армией, а штурмом самого ужасного из фортов, Модлина, руководил лично сам генерал. Пушки развернули, и осажденные в Плимуте впервые извели на себе огонь своих собственных батарей, который теперь велся по стенам города. Из моего окна ничего не было видно, одно лишь облако дыма, повисшее в небе подобно занавесу, да временами, поскольку ветер дул с севера, мне казалось, я слышу отдаленные крики осажденных в крепости.

Когда до наступления сумерек оставалось три часа, пришли недобрые вести. Мятежники контратаковали и отбили два форта. Судьба Плимута теперь зависела от того, удастся ли мятежникам вернуть утерянные ими позиции и выбить роялистов с небольшого плацдарма, а главное – из форта Модлин. Я смотрела на заходившее солнце, как делала это днем раньше, и думала обо всех тех – и мятежниках, и роялистах, – кто поплатился своими жизнями в эти двадцать четыре часа. В половине шестого мы собрались в гостиной на обед; во главе стола, по своему обыкновению, сидел мой брат Джо, по правую руку от него – Филиппа, а слева – его юный сын Джон, совсем маленьким лишившийся матери. Мы ели молча, никому из нас не хватало духу вести разговор, когда в каких-то милях от нас висела на

волоске судьба сражения. Мы почти покончили с обедом, когда внезапно нашим взорам предстал мой брат Перси, отправившийся до этого в сторону Плимута за новостями.

– Победа сегодня осталась за мятежниками, – сообщил он хмуро. – Они выбили Гренвила, который потерял триста человек, атаковали форт со всех сторон и в конце концов меньше часа назад захватили его. По-видимому, прикрывавшим Гренвила отрядам, которые должны были прийти ему на подмогу и склонить чашу весов к успеху, не удалось пробиться к нему. Ужасный промах с чьей-то стороны.

– Вне всякого сомнения, это вина самого генерала, – холодно заметил Джо. – Он чересчур доверился другим.

– Они там, в Тавистоке, говорят, Гренвил стрелял в отвечавшего за это офицера, поскольку он не выполнил приказ, – сказал Перси, – и теперь тот лежит в палатке с пулей в голове. Они не говорили мне, кто он, но мы все равно знаем об этом.

У меня не выходили из головы те триста человек, что лежали сейчас, обратив свои лица к звездам, меня переполняли отвращение к войне, ненависть к пушкам, пикам, крови, к боевым призывам. Бравые парни, которые улыбались мне накануне вечером, такие сильные, такие молодые и уверенные в себе, были теперь кормом для чаек, что устремлялись вниз и ныряли в Зунд, и это Ричард, мой Ричард, повел их на смерть. Я не могла его осуждать. Бросая их на штурм, он лишь исполнял свой долг. Он был солдатом...

Когда я отвернулась, чтобы позвать слугу и велеть ему отвезти мое кресло в комнату, вошел молодой секретарь, служивший у моего старшего брата в девонской комиссии. Он был очень взволнован и попросил брата уделить ему время для беседы.

– В чем дело? – коротко спросил Джо. – Здесь нет посторонних, только члены моей семьи.

– Полковник Чампернаун лежит в Эгг-Баклэнде смертельно раненный, – заговорил секретарь. – И пострадал он не в сражении, а от пули самого генерала, когда вернулся в штаб.

Наступила полная тишина. Джо, побелевший и напрягшийся, поднялся со стула, и я увидела, как он развернулся и посмотрел на меня; то же самое сделал и мой брат Перси. Меня озарила догадка, я поняла, что они подумали. Эдвард Чампернаун, который приходился Джо шурином, семнадцать лет назад был претендентом на мою руку, и оба они – и Джо, и мой брат Перси – в этой ужасной ссоре после жаркого боя увидели не столкновение двух военных, а некую стычку частного порядка, вызванную

ревностью, – этакое сведение счетов.

– Это, – медленно проговорил мой старший брат, – начало конца Ричарда Гренвила.

Его слова резанули мой слух холодом стали, и, поспешно окликнув слугу, я велела ему отвезти меня в мою комнату.

На следующий день я уехала в Матеркомб к своей сестре Сесилии, поскольку мне не представлялось возможным и дальше оставаться под крышей дома брата. Вендетта началась.

Мой старший брат, имея у себя за спиной внушительное семейство Чампернаунов и поддержку влиятельных семейств графства Девон и большей части членов комиссии, настаивал на смещении сэра Ричарда Гренвила с его должности шерифа и командующего королевскими частями на западе. Ричард ответил ему тем, что выставил Джо из Радфорда, дабы использовать дом и поместье как плацдарм для нового штурма Плимута.

Мы с Поллексефенами были отрезаны снегами в Матеркомбе, и я почти ничего не знала о том, что происходит, а Сесилия с превосходным тактом и деликатностью избегала этой темы. Сама же я не получила от Ричарда ни одной весточки с того самого вечера, как простилась с ним перед сражением, и теперь, когда он ввязался в бой как с недругами, так и с бывшими друзьями, я подумала, что мне лучше хранить молчание. Ему было известно мое местонахождение, поскольку я написала ему об этом, так что он мог ко мне приехать, если бы захотел. В конце марта началась оттепель, и мы получили первые за многие недели вести из внешнего мира.

Мирные переговоры между королем и парламентом ни к чему не привели, поскольку Аксбриджский договор не оправдал ожиданий, и война, похоже, должна была разгореться с еще большей силой, чем раньше.

Парламент, по доходившим до нас слухам, сформировал армию «Новая модель»^[17], способную, по мнению знатоков, смести все со своего пути, а король, со своей стороны, издал и направил своим противникам эдикт, в котором говорилось, что, если мятежники не раскаются, их ждет проклятие, разорение и бесчестие. Юный принц Уэльский, похоже, получил титул верховного командующего всеми силами на западе и отправился в Бристоль, но, поскольку это был всего лишь пятнадцатилетний юноша, подлинная власть переходила к Совету, во главе которого стоял канцлер казначейства Хайд.

Я помню, как покачал головой Джон Поллексефен, когда услышал эти новости.

– Теперь пойдут вечные стычки между Советом принца и генералами, – сказал он. – Каждый будет стремиться отменить

распоряжение другого. Адвокаты и солдаты никогда не ладят между собой. И пока они так будут враждовать, пострадает дело короля. Не по душе мне все это.

Я подумала о Ричарде и о том, как он однажды поделился со мной той же мыслью.

– Что происходит в Плимуте? – спросила моя сестра.

– Пат, – ответил ее муж. – Чтобы заблокировать крепость, оставили около тысячи человек, а с остальными Гренвил отправился в Сомерсет на соединение с Горингом – готовить осаду Тонтон. Началась военная кампания.

Скоро будет год, как я покинула Ланрест и отправилась в Менебилли. Снег в Девонской долине, где стоит дом Сесилии, растаял, и появились крокусы и нарциссы. Я не строила планов. Я сидела и ждала. Кто-то принес слух, что в верховном командовании царят весьма неприязненные отношения и что Гренвил, Горинг и Беркли перессорились между собой.

Март сменился апрелем. Вовсю цвел золотистый утесник. И вот в первый день Пасхи прискакал всадник, на котором красовалась кокарда Гренвила. Он тотчас спросил госпожу Харрис и, церемонно поздоровавшись, протянул мне письмо.

– Как это понять? – поинтересовалась я, прежде чем сорвать печать. – Что-нибудь случилось?

У меня пересохло в горле и задрожали руки.

– Генерал тяжело ранен, – ответил солдат, – в сражении перед Веллингтон-Хаус в Тонтоне. Опасаются за его жизнь.

Я распечатала письмо и прочла несколько строк, написанных нетвердым почерком.

Дорогая, – писал он, – это суций ад. Похоже, я могу потерять ногу, если не саму жизнь. У меня огромная зияющая дыра в бедре ниже паха. Теперь я знаю, какие муки приходится терпеть тебе. Приезжай и научи меня терпению. Я люблю тебя.

Я сложила письмо и, повернувшись к гонцу, спросила у него, где лежит генерал.

– Я выехал, когда они перевезли генерала из Тонтон в Эксетер, – ответил он. – Его величество прислал своего личного хирурга для ухода за сэром Ричардом. Генерал был очень слаб и велел мне, не задерживаясь, скакать к вам и передать вот это.

Я взглянула на Сесилию, стоявшую возле окна.

– Пожалуйста, вели Мэтти упаковать мою одежду, – попросила я, – и спроси у Джона, не мог бы он уладить вопрос с паланкином и лошадьми. Я

еду в Эксетер.

Глава 23

В Эксетер мы отправились по южной дороге, и на каждой остановке в тот день я ожидала, что услышу весть о смерти Ричарда.

Тотнс, Ньютон-Аббот, Ашбартон – каждый последующий отрезок пути казался длиннее предыдущего, и когда по истечении шести дней я достигла столицы Девона и увидела большой собор, возвышающийся над городом и рекой, у меня было такое ощущение, будто я провела в пути много недель.

Ричард был жив. Это первое, о чем я спросила, и единственное, что имело для меня значение. Его поместили в гостинице на Соборной площади, куда я тут же и отправилась. Он один занимал целый дом, и перед дверью стоял часовой.

Когда я представилась молодому офицеру, появившемуся из внутренних покоев, то рыжеватый оттенок его волос и что-то знакомое в осанке заставили меня смолкнуть на мгновение. Его обходительная улыбка дала мне ключ к отгадке.

– Вы Джек Гренвил, сын Бевила, – обратилась я к нему, вспомнив, как однажды перед войной он приезжал со своим отцом в Ланрест, а также – как в то памятное посещение Стоу в 1628 году я купала его, тогда еще ребенка. Но этого я ему не сказала.

– Дядя будет счастлив видеть вас, – произнес он, когда меня вынимали из паланкина. – С тех пор как он написал вам, он больше ни о чем другом и не говорит. Он прогнал от себя с десятков женщин, не меньше, чертыхаясь и говоря, что они грубы и не знают своего дела, не в состоянии даже наложить повязку на рану. «Этим займется Мэтти, – говорил он, – а я буду разговаривать с Онор».

Я заметила, как Мэтти при этих словах вспыхнула от удовольствия и сразу же заважничала перед капралом, тащившим на себе наши сундуки.

– А как он? – спросила я, когда мое кресло установили в большой гостиной, которую, судя по длинному столу посередине, превратили в столовую для генеральской свиты.

– Последние три дня ему лучше, – ответил племянник Ричарда, – но поначалу мы думали, что лишимся его. Сразу как дядю ранило, я обратился с просьбой к принцу Уэльскому позволить мне ухаживать за генералом. Я привез его сюда из Тонтона. А теперь он говорит, что не отпустит меня назад. Да и у меня самого нет никакого желания уезжать.

– Вашему дяде хочется, чтобы рядом с ним был кто-то из Гренвиллов, –

предположила я.

– Я знаю одно, – проговорил молодой человек, – ему больше по душе общество моих ровесников, чем людей его возраста, что я лично рассматриваю как большой комплимент.

В эту минуту слуга Ричарда спустился по лестнице со словами, что генерал желает немедленно видеть госпожу Харрис. Я сначала заглянула в предназначенную мне комнату, где Мэтти вымыла меня и поменяла мое платье, а затем в своем кресле на колесах проследовала в комнату Ричарда.

Она выходила окнами на вымощенную булыжником площадь. Когда мы с Мэтти показались в дверях комнаты, большой соборный колокол за окном прозвонил четыре раза.

– Черт бы побрал этот проклятый колокол, – произнес из кровати в дальнем углу, скрытой за темным пологом, знакомый голос, прозвучавший сильнее, чем я смела на то надеяться. – Я десятки раз просил мэра этого проклятого города заставить его умолкнуть, но так ничего и не было сделано. Гарри, ради бога, запишите это у себя.

– Да, сэр, – поспешно ответил стоявший возле кровати высокий юноша, делая пометки на своих табличках.

– И поправь подушки! Да не так, как неуклюжий олух, у меня под головой. Где, к черту, Джек? Джек единственный, кто знает, как я люблю, чтобы они лежали.

– Я здесь, дядя, – отозвался племянник, – но теперь нужда во мне отпадает. Я привел к вам кое-кого, чьи руки попроворнее моих.

Он, улыбаясь, подтолкнул мое кресло к кровати, и я увидела, как высунувшаяся рука Ричарда отдернула полог.

– А-а! – глубоко вздохнул Ричард. – Ты все-таки приехала.

Он был мертвенно-бледным. И от этого, быть может, его глаза казались еще больше. Его рыжеватые волосы были коротко подстрижены, что придавало ему странно моложавый вид. Впервые я заметила в нем сходство с Диком. Я взяла его руку и пожала ее.

– Прочитав твое письмо, я не стала медлить ни минуты, – сказала я.

Он повернулся к двум юношам, стоявшим подле его кровати, – своему племяннику и тому, кого он называл Гарри.

– Уходите оба, – приказал он, – и если этот чертов хирург покажет свой нос, скажите ему, чтобы он убирался ко всем чертям.

– Есть, сэр, – ответили они, щелкнув каблуками, и могу поклясться, что, когда они выходили из комнаты, юный Джек Гренвил подмигнул своему приятелю.

Ричард поднес мою руку к своим губам и прижался к ней щекой.

– Со стороны Всевышнего это добрый жест, – произнес он. – И ты, и я – мы оба поражены в бедро.

– Тебе больно? – спросила я.

– Больно ли мне? Боже мой, осколки пушечного ядра, попадая ниже паха, жгут сильнее поцелуя женщины. Конечно, мне больно.

– Кто осматривал рану?

– Ее пересмотрели все армейские хирурги, и при этом каждый делал больше глупостей, чем его предшественник.

Я позвала Мэтти, и она тут же появилась из-за двери с чашей теплой воды, бинтами и полотенцами.

– Здравствуй, баранья мордашка, – приветствовал ее Ричард. – Со сколькими капралами ты переспала по дороге?

– У меня не было на это времени, – отрезала Мэтти. – Мы так мчались сюда, что мисс Онор делала остановки только для того, чтобы вздремнуть несколько часов. И вот не успели мы приехать, как нас тут же оскорбляют.

– Я не буду оскорблять тебя, если только ты не будешь делать мне слишком тугие повязки.

– Ладно, – согласилась Мэтти. – Дайте-ка я взгляну, что они тут с вами сделали.

Умелыми пальцами она сняла старую повязку – и открылась рана. Она и вправду была глубокой, поскольку осколки проникли в кости и застряли там. При каждом нажиме ее пальцев Ричард вздрагивал и стонал, награждая ее всеми возможными словами, что совсем не трогало Мэтти.

– Рана чистая, это правда, – сообщила она. – Я ожидала увидеть гангрену. Но некоторые из этих осколков вы сохраните до конца своих дней, если только не дадите отрезать себе ногу.

– Ну уж нет, – ответил он. – Лучше я оставлю осколки и буду терпеть боль.

– Во всяком случае, это будет хоть каким-то оправданием вашего дурного настроения, – парировала Мэтти.

Она промыла рану и снова наложила на нее повязку, и все это время Ричард держал меня за руку, как это сделал бы Дик. Когда же, закончив все, Мэтти выходила из комнаты, он, дразня ее, приставил палец к носу.

– С нашей последней встречи прошло больше трех месяцев, – сказал он. – А что, эти Поллексефены такие же неприятные, как и все остальные в твоём семействе?

– Мое семейство не было неприятным, покуда ты его таким не сделал.

– Да твои родственники меня сразу невзлюбили. А сейчас они восстанавливают против меня все графство. Тебе известно, что девонские

комиссары сейчас в Эксетере, а с ними список жалоб на меня длиною в милю?

– Я не знала.

– Все это заговор, подстроенный твоим братом. Из Бристоля должны прибыть три члена Совета принца, чтобы обсудить это дело с комиссарами, и, как только я буду в состоянии двигаться, мне надлежит предстать перед ними. Командующий здесь, в Эксетере, Джек Беркли по уши увяз в этой интриге.

– А в чем в точности заключается интрига?

– Как в чем?! В том, чтобы отстранить меня от командования, конечно же, ну а цель Беркли – занять мое место.

– А что, ты бы стал сильно возражать? По-моему, блокада Плимута не доставила тебе большого удовольствия.

– Да, пусть Джек Беркли отправляется в Плимут. Но я не собираюсь сдаваться и не соглашусь поступить к кому-либо под начало, на какую-нибудь второстепенную должность, которую мне предложит Совет принца, когда у меня есть мандат от самого его величества.

– Его величество, судя по всему, озабочен собственными неприятностями. Кто этот генерал Кромвель, о котором все так много говорят?

– Еще один проклятый пуританин, болтающий о своей избранности, – пояснил Ричард. – Говорят, он каждый вечер беседует со Всевышним, но я охотнее поверю, что он попросту пьет. Хотя солдат он хороший. Как и Фэрфакс. Их армия «Новая модель» сделает отбивную из нашей беспорядочной толпы.

– И, зная об этом, ты все же решаешь рассориться со всеми своими друзьями?

– Они мне не друзья. Это банда низких, подлых мерзавцев. И я сказал им это прямо в лицо.

Спорить с ним было бесполезно. А из-за раны он сделался еще более раздражительным. Я спросила, есть ли у него вести от Дика, и он показал мне высокопарное письмо от учителя, а также копии наказов, которые он отослал Герберту Ашли. В них не было никакого подлинно дружеского участия и поддержки. Я прочла несколько слов:

В целях его воспитания мне желательно, чтобы он постоянно и усердно обучался французскому языку, чтению, письму, арифметике, а также верховой езде, фехтованию и танцам. Этого я жду от него, и если он будет поступать, к собственной же пользе, согласно моим пожеланиям, то у него ни в чем не будет недостатка. Если же я узнаю,

что он в той или иной мере пренебрег тем, что я настоятельно ему рекомендую, то я и впрямь не выделю больше ни пенни на его содержание и перестану его рассматривать как своего сына.

Я сложила наказы и убрала обратно в шкатулку, которую он запер и поставил возле себя.

– Думаешь таким образом завоевать его привязанность?

– Я не требую от него привязанности, – сказал Ричард. – Я требую от него послушания.

– Ты не был так жесток с Джо. Да и со своим племянником Джеком ты не столь непреклонен.

– Такие, как Джо, встречаются один на миллион человек, а Джек чем-то на него похож. Этот парень дрался в Лансдауне как тигр, когда пал бедняга Бевил. А ведь ему было всего пятнадцать, как сейчас Дику. Я привязан к этим парням потому, что они ведут себя как мужчины. А вот мой сын и наследник Дик вздрагивает, когда я с ним заговариваю, и скулит при виде крови. Это не прибавляет гордости его отцу.

Ссора. Удар. Крик малыша. И в течение пятнадцати лет яд сочится в кровь ребенка. Я не могла изобрести панацею, чтобы остановить поток обиды. Время и расстояние могли бы как-то способствовать заживлению раны, которую тесное общение только берedit. Ричард снова поцеловал мне руку.

– Стоит ли беспокоиться о юном Дике, – проговорил он. – Не у него же в бедре засело с дюжину осколков.

Мне думается, на свете не было худшего пациента, чем Ричард Гренвил, и более невосприимчивой к его угрозам, стонам и проклятьям сиделки, чем Мэтти. Моя же роль, хотя, быть может, и не такая изнурительная, требовала большого самообладания и уравновешенности. Будучи женщиной, я могла не опасаться, что Ричард швырнет мне в голову шпорами, как он это проделывал со своими менее удачливыми офицерами, но я не раз страдала от горьких обвинений, поскольку носила фамилию Харрис; ему доставляло удовольствие говорить мне колкости еще и потому, что я родилась и выросла на юго-востоке Корнуолла, где, по его утверждениям, все женщины были ведьмы и мегеры, а мужчины – трусы и дезертиры.

– Корнуолл пока не дал ничего стоящего, – говорил он, – исключение составляет его северное побережье.

И видя, что ему не удастся этим вывести меня из себя, он пытался разозлить меня другими способами – странное времяпрепровождение для больного, не приносившее ему никакой пользы, однако я понимала Ричарда

в полной мере, поскольку и мне самой какие-то семнадцать лет назад часто хотелось вот так же дать себе волю, но я никогда не осмеливалась распускаться.

Он пролежал в постели около пяти недель, а затем, к концу мая, уже достаточно окреп, чтобы ходить по комнате с тростью и проклинать при этом свое измотанное окружение за праздность. Когда он в первый раз спустился по лестнице, ото всех только пух и перья полетели: мне никогда не приходилось видеть старших офицеров с такими красными ушами, как были у полковников и майоров, которых Ричард отчитывал в то майское утро. Они смотрели на дверь тоскливыми глазами, как провинившиеся школьники, а в мыслях у них было лишь одно – как бы вырваться на свободу, подальше от язвительных упреков генерала. Так я решила по выражению их лиц. Но, когда, вернувшись с прогулки по площади, я заговорила с ними, желая выразить им свою симпатию, все они как один отметили превосходное состояние здоровья генерала и его остроумие.

– Приятно видеть генерала прежним, – сказал пехотный полковник. – Месяц назад я даже не смел и надеяться на такое.

– Значит, вы не затаили на него обиду за те слова, что он говорил вам сегодня утром?

– Обиду? – переспросил полковник в изумлении. – А почему я должен был затаить обиду? Генерал просто немного поупражнялся.

Способ мышления профессиональных военных всегда был выше моего понимания.

– Когда мой дядя хмурится и ругается – это добрый знак, – вмешался в разговор племянник Ричарда Джек. – Обычно это означает, что он весьма доволен. Но если только вы видите, что он улыбается и разговаривает учтиво, то будьте уверены: тот бедолага, которому адресуются эти знаки внимания, на полпути к гауптвахте. Я сам однажды наблюдал, как генерал пятнадцать минут без передышки отчитывал одного парня и в тот же вечер повысил его в звании, сделав капитаном. На следующий день он принимал пленного – местного эсквайра, кажется, из Барнстапла, – который должен был ему деньги. Мой дядя потчевал его вином, улыбками и знаками внимания – двумя часами позже того повесили на дереве в Баклэнде.

Помнится, я как-то спросила у Ричарда, какая доля правды во всех этих рассказах. Он рассмеялся:

– Моему окружению нравится сочинять обо мне легенды.

Но он не стал их опровергать.

Тем временем Совет принца прибыл в Эксетер, чтобы побеседовать с девонскими комиссарами и выслушать их жалобы на сэра Ричарда

Гренвила. Обстоятельства складывались неудачно – я это сразу почувствовала, – поскольку Совет принца возглавлял тот самый сэр Эдвард Хайд, которого Ричард в Радфорде расписал мне как выскочку-адвоката. Думаю, тому передали замечание Ричарда, ибо, когда он в сопровождении лордов Калпеппера и Кейпла прибыл в гостиницу и спросил Ричарда, мне показалось, что он держится весьма холодно и подчеркнуто официально, и я поняла, что он не питает особо теплых чувств к генералу, который столь презрительно окрестил его выскочкой. Меня представили им, и я сразу же удалилась. Уж не знаю, что они обо мне подумали, да меня это и не заботило. Можно было ожидать, что появится очередная скандальная сплетня, будто у сэра Ричарда любовница-калека.

Что в действительности происходило за этими закрытыми дверями, я так никогда и не узнала. Как только эти три члена Совета принца попытались было заговорить, Ричард наверняка перебил их, выпалив тираду обвинений против губернатора города сэра Джона Беркли, который, как открыто заявлял Ричард, только и делал, что ставил ему палки в колеса. Что же до девонских комиссаров, то все они, по словам Ричарда, предатели, пытавшиеся прикарманить деньги, вместо того чтобы выплачивать жалованье их же защищавшей армии.

«Пусть Беркли берет Плимут, раз уж ему этого так хочется, – заявил Ричард. (Об этом он поведал мне уже позднее.) – Бог свидетель, как меня мучает то, что я вынужден держать в осаде этот город, когда куда приятнее действовать в открытом поле. Дайте мне власть, чтобы я мог без помех набрать людей в Корнуолле и Девоне, и я предоставлю в распоряжение принца Уэльского такую армию, которая ни в чем не уступит пуританам Кромвеля». После чего он подал официальный рапорт об уходе в отставку с поста командующего осадой Плимута и отослал лордов из Совета обратно в Лондон за мандатом принца о назначении его на новую должность.

– Я был с ними очень мягок. Пусть Джон Беркли томится под стенами Плимута. Удачи ему!

И Ричард выпил за ужином полторы бутылки бургундского, что печально сказалось на его ране на следующее утро.

Я уже не помню, сколько дней мы прождали королевского приказа, утвердившего бы за Ричардом право набрать войско, но, очевидно, дней десять, если не больше. В конце концов Ричард заявил, что не собирается томиться в ожидании листка бумаги, которую мало кто возьмет на себя труд читать, и приступил к набору рекрутов для новой армии. Он разослал по всему краю своих офицеров, чтобы, пока он болен, они вылавливали бездельников и направлявшихся домой дезертиров. Всем им обещались

жалованье и одежда. Оставаясь шерифом Девона (с этого поста он не подал в отставку), Ричард приказал своим старым недругам – комиссарам – собрать для этой цели дополнительные суммы денег. Я полагала, что этим он лишь разворошит осиное гнездо и снова навлечет на себя их гнев, но я всего лишь женщина, и это было не моего ума дело.

Однажды я сидела возле окна и смотрела на собор, и тут увидела, как от гостиницы отъезжает сэр Джон Беркли (тогда он еще не отправился в Плимут), который выглядел мрачнее тучи. В нижних комнатах произошла бурная сцена, и, по словам юного Джека, Джону здорово досталось.

– Я не меньше других восхищаюсь своим дядей, – признался племянник Ричарда. – Он всякий раз одерживает верх над своими противниками. Но мне хотелось бы, чтобы он попридержал свой язык.

– О чем они сейчас спорили? – устало спросила я.

– Вечно одно и то же, – ответил Джек. – Мой дядя говорит, что как шериф этого графства он может заставить комиссаров платить жалованье его войску. Сэр Джон заявляет обратное: деньги должны выплачиваться ему – как губернатору города и командующему осадой Плимута. Спор кончится тем, что они будут драться на дуэли.

Сразу после этого ко мне в комнату вошел бледный от бешенства Ричард.

– Боже мой, – сказал он, – я больше не в силах терпеть эту безнадежную путаницу ни секунды. Сейчас же отправляюсь в Бристоль, чтобы увидеться с принцем. Когда сомневаешься, обращай к высшей власти, – я всегда следовал этому правилу. Если я не получу удовлетворительных объяснений от его высочества, я брошу всю эту затею.

– Ты еще слаб, чтобы ехать, – предупредила его я.

– Ничего не поделаешь. Я не останусь здесь, чтобы этот безнадежный дурак Джек Беркли всякий раз ставил мне палки в колеса. Он неразлейвода с твоим чертовым братцем – вот в чем проблема.

– Ты сам создал эту проблему, когда превратил моего брата в своего врага, – заметила я. – Все это произошло оттого, что ты застрелил Эдварда Чампернауна.

– А что я должен был, по-твоему, сделать – повесить в звании это дерьмо? – вскричал он, взбешенный. – Трусливая крыса! Из-за него погибли три сотни моих лучших солдат, и все потому, что он испугался пушек мятежников и не пришел ко мне на помощь. То, что я его пристрелил, это еще слишком мягкое наказание. Лет сто назад его бы вздернули на виселице и четвертовали.

На следующий день он уехал в Барнстапл, где укрылся от

свирепствовавшей в Плимуте чумы принц Уэльский, и я благодарила Бога за то, что Ричард взял с собой в качестве адъютанта своего племянника Джека. Чтобы усадить его в седло, понадобились усилия трех человек, и выглядел он еще весьма и весьма неважно. Когда я высунулась из своего окна, он улыбнулся мне и отсалютовал шпагой.

– Не бойся, – сказал он. – Я вернусь самое позднее через две недели. Держись. Будь счастлива.

Но он так и не вернулся, и это положило конец моему пребыванию в Эксетере в качестве сиделки и утешительницы. 18 июня у Нейзби^[18] король и принц Руперт понесли тяжелое поражение от генерала Кромвеля, и армия мятежников под командованием генерала Эссекса вновь двинулась на запад. Чтобы отразить эту угрозу, теперь следовало поменять в целом стратегию королевского войска. И вот когда повсюду распространялись слухи о том, что Фэрфакс движется на Тонтон, я получила послание от Ричарда, в котором говорилось, что ему предписано принцем Уэльским начать осаду Лайма и что приказ о присвоении ему фельдмаршальского звания, считай, уже у него в кармане.

Я пришлю за тобой, – говорилось там, – как только устроюсь со своим штабом. А пока оставайся там, где ты сейчас. Похоже, все идет к тому, что еще до конца лета мы все снова окажемся на дорогах.

Едва ли это было приятным известием. Мне вспомнился непрерывный топот солдатских сапог, который я слышала год назад в Менебилли. Неужели вновь придется пережить весь ужас вражеского нашествия? Я поступила так, как он мне велел, и осталась в Эксетере. Коль скоро родного крова у меня не было, то мне годилась любая крыша над головой. Может, мне и не хватало смиренности, зато у меня не было и гордыни. В ту пору я была ни дать ни взять кочевница – я следовала за призывным звуком военных барабанов.

В последний день июня у меня объявился Джек Гренвил с небольшим конным отрядом, чтобы перевезти мой паланкин. Мы с Мэтти уже все упаковали и были готовы к отъезду, поскольку еще две недели назад получили послание от Ричарда.

– Куда мы направляемся? – спросила я весело. – В Лайм или в Лондон?

– Ни туда и ни туда, – мрачно ответил Джек. – В полуразрушенный дом, резиденцию дяди в Оттери-Сент-Мэри. Генерал подал в отставку.

Он почти ничего не рассказал мне о том, что произошло, сообщил лишь, что большая часть вновь набранных отрядов, поступивших под командование Ричарда и собравшихся в Тивертоне, неожиданно, без каких-либо объяснений, была отнята у него по приказу Совета принца и

направлена на защиту Барнстапла. Мы прибыли в Оттери-Сент-Мэри, сонную девонскую деревню, обитатели которой вытаращили глаза на необычный экипаж, остановившийся перед помещичьей усадьбой, решив, наверное, что весь мир сошел с ума, – в этом проявилось их здравомыслие. В лугах за деревней расположилась личная конница и пехота Ричарда, которые были с ним с самого начала. Самого же Ричарда мы застали в столовой в его ставке, он сидел там, положив раненую ногу на стоявший перед ним стул.

– Привет калеке от калеки, – поздоровался он со мной насмешливо. – Давай уляжемся в постель и посмотрим, кто из нас проявит больше изобретательности.

– Если ты так настроен, – сказала я, – мы обсудим это чуть позже. А сейчас я устала и хочу есть и пить. Но скажи, пожалуйста, какого черта ты торчишь в Оттери-Сент-Мэри?

– Я стал вольным человеком, – ответил Ричард, – и не принадлежу больше никому – ни людям, ни зверям. Пусть они воюют с «Новой моделью», как им нравится. Если мне не дадут людей, я не намерен выступать в одиночку со своим племянником Джеком против Фэрфакса с его двадцатитысячной армией.

– Я думала, что ты теперь фельдмаршал.

– Пустая почесть, – произнес Ричард, – которая ничего не значит. Я только что отослал обратно принцу Уэльскому приказ о присвоении мне фельдмаршальского звания с пожеланием приложить эту бумажку к определенной части тела его персоны. Что будем пить за ужином – рейнвейн или бургундское?

Глава 24

Эти две недели были, пожалуй, самыми фантастическими в моей жизни. Ричард, лишившись командования и звания, жил как принц в бедной деревне Оттери-Сент-Мэри, поскольку жители окрестных земель несли в его лагерь плоды своего труда: сдавали пшеницу, приводили выращенный ими скот, твердо веря, что Ричард является верховным главнокомандующим войск его величества на всей территории от Лайма до Лендс-Энда. За платой же Ричард учтиво отсылал их к комиссарам графства Девон. В первую субботу после своего прибытия он приказал, чтобы в церкви Оттери-Сент-Мэри и в церквях соседних приходов был зачитан указ с требованием, чтобы все те, кто были ограблены губернатором Эксетера сэром Джоном Беркли, когда принимали у себя на постой его армию, принесли ему, сэру Ричарду Гренвилу, королевскому генералу на западе, список понесенных ими убытков, и тогда он проследит за тем, чтобы им был возмещен ущерб.

Простой деревенский люд, думая, что с ними поселился их спаситель, стекался со всех сторон, люди проделывали пешком по двадцать миль и больше, и каждый нес в руках список преступлений и злоупотреблений, совершенных, по их словам, солдатами лорда Горинга и людьми сэра Джона Беркли; я еще и сейчас вижу, как на деревенской площади перед церковью Ричард, уподобившись принцу, раздает щедрые дары из суммы денег, обнаруженных им за деревянными панелями в его резиденции – доме, принадлежавшем несчастному эсквайру, заподозренному в симпатиях к парламенту и потому немедленно арестованному. В пятницу, поскольку погода стояла хорошая, Ричард устроил смотр своему войску – этакое бесплатное зрелище для деревенских жителей: били барабаны, звонили церковные колокола, а вечером зажгли костры и для офицеров в ставке был устроен праздничный ужин, на котором я председательствовала, как королева.

– Будем веселиться, пока есть деньги, – говорил Ричард.

Я подумала о его письме принцу Уэльскому, которое сейчас, наверное, уже дошло до Совета принца, и представила, как канцлер казначейства Эдвард Хайд разворачивает листок на глазах у собравшихся.

Еще я подумала о сэре Джоне Беркли и о том, что он скажет, когда узнает про указ, зачитанный в церквях, и мне показалось, что мой дерзкий, неосторожный возлюбленный поступил бы куда разумнее, если бы снялся

со своим лагерем и затерялся в туманах Дартмура, ибо он уже не мог и дальше обманывать народ в Оттери-Сент-Мэри.

Пока же обман не раскрыли, все было великолепно. Поскольку симпатизировавший парламенту эсквайр, которого мы сменили в этом доме, владел богатым винным погребом, то мы вскоре перепробовали все бутылки, и Ричард при этом пил за погибель как сторонников парламента, так и Короны.

– Что ты станешь делать, – спросила я, – если Совет пошлет за тобой?

– Абсолютно ничего, если только не получу письма, собственноручно написанного принцем Уэльским, – ответил он с улыбкой, о которой бы его племянник сказал, что она не предвещает ничего хорошего, и откупорил следующую бутылку.

– Если мы будем продолжать в том же духе, – произнесла я, перевернув свой бокал и поставив его на стол вверх дном, – ты превратишься в такого же великого глупца, как и Горинг.

– Горинг после пяти бокалов валится с ног. Я же после двенадцати могу обучать строевой целую дивизию, – похвалился Ричард и, поднявшись из-за стола, приказал стоявшему за дверью дежурному: – Сэра Джека Гренвила сюда!

Через какое-то время появился Джек, тоже чуть раскрасневшийся и с повеселевшим взглядом.

– Передай от меня привет полковникам Роскарроку и Арунделлу, – сказал Ричард. – Я желаю провести смотр на лугу. Буду обучать солдат строевой.

Его племянник даже и бровью не повел, но я видела, что губы у него подрагивают.

– Сэр, – заметил он, – сейчас половина девятого. Люди распущены по своим квартирам.

– Знаю, – возразил дядя. – Для того-то и были впервые пожалованы армии барабаны, чтобы поднимать войска по тревоге. Привет от меня полковникам Роскарроку и Арунделлу.

Джек щелкнул каблуками и вышел из комнаты. Ричард медленно и весьма торжественно прошествовал к столу, на котором лежала его перевязь со шпагой, и стал ее застегивать.

– Ты надел перевязь на левую сторону, – мягко заметила я.

Поклонившись мне с важным видом в знак согласия, он сделал необходимые поправки. А снаружи, в сгущавшихся сумерках, уже забили резко и тревожно барабаны.

Должна признаться, что голова у меня соображала лишь ненамного

лучше, чем в тот памятный далекий день, когда я чересчур переусердствовала с бургундским и жарким из лебедя. На сей раз – и в этом было мое спасение – я располагала креслом; весьма смутно помню, как меня покатило в нем к общинному лугу, в ушах у меня гремели барабаны, и со всех сторон сбегались солдаты и выстраивались в шеренги на траве. Деревенские жители выглядывали из окон, и мне вспоминается, как один старикашка в ночном колпаке выкрикивал, что на них движется Фэрфакс и что все они будут убиты прямо в собственных постелях.

Могу поклясться, это единственный случай в летописи армии его величества, когда были выстроены два батальона, а их командир, генерал, после чересчур обильного ужина, в сумерках принялся обучать их строю.

– Бог мой! – Я слышала, как у меня за спиной Джек Гренвил давится то ли от смеха, то ли от волнения. – Великолепно. Такое останется на века.

А когда барабаны смолкли, я слышала, как разносится по деревенскому лугу громкий и отчетливый голос Ричарда.

Это была подходящая разрядка после безумных четырнадцати дней.

На следующее утро во время завтрака к дверям штаба подъехал гонец с известием, что Фэрфакс со своими отрядами мятежников напал на Бриджуотер и взял его, Совет принца бежал в Лонстон, и принц Уэльский велел сэру Ричарду Гренвилу немедленно выступить с имеющимися в его распоряжении отрядами и прибыть к нему в Корнуолл.

– Это послание – просьба или приказ? – спросил мой генерал.

– Приказ, сэр, – ответил офицер, протягивая ему документ, – и исходит он не от Совета, а от самого принца.

Снова забили барабаны, но на сей раз команду «на марш», и, когда длинная колонна солдат, извиваясь, потянулась через всю деревню по дороге на Окгемптон, я подумала, сколько же лет пройдет, прежде чем жители Оттери-Сент-Мэри позабудут сэра Ричарда Гренвила и его людей. Мы же с Мэтти последовали за ними через день-два в паланкине, с эскортом и с приказом двигаться в находящийся по соседству с Лонстоном Веррингтон-парк – еще одно имение, отобранное Ричардом без зазрения совести у Фрэнсиса Дрейка, владельца Баклэнд-Монахорума. Прибыв туда, мы нашли Ричарда в прекрасном настроении, вернувшим себе расположение принца после весьма нелегких трех часов, проведенных с Советом. Они были бы еще тяжелее, если бы Совет не испытывал столь срочной нужды в его услугах.

– И что же было решено? – спросила я.

– Горингу дан приказ двигаться на север и перехватить мятежников, – сказал он, – ну а я остаюсь в Корнуолле и прилагаю все усилия, чтобы

набрать армию в три тысячи пехотинцев. Было бы куда лучше, если бы они отправили меня сразиться с Фэрфаксом, поскольку Горинг наверняка все провалит.

– Никто другой, кроме тебя, не сможет набрать людей в Корнуолле, – заметила я. – Люди присоединятся к Гренвилу, и ни к кому другому. Скажи спасибо, что Совет вообще послал за тобой после твоей дерзкой выходки.

– Они не могут обойтись без меня. И как бы там ни было, плевать я хотел на этот Совет и на эту змею Хайда, я занимаюсь этим делом, только чтобы оказать услугу принцу. Этот мальчик пришелся мне по сердцу. Если король и дальше будет нести вздор, как делает это сейчас, не имея никакой четко разработанной стратегии, то я склоняюсь к мысли, что лучшим решением будет отдать весь Корнуолл во власть принцу, зажить там как в крепости – и пусть вся остальная Англия отправляется ко всем чертям.

– Ты мог бы чуть перефразировать эту мысль, и какой-нибудь вероломный доброхот, желающий тебе зла, назвал бы это предательством.

– Какое, к черту, предательство?! – воскликнул он. – Этого требует здравый смысл. Никто не предан его величеству так, как я, но ведь сам король принес вреда своему делу больше, чем кто-либо из его слуг.

Пока мы с Мэтти оставались в Веррингтоне, Ричард изъездил Корнуолл вдоль и поперек, набирая солдат для армии принца. Это было нелегким делом. Корнуолльцам с лихвой хватило последнего вражеского нашествия. Люди хотели одного – чтобы их оставили в покое и не мешали им заниматься своей землей и ремеслом. Сбор денег проходил здесь столь же тяжело, как и в Девоне, и я с некоторым опасением наблюдала за тем, как Ричард применяет к комиссарам герцогства те же своевольные меры, какие он применял к их собратьям в соседнем графстве. Те, кто легко бы уступил такту, восставали против давления, и за лето и первые недели осени 1645 года Ричард приобрел столько же недругов среди корнуолльских помещиков, сколько до этого среди девонских.

На северном побережье люди откликались на призыв Ричарда из-за связи его со Стоу: само имя Гренвила звучало как сигнал горна. Они приходили к нему даже с той стороны границы, из Аплодора и Бидерфорда, со всего побережья, от Хартленда до Падстоу, на которое обрушиваются атлантические штормы. Это были его лучшие рекруты. Светлоглазые, длинноногие, они с гордостью носили на своих нашивках эмблемы с пунцовым полем и тремя золотыми полосами. Уроженцы Бьюда, Страттона и Тинтэджела, выходцы из Боскасла и Камелфорда. С неподражаемой ловкостью Ричард представлял им принца как герцога Корнуолльского, прибывшего на запад, чтобы спасти их от диких орд мятежников,

находившихся по ту сторону Теймара.

Но на юге он терпел неудачу. Населению западных земель, где расположен Труро, опасность не представлялась столь уж близкой, и даже падение Бристоля – отошедшего к Фэрфаксу и парламенту, – которое 10 сентября грянуло как гром среди ясного неба, не смогло пробудить их от летаргического сна.

– Труро, Хелстон и Сент-Айвс – три самых прогнивших города в Корнуолле, – говорил Ричард, и, помнится, ему пришлось отправиться туда с отрядом конницы в шестьсот человек, чтобы подавить бунт горожан, протестовавших против набора рекрутов, проведенного неделей раньше.

Он повесил по меньшей мере трех человек, остальные же были либо оштрафованы, либо заключены под стражу. Он также воспользовался этим случаем, чтобы посетить замок в Сент-Мосе, и строго отчитал его коменданта майора Бонитона, поскольку тому не удалось выплатить жалованье находившимся под его командованием солдатам гарнизона.

– Если я узнаю, что кто-то служит делу принца неохотно, то придется ему запеть на иной лад или же он понесет дисциплинарное наказание, – заявил Ричард. – Кто не выплачивает жалованье своим людям, будет возмещать его из собственного кармана, а кто выкажет хоть каплю неповиновения мне, как командиру, или принцу, которому я служу, ответит за это собственной жизнью.

Я сама слышала, как он провозглашал это на рыночной площади в Лондоне в последний день сентября перед большой собравшейся там толпой. Его люди встретили эти слова столь радостными криками, что эхо, отразившись от стен домов, вернулось обратно к нам, зато на лицах собравшихся там горожан я почти не видела улыбок.

– Ты забываешь, – сказала я ему в ту ночь в Веррингтоне, – что корнуолльцы независимы и свободу любят больше, чем своих братьев.

– Я помню об одном, – ответил он с той тонкой горькой усмешкой, которую я слишком хорошо знала, – о том, что корнуолльцы – трусы и свой покой любят больше, чем собственного короля.

К середине осени я стала подумывать о том, что вряд ли кто-либо из нас будет пользоваться свободой или покоем к концу года.

Чард, Кредитон, Лайм и, наконец, Тивертон пали в октябре под натиском армии Фэрфакса, и лорд Горинг ничего не сделал, чтобы остановить ее. Многие из его людей дезертировали и прибились к армии Ричарда, поскольку больше верили ему как командиру. Это порождало зависть, взаимные обвинения и выглядело так, будто Ричард вконец рассорился с Горингом, как тремя месяцами раньше с сэром Джоном

Беркли. Были тут и вечные придирки со стороны Совета принца в Лонстоне, не проходило и дня без вмешательства канцлера Эдварда Хайда.

– Вместо того чтобы засыпать меня изо дня в день депешами, которые сочиняют адвокаты с перепачканными чернилами пальцами, ни разу не нюхавшие пороха, – бушевал Ричард, – они бы лучше просто оставили меня в покое, чтобы я мог набрать армию и обучить солдат, тогда была бы куда больше вероятность, что я сумею дать отпор Фэрфаксу, когда он придет сюда.

Деньги таяли, и экипировка армии к войне стала еще одним кошмаром для моего генерала.

Башмаки и чулки изнашивались, и их трудно было заменить, а запасы жизненно важного военного снаряжения были малы; главной причиной этого явился захват мятежниками в начале осени, когда пал Бристоль, склада западных войск, и скромные запасы в Бодмине и Труро – это все, что имелось в распоряжении Ричарда.

Затем внезапно, без всякого предупреждения, лорд Горинг оставил командование армией и отправился во Францию, объяснив это тем, что его здоровье подорвано и что он не сможет дальше нести какую-либо ответственность за исход событий.

– Крысы одна за другой побежали с тонущего корабля, – медленно проговорил Ричард.

Горинг взял с собой многих из своих лучших офицеров, а командование армией в Девоне перешло к лорду Вентворту, малоопытному офицеру, чьи понятия о дисциплине были даже хуже, чем у Горинга. Он немедленно отправился на зимние квартиры в Бовей-Трейси, заявив, что до наступления весны нельзя предпринимать какие-либо действия против неприятеля. Вот тогда-то, по-моему, Совет принца впервые пал духом, осознав истинные масштабы того, что могло произойти. Они сражались за заведомо проигранное дело. Велись приготовления к тому, чтобы двинуться из Лонстона дальше на запад, к Труро. Об этом мне мрачно поведал Ричард, заявив, что это могло означать лишь одно: они хотели быть поближе к Фалмуту – так, чтобы принц Уэльский и ведущие члены Совета могли, когда разразится катастрофа, отплыть на корабле во Францию. Тогда я прямо спросила у него, что же он собирается предпринять.

– Держать оборону по линии от Бристольского залива до Теймара, – ответил он, – и сохранить Корнуолл для принца. Это можно сделать. Другого ответа у меня нет.

– А его величество?

Ричард ответил не сразу. Я хорошо помню, как он стоял, повернувшись

спиной к пылавшему в камине огню и заложив руки за спину. За последние несколько месяцев он осунулся, на лице у него прорезались морщины – все это явилось результатом бесконечных тревог, не отпускавших его, – а выделявшаяся у него надо лбом серебряная прядь в рыжеватых волосах сделалась еще шире. Из-за сырой ноябрьской погоды его раненая нога ныла, и я по своему опыту догадывалась, что ему приходится терпеть.

– Положение его величества безнадежно, – медленно проговорил он, – разве что он сумеет договориться с шотландцами и наберет из них армию. Если же нет, то он обречен.

1643, 1644, 1645-й и надвигавшийся на нас 1646-й – три с лишним года люди страдали, сражались и умирали за этого спесивого, чопорного человека и его строгие принципы, и мне вспомнился портрет, что висел в столовой в Менебилли, – потом он был сорван и растоптан мятежниками. Ждет ли его самого столь же бесславный конец, как тот, что выпал на долю его портрета? Внезапно все представилось мне в неопределенных, мрачных, безнадежных тонах.

– Ричард, – сказала я, и он, уловив изменения в моем голосе, подошел ко мне. – Ты тоже хочешь покинуть тонущий корабль?

– Нет, если есть хоть малейший шанс сохранить Корнуолл для принца.

– А если принц отплывет во Францию, – упорствовала я, – и весь Корнуолл будет захвачен – что тогда?

– Я последую за принцем, – ответил он, – и, набрав французскую армию в пятьдесят тысяч человек, снова высажусь в Корнуолле.

Он подошел ко мне и опустил на колени, а я сжала в ладонях его лицо.

– Мы с тобой были по-своему счастливы, – произнесла я.

– Моя кочевница, верная спутница барабана, – проговорил он.

– Ты ведь знаешь, моя репутация загублена в глазах всех порядочных людей. Моя семья прогнала меня, и никто из родных не хочет со мной разговаривать. Даже мой милый Робин стыдится своей сестры. Сегодня утром я получила от него письмо. Он служит под началом сэра Джона Дигби, под Плимутом. Так вот, он умоляет, чтобы я оставила тебя и вернулась к Рашли, в Менебилли.

– Ты хочешь уехать?

– Нет, если я еще нужна тебе.

– Ты всегда будешь мне нужна. Я никогда больше с тобой не расстанусь. Но если сюда придет Фэрфакс, то в Менебилли ты будешь в большей безопасности, чем в Лонстоне.

– Те же слова я слышала от тебя и в прошлый раз, и ты знаешь, что из

этого вышло.

– Да, тебе пришлось помучиться четыре недели, и эти испытания сделали из тебя женщину.

Он взглянул на меня со своей обычной жестокой усмешкой, и мне вспомнилось, что он еще так и не поблагодарил меня за то, что я спасла его сына.

– В следующий раз это может растянуться на четыре года, – заметила я, – и мне думается, я поседею.

– Если я проиграю сражение, то заберу тебя с собой, – пообещал он. – Когда наступит критический момент и Фэрфакс переправится через Теймар, я отправлю тебя с Мэтти в Менебилли. Если потерпим поражение – а я знаю, что наше дело проиграно, – тогда я приеду за тобой к твоим Рашли, мы сядем на какое-нибудь рыбацкое судно в Полкеррисе и переправимся через Ла-Манш в Сен-Мало, а там найдем Дика.

– Ты обещаешь?

– Да, милая. Обещаю.

И когда он так успокоил меня и прижал к себе, я немного воспрянула духом, хотя в голове у меня по-прежнему вертелась все та же мысль: я ведь не просто женщина, я калека и буду тяжелой обузой для беглеца. На следующий день его вызвал в Труро Совет принца, и там в присутствии всех спросили, какие рекомендации он мог бы дать им по организации защиты Корнуолла от неприятеля и как наилучшим образом обеспечить безопасность принца Уэльского.

Он не дал им немедленного ответа, а написал на следующий день у себя на квартире письмо военному советнику, в котором изложил во всех деталях план, до сих пор поверявшийся мне шепотом, и перечислил то, что, по его мнению, должно быть сделано в обязательном порядке. По возвращении он показал мне черновик, и многое из того, что он предлагал, вызвало у меня опасения, – не потому, что это было неосуществимо, а потому, что сама суть его предложений, по-видимому, могла быть неверно истолкована. Если говорить вкратце, он предлагал заключить договор с парламентом, по которому Корнуолл отделялся бы от остальной части страны и стал бы управляться принцем Уэльским как герцогство герцогом. Герцогство содержало бы собственную армию, фортификации и имело бы свой флот. В свою очередь, Корнуолл дал бы гарантию, что не будет нападать на войска парламента. Корнуолльцы, и в особенности западная армия, получили бы таким образом передышку и по прошествии года с небольшим достаточно бы окрепли, чтобы снова оказать действенную помощь его величеству. (Последнее, как можно догадаться, не должно было

быть отражено в статьях договора.) В случае если парламент не согласится, Ричард советовал удерживать рубеж от Барнстапла до Ла-Манша по прорытым от северного побережья до Теймара каналам, фактически превратив Корнуолл в остров. Первая линия укреплений будет проходить по реке, и все мосты должны быть разрушены. Этот рубеж, по его утверждению, можно было бы удерживать бесконечно долго, и любая попытка вторжения была бы немедленно отражена. Дописав свой доклад и отослав его в Совет, он вернулся ко мне в Веррингтон и стал ждать ответа. Пять дней, неделя, а ответа нет. И потом наконец холодное послание от канцлера и военного советника, в котором сообщалось, что план рассмотрен, но не получил одобрения, а посему Совет принца предпримет другие меры и известит сэра Ричарда Гренвила, если потребуются его услуги.

– Так что Гренвилу дали пощечину, – сказал Ричард, бросая письмо мне на колени, – и предупредили, чтобы не высывался. Пусть поступают, как им заблагорассудится. Время поджигает, и если я не заблуждаюсь в отношении Фэрфакса, то ни снег, ни град, ни мороз не удержат его в Девоне. Тебе, Онор, было бы разумнее послать письмо Мэри Рашли и предупредить ее, что Рождество ты проведешь с ней.

Близится развязка – я прочла это по его непринужденным манерам, по тому, как он пожимает плечами.

– А ты? – спросила я, и у меня знакомо защемило в груди от дурных предчувствий.

– Я приеду позднее, – ответил он, – и мы вместе встретим Новый год в той самой комнате над воротами.

Итак, в третье по счету декабрьское утро я – после восемнадцати месяцев отсутствия – вновь отправилась в имение своего зятя в Менебилли.

Глава 25

Мой второй приезд весьма отличался от первого. Тогда была весна, цвел золотистый утесник, и молодой Джон Рашли вышел меня встречать на дорогу у входа в парк. Война еще не коснулась этих мест, и на выгоне паслись коровы и отары овец с ягнятами, а во фруктовых садах с деревьев сыпались последние цветы. Теперь же стоял декабрь, пронизывающий ветер гулял по долинам и холмам, и никакой смеющийся молодой кавалер не вышел, чтобы приветствовать меня. Когда мы свернули в парковые ворота, мне сразу же бросилось в глаза, что дом по-прежнему в руинах, стены после разрушений, нанесенных мятежниками, не починены. Там, где земли поместья спускались к морю возле Полкерриса, пахарь с парой волов прокладывал борозду, но к востоку и к западу земля оставалась невозделанной. То, что должно было быть богатой бурой пашней, заросло чертополохом. Тощие малочисленные коровы паслись на выгоне, и даже сейчас – по прошествии года и даже больше, – я разглядела большие пятна голой земли на местах, где стояли прежде палатки мятежников, и почерневшие корни срубленных ими на дрова деревьев. Когда мы взбирались по склону холма к дому, я увидела, как из труб тянется успокаивающий дымок, услышала лай дворовых собак и с некоторым чувством печали и сожаления спросила себя, обрадуются ли мне сейчас так же, как обрадовались восемнадцать месяцев назад. Мой паланкин занесли в наружный двор, и я, бросив взгляд на свою бывшую комнату над воротами, увидела, что ставни в ней забиты, как и в соседней с ней комнате, да и все восточное крыло дома имело такой же заброшенный вид. Мэри предупреждала меня в своем письме, что пока удалось привести в порядок лишь небольшую западную часть дома и что они живут в шести комнатах, для которых сумели отыскать занавески и самую необходимую мебель. И вот я вновь оказалась во внутреннем дворе и увидела башню и высокий флюгер, и тут – как напоминание о моем прошлом посещении – на ступенях дома появилась моя сестра Мэри; потрясенная, я обнаружила, что волосы у нее сделались седыми. Мэри встретила меня все с той же своей серьезной улыбкой и нежно поцеловала. Меня тотчас препроводили в галерею, где я нашла мою дорогую Элис, как всегда окруженную своей детворой; самый юный из отпрысков, которому только что исполнился год, цеплялся за ее колени, делая первые шаги. Теперь это было все наше общество. Солы вернулись в Пенрайс, а Спарки в Девон. Что до моей

крестницы Джоан, то она с Джоном и детьми жила в городском доме Рашли в Фое. Мой зять, по-видимому, был где-то на другом конце поместья, и, как только я подкрепилась, мне сразу же пришлось выслушать все новости прошедшего года, – я узнала и о том, что Джонатан до сих пор не получил еще ни одного пенни от Короны на восстановление своего поместья и все, что было сделано, сделал он сам при помощи своих слуг и арендаторов.

– Корнуолл полностью разорен, – грустно поведала мне моя сестра, – и все недовольны. Урожай этого лета не возместит всех наших потерь за прошлый год, это тебе скажет любой, кому надо поднимать имение. Если только война в скором времени не закончится, все мы будет разорены.

– Возможно, мы вскоре и увидим ее конец, – ответила я, – но не тот, на который вы надеетесь.

Я заметила, что Мэри бросила быстрый взгляд на Элис; та хотела было что-то сказать, но воздержалась. И я поняла, что если до сих пор не упоминалось имя Ричарда, то это означало, что о наших с ним отношениях Рашли, возможно, предпочитали как бы ничего не знать. Мне не было задано ни одного вопроса о прошедших месяцах.

– Сведущие люди говорят, что его величество преисполнен надежд и в скором времени пошлет на запад армию, чтобы помочь нам выгнать Фэрфакса вон из Девона, – заметила Мэри.

– Его величество слишком озабочен тем, как сохранить свои войска в центральных графствах, чтобы думать еще и о западе, – возразила я.

– Но ведь не думаешь же ты, что Корнуоллу придется снова пережить вражеское нашествие? – с тревогой в голосе спросила Элис.

– Я не вижу, как мы можем избежать этого.

– Но... у нас полно солдат, разве не так? – произнесла Мэри, по-прежнему не решаясь упомянуть имя их генерала. – Уж я-то знаю, какие большие налоги собирали с нас на их содержание.

– Из солдат без башмаков и чулок получают негодные бойцы, – сказала я, – тем более если в мушкетах у них нет пороха.

– Джонатан говорит, что все дело в бездарном управлении, – проговорила Мэри. – На западе нет высшей власти, способной взять на себя командование. Совет принца говорит одно – военачальники другое. Я же, со своей стороны, ничего в этом не понимаю. Мне хочется лишь одного – чтобы все поскорее закончилось.

По их высказываниям – это вырывалось даже у Элис, обычно такой мягкой и великодушной, – я могла догадаться о том, что в Менебилли сэра Ричарда Гренвила судили столь же сурово, как и повсюду, за его властные манеры и бесцеремонность и что если я сейчас не произнесу вслух его имя,

то все время, пока я буду у них, эту тему будут обходить неловким молчанием. Никто из них не сделает первого шага, и между нами возникнет непреодолимый барьер.

– Возможно, из-за того, что последние восемь месяцев, с тех самых пор как ранило Ричарда, я находилась рядом с ним, мне трудно сохранять беспристрастность. Я знаю, у него много недостатков, но он – лучший солдат в армии его величества. Хорошо бы Совету принца прислушаться к его рекомендациям, хотя бы уж в военных вопросах.

Какое-то время они молчали, затем Элис, слегка покраснев, сказала:

– Тебе ведь известно, что Питер находился вместе с твоим братом Робинот у сэра Джона Дигби под Плимутот. В последний свой приезд он рассказывал нам, что сэр Ричард, не имея на то права, постоянно шлет приказы сэру Джону.

– Что за приказы – хорошие или плохие? – спросила я.

– Вряд ли спор идет о самих приказах, – ответила Элис. – Вполне вероятно, они необходимы. Но вызывает раздражение сам факт, что сэр Ричард отдает распоряжения сэру Джону, хотя тот и не является его подчиненным.

В этот момент в дверях галереи появился мой зять и разговор оборвался, но я с тяжелым сердцем задавалась вопросом, сколько же друзей осталось у Ричарда среди тех, кто поначалу присягал ему на верность как своему предводителю.

Прошло уже несколько дней, как я поселилась в Менебилли, когда мой зять сам и в более жесткой форме коснулся этой темы; с его-то стороны не замечалось никакого стремления избегать в разговоре имя Ричарда. Когда до него дошла из Труро весть о том, что во время своего последнего посещения Совета генерал выглядел нездоровым и очень усталым, он напрямую спросил у меня, оправился ли Ричард после ранения.

– Мне кажется, он устал, – заметила я, – и неважно себя чувствует. А нынешняя ситуация вряд ли дает ему основания для уверенности и бодрого настроения.

– Здесь, в Корнуолле, он сам нанес непоправимый вред, когда стал требовать от нас помощи, вместо того чтобы попросить о ней, – отозвался мой зять.

– Суровые времена диктуют и суровые меры. В пору ли ходить с шапкой по кругу, выпрашивая деньги для выплаты жалованья солдатам, когда неприятель уже в соседнем графстве?!

– Он бы добился куда большего результата, если бы принялся за дело с учтивостью и с пониманием бедственного положения каждого из нас. Все

герцогство встало бы на его сторону, прояви он хотя бы половину той участливости, которой отличался его брат Бевил.

На это мне нечего было ответить – я знала, что это правда.

Погода стояла холодная, унылая, и большую часть времени я проводила у себя в комнате, той самой, которую восемнадцатью месяцами раньше занимала Гартред. По сравнению с остальными помещениями она не сильно пострадала, за что, по-видимому, нужно было сказать спасибо Гартред. Это была приятная комната, одним окном она выходила в лишившийся своей былой красоты сад, с коротко подстриженными тонкими ростками свежепосеянной травы, а два других ее окна были обращены на юг; из них открывался вид на плавно поднимавшуюся вверх дорожку и на бухту. Я была весьма довольна, хотя и чувствовала какую-то пустоту – тяжело было вновь ощущать одиночество, после того как ты провела восемь месяцев в обществе любимого человека. Я делила с ним не только его тревоги и неудачи, но и его безрассудные выходки. Я свыклась с его меняющимися настроениями, полюбила их, понимала жестокий сарказм, быстрый насмешливый ответ на вопрос и внезапный прилив нежности, столь неожиданной и теплой, в мгновение ока превращавшей безжалостного воина в любовника.

Когда я была с ним, дни казались наполненными, теперь же их определяло студеное однообразие декабря: за завтраком мне приходилось зажигать свечи, а отправляясь на короткую прогулку по дороге на насыпи, я закутывалась в плащ и одеяла. Конец года, который всегда был для меня порой сожалений, теперь обернулся периодом напряжения и дурных предчувствий.

На Рождество к нам из Фоя прибыли Джон с Джоан и пожаловал Питер Кортни, отпущенный на несколько дней сэром Джоном Дигби, по-прежнему стоявшим под стенами Плимута, и все мы заставили себя веселиться ради детей, а может, и ради себя самих. Фэрфакс был забыт, как, впрочем, и его доблестный заместитель Кромвель, о котором нам рассказывали, что он ведет своих людей в бой с молитвой на устах. Мы жарили каштаны перед двумя разведенными в галерее очагами и, обжигая пальцы, выхватывали из огня засахаренные лакомства; еще я помню старого слепого арфиста, которого мы приютили в сочельник, он пришел и стал играть для нас при мягком свете свечей. С начала войны на дорогах появилось много бродяг; не имея крыши над головой, они скитались из деревни в деревню, где им гораздо чаще доставались оскорбления, чем серебряные монетки. Возможно, это зима добавила Джону великодушия, ибо старика не прогнали. Я и сейчас еще вижу, как он сидит в дальнем углу

галереи – поношенная куртка, рваные штаны, темные круги под глазами – и перебирает проворными пальцами струны арфы, а дрожащий старческий голос звучит необычайно нежно и проникновенно. Я спросила у Джонатана, не боится ли он воров в эти трудные времена. Покачав головой, он с мрачным видом показал рукой на выцветшую драпировку на стенах и потрепанные стулья.

– У меня не осталось ничего ценного, – сказал он. – Ты сама видела, как тут все крушили год назад. – А затем, слегка улыбнувшись и понизив голос, добавил: – Даже в потайной комнате и подземном проходе теперь нет ничего, кроме крыс и паутины.

Я вздрогнула, вспомнив обо всем, что мне пришлось вынести, когда там прятался Дик, но у меня стало легче на сердце, когда, повернувшись, я увидела, как Питер Кортни играет в чехарду со своими детьми; их веселый смех перекрывал печальные, жалобные звуки арфы. Вошли слуги, чтобы закрыть ставни; на какое-то время мой зять задержался у окна, глядя на свинцовое небо, а вместе с ним и мы смотрели, как падают первые бледные снежные хлопья.

– Чайки улетают вглубь суши, – произнес он. – Зима будет суровой.

Было что-то зловещее в его, в общем-то, совсем безобидных словах, что прозвучали как предвестие несчастья. Мой зять еще не кончил говорить, как поднялся ветер: он завыл в каминах и закружил над садом кричащих чаек, столь редко покидавших свои гнезда в скалах, а вместе с ними носились и рассеивались в воздухе стаи перелетных птиц, прилетевших с севера в поисках пристанища.

На следующее утро мы проснулись в необычно спокойном белом мире, солнца на небе не было, собирались снежные облака, и лишь прозрачный призывный звон колоколов церкви в Тайуордрете нарушал безмолвие этого мира.

Я подумала о Ричарде, о том, как он сидит один со своим штабом в Веррингтоне, и испугалась, что из-за перемены погоды и сугробов, которые на Бодминских болотах достигают десяти футов, он теперь уже ни за что не сдержит своего обещания.

Но он приехал в полдень 9 января, когда на одни сутки оттепель превратила ледяную снежную корку в слякоть и лишь отважный всадник мог рискнуть проехать по дороге, что вела от Лонстона к Бодмину. Он привез с собой Джона Гренвила и младшего брата Джека – Банни, ровесника Дика, подростка с задиристым волевым подбородком и озорными глазами. Проведя Рождество со своим дядей, он теперь больше не расставался с ним и клялся, что уже не вернется в Стоу к матери и

учителю, а присоединится к армии и будет убивать мятежников. Когда я увидела, как Ричард ласково треплет его за ухо, смеется и шутит с ним, у меня сжалось сердце от обиды за Дика, такого одинокого за морем в Нормандии. Его никто не любил, разве что этот зануда Герберт Ашли, и я подумала, неужели так будет всегда, и Ричард, такой заботливый и добрый с другими мальчиками – чем и завоевывал их преданность, – останется чужим для собственного сына.

Мой зять, хорошо знавший Бевила, встретил его сыновей как гостей, и после первого мимолетного замешательства – ведь этот приезд явился неожиданностью – он учтиво поздоровался и с Ричардом. По-моему, Ричард выглядел теперь получше – суровая зима пошла ему на пользу, – и спустя пять минут только его голос и был слышен в галерее; в его присутствии семейство Рашли как бы онемело, и мое чутье подсказывало мне, что его приезд положил конец их праздничному настроению. Питер Кортни – главный затейник – на мгновение как бы лишился дара речи, и я заметила, как он, нахмурившись, подал знак Элис, чтобы та отчитала их старшую девочку, которая безо всякой боязни вертелась возле Ричарда и тянула его за пояс.

Из-за генерала никто из них уже не вел себя непринужденно, и, взглянув на свою сестру Мэри, я увидела у нее на лице хорошо мне знакомое выражение неодобрения: она думала о своей кладовой, о том, что ей выставить на стол, и еще, мне кажется, она ломала голову, какую комнату ему выделить, поскольку все мы ютились в одном-единственном обитаемом крыле.

– Вы, наверное, вернетесь в Труро? – спросила она у него, полагая, что он уедет утром.

– Нет, – ответил он. – Я подумал, что, пока стоят морозы, я мог бы недельку пожить у вас в Менебилли и пострелять не в мятежников, а в уток.

Я заметила, как Мэри метнула испуганный взгляд на Джонатана, и тут наступило молчание, которое ничуть не смутило Ричарда, – привыкший слушать лишь самого себя, он продолжал увлеченно ругать раздражавшую его медлительность корнуолльцев.

– На северном побережье, где родились и выросли эти ребята, да и я сам, ответ дается тут же, как это и должно быть. Но южнее Бодмина герцогство распадается на отдельные части, а люди уподобляются улиткам.

То, что Рашли родились на юго-востоке Корнуолла, его ничуть не беспокоило.

– Я бы никогда не смог, – продолжал он, – долго находиться в

Киллигарте. Дайте парню из Полперро или Лу приказ в Рождество, и, если вам повезет, он будет исполнен к середине лета.

Джонатан Рашли, у которого имелись поместья в обоих указанных местах, упорно смотрел прямо перед собой.

– Но стоит вам только свистнуть вечером парню, который родом из Страттона, Морвенстоу или Бьюда, и к утру он будет у вас. Скажу вам со всей откровенностью: будь в моей армии одни только парни с Атлантического побережья, я бы уже завтра совершенно хладнокровно встретился лицом к лицу с Фэрфаксом. Но ведь крысы из Труро и прочих мест развернутся и побегут при одном только виде стали.

– Думаю, вы недооцениваете своих и моих земляков, – спокойно сказал Джонатан.

– Отнюдь. Просто я их слишком хорошо знаю.

Я прикинула, что, если всю неделю разговор будет вестись в таком же напряженном тоне, в Менебилли сложится непростая обстановка. Но Джек Гренвил с тактом, выработавшимся у него за длительную практику, хлопнул дядю по плечу.

– Взгляните, сэр. Вон ваши утки. – Он указал рукой на небо над садом, которое было по-прежнему серым и тяжелым от невыпавшего снега, и мы увидели летевшего в сторону Гриббена чирка.

Ричард немедленно превратился в мальчишку: он смеялся, шутил, хлопал по плечам своего племянника, – и спустя мгновение его новое настроение передалось нашим мужчинам, и вот уже Джон, Питер и даже мой зять зашагали к берегу. Ну а мы, женщины, закутались в плащи и вышли на дорогу на насыпи, чтобы понаблюдать за этой забавой, и, когда Ричард с большим соколом Питера на рукавице обернулся и взглянул на меня, мне почудилось, что время повернулось вспять. Мальчишки, громко крича и окликая друг друга, побежали через заросли чертополоха к длинному лугу в Придмутской долине, где раздавался лай собак.

На полях еще лежал снег, и коровы жадно выискивали корм. Стаи осмелевших чибисов с криками кружили у нас над головой. На миг в белом небе из-за туч выглянуло солнце и засияло нам, и весь мир вокруг засверкал.

«Это небольшая пауза, на одну-две секунды, – подумала я. – Я со своим Ричардом, Элис со своим Питером, Джоан со своим Джоном. Сегодня ничто не может нас потревожить. Войны нет. И враг не стоит в Девоне, ожидая приказа, чтобы двинуться на нас».

Я мысленно вернулась в прошлое, и события 1644 года показались мне всего лишь ужасным сном, который никогда не повторится. Но, посмотрев

на долину и дальний холм, я увидела дорогу, что, извиваясь среди полей Трегарса и Калвер-Клоуза, спускалась к песчаному берегу Придмута, и вспомнила солдат, которые появились тут на горизонте в тот роковой августовский день. Наверняка Ричард все-таки заблуждался. Не может быть, чтобы они пришли снова. Из долины донесся крик, с болот поднялись утки, над которыми кружили соколы, и внезапно меня безо всякой причины охватила дрожь. Затем солнце сделалось бесцветным, по морю пробежала рябь, а над Гриббенским холмом прошла большая туча. Что-то холодное и влажное мягко упало мне на щеку. Это снова пошел снег.

В тот вечер Джонатан и Мэри рано удалились в свою комнату, а мы уселись возле камина.

Слепой арфист покинул нас в Новый год, так что некому было и поиграть – одна Элис перебирала струны своей лютни. Питер пел, а братья Гренвилы, Джек и Банни, тихонько насвистывали мелодию. Этой излюбленной забаве мальчишек-школьников они научились у своего отца Бевила еще в ту пору, когда большой дом в Стоу был наполнен музыкой и пением. Джон подбросил поленьев в огонь и задул свечи; пламя освещало все помещение, отражаясь на деревянной обшивке стен и на лицах всех нас, сидевших вокруг очага.

У меня и сейчас еще стоит перед глазами Элис, какой она была в тот вечер, когда перебирала пальцами струны лютни, с обожанием глядя на своего Питера, который – увы! – окажется впоследствии таким неверным.

Он же, чувствуя, как его напряжение, вызванное присутствием генерала, тает, спадает от блеска огня и из-за позднего часа, откинул голову и запел для нас.

Ужели ты вот так меня покинешь?
Скажи, что нет, скажи, хотя бы из стыда.
Как! Чтобы избежать лишь осужденья,
Покинешь друга в горестном томленье?
Скажи, что нет, скажи, что никогда!

Я заметила, как, взявшись за руки, улыбаются Джоан и Джон; Джон, с его милым, честным лицом, никогда не изменит своей Джоан и не предаст ее, как это делает с Элис Питер, – не пройдет и шести лет, как волею судьбы он покинет Джоан навсегда, ускользнув от нее в тот край, откуда никто не возвращается.

Ужель вот так меня ты и покинешь,
Не сжалившись над тем, кто так тебя любил?
О ты, жестокосердная,
Ужель вот так меня покинешь,
Кто верил и молил, кто верил и молил?
Солги... Но только никогда
Не покидай меня, вовеки, никогда!

Из-под пальцев Элис вылетали жалобные, нежные звуки лютни, и, вторя им, тихо насвистывали, прикрыв рот руками, Джек и Банни. Я украдкой бросила взгляд на Ричарда. Он пристально смотрел на пламя, положив перед собой на стул раненую ногу. Подрагивавший свет огня бросал ему на лицо тени, искажая его черты, и я не могла сказать, смеется он или плачет.

– Когда-то давно ты мне пел это, – шепнула я ему, но если он и расслышал меня, то все равно не подал виду и не шевельнулся.

Он дождался, когда Питер допоеет последний куплет, затем, выпустив в воздух большую струю дыма, он протянул руку к лютне Элис.

– Все мы здесь влюблены, не так ли? – неожиданно задал он вопрос. – Каждый по-своему, за исключением вот этих юнцов.

Он насмешливо улыбнулся и ударил по струнам лютни.
Твоя нареченная так несказанно прелестна —
Одним только взглядом она превращает в калеку.
В гирляндах цветов проплывает в таком ослепительном блеске,
Что разве лишь звезды небесные рядом не блекнут.
А впрочем, хотя поцелуй ее сладок и лестен,
Кем она станет, пойми, через годы, ушедшие в Лету.

Сделав паузу, он многозначительно взглянул на них, и я увидела, как Элис откинулась на спинку кресла, бросая неуверенные взгляды на Питера, а Джоан, поджав губы, мяла в руках складки платья. «О Господи, – подумала я, – зачем же было разрушать очарование! Зачем было обижать их? Они ведь как дети».

А потому, что терзаться нам глупой заботой мирскою,
Омрачая покой и веселье печальною тенью.

Давайте ж гулять, веселиться, пока не прищемит могильной доскою,
Ибо воистину сказано, что за кончиною нет наслаждения,
Потому как здоровье и разум, богатство и чувство костлявой рукою
Превращаются в пыль, как годы в мгновение.
Он взял последний аккорд и, встав, с поклоном вручил лютню Элис.

– Ваш черед, леди Кортни, – сказал он. – Или, быть может, вы предпочитаете сыграть в бирюльки?

Кто-то – кажется, Питер – натужно рассмеялся. Затем Джон поднялся, чтобы зажечь свечи. Джоан, наклонившись вперед, разгребла кочергой головни, чтобы огонь поскорее потух. Слабо померцав, они погасли. Очарование было разрушено.

– А снег все идет, не переставая, – сообщил Джек Гренвил, распахнув ставни. – Будем надеяться, что в Девоне вырастут двадцатифутовые сугробы и под ними будут погребены Фэрфакс и его доблестные соратники.

– Куда больше вероятность, – произнес Ричард, – что под ними окажется погребен Вентворт, который сидит у Фэрфакса на хвосте в Бовей-Трейси.

– Почему все встают? – спросил юный Банни. – Разве музыки больше не будет?

Но никто ему не ответил. Война снова нависла над нами, а с ней и страх, сомнение, неотступное ощущение опасности, и все безмятежное спокойствие этого вечера рассеялось.

Глава 26

В ту ночь я спала беспокойно, один тревожный сон сменялся другим, в какой-то момент мне показалось, что я слышу в саду конский топот. Однако мое окно выходило на восток, и я решила, что мне померещилось. Наверное, это ветер завывал в заснеженных деревьях. Но когда Мэтти пришла ко мне с завтраком, в руках у нее была записка от Ричарда, и я узнала, что ничего-то мне не померещилось и что, как только забрезжил рассвет, Ричард с обоими Гренвилами и Питером Кортни покинули дом.

В Менебилли прискакал гонец с известием, что Кромвель напал ночью в Бовей-Трейси на лорда Вентворта и, застав королевскую армию спящей, взял в плен четыреста человек конницы, а остатки пехоты – кто не был взят в плен – в полном беспорядке и смятении бежали в направлении Тавистока.

«Вентворта застигли врасплох, – нацарапал второпях Ричард на клочке бумаги, – случилось именно то, чего я опасался. То, что могло бы оказаться небольшой неудачей, обернется катастрофой, если будет дан общий приказ к отступлению. Я намереваюсь отправиться прямо на Совет принца и предложить им свои услуги. Если они не назначат меня Верховным главнокомандующим, чтобы я взял под свое начало эту толпу Вентворта, Фэрфакс и Кромвель очень скоро окажутся по эту сторону Теймара».

Мэри зря беспокоилась: сэр Ричард Гренвил провел под крышей ее дома одну-единственную ночь, а не неделю, чего она так страшилась... В то утро я встала с постели с тяжелым сердцем. Спустившись по лестнице в галерею, я застала там Элис в слезах, поскольку она знала, что, когда наступит решающий момент, Питер будет сражаться в передних рядах. Мой зять выглядел весьма озабоченным и уехал в полдень тоже в сторону Лонстона, чтобы узнать, какая помощь в случае вражеского вторжения может потребоваться от крупных землевладельцев и мелкопоместного дворянства. Джон и Фрэнк Пенроуз взялись предупредить арендаторов о том, что вновь может возникнуть нужда в их услугах, и этот день ужасно напоминал тот, другой, августовский, который отделяло от нас восемнадцать месяцев. Но сейчас был не разгар лета, а разгар зимы, и не было сильной корнуолльской армии, чтобы заманить мятежников в западню, и другой королевской армии, чтобы двигаться с тыла. Корнуолльцы сражались в одиночку – короля отделяли от них триста миль, если не больше, – а генерал Фэрфакс весьма отличался как полководец от

графа Эссекса. Он не сунется в западню, ну а если двинется сюда, то уж абсолютно точно переправится через Теймар.

Днем к нам присоединилась Элизабет из Комба, муж которой тоже уехал, и поведала нам, что по Фою ходят слухи, будто осада Плимута снята и отряды Дигби вместе с остатками армии Вентворта в спешном порядке отступают к мостам через Теймар.

Мы сидели в галерее перед тлевшим очагом – маленькая группка несчастных женщин, – и я не сводила глаз с той самой головни, что так ярко горела в предыдущий вечер, когда с нами были наши мужчины, а теперь вот чернела среди пепла.

Мы уже познали неприятельское вторжение, испытали на себе ужасы кратковременной вражеской оккупации, но мы еще никогда не знали поражения. Элис и Мэри говорили о детях, о необходимости на сей раз запрятать провизию в комнатах под паркетом. Как будто единственное, что нам грозило, это осада! Но я ничего не сказала, лишь смотрела на огонь, задаваясь вопросом, на чью же долю выпадет больше страданий: на долю тех, кто сразу погибнет в бою, или тех, кто останется в живых, чтобы испытать плен и пытки. Я тогда знала одно: по мне, так пусть уж лучше Ричард погибнет в бою, чем останется здесь и попадет в руки приверженцев парламента. Мне страшно даже было подумать, что они сделают с «шельмой» Гренвиллом, если схватят его.

– Король, конечно же, двинется на запад, – так говорила Элизабет. – Не может быть, чтобы он покинул Корнуолл в беде. Говорят, он сейчас набирает большое войско в Оксфордшире. Вот когда наступит оттепель...

– Наши укрепления выдержат натиск мятежников, – сказала Джоан. – Джон разговаривал с одним человеком в Тайуордрете. За последнее время многое было сделано. Говорят, у нас есть новый мушкет – с более длинным стволом. Я в точности не знаю, но если верить Джону, мятежникам не выстоять...

– У них нет денег, – вступила в разговор Мэри. – Джонатан говорит, что парламент испытывает отчаянную нужду в деньгах. Народ в Лондоне умирает от голода. У них нет хлеба. Парламент будет вынужден запросить, какие условия выдвигает король, ибо мятежники не в состоянии продолжать войну. С наступлением весны...

Мне хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать их голосов. Без конца одно и то же, одни против других. Старые лживые выдумки, которые так часто рассказывались. «Так не может продолжаться...» «Они должны сдаться...» «Они хуже нас снабжены...» «Когда настанет оттепель, когда придет весна...» Тут я внезапно осознала, что на меня смотрит Элизабет –

она оказалась менее сдержанной, чем Элис, и с ней я была не очень хорошо знакома – и спрашивает:

– А что говорит сэр Ричард Гренвил? Вы-то наверняка слышали что-нибудь о том, что происходит. Он собирается напасть на мятежников и отбросить их в Дорсет?

Ее, да и их, неведение было столь полным, что у меня не нашлось ни сил, ни желания просвещать ее.

– Напасть? – переспросила я. – И с какими же силами он, по-вашему, нападет?

– Как с какими? С теми, что имеются в его распоряжении, – ответила она. – У нас в Корнуолле найдется немало крепких мужчин.

Я подумала об угрюмой толпе, что видела на площади в Лондоне, и о горстке сильных парней в поле за Веррингтоном с гербом Гренвиллов на нашивках.

– Небольшой отряд из насильственно завербованных людей и добровольцев против пятидесяти тысяч хорошо обученных солдат? – спросила я у нее.

– Но в рукопашном бою мы их превосходим, – настаивала Элизабет. – Все так говорят. У мятежников хорошее снаряжение, но когда наши парни встречаются с ними лицом к лицу в честном бою в открытом поле...

– Вы разве не слышали про Кромвеля и его армию «Новая модель»? Вам непонятно, что никогда еще в Англии не существовало подобной армии?

Они в полном замешательстве уставились на меня, а Элизабет, поведя плечами, сказала, что я очень сильно изменилась за этот год и стала теперь придерживаться пораженческих взглядов.

– Если бы все так рассуждали, – сказала она, – нас бы уже давно разбили. Полагаю, что вы научились этому у сэра Ричарда. Неудивительно, что его не любят.

Элис выглядела смущенной, и я заметила, как Мэри пихнула Элизабет ногой.

– Не беспокойтесь, – сказала я. – Я знаю его недостатки куда лучше, чем вы все, вместе взятые. Но мне кажется, что, если бы только Совет принца захотел на сей раз прислушаться к тому, что говорит сэр Ричард, мы могли бы спасти Корнуолл от вторжений.

Вернувшись в тот вечер к себе в комнату, я выглянула в окно, чтобы узнать, что творится на дворе с погодой: ночь была ясная и светили звезды. Значит, хотя бы в ближайшие часы снегопада не будет. Я позвала Мэтти и сообщила ей о своем решении: если можно будет заполнить повозку в

Тайуордрете, я последую за Ричардом обратно в Веррингтон и отправлюсь в путь уже завтра в полдень, заночую в Бодмине, чтобы на следующий день быть уже в Веррингтоне. Но, поступая таким образом, я нарушу его последние инструкции. Однако в душе у меня было предчувствие, что если только я не увижу его сейчас, то не увижу уже никогда. О чем я тогда думала, чего именно опасалась? Затрудняюсь сказать. Но у меня мелькнула мысль, что он может пасть в бою, и если я сейчас последую за ним, то по крайней мере буду рядом с ним.

Утро следующего дня, как я и предполагала, выдалось погожим. Я встала рано, спустилась к завтраку и сообщила семейству Рашли о своем плане. Они все как один принялись умолять меня остаться, говоря, что это чистое безумие – путешествовать по дорогам в такое время года; но я была тверда, и в конце концов Джон Рашли, мой дорогой, верный друг, все организовал и проводил меня до самого Бодмина.

На Бодминских болотах было ужасно холодно, так что, когда мы с Мэтти отъезжали на рассвете от гостиницы в Бодмине, я не испытывала особой радости от предстоящего путешествия. Перед нами простиралась дорога на Лонстон – унылая, открытая всем ветрам, с большими сугробами по краям; один неверный шаг наших лошадей – и мой паланкин разлетелся бы на куски. Хотя мы и были закутаны в шерстяные одеяла, резкий нестихающий ветер проникал сквозь занавески, обмораживая нам лица, и когда мы сделали остановку в Файв-Лейнсе, чтобы согреться горячим супом и вином, я была уже готова отказаться от идеи ехать дальше и подумывала о том, чтобы устроиться на ночлег в Алтарнуне. Однако один человек на постоялом дворе положил конец моим колебаниям.

– Вчера и позавчера тут проходили солдаты, – сказал он, – дезертиры из той армии, что стоит под Плимутом. Люди сэра Джона Дигби. Они направляются к себе домой, в Западный Корнуолл. Они сказали, что не собираются оставаться на берегах Теймара, чтобы их там всех уничтожили.

– Что они рассказывали? – спросила я с тяжелым сердцем.

– Ничего хорошего, – ответил он. – Всюду смятение. Одни приказы противоречат другим. Сэр Ричард Гренвил был на берегах Теймара, осмотрел мосты и распорядился взорвать их, когда в этом возникнет необходимость, а пехотный полковник отказался исполнять приказ, заявив, что он подчиняется одному только сэру Джону Дигби. Что с нами будет, если генералы начнут воевать между собой?

Я сникла и приказала повернуть повозку обратно на Веррингтонскую дорогу. Я не буду устраиваться на ночлег в Алтарнуне. Мне необходимо попасть в Веррингтон до наступления ночи.

Затем, когда мы одни-одинешеньки двигались вперед среди заснеженных болот под сильными порывами ледяного ветра, нам навстречу попадались отдельные человеческие фигуры, шедшие на запад; их одеяние ясно говорило о том, что когда-то это были солдаты короля, а теперь – дезертиры. Хотя они посинели от холода и голода, вид у них был наглый и угрюмый, будто их больше не волновало, что с ними станет. Когда наша повозка обгоняла их, некоторые из них кричали:

– К черту эту войну! Мы возвращаемся по домам. – И, глумясь над нами, они трясли кулаками в сторону паланкина: – Вы едете к самому дьяволу.

Короткий зимний день подошел к концу, и к тому времени, когда мы добрались до Лонстона и свернули от города на Стефенс, было уже темным-темно и снова повалил снег. Задержись мы в пути хотя бы на час – и мы застряли бы в снежных заносах на дороге, где по обеим сторонам от нас простиралась бы одна обширная вересковая пустошь. Наконец мы добрались до Веррингтона, который я уже и не чаяла увидеть снова, и, когда перепуганный часовой у ворот узнал меня и пропустил повозку в парк, я подумала, что даже он, человек Гренвила, порастерял свой уверенно-горделивый вид и, случись что, станет не лучше тех дезертиров, что мы встретили на дороге.

Мы въехали на мощный двор, и ко мне направился офицер – лицо его мне было незнакомо. Мое имя не произвело на него никакого впечатления. Он сказал, что генерал на совещании и его нельзя беспокоить. Я подумала, что мне мог бы помочь Джек, и спросила, нельзя ли передать сэру Джону Гренвилу или его брату, мистеру Бернарду, что госпожа Онор Харрис просит принять ее по весьма срочному делу.

– Сэр Джон больше не состоит при генерале, – ответил офицер. – Вчера его вновь затребовал к себе принц Уэльский. А Бернард Гренвил вернулся в Стоу. Теперь я являюсь адъютантом генерала.

Это было не очень-то обнадеживающе, поскольку он меня не знал, и, покуда я всматривалась в силуэты военных, которые сновали взад-вперед по коридору, до меня донеслась издалека барабанная дробь. «Как же неуместен и безумен мой приезд, – подумала я, – ибо что же делать им со мной – женщиной, да еще калекой, – в такой напряженный момент?»

До моего слуха донеслись неразборчивые голоса.

– Они выходят, – сказал офицер. – Совещание закончилось.

Я разглядела полковника Роскаррока, верного друга Ричарда, которого хорошо знала, и в отчаянии, высунувшись из паланкина, окликнула его. Он немедленно подошел ко мне. Видно было, что он крайне изумлен, но он тут

же спохватился и с подлинной галантностью постарался скрыть свою растерянность. Полковник распорядился, чтобы меня внесли в дом.

– Ни о чем меня не спрашивайте, – сказала я. – Я догадываюсь, что приехала в неподходящий момент. Можно мне с ним увидаться?

Какую-то долю минуты он колебался.

– Почему же нет. Конечно, он захочет с вами увидаться. Но должен предупредить вас, дела складываются неважно. Нам всем весьма жаль...

Он в смущении умолк, при этом вид у него был самый разнесчастный.

– Пожалуйста, – попросила я, избегая смотреть ему в глаза, – прошу вас, скажите ему, что я здесь.

Он немедленно отправился в комнату, которую выбрал для себя Ричард и где мы с ним просиживали ночами на протяжении семи месяцев. Пробыв там какое-то время, он вернулся ко мне. Мое кресло спустили с паланкина на землю, и он вкатил его в комнату, затем вышел, закрыв за собой дверь.

Ричард стоял у окна. На его суровом лице застыли столь хорошо знакомые мне жесткие складки. Могу сказать, что в тот момент его мысли меньше всего на свете были заняты моей персоной.

– Какого черта ты здесь? – устало спросил он.

Это был не тот прием, какого бы мне хотелось, но иного я и не заслуживала.

– Извини, – сказала я. – Но я не могла уже оставаться там, после того как ты уехал. Если что-то должно случиться – а я знаю, что так и будет, – я хочу все разделить с тобой. Я имею в виду опасность и все последствия.

Он хмыкнул и бросил мне на колени бумагу.

– Опасности не будет – ни для тебя, ни для меня. Может, в конечном счете и хорошо, что ты приехала. Мы отправимся на запад вместе.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила я.

– Вот письмо. Можешь его прочесть, – сказал он. – Это копия послания, только что отправленного мною Совету принца, в котором я сообщаю, что подаю в отставку и оставляю армию его величества. Они получают его через час.

Я ответила не сразу. Я сидела, сохраняя невозмутимое спокойствие.

– Что это значит? – спросила я наконец. – Что случилось?

Он подошел к огню и остановился, заложив руки за спину.

– Вернувшись из Менебилли, я тут же отправился к ним. Я сказал, что если они хотят спасти Корнуолл и принца, то им следует назначить Верховного главнокомандующего. Люди дезертируют сотнями, дисциплины больше не существует. Это было бы единственной надеждой, последним шансом. Они поблагодарили меня. Сказали, что изучат этот

вопрос. Я уехал. На следующее утро я отправился в Ганнислейк и Каллингтон, осмотрел укрепления. И там я отдал приказ одному пехотному полковнику взорвать мост, когда в том возникнет необходимость. Он оспорил мое распоряжение, заявив, что получил приказ совершенно иного свойства. Тебе не хочется узнать его имя?

Я ничего не сказала. Какое-то врожденное чутье подсказало мне его.

– Это твой брат, Робин Харрис, – произнес Ричард. – Он даже осмелился примешать твое имя к военным делам. «Я не стану исполнять приказы человека, – заявил он, – который погубил жизнь и репутацию моей сестры. Мой командир – сэр Джон Дигби, а он распорядился оставить этот мост в целости».

Какое-то мгновение Ричард смотрел на меня, а затем принялся шагать взад-вперед по ковровой дорожке перед камином.

– Просто в голове не укладывается, – сказал он. – Такая глупость, такое невежество! То, что он твой брат и примешивает личную ссору к делу служения королю, – плевать. Но оставить мост Фэрфаксу, иметь наглость заявить мне, Гренвилу, что Джон Дигби знает дело лучше меня...

Я представила Робина: раскрасневшийся, с бьющимся сердцем, распираемый праведным гневом, он думал – бедный мой глупыш, – что, бросая вызов своему командиру, он в какой-то мере защищает меня и унижает – довольно-таки нелепо – соблазнителя своей сестры.

– А что потом? – спросила я. – Ты виделся с Дигби?

– Нет, – ответил Ричард. – Какой смысл? Он бы бросил мне вызов, как это сделал твой брат. Я вернулся сюда, в Лонстон, чтобы получить от Совета полномочия Верховного главнокомандующего и затем продемонстрировать свою власть всей армии, а Дигби с твоим братом пусть катятся ко всем чертям!

– И ты их получил?

Он наклонился над столом и, схватив небольшой кусок пергамента, сунул его мне в нос.

– Совет принца, – прочитал он, – назначает лорда Гоптона Верховным командующим войсками его величества на западе и высказывает пожелание, чтобы сэр Ричард Гренвил служил под его началом как генерал-лейтенант пехоты.

Он читал медленно, с ужасным пафосом и презрением, а затем разорвал эту бумагу на мелкие куски и швырнул их в огонь.

– Вот им мой ответ, – сказал он. – Они вольны поступать, как им заблагорассудится. Завтра мы с тобой возвращаемся стрелять уток в Менебилли.

Он позвонил в стоявший на камине колокольчик, и в дверях возник его новый адъютант.

– Прикажи слугам подать какой-нибудь ужин, – распорядился он. – Госпожа Харрис проделала нелегкий путь и не обедала.

Когда офицер вышел, я протянула руку к Ричарду.

– Ты не можешь этого сделать, – сказала я. – Ты должен поступать так, как они тебе велят.

Он в гневе повернулся ко мне.

– Должен? – воскликнул он. – Да при таких обстоятельствах и речи быть не может о каком-либо долге. Думаешь, я стану раболепствовать перед этим адвокатишкой? Это все его рук дело, и осуждать нужно его. Представляю, как он со своими вкрадчивыми повадками стряпчего говорит членам Совета: «Этот солдафон Гренвил опасен. Если мы поручим командовать ему, он станет выше нас по положению и заявит нам, чтобы мы не совали нос в чужие дела. Мы назначим на эту должность Гоптона. Гоптон не осмелится выйти из повиновения. А когда неприятель переправится через Теймар, Гоптон будет сдерживать его столько времени, сколько потребуется нам, чтобы добраться с принцем до острова Гернси». Вот так рассуждает этот адвокат. Вот что у него на уме. Предатель, вероломный трус!

Он стоял передо мной, лицо его побелело от гнева.

– Но, Ричард, любовь моя, – упорствовала я, – неужто ты не понимаешь, что в нынешней обстановке вероломным они назовут как раз тебя? Отказаться служить под началом другого, когда враг в Девоне! На тебя станут указывать пальцем и оскорблять будут тебя! Тебя, а не Хайда!

Он не хотел слушать и просто отмахнулся от меня.

– Дело не в тщеславии, тут задета моя честь. Они мне не доверяют, следовательно я подаю в отставку. А теперь, ради бога, давай поедим и больше ни слова об этом. Расскажи мне, что, в Менебилли по-прежнему идет снег?

В этот последний вечер я проиграла в своей борьбе за него. Проиграла самым жалким образом. Я не предприняла никаких усилий, чтобы подстроиться под его настроение, когда он столь внезапно перешел от страшного гнева к напускной веселости. Мне хотелось поговорить с ним о будущем, о том, что он намеревается делать, но он и слушать бы меня не стал. Я спросила, что думают его офицеры, что сказали полковник Роскаррок и полковники Арунделл и Фортискью. Поддержали ли они его в таком важном и необычном решении? Но он отказался говорить на эту тему. Велев слугам откупорить еще одну бутылку вина, он с улыбкой

осушил ее всю, как сделал это семью месяцами раньше в Оттери-Сент-Мэри. Было уже около полуночи, когда новый адъютант постучался в дверь, в руках он держал письмо.

Ричард взял у него бумагу и прочел, затем со смехом швырнул в огонь.

– Совет предписывает мне явиться завтра в десять во двор Лонстонского замка. Быть может, они намечают какую-нибудь простую церемонию и мне будет пожалован графский титул. Традиционная награда неудачливому солдату.

– Ты поедешь? – спросила я.

– Поеду, – ответил он. – А затем мы с тобой направимся в Менебилли.

– А ты не смягчишься? – спросила я. – Не поступишь своей гордыней, или, как ты это называешь, своей честью, и не согласишься на то, что они от тебя требуют?

Какое-то время он, не улыбаясь, смотрел на меня.

– Нет, – произнес он медленно. – Я не смягчусь.

Я отправилась спать в свою бывшую комнату, находившуюся рядом с его, оставив дверь между нашими комнатами открытой на тот случай, если бессонница заставит его прийти ко мне. В три часа ночи я услышала его шаги на лестнице, однако он не заговорил со мной и не позвал меня.

Я проспала, быть может, час-два. Не помню. Когда я проснулась, все еще шел снег и небо было пасмурным и серым. Я велела Мэтти в спешном порядке одеть меня и послала записку Ричарду с просьбой принять меня.

Вместо этого он пришел ко мне сам и с большой нежностью сказал, чтобы я оставалась в постели, во всяком случае, до того времени, пока он не вернется из Лонстона.

– Я буду через час, самое позднее – через два. Я только выскажу членам Совета все, что я о них думаю, а затем вернусь, и мы с тобой позавтракаем. Весь мой гнев вышел сегодня утром. Я чувствую себя свободным, и у меня легко на сердце. Знаешь, довольно необычное ощущение, когда на тебе больше не висит груз ответственности.

Поцеловав мне руки, он удалился. Я услышала постепенно затихающий цокот копыт в парке. Простая барабанная дробь и затем – тишина. Лишь звуки шагов часовых, прохаживавшихся взад-вперед перед домом. Я устроилась в кресле возле окна, укрыв колени пледом. Не переставая шел снег. Луг перед Лонстонским замком, наверно, будет устлан белым ковром. Здесь, в Веррингтоне, пейзаж был пустынным. Ниже по реке остановился, спрятавшись за деревьями, олень. В полдень Мэтти принесла мне еду, пристально вглядываясь в глубину парка, следы конских копыт теперь уже запорошило снегом, а снежинки, примерзая к стеклу,

застилали мне вид. Было, наверное, три часа, когда я услышала бряцанье доспехов – это вытянулись по стойке «смирно» часовые, – и в очередной раз донеслась глухая барабанная дробь. От северных ворот к дому скакали всадники, но поскольку мое окно выходило на другую сторону, то мне их не было видно. Я ждала. Ричард, возможно, не сразу придет ко мне – ему, наверное, нужно многое посмотреть в нижней комнате. Без четверти четыре раздался стук в мою дверь, и слуга, понизив голос, спросил, может ли госпожа Харрис принять полковника Роскаррока. Я сказала: «Конечно» – и села, сложив руки на коленях, одолеваемая слишком хорошо знакомыми мне опасениями.

Он вошел и остановился в дверях, на лице у него было отчетливо написано, что страдась беда.

– Говорите же, – сказала я. – Уж лучше сразу узнать самое худшее.

– Они арестовали его по обвинению в измене принцу и его величеству, – медленно проговорил он. – Его схватили прямо на глазах его свиты и всех нас, его офицеров.

– Где они заключили его под стражу?

– Там же, в Лонстонском замке. Губернатор с эскортом солдат ждал, чтобы забрать его. Я бросился к нему и стал умолять его завязать бой. Я говорил, что стоит ему только сказать одно слово, и на его защиту встанут штаб, отряды да и вся армия. Но он отказался. «Нужно повиноваться принцу», – сказал он. Там, на лугу перед замком, он улыбнулся нам и пожелал удачи. Затем отдал свою шпагу губернатору, и они его увели.

– И больше ничего? – спросила я. – Никаких других слов на прощание?

– Ничего, он только велел мне позаботиться о вас и препроводить в целости и сохранности к вашей сестре.

Я сидела очень спокойно, внутри у меня все похолодело, я перестала что-либо ощущать.

– Это конец, – сказал полковник Роскаррок. – Кроме Ричарда Гренвила, в армии нет другого человека, способного повести нас за собой. Когда Фэрфакс надумает напасть на Корнуолл, он не встретит отпора. Это конец.

«Да, – подумала я. – Это конец». Множество людей погибло, сражаясь, и все напрасно. Теперь не будут взорваны мосты, не будут охраняться дороги и никто не будет удерживать укрепления. Приказ Фэрфакса о наступлении будет исполнен, и отряды мятежников переправятся через Теймар. Ничего не изменить. Конец свободе в Корнуолле. На многие месяцы, годы, поколения. А Ричард Гренвил, который мог бы спасти свой

край, теперь пленник у своих же, в Лонстонском замке.

– Если бы только у нас было время, – сказал полковник Роскаррок, – мы могли бы составить петицию с просьбой освободить его, под ней подписались бы все мужчины и все женщины в герцогстве. Мы могли бы найти способ направить своих посланцев к самому его величеству и попросить о прощении, настаивая на том, что приговор Совета несправедлив. Если бы только у нас было время...

«Если бы только у нас было время...» «Когда наступит оттепель...» «Когда придет весна...» Было 19 января, и по-прежнему шел снег.

Глава 27

Первым моим побуждением было покинуть Веррингтон, что я и сделала в тот же вечер, еще до того, как приехал из штаба сэр Чарлз Треваннион, чтобы от имени своего командира принять дела. У меня больше не было никакого права оставаться там, и я не хотела ставить в неудобное положение Чарлза Треванниона, который хорошо знал моего отца. Так что я перебралась в Лонстон и поселилась неподалеку от замка, в гостинице на Брод-стрит; что же до полковника Роскаррока, то он, устроив меня там, уехал, взяв у меня письмо к губернатору, в котором я ходатайствовала о свидании с Ричардом на следующее утро. Он вернулся в девять часов с учтивым, но весьма категоричным отказом. Губернатор сказал, что по строжайшему распоряжению Совета принца никому не позволялось видаться с Ричардом Гренвилем.

– Мы намереваемся, – поведал мне полковник Роскаррок, – послать делегацию к самому принцу в Труро. Я знаю, Джек Гренвил замолвит слово за своего дядю, да и не он один. Как только распространилась весть об аресте генерала, в частях поднялся ропот, и вследствие этого им было приказано не покидать мест своей дислокации в течение двух суток. Из сказанного губернатором, по-моему, можно сделать вывод, что они опасаются бунта.

В тот день я больше ни о чем не могла его просить, поскольку и так уже отняла у него слишком много времени, а посему, пожелав ему спокойной ночи, я отправилась в постель, чтобы провести отвратительную ночь в постоянных думах о том, в какую башню они его поместили и устроен ли он в соответствии со своим рангом.

На следующий день – двадцатого – из-за сильного дождя со снегом дороги развезло, и, думаю, именно поэтому, а также из-за постигшего меня несчастья мне ни разу не случилось ненавидеть какое-либо место больше, чем я ненавидела в тот момент Лонстон. Само название звучало как темница. Незадолго до полудня у меня объявился полковник Роскаррок с известием, что по всему городу развешаны официальные объявления, в которых сообщается, что сэр Ричард Гренвил смещен со всех своих постов и уволен из рядов армии его величества – и все это без приговора военного трибунала.

– Так не делается, – проговорил он с горячностью. – Это идет вразрез с военным кодексом и традицией. От столь вопиющей несправедливости

мятеж вспыхнет во всех армейских составах: от солдат до офицеров. У нас должно состояться собрание сегодня, и я дам вам знать сразу по его завершении, что было решено.

Митинги и совещания – не очень-то мне в них верится. Как проклинала я свою беспомощность, сидя в Лонстоне, в снятой мною комнате, выходящей окнами на вымощенную булыжником улицу!

Мэтти тоже пичкала меня оптимистическими историями.

– В городе только и разговоров, что сэра Ричарда заключили в темницу. Те, кто раньше жаловался на его строгость, теперь настаивают на его освобождении из-под стражи. Сегодня днем с тысячу людей пришли к замку, они требовали, чтобы к ним вышел губернатор. Ему придется отпустить сэра Ричарда, если только он не хочет, чтобы спалили его замок.

– Губернатор только исполняет приказ, – сказала я. – Он ничего не может поделать. Им следовало бы обратиться прямо к сэру Эдварду Хайду и Совету.

– В городе говорят, что Совет перебрался обратно в Труро, так как они боятся мятежа.

В тот вечер, когда стемнело, мне были слышны топот тысячи ног на рыночной площади и отдаленные крики, а в небо летели факелы. Несколько факелов было брошено в окна ратуши, и хозяин моей гостиницы, опасаясь за свои собственные, рано запер ставни и двери.

– Они удвоили охрану в замке, – сказал он Мэтти, – а войскам по-прежнему предписано не покидать мест своего расположения.

Я с горечью подумала, насколько типично, что теперь, в своем несчастье, мой Ричард сделался столь популярной фигурой. Страх был тем кнутом, что управляет народом. У людей не было веры ни в лорда Гоптона, ни в любого другого военачальника. Они верили, что один лишь Гренвил в состоянии помешать врагу переправиться через Теймар.

Когда ко мне наконец-то пришел полковник Роскаррок, я прочла по усталому выражению его лица, что ничего значительного не сделано.

– Генерал передал нам, что отказывается быть освобожденным силой. Он настаивает на военном трибунале, чтобы быть выслушанным и иметь возможность защитить себя самому в присутствии принца. А нам и всей армии он велит служить под командованием лорда Гоптона.

Отчего же, скажите мне, ради бога, он сам не поступил так двенадцать часов назад?

– Так, значит, мятежа не будет? – спросила я. – И никакого штурма замка?

– Силами армии – нет, – удрученно сказал полковник Роскаррок. – Мы

дали клятву оставаться верными лорду Гоптону. Вы слышали последнюю новость?

– Нет.

– Пал Дармут. Губернатор сэр Хью Поллард, а с ним и более тысячи солдат взяты в плен. Линия фронта теперь проходит через весь Девон – с севера на юг.

Значит, времени на то, чтобы собрать военный трибунал, уже не будет.

– Какой приказ получили вы от вашего командира? – мрачно спросила я.

– Пока никакого. Вы ведь знаете, он сейчас в Страттоне, принимает дела и собирает свой штаб. Думаем, что день-два от него еще ничего не будет. Так что я в вашем распоряжении. И уж извините меня, но я думаю, что вам вряд ли имеет смысл оставаться в Лонстоне.

Бедный полковник Роскаррок. Я была для него тяжелой обузой, и не следует его за это осуждать. Но мне была невыносима сама мысль, что я могу бросить Ричарда, когда он превратится в узника Лонстонского замка.

– А что, если мне самой встретиться с губернатором?

Но полковник Роскаррок меня не очень обнадежил. Губернатор, по его словам, был не такой человек, чтобы растаять в присутствии женщины.

– Я отправлюсь туда завтра утром, – успокоил он меня, – по крайней мере удостоверюсь, что самочувствие генерала не внушает опасений и что он ни в чем не испытывает нужды.

И с этими словами заверения он покинул меня, я же провела еще одну тоскливую ночь, а утром меня разбудил дальний бой барабанов, затем я услышала у себя под окнами цокот копыт – это проходила конница. Я недоумевала, уж не поступил ли в течение ночи приказ от лорда Гоптона из Страттона и не находится ли армия снова на марше. Я послала Мэтти вниз за новостями, и хозяин гостиницы поведал ей, что войска пришли в движение еще до рассвета.

– Вся конница уже отправилась на север, – сказал он.

Только я закончила завтрак, как посыльный принес мне наспех нацарапанную записку с извинениями от полковника Роскаррока. В ней говорилось, что он получил приказ немедленно прибыть в Страттон, так как лорд Гоптон намеревается двигаться на север, к Торрингтону, и что если у меня есть кто-либо из друзей или родственников в этих краях, то мне было бы лучше немедленно отправиться к ним. У меня не было ни друзей, ни родственников, да я бы не поехала к ним, даже если бы они у меня и были. Вызвав к себе хозяина гостиницы, я велела, чтобы меня отнесли в Лонстонский замок, так как я желаю увидеться с губернатором.

Итак, я отправилась в путь, хорошенько укутанная, чтобы не простудиться, мой паланкин несли четыре парня, а рядом шагала Мэтти. Когда мы достигли ворот замка, я попросила позвать начальника стражи. Он вышел из своего помещения, небритый, на ходу пристегивая шпагу, и я подумала, как бы досталось ему от Ричарда.

– Буду вам благодарна, если вы сообщите о моем приходе губернатору, – сказала я ему.

– Без предварительной записи губернатор никого не принимает, – ответил он тут же.

– Вот письмо. Быть может, вы передадите его губернатору?

Он повертел его в руках, всем своим видом выражая сомнение, затем снова взглянул на меня.

– По какому делу вы здесь, сударыня? – спросил он.

Несмотря на свой неопрятный вид, он не казался недружелюбным, и я решила попытать счастья.

– Я здесь, – сказала я, – чтобы справиться о сэре Ричарде Гренвиле.

Услышав это, он вернул мне письмо.

– Сожалею, сударыня, но вы напрасно прибыли сюда. Сэра Ричарда здесь уже нет.

На мгновение меня охватил панический страх, я вообразила себе поспешную тайную казнь.

– Что вы подразумеваете под словами «здесь уже нет»? – спросила я.

– Сегодня утром он отбыл в сопровождении эскорта в Сент-Майклз-Маунт, – ответил начальник стражи. – Некоторые из его людей прошлой ночью покинули месторасположение своих частей и устроили шествие перед замком. Губернатор почел за лучшее вывезти его из Лонстона.

И сразу же начальник стражи, стены замка, грозные бастионы потеряли для меня всякое значение. Ричарда тут уже не было.

– Благодарю вас, – сказала я. – До свидания.

Какое-то время офицер удивленно смотрел мне вслед, а затем вернулся в караульное помещение.

Сент-Майклз-Маунт. В семидесяти милях отсюда, на западной оконечности Корнуолла. По крайней мере они его увезли подальше от Фэрфакса, но как же, черт побери, мне теперь до него добраться? Я вернулась в гостиницу. Голова моя была занята лишь одним – как бы мне поскорее уехать из Лонстона.

Я была еще в дверях, когда ко мне навстречу устремился хозяин гостиницы со словами, что меня спрашивал какой-то офицер и что он даже остался ждать моего возвращения. Я подумала, что это, должно быть,

полковник Роскаррок, и сразу же направилась к нему – но вместо него я увидела своего брата Робина.

– Слава богу, – сказал он, – наконец-то я тебя вижу. Как только до меня дошла весть об аресте сэра Ричарда, я тут же добился от сэра Джона разрешения съездить в Веррингтон. Там мне сказали, что ты уехала два дня назад.

Я не могла разобраться, радует ли меня встреча с ним. В тот момент мне казалось, что никто не друг мне, если не друг Ричарду.

– Зачем ты приехал? – холодно спросила я. – С какой целью?

– Чтобы привезти тебя обратно к Мэри. Тебе нельзя тут оставаться.

– Может, у меня нет желания уезжать, – ответила я.

– Это весьма некстати. Во всей армии идет реорганизация, и ты не можешь оставаться в Лонстоне без защиты. Что до меня, то я получил приказ присоединиться к сэру Джону Дигби в Труро, куда он направляется со своей армией, чтобы защитить права принца в случае вражеского вторжения. По дороге я намереваюсь завезти вас в Менебилли.

Я быстро сообразила. В Труро находилась ставка Совета, и если бы я приехала в этот город, то у меня появился бы шанс, хотя и весьма незначительный, но все же реальный, заполучить аудиенцию у самого принца.

– Прекрасно, – сказала я Робину, пожимая плечами. – Я поеду с тобой, но при одном условии. Ты не оставишь меня в Менебилли, а позволишь поехать с тобой до самого Труро.

Он с сомнением взглянул на меня.

– Что ты этим выигрываешь? – спросил он.

– Ничего не выигрываю, ничего не теряю, – ответила я. – В память о старых добрых временах сделай то, о чем я тебя прошу.

При этих словах он подошел ко мне, взял мою руку и с минуту подержал в своей.

– Огор, – его большие синие глаза смотрели мне прямо в лицо, – я хочу, чтобы ты верила мне, когда я говорю, что не имею никакого отношения к его аресту. Вся армия потрясена случившимся. Сам сэр Джон, которому не раз доводилось резко спорить с ним, написал в Совет, прося о немедленном освобождении Ричарда Гренвила. В данный момент он нам нужен, как никто другой, в Корнуолле.

– Отчего же ты не подумал об этом раньше? – с горечью спросила я. – Почему отказался подчиниться его приказу относительно моста?

На лице Робина отразилось изумление, сменившееся неловкостью.

– Я не сдержался, – признался он. – Мы все были раздражены в тот

день, к тому же я уже получил приказ от сэра Джона, который является лучшим из людей. Тебе, Онор, не понять, каково было мне, Джо, да и всей нашей семье знать, что твое имя стало притчей во языцех в графстве. С тех пор как прошлой весной ты покинула Радфорд и отправилась в Эксетер, начались намеки, люди шептались и даже осмеливались заявлять вслух немыслимые вещи.

– Неужели любить человека и отправиться к нему, когда он лежит раненый, это столь ужасно? – сказала я.

– Отчего же тогда ты не вышла за него замуж? – спросил Робин. – Если бы ты это сделала по-божески, у тебя бы теперь было право разделить с ним постигшую его немилость. Но скитаться из лагеря в лагерь, как какая-нибудь падшая женщина, как девка... Я скажу тебе, Онор: в Девоне болтают, что он заслуживает прозвище Шельма, потому что путается с калекой.

«Да, – подумала я, – вполне возможно, что они в Девоне так и говорят...»

– Если я не леди Гренвил, то лишь потому, что сама так захотела.

– Значит, что же, у тебя нет гордости, ты не дорожишь своим именем?

– Мое имя Онор^[19], и я ношу его незапятнанным, – ответила я ему.

– Это конец. Ты это понимаешь? – произнес он после небольшой паузы. – Несмотря на петицию, под которой стоят все наши подписи, Совет едва ли, по-моему, согласится его освободить. Если только они не получат на то приказа от его величества, отменяющего его прежнее распоряжение.

– А его величество, – сказала я, – занят сейчас другими делами. Да, Робин, я понимаю. И что же теперь его ждет?

– Тюремное заключение с соизволения его величества с возможным помилованием в конце войны.

– А что, если война пойдет не так, как мы хотим, и мятежники отвоюют Корнуолл для парламента?

Робин заколебался, и тогда я ответила за него.

– Будучи заключенным, сэр Ричард Гренвил передается генералу Фэрфаксу, – сказала я, – и как военный преступник приговаривается к смертной казни.

Сославшись на усталость, я отправилась к себе в комнату. Впервые за много ночей я уснула без труда, и единственной причиной тому было то, что я направлялась в Труро, находившийся всего в тридцати милях от Сент-Майклз-Маунта. Из-за выпавшего за предыдущие дни снега по прямой дороге, что шла через болота, было не проехать, и мы были вынуждены отправиться более длинным путем через побережье. Так что с

многочисленными остановками и задержками мы лишь через неделю добрались до Труро и там узнали, что Совет переехал в Пенденнис-Касл, в устье Фала, и что сэр Джон Дигби со своими отрядами теперь тоже находится в этой крепости.

Робин нашел нам с Мэтти жилье в Пенрине, а сам тут же отправился с докладом к своему командиру, захватив с собой и мое письмо к Джеку Гренвилу, который, по моим расчетам, состоял в близком окружении принца. На следующий день Джек примчался повидаться со мной, и у меня было такое ощущение, будто прошли годы с тех пор, как я в последний раз виделась с кем-нибудь из Гренвиллов. А ведь и трех недель не прошло с того дня, когда он, Ричард и юный Банни втроем прискакали в Менебилли. Я чуть не расплакалась, когда он вошел в комнату.

– Не бойтесь, – сразу сказал он мне. – Дядя в хорошем расположении духа и в добром здравии. Я получил от него письма из Маунта. Он велел, чтобы я написал вам и попросил вас не беспокоиться о нем. Скорее, он тревожится за вашу судьбу, поскольку считает, что вы находитесь у своей сестры миссис Рашли.

Тогда я решила довериться юному Джеку.

– Прежде скажите мне, что вы думаете об этой войне? – попросила я.

Он поморщился и пожал плечами.

– Вы же видите, мы в Пендиннисе, – произнес он тихо, – это говорит само за себя. На рейде стоит на якоре фрегат с укомплектованной полностью командой и с запасами провизии. Ему приказано отплыть к островам Силли, как только поступит такое распоряжение. Сам принц никогда не отдаст такого приказа – он всецело за то, чтобы сражаться до конца. Но Совету недостает его мужества. Последнее же слово за сэром Эдвардом Хайдом, а не за принцем Уэльским.

– Сколько времени у нас в запасе до того, как будет дано такое распоряжение?

– Гоптон с армией двинулся на Торрингтон, – ответил Джек, – и есть надежда – хотя, боюсь, весьма слабая, – что, напав первым, Гоптон возьмет в свои руки инициативу и ускорит развязку. Он отважный человек, но ему недостает дядиного авторитета, да и солдаты его недолюбливают. Если он терпит неудачу в Торрингтоне и побеждает Фэрфакс – тогда нужно быть готовым к тому, что фрегат отплывет.

– А ваш дядя?

– Боюсь, он останется в Маунте. У него нет другого выбора. Но Фэрфакс – солдат и джентльмен. С ним будут хорошо обращаться.

Для меня это был не ответ. Каким бы солдатом и джентльменом ни

был сам Фэрфакс, он служит парламенту, а парламент в 1643 году постановил, что Ричард Гренвил – предатель.

– Джек, – сказала я, – не могли бы вы сделать для меня одну вещь, это для блага вашего дяди?

– Ради вас обоих, – сказал он, – все, что захотите.

«Ах, да благословит тебя Господь, – подумала я, – ты истинный сын Бевила».

– Устройте мне аудиенцию у принца Уэльского, – сказала я ему.

Он присвистнул и почесал щеку – чисто гренвильский жест.

– Клянусь, я сделаю все, что в моих силах, – сказал он, – но это потребует времени и терпения, и я не могу обещать вам успеха. Он окружен таким плотным кольцом из членов Совета, к тому же он не осмеливается ни в чем отступать от указаний, которые дает ему сэр Эдвард Хайд. Скажу вам, Онор, ему всегда отравляли жизнь. Сначала это делала его мать, а сейчас – канцлер. Когда он достигнет совершеннолетия и сможет действовать самостоятельно, бьюсь об заклад, что он себя еще покажет.

– Придумайте какую-нибудь историю, – убеждала я его. – Вы одного с ним возраста и близки к нему. Вы знаете, что может на него повлиять. Я предоставляю вам полную свободу действий.

Он улыбнулся – совсем как его отец.

– Да стоит ему только услышать вашу историю про то, как вы отправились за моим дядей в Эксетер, как он сразу загорится желанием взглянуть на вас. Ничто ему так не нравится, как любовные дела. Но вот сэр Эдвард Хайд и вправду представляет большую опасность.

Он вышел от меня, дав самое серьезное обещание сделать со своей стороны все возможное, и мне пока пришлось удовольствоваться этим. Затем наступила пора ожидания, которое показалось мне вечным, хотя в действительности прошло чуть больше двух недель. В течение этого времени меня неоднократно навещал Робин, умоляя каждый раз, чтобы я покинула Пенрин и вернулась в Менебилли. Он говорил, что стоит мне только сказать слово, как сюда за мной приедет сам Джонатан Рашли.

– Я должен по секрету предупредить тебя, что Совет не очень-то рассчитывает на то, что Гоптону удастся справиться с Фэрфаксом. Принц со своим окружением отплывет к островам Силли. Те же из нас, кто останется в крепости, будут удерживать Пендиннис до последнего, пока его не сожгут дотла вместе с нами. И пусть сюда заявится хоть вся армия мятежников – мы не сдадимся.

Милый Робин. Когда ты это говорил, сжав зубы, и твои синие глаза

сверкали, я простила тебе твою неприязнь к Ричарду и тот глупый, бессмысленный вред, который ты причинил, отказавшись ему повиноваться.

«Смерть и слава, – размышляла я. – Такой выбор мог бы сделать мой Ричард». Но я помышляла лишь об одном – чтобы он бежал в ночи, как вор.

– Я вернусь в Менебилли, – проговорила я медленно, – когда принц Уэльский отплывет к островам Силли.

– Но тогда я уже не смогу помочь тебе, – заметил Робин. – Я буду в крепости Пендиннис, и наши пушки окажутся повернуты на восток, в сторону Пенрина.

– Я не испугаюсь ваших пушек, – сказала я, – как не устрасит меня и конница Фэрфакса, грохот которой доносится из-за Теймара. Пройдут годы, и в летописи семейства Харрис прекрасно будет смотреться запись, повествующая о том, что Онор умерла в последних рядах защитников города в тысяча шестьсот сорок шестом году.

Смелые слова, которые я имела наглость произнести и в которых звучало так мало правды...

14 февраля, в праздник святого Валентина, покровителя влюбленных, я получила послание от Джека Гренвила. Текст казался неясным, и в нем были умышленно пропущены имена.

Змея отправилась в Труро, – писал Джек, – и мы с моим другом сможем ненадолго принять вас сегодня днем. Я пошлю за вами провожатых. Ничего не говорите об этом деле своему брату.

Я отправилась одна, без Мэтти, сочтя, что в столь деликатном деле лучше обойтись вовсе без наперсниц.

Джек сдержал слово, и за мной прибыл эскорт, сам же он ждал меня у входа в замок. На сей раз уламывать начальника стражи не пришлось: одно слово часовому – и мы прошли под аркой внутрь крепости, прежде чем об этом прознала хоть одна душа.

У меня мелькнула мысль, что, может быть, Джеку Гренвилу не впервой проводить тайком в крепость женщину. Такая сноровка происходит, возможно, от большого опыта. Появились два лакея в ливреях принца и понесли меня. После того как мы миновали несколько ступенек (которые, как я отметила, являлись черным ходом), меня внесли в небольшую комнату внутри башни и усадили на ложе. Я получила бы удовольствие от такого приключения, не будь дело, из-за которого я добивалась аудиенции, столь серьезным. Сбоку у меня под рукой

находились вино, фрукты и букет свежих цветов, и мне подумалось, что его высочество в чем-то выиграл, унаследовав от матери французскую кровь.

Едва я успела слегка освежиться, как дверь вновь отворилась, и Джек отступил в сторону, пропуская вперед себя юношу примерно одних с ним лет. Он был отнюдь не красив и своими черными кудрями и смуглой кожей походил скорее на цыгана, чем на принца, но стоило ему лишь раз улыбнуться, и он мне понравился больше, чем облик его отца на всех знаменитых портретах, с которыми познакомилось мое поколение за тридцать лет.

– Мои слуги позаботились о вас? Все ли они вам принесли, что вы хотите? Здесь грубая солдатская пища – вы должны извинить нас за это. Подойди сюда, Джек, и представь меня своей родственнице, – сказал он.

Интересно, что за небылицу наплел ему про меня Джек.

Мы ели, пили, и, разговаривая, он все время пристально разглядывал меня, так что я подумала, не разгулялось ли его мальчишеское воображение при мысли, что его знаменитый и мятежный генерал занимается любовью со мной – калекой.

– Я не дерзнула бы отнимать у вас время, сэр, – сказала я наконец, – но сэр Ричард, дядя Джека, является моим близким другом уже много лет. Его ошибкам нет числа, но я пришла не для того, чтобы обсуждать их. Что до его преданности вам, то, по-моему, она никогда никем не оспаривалась.

– Не сомневаюсь в этом, – сказал принц, – но вам известно, что произошло? Он воспротивился воле Совета и сэра Эдварда в частности. Мне он бесконечно нравится, но в подобных делах личные чувства не могут браться в расчет. У меня не было другого выхода, как только подписать ордер на его арест.

– Сэр Ричард был в высшей степени не прав, отказавшись служить под началом лорда Гоптона, – сказала я. – Больше всего в этом повинен его необузданный нрав, которому он дал волю в тот день. Если бы у него было время поразмыслить, он бы поступил иначе.

– Вам известно, сэр, что он не сделал даже попытки оказать сопротивление при аресте, – вмешался в разговор Джек. – Скажи он хоть слово, и ему на помощь бросилась бы вся его свита. Мне это известно из достоверного источника. Но он сказал им всем, что желает подчиниться приказу вашего высочества.

Принц встал и принялся ходить взад-вперед по комнате.

– Паршивое дело, с какой стороны ни глянь, – сказал он. – Гренвил – единственный, кто мог бы спасти Корнуолл, и вот он в тюрьме, а Гоптон безо всякой надежды на успех сражается в Торрингтоне. И самое

неприятное, что я в этой ситуации ничего не могу поделать. Меня самого могут сместить раньше, чем я пойму, что происходит.

– Простите, что я так говорю, сэр, но есть нечто, что вы можете сделать, – сказала я.

– Что же это?

– Дайте распоряжение в Маунт, чтобы, когда вы с Советом отплывете к островам Силли, сэру Ричарду Гренвилу было позволено совершить побег и реквизировать рыбацкое судно, на котором он отправится во Францию.

Какое-то время принц Уэльский пристально смотрел на меня, а затем его некрасивое лицо озарилось той самой улыбкой, которую я отметила у него раньше.

– Сэр Ричард Гренвил – счастливчик, поскольку у него есть столь верный союзник, как вы. Если я окажусь когда-нибудь в подобном положении и сам стану беглецом, то хочу надеяться, что у меня тоже найдется друг, обладающий хотя бы половиной ваших достоинств.

Он бросил взгляд на Джека.

– Ты ведь можешь это устроить? – спросил он. – Я напишу письмо сэру Артуру Бассету в Маунт, и ты отвезешь его туда, а заодно и повидаться со своим дядей. Это не означает, что мы просим сэра Ричарда Гренвила разделить наше общество на фрегате, когда мы отплывем во Францию, поскольку вряд ли корабль выдержит его вес вкупе с весом сэра Эдварда Хайда.

Оба юноши рассмеялись, совсем как школьники, пойманные на какой-нибудь шалости. Затем принц повернулся и, подойдя к моему ложу, наклонился и поцеловал мне руку.

– Не бойтесь, – сказал он. – Я все улажу. Сэр Ричард окажется на свободе в тот самый миг, когда мы отплывем к островам Силли. Ну а когда я вернусь – ибо вы знаете, что в один прекрасный день я вернусь, – то очень надеюсь увидеться с вами и с ним тоже в Уайтхолле.

Он поклонился и вышел, позабыв обо мне – осмелюсь даже сказать, что навсегда, – но со мной осталось воспоминание о черных глазах и цыганских чертах, которые я не позабыла до сего дня.

Джек проводил меня до ворот замка.

– Он не забудет о своем обещании, – сказал он. – В этом я могу вам поклясться. Мне неизвестно ни одного случая, когда бы он отказался от своего слова. Завтра же я отправлюсь с этим письмом в Маунт.

Я вернулась в Пенрин совершенно разбитая, с ощущением полной опустошенности. Теперь, когда моя миссия была выполнена, мне хотелось только одного – оказаться в своей постели и чтобы меня окружала тишина.

Мэтти встретила меня с надутым видом и сурово поджатыми губами, что означало у нее неодобрение.

– Вы хотите заболеть на целый месяц, – сказала она. – Именно сейчас, когда мы сидим здесь, в этом непонятном месте, безо всяких удобств, вы решаетесь на такое. Прекрасно. Я за последствия не отвечаю.

– Никто тебя об этом и не просит, – сказала я и повернулась лицом к стене. – Господи, если я чего и хочу от тебя, так это чтобы ты дала мне заснуть и умереть.

Два дня спустя лорд Гоптон был разбит под стенами Торрингтона, и вся западная армия отступила за Теймар. Меня это мало касалось, поскольку я лежала в своей комнате в Пенрине в сильном жару. 25 февраля Фэрфакс двинулся на Лонстон и овладел им, а 2 марта переправился по болотам к Бодмину.

Той же ночью принц Уэльский со своим Советом отплыл на фрегате «Феникс» – и война на западе была закончена.

В тот день, когда лорд Гоптон подписал в Труро договор с генералом Фэрфаксом, в Пенрин приехал мой зять Джонатан Рашли, получивший на то разрешение парламента, чтобы забрать меня к себе в Менебилли. Улицы были забиты солдатами, но их, а не нашими, и на всем пути от Труро до Сент-Остелла нам встречались следы капитуляции и поражения. Я сидела с каменным лицом, глядя на дорогу из-за занавесок паланкина, а Джонатан Рашли ехал рядом на лошади – плечи у него поникли, а на лице застыли глубокие горькие складки.

Мы не общались. Нам нечего было сказать друг другу. Мы переехали мост в Сент-Блейзи, и Джонатан протянул свой пропуск дежурившему там часовому мятежников, который, нагло оглядев нас, кивнул, позволяя нам проехать. Они были повсюду: на дороге, в дверях домиков в Тайуордрете, у заставы, у подножия Полмиарского холма. Теперь это надолго станет нашим будущим – униженно спрашивать, нельзя ли нам проехать по нашим же собственным дорогам. Меня это уже не очень волновало, поскольку дни моих разъездов были сочтены. Я возвращалась в Менебилли, чтобы из кочевницы – леди военных барабанов – превратиться в обыкновенную Онор Харрис – калеку, навечно прикованную к своему креслу. И для меня ничто уже не имело значения – мне было все равно.

Ибо Ричард Гренвил добрался до берегов Франции.

Глава 28

Поражение и последствия войны... Не столь приятные для проигравших. Бог свидетель, мы по-прежнему от них страдаем, а ведь я пишу осенью 1653 года, но в 1646 году мы еще не свыклись с поражением и не начали усваивать преподанный нам урок. Потеря свободы – вот что, думается мне, тяжелее всего ранило чувства корнуолльцев. На протяжении многих поколений мы привыкли сами решать свои дела, и каждый человек жил по-своему. Помещики были справедливы и обычно любимы, а управляющий жил в дружбе с землепашцем.

У нас были свои местные споры, какие бывают у каждого человека с его соседом, были и свои семейные раздоры, но никто никогда не вмешивался в то, как мы живем, и не давал нам указаний. Теперь все изменилось. Приказы поступали к нам из Уайтхолла, и комитет графства Корнуолл, находившийся там же, в Лондоне, был судьей в наших делах. Мы больше не могли выходить за рамки данных нам прав и решать на местном уровне, что именно нужно каждому городу и деревне. Комитет графства принимал решения за нас.

Первое, что они сделали, это потребовали еженедельной уплаты налога с дохода, и эта сумма оказалась столь велика, что денег для ее уплаты было не найти, тем более в стране, опустошенной разорительной войной. Следующим их шагом было то, что они наложили арест на имение каждого землевладельца, воевавшего на стороне короля. Но коль скоро у комитета графства не было ни времени, ни людей, чтобы управлять этими поместьями, владельцам разрешили проживать в них, если они того желали, но их обязали выплатить комитету полную стоимость усадьбы, делая взносы каждый месяц. Это убийственное предписание было еще тяжелее потому, что имения были оценены по их предвоенной стоимости, но большинство из них за время войны обратились в руины, и требовалась жизнь не одного поколения, прежде чем этот край обрел бы свой прежний вид.

Толпы мелких чиновников, которым парламент выплачивал твердые оклады и которые были в те времена единственными, у кого в карманах не переводились деньги, понаехали из Уайтхолла, чтобы собирать суммы, полагавшиеся комитету графства; этих агентов можно было легко обнаружить в каждом городе и населенном пункте, где они, в свою очередь, образовывали комитеты и подкомитеты, – так что ни один человек не мог

купить даже ломтя хлеба без того, чтобы не пойти сначала в роли просителя к одному из таких субъектов и поставить свою подпись на какой-нибудь бумажке. Помимо этих гражданских служащих парламента, мы должны были еще сражаться с военными, и тому, кто захотел бы проехать из одной деревни в другую, следовало заполучить пропуск у дежурного офицера, и после всех расспросов о целях, после подробнейшего ознакомления с историей его семьи он был рад-радешенек, если его самого не заключали под стражу за какой-нибудь проступок.

Я действительно думаю, что в то первое лето 1646 года Корнуолл был самым разоренным графством во всем королевстве. Урожай выдался плохим – еще один жестокий удар по помещику и землепашцу, – и цена пшеницы немедленно подскочила до фантастических размеров. А цена олова, наоборот, упала, а вследствие этого позакрывалось много шахт. К осени бедность и болезни принесли свои плоды и явился наш старый недруг – чума, унесшая множество жизней в Сент-Айвсе и в западных районах. Другим тяжким бременем была забота о многочисленных раненых и искалеченных солдатах, которые, полунагие и полуголодные, скитались по деревням, прося милостыню. Не было ни одного человека – будь то мужчина, женщина или ребенок, – кому хоть как-то помогло это новое, взятое на себя парламентом управление делами, и единственные, кто жил припеваючи, были те самые агенты Уайтхолла, которые с рассвета до заката совали свой нос в наши дела, да их богатые хозяева – члены парламента. В прежние времена мы жаловались на высокие пошлины, устанавливаемые королем, но размер и число пошлин колебались. Теперь они были постоянными. Соль, мясо, крахмал, свинец, железо – все подпадало под контроль парламента, и бедному человеку, соответственно, приходилось за все платить.

Я не берусь судить о том, что происходило во внутренних районах страны, – я говорю лишь о Корнуолле. До нас не доходило никаких вестей из-за Теймара. Тяжелым было не только существование, нам ограничили и развлечения в свободное время. Ведь над нами одержали верх пуритане. Ни один человек не должен был быть замечен вне стен своего дома по воскресеньям, разве что он направлялся в церковь. Танцевать было запрещено, – нельзя сказать, что многие горели желанием танцевать, но юным душам всегда свойственна беззаботность, а ноги у них так и просятся в пляс, – и любая азартная игра и деревенский праздник вызывали неодобрение. Веселье подразумевало свободу нравов, а свобода нравов означала оскорбление Бога. Я часто думала, как бы, несмотря на свои роялистские традиции, возрадовалась в этом доблестном мире Темперанс

Сол, но бедняжка Темперанс стала одной из первых жертв чумы.

Единственным славным событием этого самого мрачного года – 1646-го – была доблестная, хотя – увы! – столь бесполезная оборона Пендиннис-Касла, который королевская армия удерживала в течение долгих пяти месяцев. Все мы были уже давно покорены и усмирены, сразу оказавшись в сетях Уайтхолла, а Пендиннис еще бросал вызов врагу. Командовал там Джек Арунделл, приходившийся родственником Гренвилам и бывший в прошлом близким другом Ричарда, а сэр Джон Дигби был его заместителем. Моего брата Робина произвели в генерал-майоры. Пендиннис, думается мне, явился в нашем поражении последним проявлением нашей гордости: горстка людей без всякой надежды на спасение, почти без запасов провизии, заставила развеяться королевский стяг со 2 марта по 17 августа, они скорее даже были готовы взорвать себя вместе с крепостью, чем сдаться. Но голод и болезни подкосили их силы, и только ради спасения людей Джек Арунделл спустил свой флаг. Даже враги отнеслись с уважением к их мужеству, и гарнизону было позволено, как впоследствии рассказывал Робин, выйти из крепости со всеми военными почестями: с барабанным боем, с развевающимся знаменем и под звуки труб... Да, были и у нас в Корнуолле светлые моменты... Однако, когда защитники Пендинниса сдались, растаяли и наши последние надежды, и теперь нам оставалось лишь горестно вздыхать, вглядываясь в черную стену, каким рисовалось нам наше будущее.

Земли моего зятя Джонатана Рашли, как и других помещиков-роялистов, были конфискованы комитетом графства. Когда же он приехал в июне в Труро, ему было сказано, что прежде, чем он получит их обратно, ему следует выплатить комитету приличную сумму в тысячу восемьдесят фунтов. Его убытки за военную кампанию 1644 года уже превысили восемь тысяч, но для него это было ничто в сравнении с тем, что придется склонить голову перед победителями и согласиться в течение многих лет выплачивать выкуп. Он мог бы покинуть страну и отправиться во Францию, как поступили многие его соседи, но он был слишком привязан к своей родной земле и поэтому в июле, сломленный и отчаявшийся, принял «Национальный ковенант», дав клятву никогда больше не выступать с оружием против парламента. Этого жестокого удара по гордости Джонатана – хотя он и нанес его себе сам – комитету показалось мало, и спустя короткое время Джонатан был вызван в Лондон, и ему было приказано оставаться там до тех пор, пока им не будет полностью выплачен штраф, – лишь после этого ему разрешат вернуться в Корнуолл. Так была разрушена еще одна семья, и нам в Менебилли пришлось испытать всю

горечь поражения. Джонатан покинул нас в один из дней сентября, после того как был собран остаток скудного урожая, при этом он выглядел на добрые десять лет старше своих пятидесяти пяти, и когда я заглянула ему в глаза, то поняла, что потеря свободы может так сильно ранить человеческую душу, что человек теряет всякий вкус к жизни.

Моей бедной сестре Мэри и ее пасынку Джону ничего не оставалось, как стараться управлять поместьем так, чтобы можно было месяц за месяцем выплачивать долг, но мы прекрасно сознавали, что на это могут уйти годы, даже вся оставшаяся жизнь. Последние слова Джонатана, с которыми он обратился ко мне, прежде чем отправиться в Лондон, были исполнены доброты и великодушия.

– Менебилли – твой дом, – сказал он, – и останется им столько, сколько ты того пожелаешь. Нас всех коснулась эта беда. Сбереги для меня свою сестру, раздели с ней ее тревоги. И еще, прошу тебя, помоги Джону. Из всех, кого я тут оставляю, у тебя самая светлая голова.

Светлая голова... Я в этом сомневалась. Чтоб сражаться с комитетом графства и платными агентами парламента, требовался цепкий, изворотливый ум. Но помощи нам ждать было неоткуда. После сдачи Пендинниса Робин отправился в Радфорд, к нашему брату Джо, который находился в стесненных обстоятельствах, во многом схожих с нашими. Что до Питера Кортни, то, не вынеся бездействия, он и вовсе оставил западный край. Последнее, что мы о нем слышали, было то, что он отправился за границу, чтобы присоединиться к принцу Уэльскому. Многие молодые люди последовали этому примеру – при французском дворе жилось неплохо. Думается мне, что, любя они больше свой родной дом, они бы остались здесь и разделили тяжесть поражения со своими женами, сестрами и матерями.

Элис ни разу не произнесла ни слова осуждения, но думаю, что известие о его отъезде поразило ее в самое сердце... Поначалу странно было наблюдать, как Джон и Фрэнк Пенроуз работают в поле бок о бок с арендаторами, но ведь ни одна пара рук не лишняя, когда хочешь, чтобы земля была полностью вспахана и принесла хороший урожай. Даже женщины – сама Мэри, а с ней Элис и Элизабет – вышли в поле, а дети, считая это отличной забавой, помогали переносить пшеницу. Предоставленные сами себе, мы бы вскорости примирились с нашей работой и даже стали получать от нее удовольствие, но к нам вечно наезжали агенты парламента: они шпионили за нами, во все совали свой нос, переписывали овец и коров, пересчитывали буквально каждый колос – и нам ничего нельзя было ни собрать, ни потратить, ни поделить между

собой, – все прежде выкладывалось перед раздувшимися от важности, самодовольными чиновниками в Фое, которые получили на то мандат от парламента... Парламент... Парламент... Изю дня в день звучало у нас в ушах это слово. Парламент отдает распоряжение, чтобы товары привозились на рынок только по вторникам... Парламент приказывает, что отныне все ярмарки прекращены... Парламент уведомляет, что никому из жителей вышеуказанной зоны не разрешается выходить из дома спустя час после захода солнца... Парламент предупреждает каждого домовладельца о том, что начиная с сегодняшнего дня всякое жилище будет еженедельно обыскиваться на предмет наличия в нем спрятанного огнестрельного и холодного оружия и снаряжения и всякий, у кого это обнаружат, будет немедленно заключен под стражу...

– Парламент постановляет, – мрачно сказал Джон Рашли, – что никому не разрешается дышать дарованным нам Господом воздухом без особого на то разрешения, а при наличии оногo это можно делать лишь раз в два дня в течение одного часа. Господи, Омор, никто не в силах долго сносить такое...

– Ты забываешь, что Корнуолл лишь небольшая часть королевства. В скором времени подобная участь постигнет всю Англию.

– Это невозможно, люди не вынесут такого, – сказал он.

– А разве у них есть выбор? Король в буквальном смысле пленник. Страной управляет партия, у которой больше всех денег и самая сильная армия. К тому же у тех, кто разделяет их взгляды, жизнь весьма приятная.

– Никто не может разделять их взгляды, просто никто не смеет и пикнуть.

– Ты заблуждаешься. Дело лишь за малым – приспособиться и пожимать руку нужным людям. Лорд Робартс живет в роскоши в своем Ланхидрокском поместье. А семейство Треффри, поскольку они состоят в родстве с Питерсом и Джеком Треффюсисом, совсем неплохо чувствует себя в своем имении в Плейсе. Если бы ты решил последовать их примеру и стал бы пресмыкаться перед парламентом, вам здесь, в Менебилли, несомненно, жилось бы куда легче.

Он с подозрением посмотрел на меня.

– Ты бы хотела, чтобы я пошел к ним в прислужники, когда мой отец живет в Лондоне как нищий и с него там ни на мгновение не спускают глаз? Да я скорее умру.

Я знала, что он скорее умрет, и любила его за это. Милый Джон, побереги ты себя и свое слабое здоровье в те первые тяжелые послевоенные месяцы, и ты бы, наверное, мог провести больше лет подле

своей Джоан и был бы жив и сегодня. Я видела, как он усиленно трудился, а вместе с ним и женщины, я же мало чем могла помочь им, разве что в качестве неоплачиваемого клерка писала счета своими перепачканными в чернилах пальцами да суммировала наши задолженности в дни квартальных платежей. Я не страдала в той мере, как страдали Рашли, поскольку гордость, по-моему, была тем качеством, с которым я давно рассталась; я лишь печалилась их печалью. Вид Элис, с тоской смотревшей в окно, наполнял болью мое сердце, а когда Мэри читала письмо от своего Джонатана и под ее глазами лежали глубокие тени, мне кажется, я ненавидела парламент не меньше, чем они.

Но для меня, на плечах которой не лежало тяжелого бремени, этот первый год после нашего поражения был до странности спокойным и мирным. Опасности больше не стало. Войска расформировали и распустили. Напряженность военного времени прошла. Человек, которого я любила, поначалу находился в безопасности за морем, во Франции, а затем жил вместе со своим сыном в Италии, время от времени я получала от него весточку из какого-нибудь иностранного города; он пребывал в отличном расположении духа, и не похоже было, что меня ему очень недоставало. С большим воодушевлением он писал о том, что собирается воевать с турками, – как будто, подумала я, он еще не навоевался за три года гражданской войны. *«Наверняка, – писал он, – дни в Корнуолле кажутся тебе однообразными»*. Несомненно, так оно и было. Женщинам, которые познали тяжесть вражеского нашествия и жестокие лишения, однообразие может показаться приятным... Для скиталицы, которой я являлась в течение многих месяцев, успокоительно было обрести наконец-то дом и делить его с людьми, которых я любила, даже если все мы и были друзьями по несчастью, познавшими поражение. Благослови Господь Рашли, которые позволили мне прожить эти месяцы в Менебилли. Дом был пуст и лишен былой красоты, но по крайней мере у меня была комната, которую я имела право называть своей. Парламент мог расчленить на куски это поместье, увести овец и коров, подобрать урожай, но он был не в силах отобрать ни у меня, ни у Рашли красоту, которой мы любовались каждый день. Разорение садов было позабыто, когда весной появились первоцветы, а на деревьях набухли почки и показались молодые зеленые листочки. Мы, пережившие поражение, могли по-прежнему слушать птиц майским утром и смотреть, как неуклюжая кукушка летит в лесок возле Гриббенского холма. Гриббенский холм... С зимы до середины лета я любовалась его изменчивым обликом из своего стоявшего на парковой дорожке кресла. Я видела, как осенью, в послеполуденные часы, тени доползали от глубокой

Придмутской долины до вершины этого холма и замирали там на какое-то время в ожидании солнца.

Я видела, как белые морские туманы раннего лета совершенно преображают этот холм, так что он в мгновение ока превращается в призрачную волшебную страну: не слышно звука, лишь шум волн, набегающих на невидимый отсюда песчаный берег, где ровно в полдень собирают ракушки дети. Я помню его в мрачном настроении неприветливого ноября, когда с юго-запада стремительно надвигается завеса дождя. Но самые спокойные – это вечера позднего лета, когда солнце закатилось, а луна еще не взошла и на высокой траве выступает тяжелая роса.

Море очень белое и спокойное, без ряби, лишь одиноко и угрожающе шумит прибой над скрытой под водой скалой Каннис. Галки летят домой к своим гнездам в охотничьих угодьях. Овцы щиплют короткий дерн, пока тоже не собьются в кучу и не станут тереться друг о друга боками под каменной стеной. Сумерки медленно опускаются на Гриббенский холм, леса становятся черными, внезапный глухой звук крадущихся шагов – и из-за деревьев в заросшем чертополохом парке показывается лисица; остановившись, она смотрит на меня, наострив уши... Затем ее пушистый хвост вздрагивает, и она уходит, ибо в этот момент раздается стук башмаков Мэтти, которая идет сюда по дорожке, чтобы отвезти меня домой. Вот и еще один день закончился. Да, Ричард, и в однообразии есть своя прелесть.

Я возвращаюсь в дом, где обнаруживаю, что все отправились спать и свечи в галерее погашены. Мэтти относит меня по лестнице вверх, и, когда она расчесывает щеткой мои волосы и закручивает их на папильотки, мне кажется, я почти что счастлива. Пролетел год, и хотя мы и потерпели поражение, но мы живем, мы уцелели. Да, я одинока, но это мой удел с тех самых пор, как мне исполнилось восемнадцать. К тому же одиночество вознаграждается. Лучше оставаться одной и жить своей внутренней жизнью, чем пребывать вместе со всеми в постоянном страхе. Я думаю об этом, держа в руках папильотку, и тут замечаю, что на меня из зеркала смотрит круглое лицо Мэтти.

– Сегодня в Фое я узнала странные слухи, – сказала она спокойно.

– Какие же, Мэтти? Ведь слухи есть всегда.

Она проводит языком по папильотке, затем наматывает на нее прядь моих волос.

– Наши мужчины тайком пробираются назад. Сначала один, затем двое, трое. Я говорю о тех, что бежали год назад во Францию.

Я втираю немного лосьона в кожу рук и лица.

– Зачем им возвращаться? Они ничего не смогут поделать.

– Поодиночке – да, ну а если они тайком объединятся?

Я продолжала сидеть, сложив руки на коленях, и внезапно вспомнила одну фразу из последнего письма, пришедшего из Италии.

«Ты, возможно, тем или иным образом услышишь обо мне еще до конца лета», – писал Ричард... Я решила, что речь тут идет о том, что он собирается ехать сражаться с турками.

– Какие-нибудь имена назывались? – спрашиваю я у Мэтти, и впервые за много месяцев в моей душе появляются ростки тревоги и опасения.

Мэтти отвечает не сразу – она возится с локоном. Но вот наконец-то она произносит своим низким, приглушенным голосом:

– Болтают о большом военачальнике, приплывшем с континента и высадившемся в Плимуте, – говорит она. – Он носит темный парик. Будто бы для того, чтобы скрыть цвет своих волос. Но имен не упоминалось.

Заблудившаяся перепуганная летучая мышь задевает мое окно, а где-то рядом с домом раздаются резкие крики совы, звучащие как предостережение. И в тот момент мне показалось, что летучая мышь – это не просто зверек середины лета, а перепуганный символ всего преследуемого.

Глава 29

Слухи. Вечно слухи. Никогда ничего определенного. Такова была наша участь на протяжении зимы 1647/48 года. Контроль парламента за новостями был таким строгим, что к нам в Корнуолл поступали лишь голые официальные заявления, да и те не представляли собой никакой ценности, поскольку это было то, что Уайтхолл счел полезным сообщить нам.

Итак, пошла молва, она передавалась от одного к другому и когда уже через десятые руки дошла до нас, то нам пришлось отсеять экстравагантную шелуху, чтобы найти зерна истины. Роялисты вооружались. Это лежало в основе всех утверждений. Оружие тайно завозилось в страну из Франции, и для него были подысканы тайники. Помещики собирались дома то у одного, то у другого. Арендаторы общались друг с другом в поле. Какой-нибудь парень на углу улицы подзывал кивком другого, как бы для того, чтобы обсудить цены на рынке; это мог быть вопрос, быстрый ответ, и затем оба расходились, но информация уже была передана и выковано еще одно звено.

Снаружи приходской церкви в Тайуордрете стоял, опираясь на свой мушкет, солдат парламентской армии. Проходивший мимо пронырливый агент, державший под мышкой свернутые документы, в которых были перечислены все прихожане с их личными делами, бросил ему: «Доброе утро»; тут же, повернувшись к ним спиной, старый могильщик рыл яму, но на сей раз делал он это не для покойника, а для оружия... О многом могли поведать погосты Корнуолла. О холодной стали под зеленым дерном и маргаритками, о запертых в темных семейных склепах мушкетах. Стоит только человеку взобраться на крышу своего дома, чтобы починить ее после зимних дождей, и он, помедлив и бросив взгляд через плечо, просунет руку под солому и нащупает острый клинок меча. Так рассказывала Мэтти. Мэри пришла ко мне с письмом, полученным ею из Лондона от Джонатана.

Борьба, по-видимому, может возобновиться в любой момент, – так осторожно сообщалось в письме. – Даже здесь растет недовольство против наших хозяев. Многие лондонцы, сражавшиеся против короля, теперь готовы присягнуть ему на верность. Больше этого сказать не могу. Скажи Джону, чтобы он вел себя осторожнее с теми, с кем встречается, и там, куда он ходит. Помни, я связан своей клятвой. Если

мы вмешаемся в эти дела, то нам с ним придется ответить за это своими жизнями.

Встревоженная Мэри сложила письмо и засунула его себе в вырез платья.

– Что это означает? – спросила она. – На какие дела он намекает?

На это мог быть дан лишь один ответ. Сторонники короля поднимаются на борьбу.

Имена, не упоминавшиеся в течение двух лет, теперь осторожно произносились шепотом. Трелони... Треванион... Арунделл... Бассет... Гренвил... Да, над всеми главенствовало имя Гренвила. Один говорил, что Гренвила видели в Стоу. Нет, наверное, это было не в Стоу, а в доме его сестры в окрестностях Бидефорда. На острове Уайт. Рыжий Лис отправился в Кэрибрукс на тайную встречу с королем. Он не прибыл в западный край. Его видели в Шотландии. С ним разговаривали в Ирландии. Сэр Ричард Гренвил вернулся. Сэр Ричард Гренвил был в Корнуолле...

Я оставалась глуха к этим рассказам, ибо мне в своей жизни слишком часто приходилось сталкиваться со слухами. Однако было странно, что я не получала больше писем ни из Италии, ни из Франции.

Джон Рашли обходил молчанием эти темы. Его отец велел ему ни во что не вмешиваться, а денно и нощно работать в имении, чтобы можно было выплатить парламенту непосильный долг. Но я догадывалась, какие мысли бродят в голове у Джона. Если и в самом деле речь шла о восстании и здесь высадится принц, Корнуолл может снова стать свободным, и тогда не придется выплачивать долг. Если в этом плане участвуют Трелони, Треванионы, да и все те, кто в графстве тайно присягнул на верность королю, то не будет ли выглядеть в какой-то степени постыдной трусостью со стороны Рашли оставаться вне этих замыслов? Бедный Джон. В эти первые недели весны, когда уже была закончена пахота, он часто бывал в дурном расположении духа и его мучило беспокойство. И с нами не было Джоан, чтобы поддержать его, – заболели ее сыновья-близнецы, родившиеся за год до этого, и она находилась с ними и со старшими детьми в Матеркомбе в Девоне. Затем заболел в Лондоне Джонатан, и хотя он попросил у парламента, чтобы ему разрешили вернуться в Корнуолл, ему было в этом отказано, поэтому он послал за Мэри, и она отправилась к нему в Лондон. Следующей готовилась уехать Элис. Питер написал ей из Франции, выразив желание, чтобы она вообще перебралась с детьми в Третарф; его дом там был в плачевном – как до него дошли слухи – состоянии, и поэтому не могла бы она отправиться туда сейчас, когда близилась весна, и посмотреть, что там можно сделать. Она уехала в

первый день марта, и в Менебилли сразу стало до странного тихо. Я уже так привыкла к детским голосам, что теперь без них, без обращенных к детворе окликов Элис, без шуршания платья Мэри мне сделалось еще более одиноко и даже немного грустно. Отныне Джон составлял все мое общество, и я задавалась вопросом, что же мы теперь будем делать с ним долгими вечерами.

– Я почти решился, – сказал он мне на третий день, когда мы сидели с ним вместе, – оставить Менебилли на твое попечение и отправиться в Матеркомб.

– Я не стану болтать об этом, если ты так поступишь, – сказала я ему.

– Мне не нравится, что я иду против воли отца, – признался он, – но я уже больше шести месяцев не видел Джоан и детей, к тому же к нам сюда не доходят вести о том, что творится в стране. Известно лишь, что снова начинается война. В таких отдаленных местах, как Уэльс и восточные графства, идет борьба. Скажу тебе, Онор, мне тошно от бездействия. Еще немного – и я оседлаю коня и поскачу в Уэльс.

– Что за нужда скакать в Уэльс, когда наверняка будет восстание в твоём собственном графстве, – сказала я спокойно.

Он бросил взгляд на полуприкрытую дверь. Странное инстинктивное движение, к тому же ненужное, поскольку мы могли полностью положиться на тех нескольких слуг, что оставались с нами. Однако с тех пор, как нами управлял парламент, этот жест вошел у нас в привычку.

– Ты что-то слышала? – спросил он осторожно. – Я имею в виду верные сведения, а не досужие вымыслы.

– Только то, что слышал ты сам, – ответила я.

– Я подумал, что, может, сэр Ричард... – начал было он, но я покачала головой.

– С прошлого года ходят слухи, что он скрывается где-то в графстве, – сказала я. – Но у меня не было от него вестей.

Он вздохнул и снова бросил взгляд на дверь.

– Знать бы точно, как поступить, – сказал он. – Если бы здесь произошло восстание, а я бы остался в стороне, то это выглядело бы так, будто я не проявил верности королю, и тогда каким бесчестием это легло бы на имя Рашли.

– Если бы здесь произошло восстание и потерпело неудачу, – сказала я, – то какими бы сырыми показались тебе стены твоей тюрьмы и как неуютно чувствовала бы себя твоя голова у тебя на плечах.

Он улыбнулся, несмотря на всю свою серьезность.

– Послушать женщину – значит охладить свой пыл, – сказал он.

– Послушать женщину, – возразила я, – значит выставить войну вон из дома.

– Так, значит, ты хочешь еще неизвестно сколько сидеть под игом парламента? – спросил он.

– Это не так. Но плюньте им в лицо раньше, чем подойдет срок, и мы навечно окажемся под их игом.

Тут он, взъерошив волосы, снова вздохнул. Было видно, что его обуревают сомнения.

– Устрой самому себе отпуск, – сказала я. – Поезжай в Матеркомб. Тебе нужна жена, а не восстание. Но предупреждаю тебя, как только ты окажешься в Девоне, тебе, возможно, будет не так просто вернуться оттуда домой.

В последние недели это предупреждение звучало часто. У тех, кто, получив разрешение от местных парламентских чиновников, отправлялся по своим законным делам в Девон или Сомерсет, много времени уходило на то, чтобы получить разрешение пуститься в обратный путь: их много раз проверяли и допрашивали, после чего нередко подвергали досмотру, ища документы или оружие, и порой им случалось провести ночь, а часто и не одну, под арестом. Не только до нас – побежденных – доходили слухи...

В ту пору шерифом Корнуолла был Томас Херл из Придо, живший неподалеку от Сент-Блейзи, и хотя он твердо стоял за парламент, но слыл человеком справедливым и порядочным. Из уважения к моему зятю он сделал все, что было в его силах, чтобы как-то уменьшить размер непосильного штрафа, наложенного на поместье Рашли, но Уайтхолл был слишком могуществен, и его местных полномочий не хватило для этого. Именно он по доброте душевной и дал разрешение Джону Рашли навестить жену в Матеркомбе в Девоне. Вот так и получилось, что в ту роковую весну из всего нашего семейства в Менебилли осталась одна я. Женщина, к тому же еще и калека, – маловероятно, что она стала бы одна-одинешенька вынашивать планы кровавого восстания. Рашли сдержали данную ими клятву. Менебилли был теперь вне подозрений. И в то время, как в Фое и в других портах на побережье усилили гарнизоны, а в городах и в деревнях были расквартированы дополнительные отряды, наш крохотный перешеек, казалось, пребывал в полном покое. На Гриббенском холме паслись овцы. Коровы щипали на выгоне молодые побеги. Пшеница была засеяна на восемнадцати акрах. И над крышей Менебилли поднимался лишь один дымок – из моей каминной трубы. Даже дом управляющего был пуст, поскольку старый Джон Лангдон покинул этот мир, и место управляющего, на котором приходилось несладко из-за тяжкого бремени, лежавшего на

имении, оставалось свободным. Его ключи, когда-то столь важные и таинственные, хранились теперь у меня, а летний домик, бывший чем-то священным для моего зятя, стал моим привычным пристанищем в послеполуденные часы, в дни, когда дул сильный ветер, мешавший прогулкам. У меня не было желания заглядывать в бумаги Рашли. Большую часть книг вынесли; их сложили в доме, а часть запаковали и отправили Джонатану в Лондон. Письменный стол был гол и пуст. Со стен свисала паутина. На потолке выступили зеленоватые пятна плесени. Но под разорванной циновкой на полу по-прежнему скрывалась каменная плита с железным кольцом... Однажды я увидела, как из угла вылезла крыса, какое-то время она разглядывала меня своими немигающими глазами-бусинками. Большой черный паук плел паутину на разбитом восточном окне, а за карниз уцепился усиком поднимавшийся от земли плющ. «Еще несколько лет, – подумала я, – и Природа окончательно расправится со всем этим. Каменные стены летнего домика начнут крошиться, сквозь пол прорастет крапива, и никто не вспомнит ни о каменной плите с железным кольцом, ни о ведущих вниз ступеньках, ни о подземном, покрытом плесенью туннеле. Что ж, он сослужил свою службу. Те дни уже не вернутся».

В один из мартовских дней я смотрела из окна на море. На мгновение на бледную рябь водной поверхности за Придмутом пала тень. Часы на башне пробили четыре. Мэтти отправилась в Фой и должна была вот-вот вернуться. Я услышала шум шагов на тропинке за вымощенной дорогой и, решив, что это возвращается домой один из работников, который, быть может, несет мне в дом письмо, окликнула его. Шаги затихли, но в ответ не раздалось ни слова.

Я снова позвала и на сей раз услышала шуршание в подлеске. Быть может, это крадется мой приятель лис? Затем я увидела, как чья-то рука ухватилась снаружи за подоконник и застыла так на мгновение: очевидно, кто-то пытался найти опору для ног. Но стены летнего домика были гладкими и опереться было не на что, так что через секунду рука соскользнула и пропала.

Кто-то шпионил за мной... Если одному из тех сующих повсюду свой нос агентов парламента, что проводят свои дни, запугивая простой народ, захотелось сыграть в ту же игру и со мной, то я преподам ему хороший урок.

– Если кто-то желает говорить с мистером Рашли, то его нет дома, – сказала я громко. – В Менебилли, кроме меня, никого нет. Госпожа Харрис к вашим услугам.

Я ждала, не сводя глаз с окна, затем упавшая на мое правое плечо тень подсказала мне, что кто-то стоит в дверях. Подталкивая колеса руками, я мгновенно развернулась в кресле и увидела в дверном проеме силуэт невысокого худощавого мужчины. Одет он был просто: темное платье, наподобие тех, что носят лондонские клерки, надвинутая на лоб шляпа. Он стоял и смотрел на меня, положив руку на дверную перемычку.

– Кто вы? – спросила я. – Что вам угодно?

У меня упало сердце... Что-то до боли знакомое было в его облике. То, как он занес ногу и не решался войти, как потом принялся грызть ноготь большого пальца... Я искала ответ, сердце у меня колотилось, и тут он сорвал шляпу со своих спрятанных до сего момента черных кудрей, и я увидела, как он улыбается: поначалу робко, неуверенно, пока он не увидел, как просияла я, протягивая к нему руки.

– Дик... – прошептала я.

Он приблизился и тут же опустился передо мной на колени, покрывая поцелуями мою руку.

Я позабыла о прошедших годах, мне казалось, что я держу в объятиях испуганного мальчика, который глодал кость и клялся, что он собака, а я его хозяйка. Но затем, приподняв его голову, я увидела, что это уже не ребенок, а юноша: у него пробивались усики над верхней губой, а вместо прежней буйной шевелюры были прилизанные, уложенные локоны. И голос звучал по-мужски низко и мягко.

– Четыре года, – проговорила я. – Неужели ты так вырос за каких-то четыре года?

– Через два месяца мне будет восемнадцать, – улыбаясь, ответил он. – Неужели ты забыла? В первый год я получил от тебя письмо на день рождения, и с тех пор – ничего.

– Последние два года, Дик, писать не представлялось возможным.

Я была не в силах отвести от него глаз, он так вырос, так изменился. Но сохранил свою манеру смотреть своими темными глазами осторожно и с подозрением, как и привычку покусывать тыльную сторону ладони.

– Расскажи-ка мне поскорее, пока за мной не пришли, – сказала я, – что ты здесь делаешь?

Он с сомнением посмотрел на меня.

– Так, значит, я прибыл первым? – спросил он. – Моего отца здесь нет?

У меня забилося сердце, но было ли то от радостного возбуждения или от испуга, я не берусь судить. В каком-то озарении, длившемся секунду, мне показалось, что я что-то знаю. Ожидание последних месяцев закончилось. Все начнется сызнова... Нужно было все начинать сначала.

– Кроме тебя, здесь никого нет, – ответила я. – Даже Рашли нет в Менебилли.

– Да, мы об этом знаем, – сказал он, – поэтому и выбрали Менебилли.

– Выбрали для чего? – спросила я.

Он не ответил и принялся по старой привычке покусывать тыльную часть ладони.

– Они расскажут тебе сами, когда придут, – сказал он, полуприкрыв веки.

– Кто они? – спросила я.

– Ну, во-первых, мой отец, – ответил он, бросив взгляд на дверь. – Потом Питер Кортни и Амброз Манатон из Трекаррела, твой собственный брат Робин и, конечно же, моя тетя Гартред.

Гартред... Тут я почувствовала себя как человек, который слишком долго болел или был оторван от мира, ведя совершенно иную жизнь. Бог свидетель, на юго-востоке Корнуолла хватало слухов, способных вызвать у вас оторопь, но ни один из них не был столь поразителен, как тот, что я только что услышала.

– Мне кажется, – произнесла я медленно, – будет лучше, если ты мне расскажешь обо всем, что случилось, с того самого момента, как ты высадился в Англии.

Он поднялся с колен и, отряхнув свободной рукой пыль с одежды, расчистил для себя место на подоконнике.

– Мы покинули Италию прошлой осенью, – сказал он, – и сначала приехали в Лондон. Отец переоделся голландским купцом, а я играл роль его приказчика. С той поры мы проехали всю Англию с юга на север, выдавая себя за иноземных купцов, а сами действовали как тайные агенты принца! В Рождество мы переправились через Теймар и, очутившись в Корнуолле, тут же поехали в Стоу. Тебе известно, что моя тетя умерла, и там были лишь управляющий, мой кузен Банни и прочие... Отец открылся управляющему, а затем по всему графству было организовано много встреч. Из Стоу было рукой подать до Бидефорда и Орли-Корта. Там мы застали мою тетю Гартред, она порвала со своими парламентскими друзьями и поэтому охотно присоединилась к нам, а с ней – и твой брат Робин.

Жизнь и в самом деле проходила мимо меня. Я в Менебилли ничего не знала о том, что творится в мире. К чести парламента следует сказать, что, воспрепятствовав распространению новостей, он воспрепятствовал и распространению сплетен.

– Я и не знала вовсе, что мой брат Робин живет в Бидефорде, – сказала

я.

Дик пожал плечами.

– Он и моя тетя весьма дружны, – ответил он. – Я так понимаю, что твой брат стал у нее управляющим. Она ведь, кажется, владеет землей, принадлежавшей твоему старшему брату, тому, что умер?

Да, это был хороший предлог, чтобы встретиться снова. Речь шла о земле, на которой стояла усадьба Ланрест, и о полях за Ламеттонской мельницей. К чему мне было осуждать Робина, который после поражения изнывал от скуки и бездействия.

– Ну и что же? – спросила я.

– А то, что планы созрели, кланы сблизились. Знаешь, в это вовлечены все – весь Корнуолл, с востока до запада. Трелони, Треванионы, Бассеты, Арунделлы. И теперь час близится. Заряжаются мушкеты и точатся клинки. У тебя тут центральное место, с которого хорошо будет видна эта бойня.

В его мягком голосе прозвучала странная нотка горечи, и я заметила, как сжались его руки на подоконнике.

– А ты? – спросила я. – Разве тебя не воодушевляет такая перспектива? Разве ты не счастлив, что ты один из них?

Он ответил не сразу, но, когда он заговорил, я увидела, какими большими и черными кажутся глаза на его бледном лице, совсем как тогда, четыре года назад, когда он был еще ребенком.

– Скажу тебе одно, Онор, – страстно произнес он. – Я бы отдал даже то малое, что имею, чтобы не участвовать в этом.

Сила, с какой он произнес эти слова, в первый момент шокировала меня, но я постаралась, чтобы он ни о чем не догадался.

– Отчего же? – спросила я. – Ты не веришь, что их ждет успех?

– Верю ли я? – переспросил он мрачно. – Я ни во что не верю. Я умолял его оставить меня в Италии, где мне было по-своему хорошо, но он не позволил мне. Я открыл для себя, что мог бы заняться живописью, Онор. Я хотел сделать ее своим ремеслом. И потом, у меня были друзья, мои ровесники, к которым я привязался. Но нет. Живопись – это бабское занятие, такое времяпрепровождение годится разве что для иностранцев. Мои друзья тоже похожи на баб, и они испортят меня. Если я хочу жить, если я надеюсь получить хоть пенни, я должен следовать за ним, выполнять его приказания, подражать его манерам, вырасти похожим на своих кузенов Гренвиллов. Господи, я дошел до того, что мне ненавистно само имя Гренвиллов.

Ему восемнадцать, но он не изменился. Он остается четырнадцатилетним. Этот мальчик с рыданием говорил о своей ненависти

к отцу.

– А твоя мать? – спросила я его нежно.

Он пожал плечами.

– Да, я виделся с ней, – сказал он равнодушно. – Но теперь уже слишком поздно, чтобы наверстать упущенное. Она не питает ко мне никаких чувств. У нее другие интересы. Четыре года назад она бы еще могла меня полюбить. А теперь – нет. Слишком поздно. И в этом его вина. Всегда виноват он.

– Быть может, когда нынешнее дело будет завершено, ты станешь свободен. Я поговорю о тебе. Попрошу, чтобы тебе было разрешено вернуться в Италию. К твоей живописи и к твоим друзьям.

Он теребил край куртки своими длинными тонкими пальцами – слишком длинными, подумалось мне, и слишком тонкими для Гренвила.

– Развернется борьба, – проговорил он медленно, – когда люди будут убивать друг друга не ради какой-то цели, а лишь для того, чтобы пролить кровь. Вечно проливать кровь...

В летнем домике становилось темно, а я так еще и не услышала об их планах. Страх, который я прочла в глазах Дика, эхом отозвался в моем сердце, и ко мне вновь вернулись давнее напряжение и тревога.

– Когда ты выехал из Бидефорда? – спросила я.

– Два дня назад, – ответил он. – Такой приказ я получил. Мы должны были добираться сюда отдельно, каждый своим путем. Ведь леди Кортни, кажется, отправилась в Третарф?

– Она уехала в начале месяца.

– Этого Питер и добивался. Этот хитрый ход был частью плана, понимаешь, чтобы заставить всех покинуть дом. Ведь Питер был в Корнуолле, он присоединился к нам перед Рождеством.

Еще одна добыча для Гартред? Второй управляющий, чтобы заботиться об Орли-Корте? А Элис здесь, с бледными щеками, уткнувшись подбородком в сложенные на подоконнике руки, смотрит в распахнутое окно... Ричард выбирал своих соратников отнюдь не за их порядочность.

– По той же причине заманили в Лондон и миссис Рашли, – сказал Дик. – Был задуман коварный замысел, впрочем, таковы все замыслы моего отца. Да и последняя хитрость, чтобы освободить дом от Джона, вполне в духе Гренвила.

– Джон уехал по собственному желанию, – ответила я, – чтобы повидаться со своей женой в Матеркомбе в Девоне.

– Так-то оно так, но прежде он получил послание, – сказал Дик, – клочок бумаги, который передали ему в Фое и где говорилось, что его жена

чересчур увлечена одним соседом. Я это знаю, потому что видел, как отец писал это письмо. При этом он так смеялся, а за спиной у него стояла тетя Гартред.

Я не нашлась, что ответить на такое. Да проклянет их обоих Господь, подумала я, за их жестокость. Но когда я мысленно обвиняла Ричарда, мне уже был известен его ответ: «Любыми средствами добиваться желаемой цели».

Что ж, то, что должно произойти, – не мое дело. Дом пуст. Пусть они делают его местом тайного свидания. Не в моих силах было помешать им. Пусть Менебилли станет на короткое время штабом роялистского восстания. Победят они или проиграют – меня это не касалось.

– Твой отец не передавал для меня никакой записки? – спросила я. – Он знал, что я здесь?

Дик какое-то время безучастно смотрел на меня, как будто я и вправду была слабоумной, какой я считаю себя теперь.

– Да, конечно, – сказал он. – Поэтому он и остановил свой выбор на Менебилли, а не на Каэрхейзе. В Каэрхейзе нет женщины, чтобы создать ему уют.

– Твой отец по-прежнему нуждается в уюте, после двух долгих лет в Италии? – спросила я.

– Это зависит от того, что ты подразумеваешь под уютом. Я ни разу не видел, чтобы мой отец вел беседу с итальянками. Случись такое, может, он был бы в лучшем расположении духа.

Я мысленно увидела, как Ричард с пером в руке склонился над разложенной перед ним на столе картой Корнуолла. На карте помечены дома на побережье, где можно найти пристанище. Трелон... слишком лесистое место. Пенрайс... недостаточно близко к морю. Каэрхейз... да, хороший участок для высадки солдат, но нет ни одной мисс Треванион. Менебилли... с местом для высадки, с тайником и со старой любовью в придачу, которая прежде разделяла его жизнь и которую и теперь, после столь долгого молчания, можно было склонить к тому, чтобы посмеяться с ним какое-то время после ужина. И он обводит пером название Менебилли. Наше поражение сделало меня циничной. Правление парламента преподало мне урок. Но когда я сидела там и смотрела на Дика, думая о том, как мало походит он на своего отца, я понимала, что весь мой гнев – не что иное, как блеф, не способный никого ввести в заблуждение, даже меня саму, и что ничего на свете я не желала так сильно, как в очередной раз сыграть при свечах роль хозяйки дома и снова зажить той прежней жизнью, исполненной напряжения и безумств, тревоги и очарования.

Глава 30

Мне выпало предупредить слуг, и я вызвала их к себе в комнату.

– Для нас наступают опасные дни, – сказала я им. – Здесь, в Менебилли, будут происходить вещи, которых вы не должны ни видеть, ни слышать. Будут появляться и исчезать гости. Не задавайте вопросов. Не ищите ответа. Полагаю, что вы все верные подданные его величества?

За этим последовала клятва на молитвеннике.

– Одно неосторожное слово, вылетевшее за стены этого дома, – сказала я, – и ваш хозяин в Лондоне расстанется с жизнью, да и мы, по всей вероятности, тоже. Это все, что я хотела вам сказать. Следите за тем, чтобы кровати были застелены чистым бельем и чтобы гостям хватило еды. Но оставайтесь глухи, немые и слепы по отношению ко всем, кто сюда прибудет.

Я доверилась им по совету Мэтти.

– На каждого из них можно положиться, – сказала она. – Но слова, услышанные ими из ваших уст, сплотят их, и никакому агенту парламента в западном крае не удастся вытянуть из них ни слова.

Мы в Менебилли жили весьма скромно. После того как тут в 1644 году похозяйничали мятежники, наши предполагаемые гости не могли рассчитывать на большие удобства. Ни драпировки на стенах, ни ковров на полах в верхних комнатах. Соломенные тюфяки вместо кроватей. Им придется обходиться тем, что есть, и не роптать.

Первым прибыл Питер Кортни. Для него не существовало никаких секретов. Он открыто щеголял своим мнимым возвращением из Франции, по пути сюда он отобедал с Треффри в Плейсе и сразу громко заявил о своем желании повидаться с детьми. Они отправились в Третарф? Но ведь все его вещи в Менебилли. Просто Элис неверно истолковала его письмо...

Внешний лоск Питера ничуть не потускнел и не померк. На нем был бархатный костюм, который, должно быть, стоил целое состояние. Бедная Элис и ее приданое...

– Ты мог бы дать ей знать о своем счастливом возвращении. Элис бы сохранила это в секрете.

Он небрежно пожал плечами.

– В подобное время, когда человек должен жить сегодняшним днем, жена может стать ужасной обузой, – сказал он. – Сказать по правде, Онор, я настолько измотан долгами, что способен взорваться от одного лишь

взгляда ее укоризненных глаз.

– Однако ты выглядишь прекрасно, – сказала я, – сомневаюсь, чтобы тебя так уж беспокоила совесть.

Он насмешливо подмигнул, и я подумала, как поглубели от распушенной, привольной жизни его черты, которыми я когда-то восхищалась. Слишком много французского вина, слишком мало физических упражнений.

– И что же ты собираешься делать, когда парламент будет низложен? – спросила я.

Тут он снова пожал плечами.

– У меня и в мыслях нет обосновываться в Третарфе, – сказал он. – Элис может там жить, если ей так хочется. Ну а я, что ж, война сделала меня вечным скитальцем.

Он, насвистывая, направился к окну. Последствия войны, наследие нашего в ней поражения: распадается еще один супружеский союз...

Следующим приехал Банни Гренвил. Банни в семнадцать лет был уже на голову выше своего кузена Дика и пошире его в плечах. Банни со вздернутым носом и с веснушками. Банни с серьезными пытливыми глазами и с картой побережья под мышкой.

– Где тут дюны? Где места высадки? Нет, я не хочу освежиться. У меня есть работа. Хочу ознакомиться с местностью.

И он, как охотничья собака по следу, отправился к Гриббенскому холму – еще один подающий надежды солдат, как и его брат Джек.

– Видишь, – цинично заявил Дик, не сводя с меня своих черных глаз, – все мужчины Гренвилы, кроме меня, от рождения чуют запах крови. Ты ведь презираешь меня за то, что я не пошел с ним?

– Нет, Дик, – сказала я мягко.

– Ну, придет время – и ты станешь презирать. Банни завоюет твое расположение, как это уже произошло с отцом. Банни наделен мужеством. У Банни есть сильная воля. А у бедняги Дика нет ничего. Он годится лишь на то, чтобы рисовать, как какая-нибудь женщина.

Он откинулся на кушетку, уставившись в потолок. И с этим в нем, подумала я, тоже необходимо бороться. Демон ревности подрывает его силы. Желание отличиться, желание блеснуть перед своим отцом. Тем самым отцом, которого, если верить его словам, он ненавидит.

Третьим прибыл мистер Амброз Манатон – давно знакомое мне имя, поскольку Харрисы на протяжении нескольких поколений вели тяжбу с Манатонами из-за имения Трекаррел. В чем там было дело, я затрудняюсь сказать, но знаю, что отец никогда не разговаривал ни с одним из них. Был

один Амброз Манатон, который встал на сторону парламента до военных событий в Лонстоне. Вновь прибывший приходился ему сыном. Думаю, что он был на несколько лет старше Питера Кортни – на вид ему можно было дать тридцать четыре года. Вкрадчивый и обходительный, он не был лишен некоторого обаяния. Он не носил парик, и светлые волосы спускались ему до плеч. Решив, что мне лучше сразу поговорить с ним и таким образом покончить с этим вопросом навсегда, я, как только мы встретились, сразу заговорила о семейном споре.

– На протяжении нескольких поколений наши семьи вели между собой войну. Это как-то связано с именем. Я – младшая дочь, и вам у меня ничто не грозит. У меня нет к вам никаких имущественных претензий.

– Я не мог бы отказать столь прелестному адвокату, – ответил он.

Я в задумчивости разглядывала его, пока он целовал мне руку. Слишком скор на комплименты, слишком легок на улыбку. Интересно, какова в точности была его роль в этой операции? Никогда раньше я не слышала о нем как о воине. Деньги?.. Имение?.. Не эти ли земли в Трекарреле и в Саутхилле, которые не сумел отсудить мой отец? Ричард, вне всякого сомнения, определил стоимость операции. Роялистское восстание нельзя было проводить без денег. Значит ли это, что Амброз Манатон отвечает за казну? Я задавалась вопросом, что же побудило его поставить на карту собственную жизнь и состояние? И мгновенье спустя он сам дал мне ключ к разгадке.

– Миссис Денис еще не приехала?

– Нет. Вы хорошо ее знаете?

– Так случилось, что мы оказались близкими соседями в Северном Корнуолле и в Северном Девоне.

Непринужденный тон, доверительная улыбка. Ах, Ричард, мой не очень-то щепетильный возлюбленный. Значит, Гартред была приманкой, чтобы поймать тигра.

Что же, черт возьми, происходило в Бидефорде на протяжении этих долгих зимних месяцев? Могу себе представить, если Гартред выступала в роли хозяйки дома. Ну ладно, зато теперь, в Менебилли, хозяйкой была я. И соломенные тюфяки в комнатах наверху покажутся после пуховых перин Орли-Корта еще тверже.

– Если я правильно понимаю, мой брат, генерал Харрис, выступает как управляющий имением миссис Денис?

– Да, что-то в этом роде, – сказал Амброз Манатон.

Он внимательно изучал носок своего сапога, и его тон был наигранно небрежен.

– Вы виделись с братом в последнее время? – спросил он.

– После падения Пендинниса я с ним не виделась, а ведь прошло уже два года.

– Вы заметите в нем перемены. У него сдают нервы. Несомненно, это сказывается осада.

Робин никогда не отличался нервозностью. Робин отправлялся в бой с соколом на рукавице. Если Робин изменился, то отнюдь не по вине пятимесячной осады.

Они прибыли вместе незадолго до того, как стемнело. Я одна встретила их в галерее. В правление парламента Гартред жилось весьма легко. Она, по-моему, слегка раздалась в плечах и в груди, но это ей очень шло. К тому же, искушая судьбу, она позволила природе сурово обойтись со своими волосами, которые теперь уже не отливали золотом, а поблескивали серебром, и от этого она выглядела более очаровательной и хрупкой.

Войдя в комнату, она бросила свой плащ Робину, сказав этим первым небрежным жестом все, что хотелось мне узнать об их отношениях. В один миг годы откатились назад. Передо мной была двадцатилетняя новобрачная, уже подуставшая от Кита, этого раба и крепостного, которому не хватало силы воли, чтобы играть роль господина...

Точно так же, когда-то, стоял рядом с ней Кит – с той же собачьей преданностью и обожанием во взгляде.

Но Амброз Манатон оказался прав. В глазах Робина читалось не одно лишь обожание. В них отражались и напряжение, и сомнение, и тревога. А отяжелевший подбородок и одутловатые щеки выдавали пьяницу. Поражение в войне и роман с Гартред тяжело сказались на моем брате.

– Похоже, мы с тобой обречены встречаться в моменты больших потрясений, – сказала я Гартред. – Ты по-прежнему играешь в пикет?

Я заметила, как Робин озадаченно переводит взгляд с одной на другую, но Гартред, стягивая кружевные перчатки, улыбнулась.

– Пикет нынче не в моде, – ответила она. – Последнее модное увлечение – игра в кости, но с тех пор, как все азартные игры запрещены парламентом, следует заниматься этим делом тайком.

– Тогда можешь на меня не рассчитывать, – сказала я. – Тебе придется играть с Робинсом или Амброзом Манатоном.

Она метнула на меня быстрый взгляд, но я сделала вид, что не заметила этого.

– По крайней мере мне остается одно утешение, – сказала она. – Это сознание того, что хоть раз в жизни мы не играем друг против друга. Ведь

мы все здесь партнеры, побеждающая сторона?

– Мы? – переспросила я. Всего лишь четыре года назад она приезжала сюда как шпионка лорда Робартса.

– Если ты сомневаешься в моих верноподданнических чувствах, – сказала Гартред, – тебе следует сказать об этом Ричарду, когда он приедет. Но сейчас, пожалуй, уже поздно отступать. Я посвящена во все секреты.

Она снова улыбнулась, и когда я посмотрела на нее, то почувствовала себя рыцарем стародавних времен, приветствующим своего противника перед поединком.

– Я распорядилась поместить тебя в той длинной комнате наверху, которую обычно занимает Элис с детьми, – сказала я.

– Спасибо, – ответила Гартред.

– Робин слева от тебя, – сказала я, – а Амброз Манатон справа в небольшой спальне у лестничной площадки. С двумя такими стражами тебе, я думаю, вряд ли придется волноваться.

Она и глазом не повела. Повернувшись к Робину, она дала ему кое-какие распоряжения относительно багажа. И он тут же, как лакей, отправился исполнять ее приказания.

– Тебе повезло, – сказала я, – что мужчины в моем роду отличаются столь уживчивым характером.

– Мне бы повезло еще больше, – ответила она, – если бы они в то же время не были такими собственниками.

– Фамильная черта, – парировала я, – напоминает о девизе нашего дома: «Что имеем, не отдаем».

Она какое-то время в задумчивости на меня смотрела.

– Ты обладаешь странной властью над Ричардом, – сказала она. – Какой-то непонятной притягательной силой. Я полностью доверяюсь тебе.

Я поклонилась ей со своего кресла.

– Не доверяйся мне, Гартред, – ответила я. – Менебилли – всего лишь название на карте, выбор мог пасть и на любое другое поместье. Пустой дом, близость песчаного берега.

– И сверх того – тайник, – произнесла она резко.

– Серебро уже давным-давно на Монетном дворе, – сказала я. – А то, что еще оставалось, пополнило парламентскую казну. Какую игру ты затеяла на сей раз, Гартред?

Она ответила не сразу, но я заметила, что ее кошачьи глаза следят за тенью Робина в холле.

– Мои дочери выросли, – сказала она. – Орли-Корт становится тяжелой обузой. Быть может, мне захочется третьего мужа и безбедного

существования.

Которое мой брат не в силах был бы дать ей, подумала я, но которое с удовольствием мог бы предоставить ей мужчина, бывший на пятнадцать лет моложе ее, с землями и состоянием. Миссис Харрис... Миссис Денис... Миссис Манатон?

– Ты уже разбила жизнь одному мужчине из моей семьи, – сказала я. – Поостерегись пытаться сделать то же самое и со вторым.

– Думаешь, в твоих силах помешать мне?

– Нет. Ты вольна поступать, как тебе заблагорассудится. Я лишь предупреждаю тебя.

– Предупреждаешь о чем?

– У тебя никогда не получится играть с Робинотом, как ты это делала с Китом. Робин способен убить.

Какое-то время она недоумевающе на меня смотрела. И тут в комнату вошел мой брат.

В тот вечер я размышляла о роялистском восстании. В их замысел входило, чтобы Корнуолл запылал с востока до запада, а ведь во все времена здесь было достаточно горючего материала, и вот эти люди собрались под крышей Менебилли, чтобы занялся пожар по всей стране.

За обеденным столом мы являли собой странное общество. Гартред со своими серебряными волосами, украшенными драгоценностями, – во главе стола, по обе стороны от нее – мужчины: мой брат постоянно тянулся рукой к графину и не сводил влюбленных глаз с ее лица, в то время как холодный и невозмутимый Амброз Манатон не переставая говорил ей в правое ухо – выключив таким образом из разговора Робина – о коррупции в парламенте, что заставляло меня заподозрить, что он, должно быть, сам был в этом замешан, уж больно много подробностей было ему известно. Слева от меня сидел Питер Кортни, который время от времени встречался взглядом с Гартред и при этом многозначительно улыбался. Но поскольку он то же самое проделывал и со служанкой, подававшей ему тарелку, и со мной, когда мне случалось посмотреть в его сторону, то я предположила, что со стороны Гартред речь скорее идет о привычке, чем о сговоре. Я хорошо знала своего Питера. Насупившийся Дик занимал место в центре и бросал мрачные взгляды на сидевшего напротив него кузена, ну а тот без умолку болтал о письмах, полученных им от его брата Джека, который вошел в такую милость к принцу Уэльскому во Франции, что тот с ним никогда не расставался. И когда я, играя роль хозяйки дома, который отнюдь не был моим, – чем вызывала, вне всякого сомнения, неодобрение тени старого Джона Рашли, – переводила взгляд с одного на другого, следя за тем, чтобы

у всех были еда и вино, то с некоторым дурным предчувствием подумала о том, что, обыщи Ричард все графство, он бы не нашел шестерых человек, более способных перессориться между собой и разругаться, чем те, что сидели сейчас за этим столом.

Гартред, его сестра, никогда не желала ему добра. Робин, мой брат, отказался в прошлом подчиниться его приказу. Питер Кортни был одним из тех, кто роптал против его главенства. Дик, его сын, боялся и ненавидел его. Амброз Манатон был неизвестной величиной, ну а Банни, его племянник, представлял собой простую пешку, умевшую читать по карте. И вот таким людям предстояло возглавить восстание? Если это так, пусть Господь Бог поможет моему бедному Корнуоллу и принцу Уэльскому.

– Мой дядя, – говорил Банни, строя из солонок крепость, – никогда не прощает обиды. Он однажды сказал мне, что если какой-то человек сыграет с ним плохую шутку, то он ответит ему худшей.

Он пустился в описание какого-то прошлого сражения, и его никто не слушал, кроме, думается мне, Питера, поступавшего так по доброте душевной. Но слова Банни, так легко слетевшие с его уст, не выходили у меня из головы. «Мой дядя никогда не прощает обиды».

Он был обижен каждым из нас, кто сидел сейчас за столом в Менебилли. Какое время выберет он, чтобы заплатить по старым счетам? Ричард, мой возлюбленный, насмешливый и злопамятный. Итак, канун восстания и эти шестеро, увязшие в нем по горло.

Было что-то символическое в стуле, пустовавшем возле меня.

Затем мы разом смолкли, ибо дверь внезапно распахнулась, и на пороге показался Ричард: он смотрел на нас, на голове у него была шляпа, а с плеч свисал длинный плащ. Столь любимых мною рыжеватых волос не было, а закрывавший уши завитой парик придавал ему мрачный, сатанинский вид, под стать которому была и его улыбка.

– Что за подарок для шерифа герцогства, случись тому нагрянуть сюда. Каждый из вас – предатель.

Мы совершенно тупо уставились на него – даже Гартред на сей раз не сумела поспеть за ходом его мысли. Но я заметила, что Дик принялся грызть ногти. Затем Ричард бросил шляпу и плащ стоявшему наготове слуге и направился к пустовавшему справа от меня стулу.

– Долго ждала? – спросил он у меня.

– Два года и три месяца, – ответила я ему.

Он наполнил бокал из стоявшего с его стороны графина.

– В январе тысяча шестьсот сорок шестого года, – сказал он, обращаясь ко всей компании, – я нарушил обещание, данное нашей

здешней хозяйке. Однажды утром, в Веррингтоне, я покинул ее, сказав, что вернусь к завтраку. К несчастью, принц Уэльский рассудил иначе. И вместо этого я завтракал в Лонстонском замке. Я предлагаю загладить эту свою вину завтра.

Он поднял бокал, осушил его одним залпом, затем, положив свою руку на мою, прижал ее к столу.

– Благодарю тебя, Господи, – сказал он, – за женщину, которая не обрушивается с проклятиями за опоздание.

Глава 31

Все было, как когда-то в Веррингтоне. Прежний распорядок. Прежнее произвольное деление на ночь и день. Он врывался ко мне в комнату, когда я, не завершив еще своего туалета, завтракала с папильотками на голове, и, пока я продолжала это свое занятие, он ходил взад-вперед по комнате, непрерывно говоря, трогая мои щетки, расчески, браслеты на столе и проклиная все, если в его планах происходила какая-нибудь заминка. Треванион слишком медлил. Трелони-старший чересчур осторожничал. А те, кто должен будет продвигать восстание дальше на запад, не носили громких имен – все это были мелкие сошки, которым не хватало нужных для руководителя качеств.

– Гроуз из Сент-Бериана, Маддерн из Пензанса, Кигвин из Маусхоула, – сказал Ричард, – никто из них не поднялся выше звания капитана в тысяча шестьсот сорок шестом году и никогда не водил отряды в бой. Но нам сейчас придется довольствоваться ими. Это тот случай, когда говорят *faute de mieux*^[20]. Беда в том, что я не могу быть в пятидесяти местах одновременно.

Снова все как в Веррингтоне. Пылающие в камине столовой дрова. Груда бумаг, раскиданных по столу, а в центре его большая карта. Ричард сидит на стуле, рядом с ним вместо Джека – Банни. Красные крестики на песчаных дюнах, куда должны высадиться отряды. Криннис... Пентеван... Вериан... Сигнальные огни на мысах, чтобы предупредить суда в море... Гриббен... Додмэн... Наэр... Мой брат Робин стоит возле двери на месте полковника Роскаррока. И Питер Кортни верхом на лошади во дворе – он принес послание от Джонатана Трелони.

– Какие вести из Толланда?

– Все хорошо. Они будут ждать нашего сигнала. Лу можно легко взять. Там не будет сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Послания одно за другим скрупулезно изучались. Как это бывает со всеми побежденными, сейчас больше всех не терпелось поднять мятеж именно тем, кто первым сдался врагу в 1646 году. Хелстон... Пензанс... Сент-Айвс... Доверие к Гренвилу как к главнокомандующему было полным, от него потребуется лишь отдать распоряжения.

Сидя в своем кресле возле огня, я прислушивалась ко всем этим разговорам. Вот я уже не в столовой Менебилли, а снова в Веррингтоне, в Оттери-Сент-Мэри, в Эксетере... Те же проблемы, те же доводы, те же

сомнения у командиров, те же молниеносные решения. Перо Ричарда наставлено на острова Силли.

– Здесь будет главная база армии принца. Захватить эти острова несложно. Твой брат Джек может сделать это с горсткой людей.

Банни, широко улыбнувшись, кивнул рыжеватой шевелюрой.

– Затем основные места высадки должны быть там, где наше влияние сильнее всего. Как я себе представляю, это отрезок побережья отсюда до Фалмута, с Сент-Мосом в качестве нашей главной цели. Гоптон посылал мне с Гернси депеши со своими возражениями, не оставлявшими камня на камне от моих предложений. Так вот, пусть он ими подавится, мне до них нет дела. Если бы он действовал по своему плану, то послал бы каплю народу сюда, каплю сюда и так помочился бы по всему Корнуоллу, чтобы, как он говорит, запутать противника. Как же, пусть запутает мою задницу. Один мощный удар, нанесенный в центр при нашей активной поддержке, и Гоптон может высаживаться со всей своей армией через двадцать четыре часа.

Крупные совещания проводились по ночам – так легче было передвигаться по дорогам. Трелони добирались из Трелона, сэр Чарлз Треваннион из Каэрхейза, сэр Артур Бассет из Тихейди. Я лежала в своей комнате наверху: снизу, из гостиной, до меня доносился приглушенный шум голосов, и неизменно всех их перекрывал зычный голос Ричарда. Действительно ли французы примут участие в этой игре? Сомнение в этом выражали все присутствующие, однако Ричард отбросил их доводы.

– Да пропади пропадом эти французы, если даже они и не ввяжутся в драку. Что с того, черт побери? Мы можем действовать и без них. Французы никогда не отличались обязательностью по отношению к своим союзникам.

– Но будь у нас по крайней мере их обещание, что они поддержат нас, – пробормотал сэр Чарлз Треваннион, – и если бы их чисто символический отряд помог принцу при высадке, то моральный эффект от этого был бы такой, как если бы они выставили против мятежников десять дивизий.

– Не верьте этому, – сказал Ричард. – Французы терпеть не могут сражаться на чужой земле. Стоит лягушке увидеть щучий хвост, и она даст деру. Оставьте французов в покое. Мы не нуждаемся в них, коль скоро в наших руках будут острова Силли и корнуолльские форты. Маунт... Пендиннис... Сент-Мос... Банни, где мои заметки о нынешней диспозиции неприятельской армии? Теперь, джентльмены...

И все продолжалось в том же духе. Полночь, час, два, три часа ночи. В

котором часу они отправились восвояси и когда он лег спать, мне неведомо, ибо меня саму к тому времени уже давно сморила усталость. На плечи Робина, отличившегося до этого при обороне Пендинниса, легла серьезная ответственность. Эпизод с мостом был предан забвению. Но так ли это? Порой я сомневалась в этом, когда видела, какими глазами смотрит на него Ричард, как он при этом беспричинно улыбается и похлопывает себя пером по подбородку.

– У вас есть самые последние донесения из Хелстона?

– Да, сэр. Они получены.

– Я хочу, чтобы вы представляли меня завтра на совещании в Пенроузе. Вам разрешается отсутствовать две ночи, не больше. Мне нужны точные сведения о количестве людей, которых они могут выставить на дорогах между Хелстоном и Пенрином.

– Есть, сэр...

Но я заметила минутное колебание Робина, его взгляд был устремлен на дверь, что вела в галерею, откуда неожиданно донесся звонкий отчетливый смех Гартред. Его вспыхнувшее лицо и налившиеся кровью глаза объяснили все лучше всяких слов.

– Идите сюда, Робин, – отрывисто сказал Ричард после ужина, – сегодня нам снова придется поработать допоздна. Питер привез мне зашифрованные донесения из Пензанса, а вы являетесь моим экспертом. Если я могу обходиться четырехчасовым сном, то вы все тоже.

Ричард, Робин, Питер, Банни сгрудились вокруг стола, а Дик мрачно и обиженно наблюдал за ними со своего поста у дверей столовой. Амброз Манатон знакомился возле камина со счетами.

– Ладно, Амброз, – сказал Ричард. – В этом деле ваша помощь мне не понадобится. Идите поговорите о высоких финансовых материях с дамами в галерее.

И благодарный Манатон, улыбаясь, откланялся. Когда он пересекал комнату, у него был излишне самоуверенный вид, и он напевал себе под нос.

– Вы еще долго собираетесь сидеть? – спросила я у Ричарда.

– Гм... гм... – промычал он с отсутствующим видом. – Поддай-ка мне эту стопку документов, Банни. – Затем, бросив неожиданный взгляд на Дика, резко сказал: – Стой прямо, не переминайся с ноги на ногу.

Черные глаза Дика сверкнули, и я увидела, как его тонкие пальцы вцепились в куртку. Он распахнул дверь, давая проехать мне в моем кресле, и все, что я могла сделать, чтобы как-то поддержать его, это улыбнуться и коснуться его руки. Нет, галерея не для меня – трое составляют жалкую

компанию. Наверх, в свою комнату, хотя я и понимала, что еще больше четырех часов внизу будут слышны голоса. С час, наверно, я читала, лежа в постели, и тут услышала шуршание юбки – это Гартред прошла к себе в комнату. Тишина. Затем предательски скрипнула ступенька. Тихонько захлопнулась дверь. А внизу в столовой голоса не смолкали до самой глубокой ночи.

Однажды вечером, когда совещание закончилось раньше обычного и Ричард зашел посидеть ко мне перед тем, как отправиться спать, я без обиняков поведала ему о том, что слышала.

Он рассмеялся, стоя возле распахнутого окна и продолжая обрабатывать пилкой ногти.

– Милая, неужто ты с годами превратилась в ханжу? – спросил он.

– Ханжество тут ни при чем, – ответила я. – Но мой брат не теряет надежды жениться на Гартред. Я это поняла по его робким намекам на то, чтобы отстроить заново дом в Ланресте.

– Тогда надежда его подведет, – ответил Ричард. – Гартред никогда не свяжет свою судьбу с безденежным солдатом. У нее есть на примете рыба покрупнее, и я не могу ее за это осуждать.

– Ты имеешь в виду ту рыбу, – спросила я, – которую она ловит в данный момент?

– А почему бы и нет? – ответил он, поведя плечами. – Амброз получит хорошенькое наследство по линии своей матери, урожденной Трефьюсис, не считая того, что достанется ему после смерти отца. Со стороны Гартред было бы страшной глупостью упустить такой жирный кусок.

Как спокойно Гренвилы отхватывают себе состояния!

– Каков в точности вклад Манатона в ваше дело? – спросила я.

– Не суй свой хорошенький носик в мои дела, – сказал он. – Я знаю, что делаю. Скажу тебе одно – без него нам бы вряд ли удалось наскрести денег на эту операцию.

– Так я и думала, – ответила я.

– Если ко мне хорошенько приглядеться – я весьма ловкий парень, – сказал он.

– Если ты считаешь, что это очень ловко – натравливать одного члена своего штаба на другого. Со своей стороны я бы назвала это жульничеством.

– Это искусное руководство, – сказал он.

– Предвыборные махинации, – ответила я.

– Ruse de guerre^[21], – возразил он.

– Политические игры, – отпарировала я.

– Почему бы и нет? – сказал он. – Если такой маневр служит моим целям, не важно, сколько жизней будет разбито по ходу дела.

– Позаботься о том, чтобы они разбились «после», а не «до», – сказала я.

Он подошел и сел подле меня на кровать.

– Мне думается, что теперь, когда у меня черные волосы, я тебе не очень-то нравлюсь, – высказал он свое предположение.

– Они подходят к твоей внешности, но не к твоему нраву.

– Черно-бурые лисицы не оставляют после себя следов.

– Рыжие более привлекательны.

– Когда на карту поставлено будущее страны, эмоции должны быть отброшены.

– Эмоции, но не честь.

– Это каламбур? Ты намекаешь на свое имя?

– Понимай как хочешь.

Он схватил мои руки и, улыбаясь, прижал их к подушке.

– В восемнадцать лет твое сопротивление было посильнее, – сказал он.

– А твой подход поделикатнее.

– Иначе и быть не могло на той проклятой яблоне.

Он положил голову мне на плечо и развернул мое лицо к себе.

– Я теперь могу ругаться на итальянском так же хорошо, как и на испанском, – сказал он мне.

– А на турецком тоже?

– Одно-два слова. Голая необходимость.

Он с довольным видом устроился рядом со мной на подушке. Мне был виден лишь один его глаз – он зло посматривал на меня.

– Одна женщина, с которой я познакомился в Неаполе...

– И с которой ты провел час?

– Три, если быть точным.

– Расскажи эту историю Питеру, – зевнула я. – Мне это неинтересно.

Он поднес руки к моим волосам и снял с них папилютки.

– И для тебя, и для меня было бы куда удобнее, если бы ты цепляла на себя это барахло днем, – пробормотал он, задумываясь о чем-то. – Так на чем я остановился? Ах да, на неаполитанке.

– Не тревожь ее, дай ей поспать, Ричард, да и мне тоже.

– Я только хотел сказать тебе о замечании, которое она сделала мне при прощании. «Так, значит, то, что я слышала о корнуолльских мужчинах, это правда, – сказала она мне. – Вы сильны лишь в рукопашной». – «Синьорина, – возразил я ей, – в Корнуолле меня ждет одна дама, которая

ценит меня еще и за другое».

Он потянулся, зевнул и, приподнявшись на локте, задул свечу.

– Но все эти южанки оказались пресными, как молоко. Мои лисьи повадки были выше их понимания.

Так проходили ночи, ну а как проходили дни – я уже описала. Мало-помалу планы выстраивались, схемы были составлены. От находившегося во Франции принца пришло последнее послание, в котором он сообщал о том, что в его распоряжение отдан французский флот и что внушительная армия под командованием лорда Гоптона высадится в Корнуолле, а сам принц с сэром Джоном Гренвилем захватят острова Силли. Высадка должна совпасть с восстанием роялистов, которое возглавит сэр Ричард Гренвил, он захватит и будет удерживать наиболее важные пункты в герцогстве.

Датой начала Корнуольского восстания была выбрана суббота, 13 мая... Распустились нарциссы. Зацвели сады. Нежданно-негаданно первые по-летнему теплые дни наступили в начале мая. Море за Гриббеном было зеркально гладким, небо синим, без единого облачка. Крестьяне трудились на полях, а из Горрана и Полперро выходили в море рыбацкие шхуны. В Фое все было спокойно. Горожане занимались своими делами, парламентские агенты списывали бесполезными заметками свиток за свитком, чтобы потом они пыльными кипами громоздились в Уайтхолле, а часовые, позевывая, вглядывались в море. Я сидела в своем кресле на дорожке, что вела к морю, смотрела на ягнят и под горячими лучами солнца, падавшими на мою неприкрытую голову, размышляла о том, что не пройдет и недели, как весь мирный край вновь окажется охвачен волнением. Стреляющие, сражающиеся, умирающие люди... Овцы разбредутся, скот будет угнан, а по дорогам хлынет лишившийся крова люд. Снова орудийные залпы, треск ружейных выстрелов. Скачущие лошади, тяжелая поступь солдат. Брошенные всеми раненые, которые сами ползут к изгородям, чтобы там умереть. Вытоптанная молодая пшеница, соломенные крыши домов в огне. Снова тревога, снова напряжение и ужас. Враг наступает. Враг отступает. Гоптон высадился с крупными силами. Гоптон сброшен в море. Корнуолльцы торжествуют. Корнуолльцы отступают. Противоречивые слухи. Кровавый смрад войны.

Разработка плана была завершена, и началось долгое ожидание. Неделя нервов, когда мы сидели в Менебилли и смотрели на часы. Ричард в приподнятом настроении – играл с Банни в шары на небольшой, обнесенной стенами лужайке возле пустовавшего дома управляющего. Питер, осознав внезапно, какими вялыми стали у него мускулы живота,

чтобы согнать вес, яростно скакал на лошади взад-вперед по пескам Пара. Робин был весьма молчалив. Он в одиночестве гулял по лесу, а возвратившись оттуда, первым делом заходил в столовую, где стоял графин с вином. Порой я заставляла его там с бокалом в руке, погруженного в размышления, но, когда я принималась расспрашивать его, он отвечал мне уклончиво, при этом взгляд у него был какой-то настороженный, как у собаки, когда она прислушивается к незнакомым шагам. Гартред, обычно столь хладнокровная и равнодушная в любовных делах, впервые выглядела не такой уравновешенной и уверенной в себе. Происходило ли это оттого, что Амброз Манатон был на пятнадцать лет ее моложе и ее шансы на брак с ним были весьма сомнительными, не знаю, но ей стала изменять выдержка, что, по-моему, являлось признаком близкого проигрыша. Мне было точно известно, что Орли-Корт опутан долгами. Ричард так много мне об этом говорил. Позади осталась юность, а без третьего мужа будущее, стоит только поблекнуть ее красоте, виделось весьма суровым: вдова, живущая в уединении со своими замужними дочерьми и зависящая от милостей зятьев. Какой конец для Гартред Гренвил! Так что выдержка ей стала изменять. Она чересчур открыто улыбалась Амброзу Манатону. За обеденным столом она клала свою руку на его руку. Она смотрела на него поверх своего бокала с той же алчностью, какую я заметила у нее много лет назад, когда, подглядывая в щель в дверях ее комнаты, я увидела, как она засовывает себе в платье дешевые безделушки. Ну а польщенный Амброз Манатон в ответ доверчиво приветствовал ее, поднимая свой бокал.

– Отошли ее подальше, – сказала я Ричарду. – Она уже и так причинила бог знает сколько зла. Зачем она тебе здесь, в Менебилли?

– Если Гартред уедет, Амброз последует за ней, – ответил он. – Я не могу позволить себе остаться без своего казначея. Ты не знаешь этого типа, как знаю его я. Он скользкий как угорь и скупой как жид. Стоит только ему вернуться с ней в Бидефорд, и он может полностью выйти из дела.

– Тогда скажи Робину, чтобы он собирал вещи. В любом случае тебе от него не будет никакого проку, если он и дальше будет продолжать так пить.

– Чушь! В его случае выпивка – это стимуляция, единственный способ подстегнуть его. Когда придет пора, я его так накачаю бренди, что он возьмет замок Сент-Мос голыми руками.

– Мне не доставляет удовольствия наблюдать за тем, как мой брат губит себя.

– Он здесь не для твоего удовольствия. Он здесь потому, что полезен мне, он один из немногих известных мне офицеров, кто не теряет в бою головы. Чем более смятенным будет он здесь, в Менебилли, тем лучше

будет сражаться за его стенами.

Зло взглянув на меня, он выпустил в воздух струю дыма.

– Боже мой, – сказала я. – Неужто в тебе нет ни капли жалости?

– Нет, – сказал он, – когда речь заходит о военных делах.

– И ты можешь сидеть здесь, вполне довольный собой, в то время как твоя сестра ведет себя наверху как шлюха, – она дергает за один конец шнурка кошелька Манатона, а ты тянешь за другой! Тогда как мой брат, который любит ее, напивается до смерти, потому что у него разрывается сердце.

– К черту его сердце. Его шпага и то, как искусно он ей владеет, – вот все, что меня волнует.

И, высунувшись из окна галереи, он свистнул, подозвал Банни, чтобы поиграть в шары. Я наблюдала за тем, как они, сбросив свои куртки на низкорослую траву, перебрасываются шутками, будто пара беззаботных школьников.

Нервы у меня не выдержали.

– Да будут прокляты все Гренвилы, – сказала я.

И когда я это произнесла, думая, что рядом со мной никого нет, то почувствовала, как моего плеча коснулась чья-то рука, и мальчишеский голос прошептал мне в ухо:

– То же самое сказала моя мать восемнадцать лет назад.

У меня за спиной стоял Дик, его черные глаза сверкали на бледном лице, и взгляд их был устремлен на лужайку, где играл с юным Банни его отец.

Глава 32

Четверг, 11 мая, с утра обещал быть таким же жарким и душным, как и предшествовавшие дни. Должно было пройти сорок восемь часов, прежде чем в Корнуолле вновь запылает факел войны. Даже Ричарду изменило его хладнокровие, когда в полдень прискакал гонец с вестью о том, что, по донесениям наших шпионов, несколькими днями раньше в Солташе сэр Хардрес Уоллер, назначенный парламентом командующим войсками на западе, провел совещание с большим числом помещиков – сторонников парламента и что дано распоряжение удвоить охрану во всех главных городах герцогства. Несколько членов комитета графства Корнуолл лично отправились в Хелстон, чтобы удостовериться, что там все спокойно.

– Один неверный шаг сейчас, – спокойно сказал Ричард, – и все наши планы окажутся тщетными.

Я хорошо помню, как мы все собрались в столовой, за исключением Гартред, которая была у себя в комнате. У меня и сейчас еще стоят перед глазами перекошенные, встревоженные лица, какими все смотрели на своего предводителя: грузный Робин о чем-то задумался, Питер похлопывал себя рукой по колену, Банни нахмурил брови, а Дик по привычке покусывал руку.

– Единственное, чего я все время опасаюсь, – сказал Ричард, – так это что парни на западе не сумеют держать язык за зубами. Подобно плохо обученным красным соколам, им не терпится броситься на добычу. Я предупреждал Кигвина и Гроуза, чтобы в эту последнюю неделю они сидели по домам, как мы, и не устраивали совещаний. Наверняка они болтались по дорогам, ведь слухи разносятся быстрее ветра.

Он стоял возле окна, заложив руки за спину. Мне кажется, всем нам не давали покоя дурные предчувствия. Я заметила, как Амброз Манатон судорожно потирает руки, его обычное хладнокровие на миг оставило его.

– Если что-нибудь пойдет не так, как было задумано, – отважился он спросить после некоторого колебания, – какие можно предусмотреть меры для нашей собственной безопасности?

Ричард бросил на него презрительный взгляд и коротко ответил:

– Никаких.

Он вернулся к столу и собрал бумаги.

– Каждый из вас получил приказ, – сказал он. – Вам известно, что вы должны делать. Так что давайте избавимся от всего этого хлама,

надобность в котором отпадет, как только начнутся военные действия.

Он стал бросать в огонь карты и документы, тогда как остальные еще продолжали в нерешительности смотреть на него.

– Эй, – сказал Ричард, – вы похожи – во всяком случае, черт побери, большинство из вас – на стаю воронья, слетевшегося на похороны. Если кто-то из вас трусит, пусть скажет об этом сейчас, и я надену ему на шею петлю за измену принцу Уэльскому.

Никто не отозвался. Ричард повернулся к Робину.

– Я хочу, чтобы вы отправились в Трелон, – сказал он, – и сказали Джонатану Трелони и его сыну, что место и время встречи тринадцатого меняются. Они с сэром Артуром Бассетом должны присоединиться в Каэрхейзе к сэру Чарлзу Треванниону. Скажите им, чтобы отправлялись туда этой же ночью и избегали больших дорог. Проводите их туда.

– Есть, сэр, – вставая, медленно проговорил Робин, и думаю, я была единственной, кто заметил молниеносный взгляд, который он бросил на Амброза Манатона. Что до меня, то с моей души свалился тяжкий груз. С отъездом Робина из этого дома я, его сестра, вздохну спокойно. Пусть Гартред со своим любовником в эти оставшиеся часы делают что хотят. Меня это больше ни капли не волновало, коль скоро Робин не сможет их услышать.

– Банни, – раздался голос дяди, – у тебя есть в Придмуте готовое к отплытию судно?

– Да, сэр, – сказал Банни, и в его серых глазах заплескали огоньки. По-моему, он единственный продолжал верить, что играет в солдатиков.

– Тогда тринадцатого на рассвете мы тоже прибудем на встречу в Каэрхейз. Ты поплывешь в Горран и передашь мои последние инструкции, как зажигать сигнальные огни на Додмэне. Несколько часов, проведенных в такую погоду среди соленой воды, послужат хорошим упражнением для твоего желудка.

Он улыбнулся юноше, который в ответ посмотрел на него с мальчишеским обожанием, и я заметила, что Дик, наклонив голову, принялся дрожащей рукой медленно чертить на столе воображаемые линии.

– Питер! – окликнул Ричард.

Муж Элис подскочил на месте – его оторвали от каких-то приятных грез о французском вине и женщинах и вернули к суровой действительности окружающего мира.

– Какие будут приказания, сэр?

– Отправляйтесь в Каэрхейз и предупредите Треванниона о том, что

планы изменились. Скажите, что к нему присоединятся Трелони и Бассет. А поутру возвращайтесь сюда, в Менебилли. И хочу вас предостеречь, Питер.

– От чего же, сэр?

– Не ведите себя по дороге а-ля Кортни: не волочитесь за каждой юбкой. На всем пути от Тайуордрета до Додмэна нет ни одной стоящей бабы.

Питер, несмотря на всю свою бравладу, залился краской, но заставил себя ответить по всем правилам:

– Есть, сэр.

Он вышел из комнаты вместе с Робинот, за ними последовали Банни и Амброз Манатон. Ричард, зевнув, потянулся, а затем, подойдя к камину, перемешал почерневшие тлевшие бумаги с золой.

– А для меня у вас нет приказаний? – медленно произнес Дик.

– Почему же нет, – ответил Ричард, не поворачивая головы. – Дочери Элис Кортни наверняка оставили после себя какие-нибудь куклы. Пойди поищи их на чердаке и сшей им новые платья.

Дик не ответил. Но, по-моему, он сделался чуть бледнее, чем прежде, и, развернувшись, вышел из комнаты.

– В один прекрасный день, – сказала я, – ты с ним перегнешь палку.

– Это входит в мои намерения, – ответил Ричард.

– Неужели тебе доставляет удовольствие видеть, как он терзается?

– Я надеюсь увидеть, как в конце концов он восстанет и перестанет все это безропотно сносить.

– Порой мне кажется, – сказала я, – что после нашего двадцатилетнего знакомства я знаю тебя хуже, чем когда мне было восемнадцать.

– Вполне возможно.

– Ни один отец в мире не стал бы поступать со своим сыном так жестоко, как ты с Диком.

– Я поступаю с ним сурово лишь потому, что хочу, чтобы его жилы очистились от крови той шлюхи, которая является его матерью.

– Куда больше вероятность, что эта кровь, напротив, загорится в нем.

Ричард пожал плечами, и какое-то время мы молчали, прислушиваясь к топоту конских копыт, долетавшему из парка, – это Робин и Питер поскакали каждый со своим заданием.

– Когда я какое-то время укрывался в Лондоне, я виделся там с дочерью, – внезапно вымолвил Ричард.

Это звучит нелепо, но внезапная ревность пронзила мне сердце, и в ответ я ядовито заметила:

– Наверно, веснушчатая важничаящая девица?

– Нет. Скорее прилежная и спокойная. Надежная. Она напомнила мне мою мать. «Бесс, – сказал я ей, – ты будешь ухаживать за мной на закате моих дней?» – «Разумеется, – ответила она, – если вы пошлете за мной». Мне думается, она так же мало привязана к этой суке, как и я.

– Дочери, – сказала я, – никогда не ходят в любимицах у матерей. В особенности когда достигают совершеннолетия. Сколько ей?

– Почти семнадцать, – ответил он, – и она, как и положено в этом возрасте, вовсю цветет...

Он с отрешенным видом глядел перед собой. «Этот момент, – с большой проницательностью и спокойствием подумала я, поднявшись над своей тревогой, – в каком-то смысле является моментом нашего расставания, когда наши пути разошлись, но он не догадывается об этом. Теперь, когда его дочь достигла совершеннолетия, я ему буду больше не нужна».

– О-хо-хо! – сказал он. – По-моему, я начинаю ощущать свои сорок восемь лет. У меня чертовски болит нога, и этому нет объяснения, поскольку в небе сияет солнце.

– Нервное напряжение, – сказала я, – и все, что из этого вытекает.

– Когда закончится эта кампания, – сказал он, – и мы захватим для принца Уэльского весь Корнуолл, я распрощаюсь с солдатской жизнью. Построю замок на северном побережье, вблизи Стоу, и проживу в мирном уединении, как и подобает джентльмену.

– Только не ты, – сказала я. – Ты перессоришься со всеми соседями.

– У меня не будет соседей, – ответил он, – не считая моего собственного клана Гренвиллов. Господи, Джек, Банни и я – мы хорошенько очистим герцогство. Как по-твоему, принц сделает меня графом Лонстонским?

Он на мгновение положил свою руку мне на голову, а затем вышел, зовя Банни, а я, подавленная и охваченная странной тоской, осталась сидеть одна в пустой столовой.

Я цинично подумала, что теперь, когда Питер и Робин уехали – один в Каэрхейз, другой в Трелон, – Амброз Манатон и Гартред смогут соединить свои самостоятельные таланты, чтобы пофантазировать вместе до утра, если их посетит желание.

В тот вечер мы все рано легли спать, собиралась гроза. Ричард занимал комнату Джонатана Рашли, а Дик и Банни располагались в смежной с ней гардеробной.

Их комнаты были соединены общей дверью, а я, их единственная

соседка, находилась у лестницы. Я услышала, как первой прошла Гартред, за ней проследовал Амброз, затем на лестничной площадке наступила тишина. «Что ж, – подумала я, закутываясь в шаль, – слава богу, я могу стареть и не испытывать при этом особых сожалений. Пусть седеют волосы, появляются складки на коже и морщинки в уголках глаз – меня это не особенно огорчает». Мне не нужно было бороться за третьего мужа, ибо у меня не было и первого. Но мне не спалось – мешала заглядывавшая в окно полная луна.

Из комнаты, которую я в этот раз занимала, мне было не слышно боя часов на башне, к которому я привыкла в своей комнате в сторожке у ворот, но, вероятно, было что-то около полуночи, когда я внезапно очнулась от дремоты, в которую, по-видимому, погрузилась незадолго до этого. Мне почудилось какое-то движение в столовой. Да, теперь я различала отчетливые звуки: кто-то, прокладывая себе путь в темноте, наткнулся на стол или стул. Я приподнялась в постели и прислушалась. Вновь наступила тишина. Но мне было не по себе. Я дотянулась рукой до кресла и подтащила его к кровати, затем снова прислушалась. Ошибки быть не могло – под чьими-то торопливыми шагами предательски скрипнула ступенька. Какое-то интуитивное чувство, быть может бессознательное, сохранившееся с юности, предупреждало меня о надвигающейся катастрофе. Я сама перебралась в кресло и, не тратя время на то, чтобы зажечь свечу – да в ней и не было нужды, поскольку по ковру пролегла лунная дорожка, – я докатилась в кресле до двери и взялась за дверную ручку.

– Кто там? – произнесла я шепотом.

Ответа не последовало; добравшись до лестничной площадки, я глянула вниз и увидела там темную фигуру, прижавшуюся спиной к стене, лунный свет поблескивал на обнаженной шпаге, которую тот человек держал в своей руке. Это был мой брат Робин – в одних чулках, с закатанными рукавами, и в глазах у него читалась жажда убийства. Он ничего мне не сказал, ждал, что я предприму.

– Два года назад, – проговорила я мягко, – ты из-за личной неприязни не подчинился приказу своего командира. Это случилось в январе сорок шестого. Ты намерен поступить так же и в мае сорок восьмого?

Он поднялся по лестнице и встал на верхнюю ступеньку, рядом со мной. Он как-то странно дышал, я различила запах бренди.

– Я не ослушался ничьего приказа, – сказал он. – И все передал. Я простился с Трелони на вершине Полмиарского холма.

– Ричард велел тебе сопровождать их в Каэрхейз, – сказала я.

– По словам Трелони, в этом не было необходимости – одному всаднику легче пробраться, чем двум. Дай мне пройти, Онор.

– Нет, Робин. Прежде отдай мне свою шпагу.

Он не ответил. Он стоял и смотрел на меня. Своими взъерошенными волосами и встревоженным взглядом он так походил на призрак нашего покойного брата Кита, что я задрожала, как дрожали его руки, державшие шпагу.

– Тебе не одурачить меня, – сказал он, – ни тебе, ни Ричарду Гренвилу. Это поручение было не чем иным, как предлогом, чтобы отослать меня из дома – тогда они смогли бы побыть вместе.

Он направился к запертой двери комнаты, находившейся за лестничной площадкой.

– Отправляйся спать, Робин, – сказала я, – или давай с тобой посидим у меня в комнате и поговорим.

– Нет, – сказал он. – Настал мой час. Они сейчас наверняка вместе. Если ты попытаешься помешать мне, достанется и тебе.

Он обошел меня, задев при этом мое кресло, и пересек лестничную площадку: он двигался на цыпочках, стараясь не шуметь, в одних чулках, и я затрудняюсь сказать, был ли он пьян или охвачен безумием. Я прочла в его глазах лишь одно – зачем он здесь.

– Ради бога, Робин, – сказала я, – не ходи в ту комнату. Обсуди все с ними утром, если тебе это так надо, но не сейчас.

Вместо ответа он повернул дверную ручку – на губах его застыла ужасная и странная улыбка, и тогда я, рыдая, покатила в своем кресле обратно к себе в комнату и громко постучала в гардеробную, где спали Дик и Банни.

– Позовите Ричарда, – сказала я. – Скажите ему, чтобы он быстрее шел сюда, прямо сейчас, сию же минуту. И вы тоже. Нельзя терять ни минуты.

Отозвался встревоженный голос, думаю, это был Банни – я услышала, как он вылезает из постели. Но я снова развернулась, пересекла свою комнату и выехала на лестничную площадку, где все было по-прежнему тихо и спокойно. Лишь лунный свет ярко сиял в восточных окнах. А затем раздался тот звук, который я ждала услышать, он резко пронзил тишину, и это было не проклятие, не гневный мужской голос, а леденящий душу женский вопль.

Глава 33

Скорее через лестничную площадку по пустой спальне Амброза Манатона к находившейся за ней комнате Гартред. Несмотря на все мои усилия, колеса кресла поворачиваются медленно. И все это время я не перестаю звать: «Ричард... Ричард...» И сама не узнаю собственного голоса.

О боже, этот поединок в лунном свете – холодном белом свете, который лился в окна с незапертыми ставнями, и Гартред с глубоким темно-красным порезом на лице, цеплявшаяся за полог кровати. Амброз Манатон в шелковой ночной рубашке, запачканной кровью, голыми руками защищается от отчаянных ударов, которые обрушивает на него Робин, пока, издав вопль, не дотягивается до лежащей на стуле среди груды одежды шпаги. Их разутые ноги бесшумно передвигаются по дощатому полу, оба учащенно дышат, и кажется, это безмолвные призраки делают выпады, наносят удары то в лунном свете, то в тени.

– Ричард!.. – снова крикнула я, ибо у меня на глазах вершилось убийство, в которое были вовлечены двое мужчин, что находились между мной и кроватью, на которую присела Гартред. Она закрыла лицо руками: между пальцами у нее струилась кровь.

Наконец появился полуодетый Ричард со шпагой в руках, за ним следом бежали, держа в руках свечи, Дик и Банни.

– Хватит, проклятые идиоты! – прокричал он, бросаясь между ними; его шпага скрестилась с их клинками, и вот уже правая кисть Робина безвольно повисла, Ричард держал Робина, а рядом с Амброзом Манатоном, оказавшись у дальней стены, стоял Банни.

Робин и Амброз смотрели друг на друга как готовые разорвать друг друга звери: грудь у них вздымалась, глаза налились кровью. Внезапно Робин увидел лицо Гартред, и до него дошло, что он натворил. Он раскрыл рот, пытаясь что-то сказать, но с его губ не слетело ни слова. Он дрожал, будучи не в силах ни двинуться, ни выдавить из себя хоть звук. Ричард подтолкнул его к стулу и усадил на него.

– Позови Мэтти, – сказал мне Ричард. – Воды, повязки...

В очередной раз я развернулась и покатилась к лестничной площадке, но челядь была уже на ногах – перепуганные слуги с зажженными свечами собрались в холле внизу.

– Отправляйтесь обратно в постели, – резко произнес Ричард. – Никто

из вас не нужен, только служанка госпожи Онор. Ничего страшного не произошло – так, небольшой инцидент.

Я услышала шарканье ног и шепот, слуги разошлись по своим углам. Тут появилась Мэтти – решительная и надежная. Ей хватило одного взгляда, чтобы сразу оценить ситуацию. С собой она принесла чаши с водой и разорванное на полосы чистое белье. Комнату теперь освещало с полдюжины свечей. Наваждение закончилось, нас снова окружала суровая реальность.

На полу валялись одежды Гартред и Манатона. Сам он, опираясь на руку Банни, пытался зажать полученные им раны; его светлые локоны распрямились и намокли от пота. Робин сидел на стуле, уткнувшись лицом в ладони, – весь его пыл прошел. Сбоку от него стоял мрачный и решительный Ричард. Никто из нас не мог отвести глаз от сидевшей на постели Гартред – большая резаная рана зияла у нее на лице, опускаясь от правой брови к подбородку. И тогда я впервые заметила Дика.

Его лицо было пепельно-серым, в глазах застыл ужас, и внезапно, когда на чистом белом белье проступила кровь и заструилась по руке Мэтти, он пошатнулся и рухнул на пол.

Ричард не шелохнулся. Избегая смотреть на обмякшее тело сына, он процедил Банни сквозь сжатые губы:

– Отнеси щенка в постель и брось там.

Банни повиновался, и когда я смотрела, как он, неся на руках своего кузена, пошатываясь, выходит из комнаты, то с безучастной и жуткой усталостью подумала: «Это конец. Это судьба».

Кто-то принес бренди. Кажется, это Банни прихватил с собой на обратном пути бутылку. Налили всем: Робин пил медленно, делая большие глотки, при этом руки, сжимавшие бокал, тряслись. Амброз Манатон судорожно осушил свой бокал, и краска, схлынувшая было с его лица, вновь окрасила его щеки. Затем настал черед Гартред – она слабо стонала, голова ее покоилась на плече у Мэтти, серебряные волосы были ужасно вымазаны ее же кровью.

– В мои планы не входит проводить следствие, – медленно проговорил Ричард. – Что было, то было. Мы накануне страшных испытаний, когда на карту поставлено будущее королевства. Не время сейчас кому бы то ни было стремиться к личной мести. Коль скоро люди поклялись исполнять мои приказания, то я требую повиновения.

Никто из них не ответил. Вконец сникший и подавленный, Робин усталился в пол.

– Используем оставшиеся до утра часы для сна. Я останусь с

Амброзом в его комнате, а Банни будет с Робинот. Утром вы вместе отправитесь в Каэрхейз, где я к вам присоединюсь. Мэтти, я могу попросить тебя остаться здесь с миссис Денис?

– Конечно, сэр Ричард, – твердо произнесла Мэтти.

– Как ее пульс? Много крови она потеряла?

– Сейчас она чувствует себя довольно сносно, сэр Ричард. Повязки держатся хорошо. Сон и отдых к утру сотворят чудо.

– Ее жизнь вне опасности?

– Да, сэр Ричард. Рана хотя и с неровными краями, но не глубокая. Пострадает только ее красота.

Губы Мэтти дрогнули на знакомый мне манер, и я подумала, о многом ли она догадалась из того, что здесь произошло.

Амброс Манатон не смотрел на кровать, как будто лежавшая там женщина была ему чужой. «Это и их конец тоже, – подумала я. – Гартред никогда не быть миссис Манатон и не владеть Трекаррелом».

Я отвела взгляд от побелевшего неподвижного лица Гартред и ощутила на спинке кресла руки Ричарда.

– Хватит с тебя переживаний за одну ночь, – произнес он спокойно.

Он отвез меня в мою комнату и, вынув из кресла, уложил в постель.

– Уснешь? – спросил он.

– Думаю, нет, – ответила я.

– Отдыхай. Скоро нам отправляться. Еще несколько часов, и все будет закончено. Война служит хорошей панацеей от личных ссор.

– Не думаю.

Оставив меня, он вернулся к Амброзу Манатону, и сделал он это, по моему разумению, отнюдь не из любви к нему, не для того, чтобы разделить с ним сон, а чтобы быть уверенным, что казначей не улизнет от него за эти несколько оставшихся до рассвета часов. Банни удалился с Робинот в его комнату, что тоже, как я догадывалась, было мерой предосторожности. Бренди и угрызения совести доводили до самоубийства и более сильных мужчин, чем Робин.

Как мог хоть кто-то из нас надеяться уснуть? Было полнолуние, и мне думается, что и ты, ночное светило, чей бледный холодный лик сиял высоко в небе над безмолвными садами и тенями, стало свидетелем странных вещей, творившихся той ночью в Менебилли. Мы – Харрисы и Гренвилы – оплатили Рашли злом за их гостеприимство.

Бежали часы, и внезапно я вспомнила о Дике, который одинешенек спал за дверью в соседней гардеробной. Бедный мальчик, упавший в обморок при виде крови, как это уже случалось с ним в

прошлом, может, он лежал теперь, бодрствуя, как и я, и думал о стыде, отягощавшем его совесть. Мне показалось, что я слышу, как он ворочается, и я подумала, уж не преследуют ли его, как и меня, видения, и не нуждается ли он в компании.

– Дик... – позвала я тихо, – Дик...

Но ответа не последовало. Позднее с моря задул легкий бриз и устроил сквозняк: влетев ко мне в комнату через открытое окно и поиграв с дверной защелкой, он сбросил ее, и она, болтаясь из стороны в сторону, непрестанно билась о дверь – как это случается с незакрепленными ставнями.

Должно быть, он крепко спал, раз это не разбудило его.

Луна скрылась, и утренний свет постепенно наполнял комнату, прогоняя тени, по-прежнему скрипела дверь, соединявшая обе наши комнаты: то захлопываясь, то распахиваясь, она создавала неотвязный аккомпанемент моим тревожным сновидениям. Вконец выведенная этим из себя, я взгромоздилась в свое кресло, решив захлопнуть ее, и, когда моя рука уже лежала на защелке, я увидела в дверную щель, что кровать Дика пуста. В комнате его не было...

Оцепеневшая и измученная, я еле добралась до своей постели. «Он, наверно, отправился на поиски Банни, – подумала я. – Он у Банни и Робина». Но у меня перед глазами неотступно стояло его побелевшее встревоженное лицо, и даже сон, когда он все же пришел ко мне, не смог прогнать это воспоминание.

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что комната залита потоком солнечного света, и сцены, разыгравшиеся тут несколько часов назад, показались ночным кошмаром. Я страстно желала, чтобы эти видения развеялись как дурной сон, но, когда Мэтти принесла мне завтрак, я поняла, что все это было явью.

– Да, миссис Денис немного вздремнула, – отвечала Мэтти на мои расспросы, – и, по-моему, она не будет испытывать сильных страданий из-за своего заточения, пока не снимет повязку.

Тут Мэтти презрительно фыркнула – в ее душе не было места жалости к Гартред.

– Разве рана со временем не заживет? – спросила я.

– Зажить-то она заживет, – ответила Мэтти, – но шрам останется у миссис Денис на всю жизнь. Ей теперь нелегко будет торговать своей красотой.

В ее словах сквозило некоторое удовлетворение, как будто события прошлой ночи подводили черту под сонмом старых счетов.

– Миссис Денис получила по заслугам, – сказала Мэтти.

Так ли это? Был ли это давно задуманный Всевышним ход на шахматной доске, или все мы были просто игрушкой в руках судьбы? Я знаю одно – после того, как я увидела рану на лице Гартред, моя ненависть к ней иссякла...

– На завтрак явились все? – спросила я внезапно.

– По-моему, да.

– И господин Дик тоже?

– Да. Он пришел несколько позже остальных, но я видела его в столовой час назад.

Я почувствовала облегчение – Дик цел и невредим и находится в доме.

– Помоги мне одеться, – сказала я Мэтти.

Пятница, 12 мая. По воле случая это могло бы произойти и тринадцатого. Из своеобразного чувства такта я не стремилась навестить Гартред в ее комнате. Теперь, когда ее красоте был нанесен урон, мы с ней оказались в равном положении, но я не горела желанием подчеркивать это. Другие женщины могли бы так с ней поступить: разыгрывать сострадание, а в глубине души торжествовать. Но Онор Харрис не относилась к их числу. Я передала ей через Мэтти, чтобы она сказала, что ей надо, и предоставила ей оставаться наедине с собственными мыслями... Я нашла Робина в галерее, он в задумчивости стоял возле окна, его правая рука была на перевязи. При моем приближении он повернул голову, затем снова стал молча смотреть вдаль.

– Я думала, ты уехал с Банни в Каэрхейз, – сказала я ему.

– Мы ждем Питера Кортни, – ответил он тупо. – Он до сих пор не вернулся.

– Как твое запястье? Болит? – спросила я участливо.

Он покачал головой, продолжая по-прежнему смотреть в окно.

– Когда все будет позади и эта кутерьма закончится, – сказала я, – мы с тобой снимем дом и проживем вместе – ты и я, как когда-то в Ланресте.

Он по-прежнему не отвечал, но я увидела, что у него на глазах выступили слезы.

– Мы достаточно долго любили Гренвиллов, – сказала я, – каждый по-своему. Пришла пора, когда им придется учиться жить без нас.

– Они так поступали почти тридцать лет, – ответил он. – Это мы от них зависим.

В последний раз мы коснулись с Робинем этой темы – больше, вплоть до сегодняшнего дня, мы к ней никогда не возвращались. Нас заставляла молчать наша сдержанность, мы хранили молчание, хотя живем вместе вот

уже пять лет...

Дверь распахнулась, и в галерею вошел Ричард, из-за его плеча выглядывал Банни, следовавший за ним как тень.

– Не могу понять, – сказал он, в раздражении меряя шагами комнату. – Сейчас уже почти девять, а Питера все нет. Если он выехал из Каэрхейза на рассвете, то давно уже должен был быть здесь. Думаю, что, уподобившись другому дураку, он счел нужным проигнорировать мой приказ.

Эта стрела предназначалась Робину, но он был слишком поглощен своим горем, чтобы как-то отреагировать на это.

– Если позволите, – сказал он униженно, – я могу отправиться на его поиски. Возможно, он остался завтракать с Солами в Пенрайсе.

– Куда вероятнее, что он валяется под изгородью с какой-нибудь девкой, – сказал Ричард. – Господи, в следующий раз, когда я отправлюсь на войну, я наберу в свой штаб евнухов. Поезжайте, если хотите, но будьте осторожней на дорогах. Мне докладывали об отрядах, проходивших через Сент-Блейзи. Может, это и ложные слухи, но все же...

Он прервал свою речь на середине и снова принялся мерить шагами комнату. Вскоре мы услышали, как Робин вскочил на коня, и вот он уже поскакал прочь. Время шло, часы на башне пробили двенадцать, потом час. Слуги принесли холодное мясо и эль, и мы сами кое-как перекусили, аппетита ни у кого не было, мы напряженно вслушивались в каждый шорох. В половине второго на лестнице раздались медленные тяжелые шаги, и я заметила, как Амброз Манатон бросил непроизвольный взгляд на потолок – над нами находилась комната Гартред – и отошел к окну. Ручка двери повернулась, и перед нами предстала Гартред: на ней было дорожное платье, одну сторону ее лица скрывала вуаль, а на плечи она набросила плащ. Никто не проронил ни слова. Она стояла как призрак.

– Я желаю возвратиться в Орли-Корт, – произнесла она наконец. – Необходимо найти для меня экипаж.

– Ты просишь невозможного, – коротко сказал Ричард. – И тебе это известно лучше, чем кому-либо другому. Через несколько часов по дорогам будет не проехать.

– Я рискну, – сказала она. – Ну и что с того, что я попаду в давку. Я сделала то, о чем ты просил. Моя роль закончена.

Все это время ее глаза были устремлены на Ричарда, и она ни разу не взглянула на Амброза Манатона. Ричард и Гартред... Робин и я... Какая из сестер должна была больше простить и большим поплатиться? Об этом ведает один Бог, у меня ответа не было.

– Прошу простить меня, – коротко сказал Ричард, – я не могу тебе

помочь. Ты должна оставаться здесь, пока все не устроится. У нас есть сейчас дела поважнее, чем отправка больной вдовы.

Банни первым услышал цокот копыт – кто-то скакал через парк. Он подошел к небольшому окошку, выходившему во внутренний двор, и широко распахнул его, и, пока мы напряженно ждали, стук копыт становился все ближе, и внезапно из-под арки ворот выехал всадник – это был Питер Кортни, покрытый пылью, с растрепанными волосами, шляпу он потерял, и его темные кудри рассыпались у него по плечам. Он бросил поводья перепуганному груму и прошел прямо в галерею.

– Ради бога, спасайтесь! Нас предали! – закричал он.

Думается, я не выказала такого страха и ужаса, которые отразились на лицах остальных, поскольку, хотя внутри у меня все и похолодело, я с ужасающей ясностью сознавала, что ждала этого весь день. Питер, учащенно дыша, переводил взгляд с одного на другого.

– Их всех схватили, – сказал он. – Джонатана Трелони, его сына, Чарлза Треванниона, Артура Бассета и всех остальных. Сегодня утром в десять в Каэрхейз прискакал шериф, сэр Томас Херл, а с ним целая рота солдат. Мы вступили с ними в бой, но их было больше трех десятков. Я выпрыгнул из окна второго этажа и, благодарение Всевышнему, отделался лишь вывихнутой ногой. Я вскочил на первую подвернувшуюся мне лошадь и безжалостно прищипорил ее. Если бы я не знал окольные дорожки как свои пять пальцев, мне было бы не добраться до вас. Всюду солдаты. Мост в Сент-Блейзи перекрыт и охраняется. Сторожевой пост есть и на Полмиарском холме.

Он огляделся, как будто искал кого-то.

– Робин уехал? – спросил он. – Так я и думал. Значит, это его я видел, когда огибал песчаную косу. Он ввязался в бой с пятью или больше противниками. Я не решился прийти ему на помощь. Моим первым долгом было предупредить вас. Что теперь? Мы можем спастись?

Мы все повернулись и посмотрели на нашего командира. Он стоял перед нами спокойный и хладнокровный, ничем не показывая, что все его замыслы рухнули.

– Вы видели их отличительные знаки? – быстро спросил он. – Что это были за отряды? Под чьим командованием?

– Часть – из Бодмина, сэр, – сказал Питер. – Остальные – передовые отряды сэра Хардреса Уоллера. Они двигались по дороге на Остелл – шеренга за шеренгой. Шанса пробиться, сэр, никакого. Противник слишком многочислен.

Ричард кивнул и быстро повернулся к Банни.

– Отправляйся в Придмут, – приказал он, – и немедленно отплывай. Держи курс на юг, пока не повстречаешь передний корабль французского флота. Завтра вечером к этому часу они будут крейсировать к востоку от островов Силли. Попросись на корабль лорда Гаптона. Передай ему вот это письмо.

Он быстро нацарапал что-то на клочке бумаги.

– Вы приказываете им плыть сюда? – спросил Амброз Манатон. – Они успеют к нам вовремя?

У него побелели губы, он судорожно сжимал руки.

– Нет, – сказал Ричард, складывая свой листок. – Я приказываю им сменить курс и плыть обратно во Францию. Восстания не будет. В этом месяце принц Уэльский не высадится в Корнуолле.

Он протянул бумагу своему племяннику.

– Удачи тебе, Банни, – сказал он с улыбкой. – Передай привет своему брату Джеку, и, если нам чуть-чуть повезет, позднее летом вы увидите, как острова Силли сами падут к нам в руки. Но принцу на время придется распрощаться с Корнуоллом.

– А вы, дядя? – сказал Банни. – Вы разве не поедете со мной? Безумие оставаться здесь, когда дом наверняка будет окружен.

– Когда придет время, я присоединюсь к тебе, – сказал Ричард. – На сей раз я прошу, чтобы моему приказу повиновались.

Банни какое-то время смотрел на него, затем развернулся и вышел, высоко подняв голову и не попрощавшись ни с кем из нас.

– Но что же нам делать? Куда податься? – сказал Амброз Манатон. – О боже, какой же я был дурак, когда дал втянуть себя в это дело. Все ли дороги охраняются? – спросил он, повернувшись к Питеру, который пожал плечами, продолжая смотреть на своего командира.

– Чьих это рук дело? Кто предатель? Вот что хотелось бы мне знать, – сказал вконец потерявший самообладание Амброз Манатон с ноткой подозрения в голосе. – Никто, кроме нас, не знал об изменении места и времени встречи. Как шериф сумел вычислить момент с такой дьявольской точностью, что ему удалось схватить всех самых ценных наших людей?

– Так ли важно, кто предатель, раз уж дело сделано? – сказал Ричард.

– Так ли важно? – переспросил Амброз Манатон. – Великий Боже, как вы спокойно к этому относитесь. Треваннион, оба Трелони, Арунделлы, Бассеты – все они в руках шерифа, и вы еще спрашиваете, так ли уж важно, кто их предал? Все мы здесь обречены, в ближайший час нас наверняка арестуют, а вы стоите здесь, как лис, и улыбаетесь мне.

– Лисом меня зовут мои враги, а не друзья, – мягко сказал Ричард.

Он повернулся к Питеру.

– Скажите, чтобы оседлали лошадь для мистера Манатона, – сказал он, – и для вас тоже. Я не гарантирую вам обоим безопасный проезд, но по крайней мере у вас есть шанс – так зайцы бегут от своры охотничьих псов.

– Вы не поедете с нами, сэр?

– Нет. Не поеду.

Питер колебался, он бросил взгляд сначала на него, потом на меня.

– Если они отыщут вас, вам придется несладко.

– Я это знаю.

– Шериф, сэр Томас Херл, подозревает, что вы здесь, в Корнуолле. Его первым вопросом, когда он прибыл в Каэрхейз и позвал Треванниона, было: «Вы прячете здесь сэра Ричарда Гренвила? Если это так, выдайте его, и вы будете свободны...»

– Какая жалость, что меня там не было.

– Он сказал, что какой-то человек рано утром, до того как рассвело, оставил записку у него дома в Придо, в которой предупреждал, что вся компания, включая и вас, соберется позже в Каэрхейзе. Какой-то подлец видел вас, сэр, и с дьявольской интуицией угадал ваши планы.

– Действительно, какой-то негодяй, – сказал Ричард, продолжая улыбаться, – счел забавным сыграть в поцелуй Иуды. Забудем о нем.

Разве не его же собственный племянник – Джек – когда-то давно в Эксетере сказал мне: «Остерегайтесь моего дяди, когда видите его улыбающимся»?

Затем Амброз Манатон выступил вперед и указал пальцем на Ричарда.

– Это вы, – сказал он, – вы – предатель, вы были им с первого момента и до последнего, вы предали нас с самого начала – вы знали, что все так кончится. Французский флот и не должен был прийти нам на помощь. И не должно было быть никакого восстания. Это ваша месть за тот арест, четыре года назад в Лондоне. О господи, какое коварство...

Он, дрожа, стоял перед ним, и в его голосе слышалась высокая истеричная нота. Я увидела, как Питер в изумлении отступил на шаг, краска схлынула с его лица, в глазах отразился ужас.

Ричард, не шелохнувшись, смотрел на них, потом медленно указал на дверь. Во двор привели лошадей, и до нас доносилось звяканье конской сбруи.

«Переведи часы назад, – прошептала я в ярости, – на четыре года. Гартред тогда шпионила для лорда Робартса. Пусть на нее падет осуждение. Спиши преступление на нее. Она одна выйдет из этой истории невредимой, невзирая на всю свою подпорченную красоту».

Я посмотрела в ее сторону и, к собственному удивлению, увидела, что она тоже смотрит на меня. Ее повязка соскользнула, и под ней открылась свежая рана на щеке. Вид этой раны и воспоминание о прошедшей ночи наполняли меня... нет, не гневом и не жалостью, а отчаянием. Она продолжала смотреть на меня, и я увидела, что она улыбается.

– Не выйдет, – сказала она. – Я знаю, о чем ты думаешь. Бедная Онор, я снова одурачила тебя. У Гартред есть превосходное алиби.

Всадники выезжали со двора. Я увидела, как первым проскакал Амброз Манатон в надвинутой на лоб шляпе и с развевающимся за спиной плащом, за ним проследовал Питер, бросив быстрый взгляд на окна.

Часы на башне пробили два. Ослепительно-белый на фоне неба голубь пролетел над двором. Гартред откинулась на кушетку – улыбка на ее губах странно контрастировала с раной на щеке. Ричард стоял возле окна, заложив руки за спину, а Дик, не шелохнувшийся за последние полчаса, ждал в своем углу, как будто он потерял дар речи.

– Может, трое Гренвиллов желают держать совет одни, без посторонних? – произнесла я медленно.

Глава 34

Ричард продолжал стоять возле окна. Теперь, когда всадники ускакали и цокот копыт замер вдали, в доме было необычно тихо и спокойно. Над садами сияло солнце, на лужайке в траве копошились голуби. Стояла самая жара, это был тот час теплого летнего дня, когда шмели с жужжанием устремляются к липам и умолкают птенцы. Ричард заговорил, по-прежнему стоя к нам спиной, и голос его звучал мягко и тихо.

– Моего деда, – сказал он, – тоже звали Ричардом. Он происходил из длинной вереницы Гренвиллов, которые стремились служить своей стране и своему королю. У него было полно как врагов, так и друзей. То, что он погиб в сражении за девять лет до моего рождения, я всегда считал большой потерей для себя и своей личной бедой. Но я помню, как, будучи мальчишкой, просил рассказать мне о нем и разглядывал большой портрет, что висел в длинной галерее в Стоу. Говорили, что он был суров и строг и редко смеялся, а с портрета на меня смотрели ястребиные глаза – бесстрашные и дальнзоркие. В те дни гремело много славных имен – Дрейк, Рэли^[22], Сидни^[23], и сюда же относили и имя Гренвила. Он пал, будучи смертельно ранен, как, быть может, вы помните, на палубе своего корабля, носившего название «Ривендж»^[24]. Он сражался один против окружившей его испанской флотилии, и когда от него потребовали, чтобы он сдался, он продолжал сражаться, хотя его корабль лишился мачт, парусов и палуба проваливалась у него под ногами. Гренвил тех лет обладал мужеством и считал, что пусть лучше его корабль разнесут на куски, чем он продаст свою жизнь за серебро испанским пиратским ордам.

Ричард на какое-то время умолк, наблюдая за голубями на лужайке. Затем он продолжил свой рассказ, по-прежнему держа руки за спиной.

– Мой дядя Джон прокладывал путь в Индию вместе с сэром Фрэнсисом Дрейком. Он тоже был отважным человеком. Те молодые люди, что в поисках лежавших за морями неизведанных земель бросали вызов зимним штормам Атлантики, не знали слабостей. Их хрупкие суденышки на протяжении недель швыряло по воле ветра и волн. Но какая-то особая соль, растворенная в крови этих людей, делала их неукротимыми. Там, в Индии, дядя Джон был убит, и мой отец, который очень его любил, велел возвести в его честь часовню в Стоу.

Никто из нас не проронил ни звука, Гартред лежала на кушетке, подложив руки под голову, а Дик стоял недвижим в своем темном углу.

– В те времена родилась поговорка, – продолжал Ричард, – что ни один из Гренвиллов ни разу не нарушал присяги своему королю. И мои братья, и я сам – мы все на ней воспитывались, да и Гартред тоже, я думаю, не забыла тех вечеров в отцовской комнате в Стоу, когда он, хотя сам и не воевал, поскольку жил в мирное время, зачитывал нам отрывки из старинной книги с большой застежкой, в которой рассказывалось о прошлых войнах и о том, как храбро сражались наши предки.

Над садом кружила чайка, на фоне синего неба ее крылья казались белыми, и мне внезапно вспомнились моевки в Стоу, как они качались на бурных волнах Атлантики за домом Ричарда.

– Мой брат Бевил, – сказал Ричард, – был человеком, любившим свою семью и дом. Он не был рожден для войны. За свою короткую жизнь он ничего не желал так сильно, как растить детей вместе с любящей женой и мирно жить в окружении своих соседей. Когда пришла война, он знал, что она принесет с собой, и не повернулся к ней спиной. Ненавидевший раздоры и питавший отвращение к войне, он понял в тысяча шестьсот сорок втором году, в чем заключается его долг, ведь он носил имя Гренвила. Тогда-то он и написал письмо нашему другу и соседу Джону Трелони, который, как вам известно, был сегодня арестован. И поскольку я считаю, что лучше этого письма он никогда ничего не писал, то я попросил Трелони снять с него копию. Она и сейчас при мне. Прочсть вам?

Мы не ответили. Он неспешно вытащил из кармана бумагу и, развернув ее к свету, громко прочел:

Я не могу отсиживаться дома, когда флаг Англии реет над полем брани за столь справедливое дело. Настолько справедливое, что все, кому случится погибнуть, будут почитаться почти как святые мученики. Что касается лично меня, то я желаю завоевать себе честное имя либо быть с почестью погребенным. Я никогда не дорожил жизнью и покоем столь сильно, чтобы мог уклониться от такого случая, и, сделай я это, я был бы недостойн выбранного мною ремесла и тех моих предков – а таких было много, – кто в разные века пожертвовал собственной жизнью ради своей страны.

Ричард сложил письмо и сунул его обратно в карман.

– Мой брат Бевил погиб в Лонстоне, когда вел в бой своих людей, и Джек, его пятнадцатилетний сын, тут же вскочил на отцовского коня и бросился на врага. Другой его сын, я говорю о Банни, который только что уехал от нас, прошлой осенью бежал от своего опекуна и, прибыв в мое распоряжение, взялся за шпагу, чтобы защищать дело, которое нам дорого. О себе я не стану говорить. Я – солдат. Моим ошибкам нет числа, и у меня

весьма мало добродетелей. Но никакая ссора, никакой спор, никакое мелочное проявление мести ни разу не заставили и не заставят меня уклониться от присяги моей стране и моему королю. За длинную и часто кровавую историю Гренвиллов ни один из них вплоть до сегодняшнего дня не показал себя предателем.

Его ужасающе спокойный голос снова смолк. Голуби улетели с лужаек. В зарослях чертополоха жужжали пчелы.

– Мы можем надеяться, что наступит день, когда его величество вновь займет свое место на троне, а если не он, так принц Уэльский. И в сей счастливый день, пусть даже никто из нас и не доживет до него, имя Гренвила будет окружено почетом – не только здесь, в Корнуолле, но и во всей Англии. Я, несмотря на свои промахи, достаточно хорошо разбираюсь в людских характерах, чтобы понять, что мой племянник Джек покажет себя великим человеком и в мирное время, как он зарекомендовал себя блестящим юношей в военную пору, и от него никогда не отстанет и Банни. И в будущем они смогут сказать своим сыновьям: «Мы, Гренвилы, сражались за то, чтобы вернулся на трон наш король». И в той большой книге в Стоу, которую читал нам отец, их имена займут свое место рядом с именем моего деда Ричарда, сражавшегося на «Ривендже».

Он помолчал, потом заговорил еще тише:

– Мне безразлично, если мое имя окажется записано в этой книге более мелкими буквами. «Он был солдатом, – будет гласить запись, – королевским генералом на западе». Пусть это станет моей эпитафией. Но другого Ричарда в той книге уже не будет, ибо генерал умер, не оставив после себя сына.

За этими последними словами последовало долгое молчание. Он продолжал стоять у окна, а я все так же сидела в кресле, сложив руки на коленях. Я подумала: вот сейчас это и случится – взрыв, вспышка гнева, полные испуга слова либо неудержимый поток слез. Восемнадцать лет подавлялась в душе мальчика буря, и волну чувств было уже не сдержать. «Это было нашей ошибкой, – прошептала я самой себе, – а не его». Будь Ричард повеликодушнее, будь я не такой гордой, будь наши сердца наполнены любовью, а не ненавистью, будь мы наделены большим пониманием... Слишком поздно – на целых двадцать лет. И вот теперь юный страдалец – как козел отпущения – расплачивался за наши грехи...

Но крик, который я ждала услышать, так и не раздался. Не пролилось ни слезинки. Вместо этого Дик вышел из своего угла и встал посреди комнаты. Страх исчез из его черных глаз, и руки у него не дрожали. Он как бы стал старше – старше и мудрее. Будто за то время, пока отец говорил, он

прожил несколько лет.

Однако, когда он заговорил, его голос зазвучал по-мальчишески юно и просто.

– Что я должен делать? – спросил он. – Мне самому себя убить или вы это сделаете за меня?

Первой отреагировала Гартред – мой давний недруг и противник. Она поднялась со своей кушетки, опустила вуаль на лицо и подошла ко мне. Взявшись за спинку кресла, она, по-прежнему не говоря ни слова, выкатила меня из комнаты. Мы очутились в саду на солнце, дом остался у нас за спиной. Мы не проронили ни слова, поскольку нам нечего было друг другу сказать. Ни она, ни я, никто из мужчин и женщин, живой или мертвый, никогда не узнает, что ответил тогда в длинной галерее в Менебилли Ричард Гренвил своему единственному сыну.

В тот вечер вспыхнуло восстание на западе. Не было способа предупредить роялистов Хелстона и Пензанса о том, что руководители восточной группы арестованы и что предстоящий мятеж обречен на провал. Они выступили в назначенный час, как и было запланировано, и оказались лицом к лицу не с перепуганными отрядами, как они предполагали, а с сильными частями, полностью подготовленными и вооруженными, которые с особой поспешностью были переброшены для этой цели в Корнуолл. Никакой французский флот не появился из-за островов Силли и не стал курсировать у мысов Лендс-Энд и Лизард. Не произошло никакой высадки двадцатитысячного корпуса на песчаный берег вблизи Додмэна и Наэра. А руководители, которые должны были приехать на запад, оказались закованы в кандалы в Плимутской крепости: ни Трелони, ни Арунделл, ни Треванион, ни Бассет не появились. То, что должно было стать факелом и озарить своим пламенем всю Англию, оказалось лишь дрожащим огоньком, впустую сверкнувшим на одно мгновение в сыром корнуолльском воздухе. Несколько разграбленных лавок в Пензансе... кучка разоренных домов в Маллионе... дикая бурная атака на Гунхилли-Даун, когда никто не знал ни куда он скачет, ни ради чего он сражается... И затем последнее, безнадежное, отчаянное сопротивление в Могэн-Крике, когда роялисты были уничтожены парламентскими отрядами – их сбросили на скалы и камни в глубокую Хелфорд-ривер.

Мятеж 1648 года. Прошу Тебя, Господи, пусть это будет в последний раз, когда люди сражаются на корнуолльской земле... Он длился всего неделю, но тем, кто страдал и умирал, казалось, что он продолжается

вечность. Бои шли западнее Труро, так что в Менебилли не пахло порохом. Но мятежники стерегли каждую дорогу и каждую тропинку, и даже слуги не отваживались покидать стены дома. В тот первый вечер в Менебилли прибыла рота солдат под командой полковника Роберта Беннета, нашего бывшего соседа, жившего неподалеку от Лу. Они тщательно обыскали весь дом. Однако полковник не нашел там никого, кроме меня и Гартред. Едва ли он знал, что, появившись он на десять минут раньше, ему бы досталась самая ценная добыча.

Я и сейчас еще вижу, как Ричард сидит в окружении пустых стульев в столовой, скрестив на груди руки, оставаясь глухим ко всем моим мольбам.

– Когда они придут, – сказал он, – то возьмут меня, вот как я сижу сейчас. На мне лежит вина. Из-за меня сейчас терпят страдания мои друзья. Что ж, очень хорошо. Пусть враги выместят на мне свою злобу – сдавшись, я, быть может, спасу Корнуолл от разорения.

Гартред, к которой вернулась вся ее прежняя хладнокровная выдержка, презрительно повела плечами.

– Не поздновато ли теперь разыгрывать из себя мученика? – спросила она. – Какой в нынешнем положении толк в том, что ты сдашься? Ты льстишь себе, бедный Ричард, если думаешь, что простой факт задержания какого-то Гренвила избавит остальных от тюрьмы и смерти. Мне отвратительны эти красивые жесты в последнюю минуту, эти возвышенные прощания. Покажи, что ты мужчина, и бегите оба, как это сделал Банни.

Она не смотрела на Дика. Впрочем, я тоже. Но он сидел там, рядом с отцом, молчаливый, как всегда.

– Хорошенький видок будет у нас с Диком на эшафоте, – сказал Ричард. – У меня шея явно потолще, чем у него, и для нее, быть может, потребуется два удара топором, а не один.

– Возможно, тебя лишат удовольствия, и представления с мученической казнью не будет, – сказала, зевая, Гартред. – Вместо этого – веревочная петля в какой-нибудь сырой темнице. Не слишком обычный конец для представителя рода Гренвиллов!

– Было бы лучше, если бы оба эти Гренвила умерли во мраке, – спокойно сказал Ричард.

Наступила пауза, и затем – впервые с того незабываемого момента в галерее – раздался голос Дика.

– Но как же мы поступаем с Рашли? – спросил он отрывисто. – Ведь если враги застанут нас с отцом здесь, невозможно будет доказать им, что Рашли не замешаны в этом деле.

Я – как утопающий за соломинку – изо всех сил ухватила за эти его

слова.

– Ты не подумал об этом? – сказала я Ричарду. – Ты ни на миг не задумался о том, а что же будет с ними. Кто же когда-нибудь поверит, что Джонатан Рашли, а с ним и Джон не были вовлечены в наш план? То, что их не было в Менебилли, ничего не доказывает. Их притянут к этому делу, и мою сестру Мэри тоже. Бедная Элис в Третарфе, Джоан в Матеркомбе и легион маленьких детей. Всех их, начиная с Джонатана в Лондоне и кончая младенцем, что сидит на коленях у Джоан, ждет тюремное заключение, а быть может, и смерть вдобавок, если только вас здесь схватят.

И в этот самый момент в комнату вошел очень взволнованный слуга. Он нервно сжимал пальцы.

– Я подумал, что будет лучше сказать вам, – произнес он. – Через парк прибежал парнишка и сообщил, что на вершине Полмиарского холма видели солдат. Часть из них спустилась в сторону Полкерриса. Остальные направляются к Трегаминиону и воротам в парк.

– Благодарю вас, – сказал, поклонившись, Ричард. – Я очень полагаюсь на ваше молчание.

Слуга вышел из комнаты, надеясь – осмелюсь предположить – притвориться больным, когда придут солдаты.

Ричард медленно встал и посмотрел на меня.

– Так, значит, ты тревожишься за своих Рашли? – спросил он. – И это из-за них у тебя нет желания бросить меня на растерзание волкам? Что ж, прекрасно. На сей раз я покажу себя сговорчивым. Где тот пресловутый тайник, который так пригодился нам всем четыре года назад?

Я заметила, что Дик вздрогнул и перевел взгляд с меня на отца.

– Дик знает, – ответила я. – Снизойдешь ли ты до того, чтобы взять его себе в спутники?

– У загнанной крысы нет выбора, – сказал Ричард. – Ей приходится довольствоваться тем, что есть под рукой.

Меня нисколько не волновало, что тайник мог быть заполнен паутиной и плесенью. Во всяком случае, он послужит им тайным убежищем, пока здесь будут находиться солдаты. И никто, даже Гартред, не знает секрета.

– Ты помнишь, куда ведет ход? – спросила я у Дика. – Хочу предупредить тебя, что в течение четырех лет им никто не пользовался.

Дик – мертвенно-бледный – кивнул, и я подумала, какой же безумный страх охватил его снова, ведь час назад он сам покорно отдавал себя на заклятие.

– Тогда иди, – сказала я, – и бери с собой отца. Пока еще есть время.

Он приблизился ко мне, недавнее мужество покинуло его: на меня

смотрел тот маленький мальчик, что любил меня когда-то, и я рвалась к нему всем сердцем.

– Веревка, – сказал он, – веревка, которая поворачивает каменную плиту. Что, если она пришла в негодность оттого, что ею не пользовались, а шарнир заржавел?

– Не важно, – сказала я. – Они вам теперь не понадобятся. Я не буду ждать вас в комнате наверху.

На мгновение, растерявшись, он уставился на меня с туповатым, непонимающим видом, и я в самом деле поверила, что на секунду он вновь почувствовал себя ребенком. Чары разрушил Ричард, когда своим резким, зычным голосом сказал:

– Что ж, если уж решаться на это дело, то сейчас самое время. Другого способа спастись нет.

Дик продолжал смотреть на меня, и теперь его глаза приняли странное новое выражение, которого я не замечала у него раньше. Почему он так на меня смотрит? Или он смотрит не на меня, а на кого-то другого – как будто некий призрак из мертвого прошлого тронул его за плечо?

– Да, – медленно проговорил он. – Если решаться, то сейчас самое время...

Он повернулся к отцу и первым открыл дверь столовой.

– Не угодно ли вам последовать за мной, сэр? – сказал он Ричарду.

Задержавшись на пороге, Ричард взглянул сперва на Гартред, затем перевел взгляд на меня.

– Когда свора гончих псов бежит по следу, – сказал он, – а норы сторожат, рыжий лис зарывается в землю.

Он улыбнулся, мгновение смотрел мне в глаза, затем отправился вслед за Диком по дороге на насыпи, что вела к летнему домику... Гартред глядела им вслед, пока они не скрылись из виду, затем пожала плечами.

– Я считала, что тайник расположен в доме, – сказала она. – Рядом с твоей прежней комнатой над воротами.

– Правда? – спросила я.

– Четыре года назад я потратила уйму времени на его поиски в коридорах, тогда-то я и бродила на цыпочках возле твоей двери, – сказала она.

На стене возле окна висело зеркало. Она подошла к нему и посмотрела на свое отражение, отведя с лица вуаль. Глубокий пунцовый, с неровными краями рубец спускался от брови к подбородку, и плавные очертания ее лица были загублены навсегда. В мутном стекле небольшого зеркала она видела, что я наблюдаю за ней.

– Я могла остановить тебя и не дать тебе свалиться вместе с лошадьёю в овраг. Ты это знала?

– Да, – сказала я.

– Ты окликнула меня и спросила о дороге, а я не ответила.

– Ты не ответила...

– Прошло много времени, но сейчас мы с тобой, можно сказать, квиты.

Она отошла от зеркала, достала из сумочки небольшую карточную колоду – я это хорошо запомнила – и села за стол рядом с моим креслом на колесах. Она разложила карты картинками вниз.

– Будем раскладывать пасьянс, покуда не заявятся солдаты, – сказала Гартред Гренвил.

Глава 35

Сомневаюсь, чтобы полковнику Беннету, обыщи он даже весь Корнуолл, удалось найти более спокойную пару, чем две женщины, игравшие в карты в столовой Менебилли, когда он туда вошел. У одной, с серебряными волосами, на лице красовался большой рубец, другая была безнадежной калекой. Да, признались мы, с нами тут вплоть до сегодняшнего дня находились гости. Зять мистера Рашли, сэр Питер Кортни, и мой собственный брат Робин Харрис. Нет, нам ничего не известно об их передвижениях. Они приезжали и уезжали когда хотели. Как мы поняли, один раз здесь был мистер Трелони, но мы с ним не виделись. Почему Рашли оставили меня одну в Менебилли? По необходимости, а не умышленно. Быть может, вы, полковник Беннет, позабыли, что мой дом в Ланресте был сожжен четыре года назад – по вашему приказу, как мне кто-то тогда сказал. Станный поступок для соседа. А почему миссис Денис, чье поместье Орли-Корт находится рядом с Бидефордом, гостит в такую пору у меня? Что ж, она была моей невесткой и мы давно уже дружим... Да, это правда, что мое имя в прошлом связывалось с сэром Ричардом Гренвилем. Не в одном только Уайтхолле водятся сплетни, но и в западных землях тоже. Нет, миссис Денис никогда не поддерживала хороших отношений со своим братом. Нет, нам ничего не известно о его передвижениях. Мы считали, что он в Неаполе. Да, обыщите дом, от подвалов до чердаков, обыщите все вокруг. Вот ключи. Делайте что вам угодно. Не в наших силах помешать вам. Менебилли нам не принадлежит. Мы лишь гости в нем в отсутствие мистера Рашли...

– Что ж, похоже, вы говорите правду, госпожа Харрис, – сказал он мне в заключение своего визита (раньше, когда мы были соседями в Лу, он звал меня просто Онор), – но тот факт, что ваш брат и сэр Питер Кортни замешаны в мятеже, который нынче вспыхнул в Хелстоне и Пензансе, делает ваш дом подозрительным. Я оставляю здесь охрану и склонен думать, что, когда сэр Хардрес Уоллер приедет в эти места, он проведет более тщательный обыск дома и пристроек, у меня сейчас нет на это времени. А пока... – Он резко прервал свою речь, его взгляд – как бы движимый любопытством – вновь обратился к Гартред: – Простите мне мою нескромность, сударыня, но это у вас недавняя рана?

– Несчастный случай, – сказала Гартред, вздрогнув. – Одно неловкое движение – и разбилось стекло.

– Ах вот как... А не было ли это сделано умышленно?

– Что вы хотите сказать?

– Извините за мою резкость, но это больше похоже на рану, нанесенную шпагой. Если бы речь шла о мужчине, я бы решил, что произошел поединок и рана получена от противника.

– Я не мужчина, полковник Беннет. Если вы не верите мне, давайте поднимемся наверх, ко мне в комнату, и я предъявлю вам доказательства.

Роберт Беннет был пуританином. Он отступил на шаг, покраснев до ушей.

– Благодарю вас, сударыня, – сказал он весьма сухо. – Мне достаточно того, что говорят мне мои глаза.

– Если бы продвижение по службе зависело от галантности, – сказала Гартред, – вы бы так и ходили до сих пор в сержантах. Думаю, что ни в Корнуолле, ни в Девоне не нашлось бы другого такого офицера, который бы отклонил приглашение прогуляться наверх с Гартред Денис.

Она сделала вид, будто снова хочет сдать карты, но полковник Беннет удержал ее.

– Мне очень жаль, – коротко сказал он. – Но не имеет большого значения, являетесь ли вы сейчас миссис Денис или миссис Харрис. Важно, что ваша девичья фамилия была Гренвил.

– И что с того? – сказала Гартред, мешая карты.

– А то, что я вынужден попросить вас отправиться с эскортом в Труро. Там вы пробудете все то время, пока идет расследование, а когда на дорогах станет поспокойнее, вам будет позволено выехать в Орли-Корт.

Гартред засунула карты к себе в сумочку и медленно встала.

– Как вам угодно, – сказала она, пожав плечами. – Полагаю, у вас имеется какой-нибудь экипаж? У меня нет платья для верховой езды.

– Вы поедете со всеми удобствами, сударыня.

Он повернулся ко мне.

– Вам разрешается оставаться здесь до тех пор, пока я не получу дальнейших указаний от сэра Хардреса Уоллера. Они, быть может, поступят ко мне в течение утра. Но должен попросить вас быть готовой отправиться в путь в любую минуту. Вам ясно? Что ж, прекрасно. Я оставлю часового перед домом, он получит инструкцию стрелять, если что-то покажется ему подозрительным. До свидания. Вы готовы, миссис Денис?

– Да, готова. – Гартред повернулась ко мне и слегка коснулась моего плеча. – Мне жаль прерывать свой визит. Напомни обо мне Рашли, когда увидишься с ним. И передай Джонатану то, что я сказала о садах. Если он

хочет посадить цветущие кустарники, то ему следует сначала избавиться от лисиц...

– Это не так легко, – ответила я. – И тяжело поймать. Особенно когда они зарываются в землю.

– Выкурите их оттуда, – сказала она. – Это единственный способ. Сделайте это ночью – тогда они оставляют после себя меньше запаха. До свидания, Онор.

– До свидания, Гартред.

Она ушла, убрав с лица вуаль, чтобы был виден еще не заживший рубец, и больше, вплоть до сегодняшнего дня, мы с ней не встречались.

Я услышала, как солдаты поскакали со двора и пересекли парк. Перед двумя входными дверьми стояли часовые с мушкетами. И еще один стоял у наружных ворот и у ступеней, что вели к дороге на насыпи. Я сидела и наблюдала за ними, затем позвонила в колокольчик, что висел у камина, вызывая Мэтти.

– Спроси у них, – сказала я, – дал ли им полковник Беннет указание разрешать мне совершать прогулки в кресле вокруг дома.

Она вернулась через какое-то время с ответом, которого я так боялась.

– Часовой извиняется, – сказала она, – но полковник Беннет дал строгое распоряжение, чтобы вы не покидали стен дома.

Я посмотрела на Мэтти, а она на меня.

Мысли путались у меня в голове.

– Который сейчас час? – спросила я.

– Около пяти, – ответила она.

– До наступления темноты остается четыре часа, – сказала я.

– Да, – подтвердила она.

Из окна столовой было видно, как часовой ходит взад-вперед перед воротами южного сада. Время от времени он останавливался, чтобы посмотреть вокруг и поболтать со своим приятелем, дежурившим у ступеней, что вели к дороге на насыпи. Солнце высоко стояло в небе на юго-западе и блестело на их мушкетах.

– Подними меня наверх, – проговорила я медленно.

– К вам в комнату?

– Нет, Мэтти. В мою старую комнату над воротами...

Я не была там ни разу за последние два года, что жила в Менебилли. Западное крыло так и стояло пустынным и заброшенным с тех самых пор, как его разрушили и разграбили мятежники, устроившие здесь погром в 1644 году. Драпировки со стен были сорваны. В комнате – ни кровати, ни стула, ни стола. Одна ставня болталась, пропуская тонкую полоску света. В

комнате стоял тяжелый, затхлый запах, и в дальнем углу валялись побелевшие кости крысы. В западном крыле царила полная тишина. Действительно полная. Ни звука не доносилось из расположенных внизу заброшенных кухонь.

– Подойди к каменной плите, – прошептала я. – Надави на нее руками.

Мэтти так и сделала, опустившись на колени. Она толкнула каменную плиту контрфорса, но та не сдвинулась с места.

– Не получается, – прошептала она. – Она крепко держится. Разве вы забыли, что она открывается с другой стороны?

Забыла ли я? Это единственное, о чем я помнила... «Выкурите их оттуда, – сказала Гартред. – Это единственный способ». Да, но она не знала. Она-то думала, что они прячутся где-то в зарослях, а вовсе не за каменной стеной в три фута толщиной...

– Сходи за дровами и бумагой, – сказала я Мэтти. – Разведи огонь. Нет, не в камине, а здесь, у стены.

Это был шанс – правда, Бог свидетель, очень маленький, – что дым проникнет через трещины в камне и послужит сигналом. Однако их могло и не быть там. Возможно, они сидели, согнувшись, в дальнем конце подземного хода под летним домиком.

Какой медлительной казалась мне добрая Мэтти, преданная Мэтти, когда она укладывала сухую траву и поленья. Как старательно раздувала она огонь, как методично подкладывала поленья одно за другим.

– Поторапливайся, – сказала я ей. – Больше дров, больше пламени.

– Терпение, – прошептала она, – все в свое время.

В свое время. Но не в мое. И не во время Ричарда...

Комната наполнилась дымом. Дым щипал нам глаза, лез в волосы, зависал у окон. Но проник ли он в трещины в камне – нам было трудно судить. Мэтти подошла к окну и сделала щель на два дюйма больше. Я, держа в руках длинную палку, отчаянно тыкала ею в медленно разгоравшееся, шипящее пламя, прижимая поленья к стене контрфорса.

– По парку скачут четыре всадника, – вдруг сказала Мэтти. – Солдаты, как те, что только были здесь.

У меня вспотели ладони. Я отшвырнула бесполезную палку и принялась тереть свои слезившиеся и покрасневшие от дыма глаза. Думаю, что за свои тридцать восемь лет я как никогда была близка к панике.

– О господи, – прошептала я. – Что же нам делать?

Мэтти осторожно закрыла окно. Она затоптала последние тлеющие красные угольки.

– Возвращайтесь к себе в комнату, – сказала она. – Позже, вечером, я

снова попытаюсь тут что-нибудь сделать. Но нельзя, чтобы они сейчас обнаружили нас здесь.

Она подняла меня на своих сильных руках и понесла из темной, покрытой плесенью комнаты по коридору вниз, в мою комнату в восточном крыле. Уложив меня в постель, она принесла воды, чтобы умыть мне лицо и руки. Мы слышали, как солдаты въехали во двор, затем раздался звук шагов вниз. Всегда безучастные к человеку и к тому, что творится вокруг, часы на башне пробили шесть ударов, с механической точностью отсчитывая четкие свинцовые ноты. Мэтти очистила мои волосы от сажки и поменяла мне платье. Не успела она покончить с этим, как раздался стук в дверь. Слуга с перекошенным от страха лицом прошептал, что госпожу Харрис просят спуститься вниз. Они с Мэтти посадили меня в кресло и отнесли вниз. Там нас ждали солдаты, которых видела Мэтти, когда они пересекали парк, но только трое из них стояли здесь, в боковом холле, и смотрели в окно на сады. Они встретили меня любопытными взглядами, когда Мэтти со слугой внесли меня через дверь в столовую. Четвертый стоял возле камина, опираясь на трость. И это был не еще один солдат, как они, а мой зять Джонатан Рашли.

Я была так поражена, что какое-то время не могла выдавить из себя ни слова. Затем я ощутила облегчение, изумление, меня охватила крайняя слабость, и я расплакалась. Он взял меня за руку и просто держал ее, не говоря ни слова. Через одну-две минуты я оправилась и, взглянув на него, увидела, что с ним стало. Ведь всего два года он провел вдали от нас, в Лондоне, но они могли бы сойти за двадцать. Мне кажется, ему в то время было пятьдесят восемь. Ну а выглядел он на все семьдесят. Волосы совсем поседели, когда-то широкие плечи съежились и опустились. Глаза глубоко запали.

– Что случилось? – спросила я. – Почему ты вернулся?

– Долг выплачен, – сказал он, и даже его голос был старческим – неторопливым и слабым. – Долг выплачен, теперь штраф с меня снят. Я свободен и могу снова вернуться в Корнуолл.

– Ты выбрал неудачный момент для возвращения, – ответила я.

– То же самое сказали мне и они, – медленно произнес он.

Он посмотрел на меня, и, думаю, именно тогда я поняла, что он посвящен в этот план. Что все гости, которые как грабители прокрадывались к нему в дом, действовали с его согласия, и что он, будучи пленником в Лондоне, рисковал из-за них своей жизнью.

– Ты добрался по суше? – спросила я его.

– Нет. Морем, – ответил он. – На собственном судне. Может, ты

помнишь «Фрэнсис», который курсирует между Фоем и континентом.

– Да, помню.

– Его-то груз и помог мне разделаться с долгом. Он подобрал меня в Гревсенде неделю назад, когда комитет графства разрешил мне покинуть Лондон и вернуться в Фой. Мы лишь несколько часов назад вошли в порт.

– А Мэри с тобой?

– Нет. Она сошла на берег в Плимуте, чтобы навестить Джоан в Матеркомбе. Стражники сказали мне, что парламент опасается восстания в Корнуолле и что прибыли войска для его подавления. Я поспешил как можно скорее добраться до Фоя, опасаясь за твою безопасность.

– Значит, ты знал, что Джона тут нет? Ты знал, что я... одна?

– Я знал, что ты... одна.

Мы оба замолчали и посмотрели на дверь.

– Они арестовали Робина, – сказала я тихо, – и боюсь, что Питера тоже.

– Да, – согласился он. – Так говорят мои стражники.

– На тебя самого не пало подозрение?

– Пока нет, – ответил он как-то странно.

Я заметила, что он смотрит в окно, которое полностью закрыла спина стоявшего снаружи часового. Затем он медленно достал из кармана сложенную пополам бумагу, и, когда развернул ее, я увидела, что это объявление, типа тех, что вешают на стены и где говорится о разыскиваемых преступниках. Он прочел:

Всякий, кто когда-нибудь давал приют – или попытается сделать это в будущем – злоумышленнику, известному как Ричард Гренвил, будет в случае разоблачения арестован за измену, земли его будут окончательно и навечно конфискованы, а его семья – заключена в тюрьму.

Он сложил бумагу снова.

– Это висит на каждой стене и в каждом городе Корнуолла.

Какое-то время я молчала, а затем произнесла:

– Они уже обыскали дом. Это длилось два часа. Ничего не обнаружили.

– Они вернутся утром, – ответил он.

Он снова подошел к камину и встал там в глубокой задумчивости, опираясь на трость.

– Мой корабль «Фрэнсис» бросил якорь в Фое только на одну ночь. Завтра он с приливом отплывет в Голландию.

– В Голландию?

– Мы везем небольшой груз во Флиссинген. Капитан корабля –

честный, преданный человек, так что я могу полностью на него положиться. Уже сейчас на его попечении находится молодая женщина, которую я счел подходящим представить ему как свою родственницу. Если бы дела пошли по-иному, а не так, как все произошло, она могла бы сойти на берег вместе со мной здесь, в Фое. Но судьба и обстоятельства распорядились иначе. Так что она тоже проследует на моем судне во Флиссинген.

– Не вижу, – сказала я после некоторого колебания, – какое отношение эта молодая женщина имеет ко мне. Пусть плывет себе в Голландию.

– Она была бы куда счастливее, – сказал Джонатан Рашли, – если бы с ней был ее отец.

Я по-прежнему не могла взять в толк, к чему он клонит, пока он не достал из нагрудного кармана записку, которую и протянул мне. Я развернула ее и прочла несколько слов, нацарапанных неловкой юношеской рукой.

Если вы по-прежнему нуждаетесь в дочери на закате ваших дней, – гласило послание, – то она ждет вас на борту судна «Фрэнсис». Про Голландию говорят, что она полезнее для здоровья, чем Англия. Не угодно ли вам опробовать ее климат вместе со мной? Моя мать назвала меня при крещении Элизабет, но сама я предпочитаю подписаться как ваша дочь Бесс.

Какое-то время я молчала и просто держала записку в руках. Я могла бы задать сотню вопросов, будь у меня время и желание. Женских вопросов, подобных тем, на которые могла бы ответить моя сестра Мэри, а может, не только ответить, но и понять. Хорошенькая ли она? Добрая? Правда ли, что у нее его глаза, рот, его рыжеватые волосы? Поймет ли она его уныние и тоску? Будет ли она смеяться с ним, когда он развеселится? Но ни один из них не имел значения и не подходил к этому моменту. К тому же, коль скоро я никогда с ней не увижусь, это меня не касалось.

– Ты дал мне эту записку, – сказала я Джонатану, – в надежде, что я смогу передать ее отцу.

– Да, – ответил он и в очередной раз бросил взгляд на широкую спину часового в окне. – Я уже сказал тебе, что «Фрэнсис» покидает Фой рано утром с приливом, – сказал он. – Шлюпка будет стоять у Придмута, как если бы она вышла из гавани, чтобы поднять плетеные ловушки с омарами, установленные между берегом и скалой Каннис. Для них взять пассажира, когда еще не совсем рассвело, было бы пустячным делом.

– Пустячным, – ответила я, – если пассажир там будет.

– Это уже твоя задача, – сказал он, – сделать так, чтобы он там был.

Насколько я могла понять по его взглядам, которые он бросал на меня, он считал, что Ричард прячется внутри контрфорса.

– Часовые, – сказала я, – дежурят на дороге на насыпи.

– Лишь с этой стороны, – сказал он тихо, – а с другой нет.

– Риск очень велик, – сказала я, – даже ночью, даже ранним утром.

– Знаю, – ответил он, – но мне думается, что человек, о котором мы говорим, пошел бы на такой риск.

Он снова достал из кармана объявление о розыске.

– Если ты вручишь ему записку, – сказал он спокойно, – то можешь передать ему и это.

Я молча взяла объявление и спрятала его у себя в платье.

– Я бы хотел тебя попросить еще об одном, – сказал он мне.

– Что же это?

– Уничтожь все следы того, что здесь было. У тех, кто заявится сюда завтра утром, чутье получше, чем у солдат, что приходили сегодня. Это охотничьи псы, отлично знающие свое дело.

– Изнутри они ничего не смогут обнаружить, – ответила я. – Ты это знаешь. Твой отец выказал немалое умение, когда построил этот контрфорс.

– Но с наружной стороны, – сказал он, – секрет защищен не так хорошо. Я поручаю тебе закончить работу, начатую парламентом в тысяча шестьсот сорок четвертом году. Я не собираюсь больше пользоваться этим летним домиком.

Я догадалась, что он имеет в виду, когда он стоял там и, опираясь на трость, пристально смотрел мне в глаза.

– В сухую погоду дерево горит хорошо, – сказал он мне, – останется лишь груда камней, а крапива и чертополох в середине лета растут быстро. Покуда я буду жив и покуда будет жив Джон, нет необходимости очищать это место от крапивы.

– Почему ты не останешься и сам не выполнишь эту работу? – прошептала я.

Но уже когда я это говорила, дверь в столовой распахнулась и в комнату вошел главный из трех солдат, ждавших в холле.

– Прощу меня извинить, сэр, – сказал он, – но вы уже проговорили пятнадцать минут вместо разрешенных вам десяти. Я не могу нарушать приказ. Не угодно ли вам попрощаться теперь и вернуться со мной в Фой?

Я тупо смотрела на него, все внутри у меня оборвалось.

– Я думала, что мистер Рашли снова свободный человек?

– Поскольку времена сейчас смутные, дорогая моя Онор, – спокойно

сказал Джонатан, – то власти предержащие сочли, что мне будет лучше остаться под надзором, если не сказать под арестом. Так что я должен провести эту ночь в своем доме в Фое. Сожалею, если не высказался более ясно. – Он повернулся к солдату. – Я благодарен вам за то, что вы разрешили мне встретиться с невесткой. У нее слабое здоровье, и все мы беспокоились о ней.

И, не сказав больше ни слова, он вышел из столовой, а я осталась там с запиской в руке, с объявлением, запрятанным у меня в платье. Теперь от моей сообразительности и мудрости зависела не только судьба Ричарда и его сына, но и судьба всего семейства Рашли.

Я ждала Мэтти, но она не шла. Вконец потеряв терпение, я позвонила в колокольчик, висевший возле камина. Перепуганный слуга, прибежавший на этот звонок, сказал мне, что Мэтти нигде не найти, – он искал ее на кухне, стучался к ней в спальню, но она не отозвалась.

– Ничего страшного, – сказала я, с деланным интересом взяла книгу и стала ее листать.

– Не угодно ли вам, сударыня, чтобы я подал обед? – спросил он. – Сейчас почти семь. Обычно вы обедаете гораздо раньше.

– Почему бы и нет. Будь так любезен, принеси мне его, – сказала я, делая вид, что полностью поглощена книгой, хотя все это время считала, сколько часов осталось до наступления темноты, и с тревогой в сердце задавалась вопросом, что же случилось с Мэтти.

Я съела мясо и выпила вино, даже не почувствовав вкуса. И вот, когда я сидела там, в темной, обитой деревом столовой, где на меня, нахмурившись, смотрели со своих портретов старый Джон Рашли и его жена, я видела в окно, как все длиннее становились тени, сгущались сумерки, а по небу бежали большие, тяжелые вечерние облака.

Было около семи, когда я услышала, как дверь со скрипом отворилась. Повернувшись в кресле, я увидела, что на пороге стоит Мэтти, а ее платье выпачкано в зелени папоротника и в земле. Она поднесла палец к губам, и я ничего не сказала. Она пересекла комнату и принялась закрывать ставни. Когда она возилась с последней из них, то тихо сказала мне через плечо:

- Этот часовой на дороге красивый малый.
- Что?
- Он знаком с женой моего двоюродного брата в Лискарде.
- Этого более чем достаточно, чтобы завязать отношения.
- Она закрепила крючок ставни и задернула тяжелую штору.
- В зарослях чертополоха было несколько сыровато.
- Это я вижу, – ответила я.

– Но он нашел уютное местечко за кустарником, где мы смогли потолковать о жене моего двоюродного брата... А пока он подыскивал его, я ждала в летнем домике.

– Что вполне резонно, – сказала я.

Все шторы теперь были задернуты, ставни закрыты, и столовая погрузилась в темноту. Мэтти подошла и встала возле моего кресла.

– Я подняла каменную плиту, – сказала она, – и оставила записку на ступенях. В ней сказано, что если веревка все еще на месте, то пусть они откроют каменную плиту в контрфорсе сегодня в полночь. Мы их там будем ждать.

Я нащупала ее сильную дружескую руку и сжала ее в своей.

– Молю Бога, чтобы они нашли нашу записку, – проговорила она медленно. – С тех пор как этим туннелем пользовались в последний раз, там, должно быть, произошел обвал. Там пахнет как в могиле...

Мы обнялись в темноте, и, прислушавшись, я различила, как сильно бьется ее сердце.

Глава 36

Я пролежала в постели наверху с половины десятого до без четверти двенадцать. Когда Мэтти пришла меня поднимать, в доме стояла мертвая тишина. Слуги отправились спать к себе на чердак, а часовые дежурили на постах вокруг дома. Мне было слышно, как один из них ходит взад-вперед под моим окном. Предательница-луна, которая никогда не бывает союзницей беглецу, медленно всходила над деревьями заросшего чертополохом парка. Мы не стали зажигать свечей. Мэгги подкралась к двери и прислушалась. Затем она взяла меня на руки и понесла по длинному извилистому коридору в пустовавшие помещения над воротами. Какими голыми выглядели комнаты! Казалось, они молчаливо укоряют; сюда, на западную сторону, не попадал лунный свет и не ложился дорожкой на полу.

Внутри комнаты, которая была целью нашего похода, еще слабо мерцали угольки от жалкого костра, который мы разожгли сегодня днем, а под потолком висели облачка дыма. Мы уселись возле стены в дальнем углу и стали ждать. Было что-то жутковатое в окружавшей нас тишине – казалось, уже много лет не нарушал ее ни один звук, ни один голос. Это была неподвижность заброшенной всеми тюрьмы, куда никогда не проникает солнце и где не существует деления на времена года. Прижавшись спиной к холодной стене контрфорса, я думала о том, какой же страх, должно быть, наводила эта темнота на безумца – бедного дядю Джона. Быть может, он лежал на том самом месте, где сейчас сидела я, и с расширенными из-за темноты зрачками шарил руками в пустоте...

Затем моего плеча коснулась Мэтти, и камень сзади меня шевельнулся. Я ощутила спиной столь памятную мне струю холодного воздуха. Моему взору открылись зияющая дыра и узкая лесенка. Мэтти зажгла свечу, посветила на ступеньки, и я увидела его: он стоял там, лицо, руки, плечи у него были выпачканы в земле и в сумрачном свете это делало его похожим на вставшего из могилы мертвеца. Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то жуткое.

– Я боялся, что вы не придете, – сказал он. – Еще несколько часов, и было бы слишком поздно.

– Отчего же?

– Нехватка воздуха, – ответил он. – По этому проходу и собака с трудом бы пролезла. Я не слишком высокого мнения о твоём Рашли как об

архитекторе.

Я наклонилась, пытаюсь разглядеть что-нибудь во мраке. Дик стоял позади него, такой же бледный, как и отец.

– Четыре года назад все было по-другому, – сказал он.

– Давай-ка сюда, – сказал Ричард. – Я сейчас тебе все покажу. Тюремщик должен знать, куда он запирает своих узников.

Он взял меня на руки и, пятась, стал спускаться по лестнице, пока не очутился у самой кельи. В первый и последний раз видела я эту потайную комнату, устроенную под контрфорсом: шесть футов в высоту, четыре в ширину – она казалась не больше кладовки, а липкие стены были ледяными. В углу стоял табурет, а рядом валялась миска с деревянной ложкой. Все это было покрыто плесенью и паутиной, и я подумала о последней трапезе безумца, состоявшейся в этом закутке четверть века назад. Над табуретом висела вконец изношенная веревка, а за ней открывался подземный ход: круглый лаз высотой восемнадцать дюймов, в который нужно было протиснуться человеку и потом долго ползти, если он хотел добраться до другого конца.

– Не понимаю, – сказала я, охваченная дрожью. – Так не должно было быть. Иначе Джонатан никогда бы не смог ходить по нему.

– Фундамент дома обрушился, – сказал мне Ричард, – и частично перекрыл проход. Когда им пользовались регулярно, его, по-видимому, время от времени расчищали при помощи кирки и лопаты. Вот уже много лет, как никто сюда не спускался, и природа вновь вступила в свои права. С сегодняшнего дня я буду называться не лисом, а барсуком.

Дик, бледный, напряженно смотрел на меня. Что он хотел мне сказать? О чем я должна была догадаться?

– Отнеси меня обратно, – сказала я Ричарду. – Мне нужно с тобой поговорить.

Мы вернулись в комнату, и эти закоптившиеся стены и потолок показались мне раем в сравнении с черной дырой, из которой мы вылезли. Неужто четыре года назад я принуждала Дика сидеть там долгими часами? Может, поэтому его глаза укоряют меня? Да простит меня Господь. Я думала только о том, чтобы спасти ему жизнь. И вот мы сидим втроем – Ричард, Дик и я – при свете простой свечи. Мэтти сторожила у дверей.

– Джонатан Рашли вернулся, – сказала я.

Дик вопрошающе взглянул на меня, а Ричард не ответил.

– Долг выплачен, – сказала я. – Комитет разрешил ему вернуться домой. Отныне он сможет жить в Корнуолле как свободный человек, если только не сделает ничего такого, что способно пробудить подозрения у

парламента.

– Прекрасно, – сказал Ричард. – Я желаю ему удачи.

– Джонатан Рашли мирный человек, – продолжала я. – При всей своей любви к королю, он предпочитает свой дом. Два года он терпел страдания и лишения и, я полагаю, заслужил право на отдых. У него осталось лишь одно желание – счастливо жить в лоне своей семьи, в своем доме.

– Это желание всякого человека, – сказал Ричард.

– Его желание не исполнится, если удастся доказать, что он принял участие в восстании, – сказала я.

Ричард пожал плечами.

– Парламенту было бы весьма трудно раздобыть такое доказательство, – сказал он. – Ведь вот уже два года, как Рашли в Лондоне.

Вместо ответа я достала из-за корсажа бумагу, расстелила ее на полу и поставила сверху свечу. Я прочла ее громким голосом, как это сделал мой зять днем:

Всякий, кто когда-нибудь давал приют – или попытается сделать это в будущем – злоумышленнику, известному как Ричард Гренвил, будет в случае разоблачения арестован за измену, земли его будут окончательно и навечно конфискованы, а его семья – заключена в тюрьму.

Я выждала мгновение и сказала:

– Они вернутся утром, чтобы обыскать дом. Джонатан предупредил меня.

Капля сала упала на бумагу, уголки которой приподнялись. Ричард взял этот лист, подержал его над пламенем, и сгоревшая бумага превратилась в горстку золы у него в руке.

– Видишь? – сказал Ричард своему сыну. – Так и жизнь. Дрожащее пламя, искорка, и все кончено. Ничего от нее не остается.

Мне казалось, что Дик смотрел на отца как собака, пытающаяся угадать желания. «Что я должен сделать?» – казалось, говорили его глаза.

– Ну что ж, – со вздохом сказал Ричард, – нам ничего не остается, как подставить свою шею под топор палача. Печальный конец. Стычка на дороге, дюжины две бравых молодцов набрасываются на нас, наручники, затем проход по улицам Лондона под улюлюканье черни. Ты готов, Дик? Ты сам, мастерской рукой, привел нас к этому тупику. Пожинай плоды своих трудов.

Он встал и потянулся.

– Уайтхоллский топор весьма остер, – сказал он. – Я уже видел его в деле. Палачом был небольшой человечек со стальными мускулами. Ему было достаточно одного удара. – На миг он умолк, задумавшись, затем

медленно добавил: – Но это не очень приятное зрелище, эта кровь на соломе.

Я заметила, как ужас отразился на лице Дика, и как разъяренная фурия повернулась к человеку, которого любила.

– Не угодно ли тебе помолчать! Разве недостаточно он натерпелся за восемнадцать лет!

Ричард взглянул на меня, удивленно подняв бровь.

– Что? – сказал он, улыбаясь. – Ты тоже ополчаешься на меня.

Я протянула ему записку, которую мяла в руке. С трудом можно было разобрать, что на ней написано.

– Тебе не придется класть свою лисью голову на плаху, – сказала я. – Прочти это – и ты запоешь по-другому.

Он наклонился к свече, и я увидела, как недоброжелательство в его глазах уступило место удивлению.

– Все ж таки я создал одну Гренвил, – сказал он тихо.

– «Фрэнсис» отплывает из Фоя с утренним приливом, – сказала я. – Он держит путь во Флиссинген и может взять на борт пассажиров. Капитан – надежный человек. Плавание будет недолгим.

– Как пассажиры смогут попасть на борт? – спросил Ричард.

– Когда судно выйдет из порта, к Придмуту подойдет барка за омарами, а не лисицами. Пассажиры будут ее поджидать. Я предлагаю им провести остаток ночи на песчаном берегу под Гриббенским холмом, где собирают раковины моллюсков. По сигналу барка, поднимающая ловушки с омарами, приблизится к берегу.

– По-моему, нет ничего проще, – сказал Ричард.

– Значит, ты одобряешь этот способ бегства? И говоришь «до свидания» всем прекрасным решениям о героической сдаче?

Думаю, он о них уже позабыл. Он уже строил планы, в которых мне не было места.

– Из Голландии во Францию, чтобы увидеться с принцем, – бормотал он. – Новый план кампании, лучше прежнего. Возможно, высадка в Ирландии. Из Ирландии в Шотландию...

Его взгляд вновь упал на записку, которую он держал в руках.

– *«Моя мать назвала меня при крещении Элизабет, но сама я предпочитаю подписаться как ваша дочь Бесс»*, – прочел он.

Он присвистнул, передал записку Дикю. Юноша прочел ее и молча вернул отцу.

– Ну что, – сказал Ричард, – думаешь, я люблю твою сестру?

– Думаю, да, – медленно проговорил Дик.

– Нужно обладать мужеством, разве не так, – продолжал его отец, – чтобы оставить дом, ухитриться сесть на корабль и быть готовой одной отплыть в Голландию, не имея ни друзей, ни денег?

– Да, – сказала я, – нужно обладать мужеством и еще кое-чем.

– Чем же?

– Верой в человека, которого она с гордостью называет своим отцом. Верить, что он никогда не отвернется от нее, если она окажется недостойной его.

Ричард с сыном переглянулись, как будто у них была какая-то общая тайна и разделить ее со мной, женщиной, они не могли. Затем Ричард сунул записку в карман и в нерешительности повернулся к входному отверстию лаза.

– Ну что, отправимся туда тем же путем, как и пришли?

– Дом охраняется, – сказала я. – Это ваш единственный шанс.

– А когда завтра здесь появятся сторожевые псы и возьмут наш след? Как ты их запутаешь? – спросил он.

– Как посоветовал мне Джонатан Рашли, – ответила я. – Сухое дерево летом горит хорошо и быстро. Думаю, что семейство Рашли не будет больше пользоваться летним домиком.

– А вход отсюда?

– Камень не сдвинуть с места. По крайней мере с этой стороны. Видите веревку?

Мы втроем вглядывались во мрак, и Дик, ухватившись за веревку, со всей силой дернул ее. С третьего раза она оборвалась, и больше ею уже нельзя было пользоваться.

– Ну вот, – сказал он со странной улыбкой. – Теперь, когда плита станет на место, никто уже не сможет больше открыть проход.

– Настанет день, – сказал Ричард, – когда кто-нибудь из будущих Рашли прикажет снести этот контрфорс. Что мы ему завещаем? – Он посмотрел в угол комнаты. – Скелет крысы.

Улыбаясь, он взял его и швырнул на лестницу.

– Иди первым, Дик, я за тобой.

Дик протянул мне руку, и я на мгновение задержала ее в своей руке.

– Выше нос, – сказала я. – Плавание будет недолгим. Как только вы окажетесь в Голландии, вы сразу станете добрыми друзьями.

Не ответив, он взглянул на меня своими большими черными глазами и стал спускаться по лестнице.

Мы с Ричардом остались одни. Нам уже не раз случалось расставаться. И всякий раз я думала, что это навсегда.

– Надолго? – спросила я.

– На два года. А может, навечно.

Он взял в руки мое лицо и запечатлел у меня на губах долгий поцелуй.

– Когда я вернусь, – сказал он, – мы построим дом в Стоу. Ты наконец-то сдашься и станешь Гренвил.

Я улыбнулась и покачала головой.

На первой ступени он остановился.

– Да, вот еще что, – сказал он. – Как только я окажусь в Голландии, я возьмусь за перо и напишу правду о гражданской войне. Я не пощажу своих соратников-генералов и покажу их такими, какие они есть. Может быть, тогда принц Уэльский все поймет и назначит меня наконец верховным командующим.

– Куда вероятнее, – сказала я, – что он лишит тебя звания.

– Я сделаю за тебя разрушительную работу, – сказал он. – Смотри в восточное окно, и ты увидишь, как летний домик посылает свой прощальный привет Корнуоллу и Гренвилам.

– Остерегайся часового, – сказала я. – Он стоит внизу у дороги.

– Ты меня по-прежнему любишь, Онор?

– За свои грехи, Ричард.

– И много их у тебя?

– Тебе они все известны.

И поскольку он все еще выжидал, положив руку на каменную плиту, я обратилась к нему со своим последним вопросом:

– Ты знаешь, почему Дик тебя предал?

– Думаю, да.

– Он это сделал не по злему умыслу и не из чувства мести, а потому, что увидел кровь на лице у Гартред.

Он в задумчивости посмотрел на меня, и я пробормотала:

– Прости его – из любви ко мне, если не к себе...

– Я уже простил его, – медленно проговорил он. – Но Гренвилы странно устроены. Вот увидишь, он сам себе не простит.

Я видела, как они стояли вдвоем – отец и сын – на лестнице. Затем Ричард вернул на место каменную плиту, и на сей раз она закрылась навсегда. Какое-то время я ждала, затем позвала Мэтти.

– Все кончено, – сказала я.

Она пересекла комнату и подняла меня на своих сильных руках.

– Никто больше не спрячется в каменной келье контрфорса.

Я поднесла руку к щеке. Она была мокрая. Я и не заметила, что плачу.

– Отнеси меня ко мне в комнату, – сказала я Мэтти.

Я устроилась у окна и стала смотреть на сады. Луна стояла высоко, но она была не белая, как накануне, а в желтом ореоле. Небо к вечеру затянуло, и большие черные тучи поднимались к зениту. Часовой оставил ступени, что вели к дороге на насыпи, и, прислонившись спиной к двери фермы, наблюдал за окнами дома. Но он не мог увидеть меня в темноте.

Мне пришлось ждать довольно долго – рядом со мной пристроилась на корточках Мэтти, – пока наконец я не увидела, как над зарослями медленно поднимается пламя. Дул западный ветер, относя дым в противоположную сторону, и оттуда, где стоял, прислонившись спиной к сенному сараю, часовой, ничего нельзя было заметить. «Так будет гореть до утра, – подумала я, – а когда наступит день, решат, что это браконьеры разожгли костер, огонь от которого распространился ночью. Достаточно будет, если кто-нибудь из поместья отправится в дом к Джонатану Рашли в Фое и принесет ему свои извинения».

«Две тени скользят сейчас в сторону песчаного берега, где обычно собирают раковины моллюсков, и укрываются у подножия дюны, – подумала я. – Они в безопасности. Я могу лечь спать, заснуть и позабыть о них». Однако я осталась сидеть в кресле у окна, глядя вдаль. Я не замечала ни луны, ни деревьев, ни тонкого столба дыма, поднимавшегося к небу, а увидела лишь глаза Дика и его последний взгляд, когда Ричард поворачивал каменную плиту.

Глава 37

В девять часов утра парк пересекла группа всадников. Во дворе они спешили, и командир эскадрона – полковник из штаба сэра Хардреса Уоллера в Солташе – велел мне одеться, немедленно спускаться вниз и быть готовой сопровождать его в Фой. Я была уже одета и, когда слуги понесли меня вниз, увидела, что солдаты срывают в галерее обивку со стен. Сторожевые псы прибыли...

– Дом уже обыскивали, – сказала я офицеру. – Моему зятю понадобилось целых четыре года, чтобы более или менее привести его в порядок. Неужели опять все сначала?

– Сожалею, – сказал офицер, – но парламент не успокоится, пока такой человек, как Ричард Гренвил, на свободе.

– Вы надеетесь найти его здесь?

– В Корнуолле есть десятка два домов, где он может скрываться, – ответил он. – Менебилли – один из них. А поэтому мы вынуждены, ради самих же обитателей дома, самым тщательным образом обыскать его. Боюсь, что некоторое время Менебилли будет непригоден для нормальной жизни... Потому-то я и прошу вас поехать со мной в Фой...

Я огляделась вокруг. Здесь я провела целых два года. Этот дом уже грабили, и у меня не было ни малейшего желания наблюдать это снова.

– Я готова, – сказала я офицеру.

Когда меня устраивали в паланкине, усадив рядом со мной Мэтти, я слышала хорошо знакомый мне стук топоров, рубящих паркет. Мечами разрезали обшивку стен, а очередной шутник, как и его предшественник в 1644 году, взобрался уже на дозорную башню и дергал за веревку большого колокола. Мы проехали под аркой сторожевых ворот, пересекли наружный двор, а колокол все звонил и звонил.

«Это прощание с Менебилли, – подумала я про себя. – Больше я никогда его не увижу».

– Мы поедем вдоль берега, – сказал офицер, заглянув в окошко моего паланкина. – Большая дорога запружена войсками, движущимися в сторону Хелстона и Пензанса.

– Вы собрали такие силы, чтобы подавить столь незначительные волнения? – спросила я.

– С восстанием будет покончено через день-два, – ответил он. – Но войска останутся. В Корнуолле больше не будет бунтов – ни на востоке, ни

на западе.

И пока он говорил, колокол в Менебилли не утихал, скорбным звоном поддакивая его словам.

Я посмотрела с тропинки, что ниже дороги на насыпи, туда, где вчера еще стояли летний домик и башенка с ее продолговатыми окнами. Сейчас там виднелась лишь груда почерневших и дымящихся камней.

– Кто отдал приказ разжечь огонь? – крикнул офицер.

Я услышала, как он совещается со своими людьми, затем они все поднялись на дорогу на насыпи, чтобы получше разглядеть груду пепла и камня, а мы с Мэтти остались в паланкине. Вскоре офицер вернулся.

– Какое здание там стояло? – спросил он меня. – Такая свалка, что я ничего не узнаю. Но огонь совсем недавний и еще тлеет.

– Летний домик, – сказала я. – Моя сестра, миссис Рашли, его очень любила. Мы часто там сидели, когда она была дома. Это ее весьма огорчит. Думаю, это полковник Беннет приказал разрушить его, когда приезжал сюда вчера.

– Полковник Беннет не уполномочен отдавать такие приказы без разрешения шерифа, сэра Томаса Херла.

Я пожала плечами.

– Он мог получить разрешение. Правда, я в этом не уверена. Однако он член комитета графства и может делать все, что ему заблагорассудится.

– Комитет графства слишком много на себя берет, – сказал офицер. – Когда-нибудь у них возникнут трудности с нами в армии.

Разъяренный, он вскочил на коня и отдал приказ своим людям. Одна война внутри другой. Прекратятся ли когда-нибудь эти распри? Пускай парламент и армия цапаются между собой, если им хочется; в конечном счете наше дело от этого только выиграет... И, повернувшись, чтобы бросить последний взгляд на дымившуюся груду за дорогой на насыпи и на высокие деревья порта, я вспомнила слова, сказанные мне шепотом два года тому назад, в 1646 году: «Когда растает снег, когда начнется оттепель, когда придет весна...»

Мы спускались по крутому склону, по дороге, ведущей в Придмут. Было время отлива, и огромная, с отчетливыми очертаниями, возвышалась над водой скала Каннис, а на самом горизонте виднелось черное пятно парусника. Со стороны мельницы несли поток, бурлил на камнях, устремлялся к песчаному берегу, а с дальнего конца болота вдруг взлетел лебедь и, описав несколько кругов над водой, полетел в сторону озера. Мы поднялись на очередной холм, миновали Комбское поместье, где жили кузены Рашли, и подъехали наконец к дому моего зятя на набережной Фоя.

Я сразу же начала искать глазами судно на рейде, но его там не оказалось. Вода в гавани была спокойной и серой, и только одна рыбацкая шхуна стояла на якоре в Полруане. Люди, собравшиеся на набережной, с любопытством наблюдали, как меня вынимали из паланкина и несли в дом. Мой зять ждал меня в маленькой гостиной. Комната была обита темной тканью, как столовая в Менебилли, огромные окна выходили на набережную. На подоконнике стоял макет корабля – того самого корабля, который сорок лет назад построил его отец и для которого он сам набрал команду, прежде чем выйти на нем в море вместе с Дрейком против Армады. Ему тоже дали название «Фрэнсис».

– Я сожалею, – сказал офицер, – но сутки или чуть больше, пока на западе не улягутся страсти, за домом будет установлен надзор. Я вынужден просить вас, сэр, так же как и присутствующую здесь леди, не покидать стен вашего дома.

– Понимаю, – сказал Джонатан. – Я уже столько времени нахожусь под надзором, что еще несколько дней ничего не изменят.

Офицер откланялся, и я увидела, что часовой занял свое обычное место снаружи у окна, так же как это сделал его приятель накануне в Менебилли.

– У меня есть вести от Робина, – сказал мой зять. – Его держат в заключении в Плимуте, но вряд ли ему смогут что-нибудь вменить в вину. Все забудется, и его отпустят при условии, что он заявит о своей лояльности к парламенту, как это вынужден был сделать я.

– И что тогда? – спросила я.

– Тогда он станет сам себе хозяином и сможет наконец насладиться отдыхом и покоем. В Тайуордрете у меня есть небольшой дом, который вполне подойдет и ему, и тебе, Онор, если ты пожелаешь жить вместе с ним под одной крышей. То есть... если у тебя нет других планов.

– Нет, – сказала я. – Никаких.

Он встал со стула, не спеша подошел к окну, посмотрел на набережную – седой, сгорбленный старик, тяжело опирающийся на свою трость. Мы слышали крики чаек, которые кружили над гаванью.

– «Фрэнсис» поднял паруса в пять часов сегодня утром, – медленно проговорил он.

Я не ответила.

– Рыбак, который отправился проверять ловушки, сначала зашел в Придмут за своим пассажиром. Тот ждал его на берегу, как и предполагалось. Рыбак сказал мне, что выглядел он уставшим, бледным, но в остальном его состояние было нормальным.

– Один пассажир? – спросила я.

– Ну да, только один. – Джонатан удивленно посмотрел на меня. – Что-нибудь случилось? У тебя такой странный вид.

Я по-прежнему слышала крики чаек над гаванью, но теперь к ним добавились еще голоса детей: они смеялись и кричали, играя на ступенях набережной.

– Ничего не случилось, – сказала я. – Что еще ты можешь мне сказать?

Он подошел к своему столу в дальнем углу комнаты, выдвинул один из ящичков и достал кусок веревки с ржавой шарнирной петлей на одном конце.

– Когда пассажира взяли на борт «Фрэнсиса», – сказал мой зять, – он передал рыбаку кусок этой веревки и велел вручить ее по возвращении мистеру Рашли. Парень принес мне ее только что, когда я завтракал. Она была обернута листом бумаги с такими словами, написанными на лицевой стороне:

Скажите Омор, что наихудший из Гренвиллов выбрал свой собственный способ бегства.

– Что это значит? – спросил он, протянув мне клочок бумаги. – Ты что-нибудь понимаешь?

Какое-то время я молчала. Я сидела с листком в руках, а перед моим взором вновь проплывали дымящиеся руины летнего домика, навечно закрывшие доступ к тайному подземному ходу, безмолвная, похожая на темную могилу комнатка в основании контрфорса.

– Да, Джонатан, – сказала я. – Я понимаю.

Секунду-другую он смотрел на меня, затем вернулся к столу и положил веревку в ящик.

– Ну вот, слава богу, все миновало, – сказал он. – И опасность, и напряжение. Больше мы ничего не можем сделать.

– Да, – сказала я. – Больше ничего.

Он взял два бокала из буфета и наполнил их вином из графина. Затем протянул один бокал мне.

– Выпей это, – произнес он мягко, положив свою руку на мою. – Ты немало пережила.

Он взял свой бокал и повернулся к кораблю, который вез его отца на бой с Армадой.

– За другого «Фрэнсиса»^[25], – сказал он. – И за королевского генерала на западе. Пусть найдет он приют и счастье в Голландии.

Я молча выпила и поставила бокал на стол.

– Ты не допила, – заметил он. – Это принесет несчастье тому, за чье

здоровье мы только что провозгласили тост.

Я снова взяла бокал и подняла его к свету: вино было красным и прозрачным.

– Ты когда-нибудь слышал слова, что Бевил Гренвил написал Джонатану Трелони?

– Что это за слова?

Сутки назад мы в очередной раз собрались в галерее в Менебилли. Ричард устроился возле окна, Гартред сидела на диване, а Дик стоял в темном углу, не сводя глаз с отца.

– «Что касается лично меня, – медленно процитировала я, – то я желаю завоевать себе честное имя либо быть с почестью погребенным. Я никогда не дорожил жизнью и покоем столь сильно, чтобы мог уклониться от такого случая, и, сделай я это, я был бы недостоин выбранного мною ремесла и тех моих предков – а таких было много, – кто в разные века пожертвовал собственной жизнью ради своей страны».

Я выпила вино, все до последней капли, и протянула бокал Джонатану.

– Великие слова, – сказал мой зять, – все Гренвилы были великими людьми. В Корнуолле всегда будут гордиться ими, пока будет жить их имя. Но Бевил был самым великим из всех. В конечном счете он показал себя мужественным человеком.

– Кое-кто из них, – сказала я, – также проявил большое мужество.

– Кто же? – спросил он.

– Один мальчик, чье имя никогда не впишут в большую книгу в Стоу, так же как никогда не найдут его могилу на небольшом кладбище в Килкхамптоне.

– Ты плачешь, – медленно проговорил Джонатан. – Эти времена стали для тебя тяжелым и долгим испытанием. Наверху приготовлена постель. Пусть Мэтти отнесет тебя туда. Полноте! Соберись с духом. Худшее позади. Впереди только лучшее. Когда-нибудь король снова вернется на трон, когда-нибудь вернется и твой Ричард.

Я посмотрела на макет парусника на подоконнике и сквозь его мачты увидела синюю воду гавани. Рыбацкие шхуны поднимали паруса, над ними с криками летали чайки, сверкая белыми крыльями на фоне голубого неба.

– Когда-нибудь, – сказала я, – «когда растает снег, когда наступит оттепель, когда придет весна».

Что произошло с героями этой истории

СЭР РИЧАРД ГРЕНВИЛ. Королевский генерал так никогда и не вернулся в Англию. Он купил дом в Голландии, в котором и жил со своей дочерью Элизабет до самой смерти, последовавшей в 1659 году, за год до Реставрации. Он предложил свои услуги находившемуся в изгнании принцу Уэльскому (впоследствии королю Карлу II), но они не были приняты из-за неприязненных отношений между генералом и сэром Эдвардом Хайдом, позднее ставшим графом Кларендоном. Точная дата его смерти неизвестна, но говорят, что он умер в Генте, одинокий и озлобленный, и на его могильном камне высечено только: «Сэр Ричард Гренвил, королевский генерал на западе».

СЭР ДЖОН (ДЖЕК) ГРЕНВИЛ, БЕРНАРД (БАННИ) ГРЕНВИЛ. Оба брата сыграли важную роль в возвращении на трон Карла II в 1660 году. Оба обзавелись семьями, жили счастливо и были в большой милости у короля. Джону был пожалован титул графа Батского.

ГАРТРЕД ДЕНИС. Она так больше никогда и не вышла замуж, а покинула Орли-Корт и переехала жить к одной из своих замужних дочерей, леди Хампсон, в Таплоу, где и скончалась в возрасте восьмидесяти пяти лет.

ДЖОНАТАН РАШЛИ. Был снова заключен парламентом в тюрьму за долги, но дожил до Реставрации. Умер в 1675 году, спустя год после кончины своей жены Мэри.

ДЖОН РАШЛИ. Умер в 1651 году, в возрасте тридцати лет, в Девоне, на обратном пути домой в Менебилли из Лондона, куда он ездил по делам отца. Его вдова Джоан жила в Фое до самой смерти, последовавшей в 1668 году, когда ей было сорок восемь лет. Ее сын Джонатан унаследовал поместье деда в Менебилли.

СЭР ПИТЕР КОРТНИ. Он оставил жену, безнадежно запутался в долгах, женился во второй раз и умер в 1670 году.

ЭЛИС КОРТНИ. Прожила остаток своих дней в Менебилли и скончалась там в 1659 году в возрасте сорока лет. В Тайуордретской церкви есть посвященная ей мемориальная доска.

АМБРОЗ МАНАТОН. О нем мало что известно, за исключением того, что он был избран членом парламента от Камелфорда в 1668 году. Его поместье Трекаррел пришло в упадок.

РОБИН И ОНОР ХАРРИСЫ. Брат с сестрой жили в уединении в

Тайуордрете, в доме, подаренном им Джонатаном Рашли. Онор умерла 17 ноября 1653 года, а Робин – в июне 1655 года. Они так и не дожили до Реставрации. Мемориальная доска в церкви гласит: «В память о Роберте Харрисе, бывшем когда-то генерал-майором армии Его Величества под Плимутом, который похоронен здесь 29 июня 1655 года, и об Онор Харрис, его сестре, которая также похоронена здесь 17 ноября 1653 года.

Верный и сильный, в этом – и твое преступление, и твоя слава,
Ты покоишься здесь в почести – хотя и без лавров».

Постскриптум

В 1824 году мистер Уильям Рашли, владелец поместья Менебилли, расположенного в Тайуордретском приходе в Корнуолле, проводил некоторые работы по переустройству своего дома, следствием которых явилось то, что наружный двор исчез, уступив место кухне и кладовой. Архитектор, руководивший этими работами, обратил внимание на то, что контрфорс у северо-западного угла дома не служит никакой цели, и он приказал каменщикам разрушить его. Приступив к этому и выломав много камней, они обнаружили лестницу, которая вела к крохотной комнатке, или келье, в основании контрфорса. Там они увидели скелет молодого человека, сидевшего на табурете, в ногах у него была миска, на скелете была одежда кавалера времен гражданской войны. Мистер Рашли, которому доложили об этой находке, распорядился, чтобы останки были с большими почестями похоронены на Тайуордретском кладбище. И поскольку он и его семья были крайне потрясены этим открытием, он приказал каменщикам заложить кирпичами эту потайную комнату, чтобы никто не смог туда попасть. Работы по переустройству дома были продолжены, двор перегородили, к контрфорсу пристроили кладовую, и точное местоположение этой кельи навсегда осталось тайной мистера Рашли и его архитектора. Знакомясь с семейным архивом, мистер Рашли узнал, что некоторые члены семьи Гренвил прятались в Менебилли перед восстанием 1648 года, и предположил, что один из них нашел себе убежище в потайной комнате и был там забыт. Это предание сохранилось вплоть до наших дней.

Дафна Дюморье

---

notes

Примечания

1

Прощай (*лат.*).

Хайд Эдвард, граф Кларендон (1609–1674) – английский государственный деятель и историк, канцлер при дворе Карла II.

Бекингем Джордж Вильерс, герцог (1592–1628) – английский государственный деятель, фаворит королей Якова I и Карла I.

23 августа 1628 г. герцог Бекингем был убит в Портсмуте ирландским офицером Фельтоном.

Высшее судебное учреждение в Англии в XV–XVII вв. (получила свое название от украшенного звездами потолка зала заседаний в королевском дворце в Вестминстере). При первых Стюартах контроль Звездной палаты распространялся на религиозную и политическую жизнь страны. Была упразднена в 1641 г.

Гражданская война (1642–1647) «кавалеров» (сторонников короля) против «круглоголовых» (сторонников парламента).

Гоптон Ралф, барон (1596–1652) – английский полководец, сражавшийся на стороне роялистов. Умер в изгнании.

От *англ.* temperance – воздержание, умеренность.

Эссекс Роберт Девере, граф (1591–1646) – английский политический деятель, полководец, с 1642 г. главнокомандующий парламентской армией.

Дрейк Фрэнсис (1540–1596) – английский мореплаватель, вице-адмирал (1588), руководитель пиратских экспедиций в Вест-Индию, в 1577–1580 гг. совершил второе (после экспедиции Магеллана) кругосветное плавание. В 1588 г. фактически командовал английским флотом при разгроме испанской «Непобедимой армады». В 1580 г. Дрейк купил Баклэндский замок, где ныне открыт музей.

Принц Руперт Рейнский (1619–1682) – племянник Карла I, командовал кавалерией.

Горинг Джордж (1608–1657) – лорд, английский полководец, сражавшийся во время гражданской войны на стороне короля Карла I. В ноябре 1645 г. подал в отставку и уехал во Францию.

Партия (*фр.*).

В крепостных сооружениях – закрытый проход, сообщение в виде галереи.

Термин «комиссар» появился в конце XV в. для обозначения чиновников по особым поручениям. В XVI в. Корона назначала комиссаров для слушания и вынесения решений в правовых спорах, затрагивавших личные права. В 1643 г. на комиссаров было возложено и взимание акцизных сборов.

Имеется в виду сэр Ричард Гренвил (1542–1591), английский мореплаватель, участвовавший в экспедициях Дрейка, был помощником командира на корабле «Ривендж», прославившемся в сражении против Армады и воспетом английским поэтом А. Теннисоном.

Армия «Новая модель» была сформирована в феврале 1645 г. Во главе ее стал сэр Томас Фэрфакс.

По многочисленным историческим источникам, сражение у селения Нейзби (графство Нортхемптоншир) состоялось 14 июня 1645 г. В ходе сражения парламентская армия Т. Фэрфакса разгромила войско короля Карла I. Решающую роль в победе сыграла конница О. Кромвеля.

Honor (*англ.*) – честь.

За неимением лучшего (*фр.*).

Военная хитрость (*фр.*).

Рэли, сэр Уолтер (1552–1618) – английский мореплаватель, ученый и государственный деятель, фаворит Елизаветы I.

Сидни, сэр Филипп (1554–1586) – английский дипломат и поэт, один из создателей жанра пасторального романа.

От *англ.* revenge – месть.

Игра слов: Фрэнсис Дрейк, фактически командовавший английским флотом в сражении с испанской Армадой, и «Фрэнсис» – название судна.